

✓ ✓ ✓

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

46 32827

10/24

СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ
КНИГА

ИЮЛЬ—АВГУСТ

ОГИЗ
СУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СКВА

194

Октябрь 1941
N-7-8

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для шествия отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обораны в составе:

- т. СТАЛИН И. В. (председатель)
- т. МОЛОТОВ В. М. (заместитель председателя)
- т. ВОРОШИЛОВ К. Е.
- т. МАЛЕНКОВ Г. М.
- т. БЕРИЯ Л. П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обораны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обораны.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. И. КАЛИНИН

Председатель Совнаркома
Союза ССР и
Секретарь ЦК ВКП(б)
И. В. СТАЛИН

Москва, Кремль,
10 июня 1941 года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР О назначении Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталина Народным Комиссаром Обораны СССР

Назначить Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталина **Иосифа Виссарионовича** Народным Комиссаром Обораны СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. КАЛИНИН.**
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль. 19 июля 1941 года.

Пуля врагу

Джамбул — это имя простое мое,
Народ — настоящее имя мое.
Я родины сын, плоть от плоти ее.

Я клятву родине даю:
По капле кровь отдам свою,
Сто миллионов сыновей
С могучими сердцами львов
Оставят материнский кров
Во имя родины своей,
Но никогда нога врага
Не переступит через ров
Гранитной крепости моей.
Пускай не рыщет враг вокруг,
Пускай не тянет жадных рук —
Я сам в ночи подстерегу
Подосланного им слугу,
Я горло вырву у него,
Но на советском берегу
Ни щепки не отдам врагу.
Не играй, чужеземец, с огнем
Возле стен моего очага,
Не размахивай головней —
Как бы пальцев тебе не обжечь.
Против лютых козней врага
Самый могучий меч —
Знамя единства в моих руках.
Сталин отдал приказ
По всем уголкам страны —
И отвечают мои сыны
На шестидесяти языках.
Коль враг дерзнул послать грозу
На мирный наш июль, —
На пулю злобную одну
Ответим тысячами пуль.
Гляди: коснулся подлый враг
Родного рубежа, —

Обрушим скалы на него,
Чтобы попятился, дрожа.
Потоком хлынет вражья кровь;
Кто крови жаждет — будет сыт,
Своею кровью будет сыт.
Пусть захлебнется он в крови;
Врага, как жабу, раздави
Железом танковых копыт.
И не давая глаз открыть
В кольцо свернувшейся змее,
Врага ты с воздуха бомби
На собственной его земле.
Врагам у нас пощады нет,
И в песне пуля говорит.
Швырни обратно голову —
Пусть вражий дом
до тла сгорит.

Перевел с казахского Лев ШИФФЕРС

Вождю

Из уст в уста твое летает имя,
Мысль о тебе вливает в стих поэт.
Разверсты дни пред взорами твоими.
Ты созревал в народе сотни лет.

Живешь ты с нами думами одними.
Ты и народ — одно. Различья нет.
Не знаю образа в веках любимей...
Бессмертен ты! Неизгладим твой след.

Из уст в уста твое летает имя,
И образ твой — в гранит и сталь одет —
Сияет над мечтами мировыми,
Пронзая дали, словно звездный свет.

Ты созревал в народе сотни лет.
Бессмертен ты. Неизгладим твой след.

*Перевод с немецкого Н. ВЕРЖЕЙСКОЙ
и О. КАРПОВОЙ*

Октябрь 1941 г.
N-7-8

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Оборона в составе:

- т. СТАЛИН И. В. (председатель)
- т. МОЛОТОВ В. М. (заместитель председателя)
- т. ВОРОШИЛОВ К. Е.
- т. МАЛЕНКОВ Г. М.
- т. БЕРИЯ Л. П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Оборона.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборона.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. И. КАЛИНИН

Председатель Совнаркома
Союза ССР и
Секретарь ЦК ВКП(б)
И. В. СТАЛИН

Москва, Кремль,
10 июня 1941 года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
о назначении Председателя Совета Народных Комиссаров СССР
тов. И. В. Сталина Народным Комиссаром Оборона СССР

Назначить Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталина
Иосифа Виссарионовича Народным Комиссаром Оборона СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 19 июля 1941 года.

Пуля врагу

Джамбул — это имя простое мое,
Народ — настоящее имя мое.
Я родины сын, плоть от плоти ее.
. . . . .
Я клятву родине даю:
По капле кровь отдам свою,
Сто миллионов сыновей
С могучими сердцами львов
Оставят материнский кров
Во имя родины своей,
Но никогда нога врага
Не переступит через ров
Гранитной крепости моей.
Пускай не рыщет враг вокруг,
Пускай не тянет жадных рук —
Я сам в ночи подстерегу
Подосланного им слугу,
Я горло вырву у него,
Но на советском берегу
Ни цепки не отдам врагу.
Не итрай, чужеземец, с огнем
Возле стен моего очага,
Не размахивай головней —
Как бы пальцев тебе не обжечь.
Против лютых козней врага
Самый могучий меч —
Знамя единства в моих руках.
Сталин отдал приказ
По всем уголкам страны —
И отвечают мои сыны
На шестидесяти языках.
Коль враг дерзнул послать грозу
На мирный наш июль, —
На пулю злобную одну
Ответим тысячами пуль.
Гляди: коснулся подлый враг
Родного рубежа, —

Обрушим скалы на него,
Чтобы попятился, дрожа.
Потоком хлынет вражья кровь;
Кто крови жаждет — будет сыт,
Своею кровью будет сыт.
Пусть захлебнется он в крови;
Врага, как жабу, раздави
Железом танковых копыт.
И не давая глаз открыть
В кольцо свернувшейся змее,
Врага ты с воздуха бомби
На собственной его земле.
Врагам у нас пощады нет,
И в песне пуля говорит.
Швырни обратно головню —
Пусть вражий дом
до тла сгорит.

Перевел с казахского Лев ШИФФЕРС

Вождю

Из уст в уста твое летает имя,
Мысль о тебе вливает в стих поэт.
Разверсты дни пред взорами твоими.
Ты созрел в народе сотни лет.

Живешь ты с нами думами одними.
Ты и народ — одно. Различья нет.
Не знаю образа в веках любимей...
Бессмертен ты! Неизгладим твой след.

Из уст в уста твое летает имя,
И образ твой — в гранит и сталь одет —
Сияет над мечтами мировыми,
Пронзая дали, словно звездный свет.

Ты созрел в народе сотни лет.
Бессмертен ты. Неизгладим твой след.

*Перевод с немецкого Н. ВЕРЖЕЙСКОЙ
и О. КАРПОВОЙ*

К немецким солдатам

Сдавайтесь!
Прислушайтесь в буре железной,
Бросайте оружие. Оно бесполезно.

Сдавайтесь!
Смотрите, как тяжело и тупо
Ударились оковы за трупами
  трупы.

Сдавайтесь!
Смотрите, куда вела вас
Разбойничья тропа, презренная
  слава.

Сдавайтесь!
А если вы слепы и дикы,
А если безумны, как ваши
  владыки,—

Пеняйте только за себя. Наша сила
Отцов ваших била и дедов
  косила.

Закружившись ураганом, придем
  ураганом,
Здесь только одна дорога
  нам.

Ей смертью поможем. Ей смертью
  послужим.

Бросайте оружие. Сдавайтесь
  с оружием.

Седьмой крест

Роман

ЧАСТЬ I

Может быть, в нашей стране никогда еще не срубали таких странных деревьев, как эти семь платанов, росшие вдоль барака № 3. Их вершины были спилены еще раньше, по причинам, о которых читатель узнает позднее. На высоте плеча к стволам были прибиты поперечные доски, так что платаны издали напоминали семь крестов. Новый комендант лагеря, Зоммерфельд, сейчас же приказал мелко изрубить все эти деревья. Этот Зоммерфельд был совсем не то, что его предшественник Фаренберг, ветеран, усмиритель Зеллингенштадта, где отец его и сейчас держит на рыночной площади контору по найму. Новый комендант лагеря был «африканцем», офицером довоенных колониальных войск, а после войны вместе со своим прежним майором Леттон-Форбеком он пошел походом на Гамбург. Все это мы узнали уже гораздо позднее. Если прежний начальник был болван, подверженный неистовым, всегда непредвиденным припадкам жестокости, то новый оказался человеком рассудительным и в отношении его все можно было предвидеть заранее. Фаренберг был способен внезапно перебить нас всех. Зоммерфельд был способен, построив нас шеренгами, отсчитать и убить каждого четвертого. Этого мы тогда тоже еще не знали. А если бы даже и знали! Разве это могло бы изменить чувство, охватившее нас, когда все шесть деревьев были срублены, а потом и седьмое. Ничтожная победа, конечно, но — если принять во внимание наше бессилие, нашу арестантскую одежду — все-таки победа: она дала нам вдруг, после стольких дней безнадежности, ощущение собственной силы,

которая слишком долго самами нами расценивалась как одна из самых ничтожных сил, измеряемых лом и мерой; теперь мы узнали, что единственная сила, способная вдруг разрастись бесконечно и неизмеримо.

В тот вечер впервые были вытоплены наши бараки. Погода как раз переменилась. Сейчас я уже не вполне уверен, что несколько полешков, которыми мы раздували нашу железную печку, были срублены именно тех самых деревьев. Тогда мы были в этом уверены.

Мы столпились вокруг печурки, чтобы просушить наше тряпье, и не привыкли к виду пылающего огня волновали нас. Караульный штурмовик повернулся к нам спиной: он невольно посмотрел в сторону, забранное решеткой. Нежная сиреневая кудель, легкая как туман, вдруг превратилась в сильный дождь, и резкие порывы ветра то и дело хлестали стену надельных барака. Ведь и штурмовик, и даже садный прожженный, видит и слышит лишь то, что в году, как наступает осень.

Полены трещали. Два голубых язычка пламени показывали, что загорелся уголь. Пять лопат угля были дарованы нам; они могли согреть всего на несколько минут наш холодный барак, даже не просушив наше тряпье, — но мы об этом не думали. Мы думали только о ледяных, сторованных перед нами. Ганс, косившийся на караульного, сказал так не шевеля губами: — Трещит. — Эрих сказал: — Седьмое. — На всех лицах являлась слабая, странная улыбка, соединившая в себе несоединимое: надежду и насмешку, бессилие и отвагу. Мы затаили дыхание. Дождь стучал то по дощатой

е, то по жестяной крыше. Младший из
сех, Эрих, бросил нам короткий взгляд
сподобья — в этом взгляде были сосре-
точены его сокровенные надежды и на-
и сокровеннейшие — и сказал: — Где-то
н теперь?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В начале октября некий Франц Марнет
выехал на велосипеде с хутора своих род-
ственников, принадлежавшего в общине
Шмидтгейм на ближнем Таубусе. Погода
минутами раньше, чем обычно, Фран-
цу было под тридцать, среднего роста,
коренастый, лицо спокойное, на людях
почти сонное. Однако сейчас, когда он ка-
чал по дороге, круто спускавшейся между
одинами к шоссе, — его любимая часть
емых пути, — лицо Франца выражало глубокую
и, что спокойную жизнерадостность.

Быть может, впоследствии покажется
непонятным, как можно было, находясь в
теплого шкуре, чувствовать себя довольным.
перелом он был именно доволен; он даже разо-
убедно вскрикнул, когда его велосипед вы-
ыми прыгнул на двух пригорках.

и суч стадо овец, со вчерашнего дня удобрен-
да мысе неле его соседей Мангольдов, завтра
перейдет на большую, засаженную яблонь-
ки, что луговину его родственников. Поэтому
привычки хотели сбор яблок закончить сегодня.
они двадцать пять суковатых яблок, чем
ернулощные извивы казались врезанными в
ред влюбватый воздух, были усыпаны золо-
тая сям парменом. Яблоки были так хороши и
т прелестны, что сейчас, в первом утреннем
не порыве, вспыхивали, точно бесчисленные
у маленькие золотые солнышки.

Однако Франц не знал о том, что про-
лишь стоит сбор яблок. Достаточно с кре-
янами за гроши ковырять землю, и еще
их изыбду, благодарил после стольких лет
горелсработицы: двор дяди, спокойного, впол-
даров порядочного человека, был все-таки в
несколько раз лучше, чем трудовой лагерь.
се не первого сентября он, наконец-то, стал
показать на фабрику. Он считал это удачей
лько о всех точках зрения, так же как и его
Ганс, родственники. Он прожил у них зиму плат-
зал тл постояльцем.

т. — Когда Франц проезжал мимо соседней
лицах шьбы Мангольдов, то там как раз вози-
ка, сое с лестницами, шестами и корзинами
надежде громадной груши. Софи, старшая
ы зата, плотная, вернее толстенькая, но по-
чатой ская девушка, с очень тонкими заня-
и и лодыжками, первая полезла на

лестницу и при этом что-то крикнула
Францу. Он, правда, не расслышал что,
однако живо обернулся и засмеялся. Его
охватило ощущение, что он здесь свой.
Люди малокровных чувств и поступков
едва ли поймут его. Для них быть своим —
значит принадлежать к какой-то семье
или общине, ухаживать за такой-то де-
вушкой. Для Франца же это значило про-
сто быть связанным с этим клочком зем-
ли, с людьми, живущими на нем, с утрен-
ней сменой, ехавшей в Гэхст, и прежде
всего — принадлежать к числу живых.

Когда он миновал хутор Марнетов, то
за покатыми склонами полей увидел внизу
туман. Немного ниже дороги пастух от-
крывал загон. Стадо хлынуло оттуда и
тотчас потекло по откосу безмолвно и
плотно, похожее на тучку, которая то рас-
падается на маленькие облачка, то снова
сгущается и пухнет. Пастух — он был из
Шмидтгейма — тоже что-то крикнул Фран-
цу Марнету. Франц улыбнулся. Эрнст, па-
стух, с ярко-красным шарфом на шее —
пробойный парень и непохоже, что па-
стух. В холодные осенние ночи сердоболь-
ные крестьянские дочери приходили в его
избушку на колесах. За спиной пастуха
земля опускается свободными широкими
волнами. И если отсюда Рейна еще не
видно, так как до него почти целый час
езды по железной дороге, то все же ясно,
что эти широкие размашистые склоны, по-
крытые пашнями и фруктовыми садами, а
вдали — виноградниками, что фабричный
дым, запах которого доносится даже сюда,
что юго-западный заворот железнодорож-
ных путей и дорог, что поблескивающие,
мерцающие пятна в тумане, что даже па-
тух в ярко-красном шарфе, упершийся
рукою в бок и выставивший ногу, точно
он следит не за овцами, а за армией, —
что все это уже Рейн.

Это страна, где, говорят, снаряды по-
следней войны вырывают из земли сна-
ряды предпоследней. Эти холмы — не горы.
Ребенок может в воскресенье отправиться
пить кофе с песочным кренделем к своим
родственникам в деревню по ту сторону
холмов и к ужину уже быть обратно.
И все-таки эта цепь холмов была долго
краем света, — за ней начинались дичь и
глушь, неведомая страна. Вдоль этих хол-
мов римляне возвели свою пограничную
стену. Столько поколений петело кровлю
с тех пор, как они сожгли здесь, на хол-
мах, алтари кельтов, поклонявшихся солн-
цу, столько было дано сражений, что рим-
ляне могли считать подвластную им часть
земли, наконец, огороженной и расчищен-

ной для пахоты. Но не орла и не крест запечатлел этот город там внизу в своем гербе, а солнечный диск кельтов, то солнце, на котором зреют яблоки Марнетов. Здесь стали лагерем легионы, а с ними и все боги мира, городские и крестьянские: еврейский бог и христианский бог, Астарта и Изида, Митра и Орфей. Здесь обрывались дёбри, вот тут, где сейчас Эрнст из Шмидтгейма возвышается среди своих овец, выставив ногу, упершись рукой в бок, и бахромка шарфа стоит торчком, словно всегда дует ветер. В долине за ним, под мягким загуманенным светом солнца, словно в котле варились народы: север и юг, восток и запад перекипали друг в друга, но ничьею не стала страна, и от всех в ней что-то осталось. Царства, подобные ярким мыльным пузырям, возникали за спиной пастуха Эрнста и почти сейчас же лопались. Они не оставляли после себя ни пограничных стен, ни триумфальных арок, ни военных дорог, только несколько сломанных браслетов со шпиколоток их женщин. Но они были неотвязны и неистребимы, как сны. И так гордо, с таким невозмутимым безстрастием стоит здесь пастух, словно он все это знает; а может быть, он ничего не знает и потому так стоит. Там, где теперь шоссе вливается в автостраду, собиралось войско франков, искавшее перехода через Майн. Здесь поднимался в гору монах, между хуторами Мангольд и Марнетов, в дичь и глушь — никто из здешних там не бывал. Хилый человек верхом на ослике, защищенный панцирем веры, опоясанный мечом спасения; он нес людям евангелие и искусство прививать яблоки.

Эрнст, пастух, обернулся и смотрит вслед велосипедисту. В шарфе ему уже жарко, он срывает его и бросает на жнивье, точно военные знаки отличия. Можно подумать, что этот жест он делает на глазах у тысяч зрителей, но только его собачка Нелли смотрит на него. Он снова становится в ту же неподражаемо насмешливую и надменную позу, но теперь — спиной к дороге, лицом к равнине, туда, где Майн вливается в Рейн. Возле устья лежит Майнц. Этот город поставлял архиепископов Священной римской империи. А во время избрания императоров плоская равнина между Майнцем и Вормсом — весь берег была покрыт палатками. Каждый год в этой стране происходило нечто новое, и каждый год то же самое: посевали виноград и яблоки, выращенные мягкими, загуманенными лучами солнца и челове-

ческими трудами и заботами, ибо вино было нужно всем и на все. Епископам и помещикам — чтобы избирать императоров монахам и рыцарям — чтобы основывать ерденя, крестоносцам — чтобы сжигать ереев, до четырехсот зараз на площади Майнца, которая и посейчас называется Пожарищем; духовным и светским курфюрстам — ведь когда Священная империя распалась, на праздниках знати стало так весело, как еще никогда не бывало; наконец, якобинцам, чтобы плясать вокруг деревьев свободы.

Двадцать лет спустя на Майнцком разводном мосту стоял на часах старик-солдат. Они проходили мимо него, последние остатки великой армии, солдаты, оборванные и мрачные; и ему вспомнилось, как он стоял здесь на часах тогда, когда они входили, неся трехцветные знамена и права человека, и он громко всхлипнул. И этот пост был снят. Стало тише, даже здесь, в этой стране. Сюда дотянулись годы 33 и 48, как две тонкие ниточки горькой запекшейся крови. Затем снова была империя, которую теперь называют второй. Бисмарк приказал расставить пограничные столбы не вокруг страны, поперек, ибо, если здешние жители являлись в прямом смысле бунтовщикам, то все же были слишком замкнуты к себе, что немало пережил и еще переживет.

Действительно ли бой под Верденором слышали школьники, когда они, за Цалькбахом, ложились на землю, или это то же, что непрерывно дрожала земля под поводами и маршами армий? Многие из этих парнишек позднее предстали перед судом — одни за то, что братались с солдатами оккупационной армии, другие за то, что подкладывали им под рельсы Бивфройндов шпур. На здании суда развевали, на флаги, вывешенные комиссией союзников. Не прошло и десяти лет с тех пор, когда флаги эти были спущены и заменены чепухой — красно-золотыми, которыми еще тогда пользовалась империя. И даже дети поднят, как сто сорок четвертый пехотный полк впервые опять проходил, бряцая, — Нурез мост. А какой вечером был фейерверк! Эрнсту отсюда было видно! Тысячи толкучих леньких свастичек, отражавшихся в валах — крендельками. А какими колдовскими камишликами висели над ними язычки огня! Но когда — Я другое утро река за железнодорожным мостом уходила от города, ее тихая поверхность голубизна была незамутненной.

Сколько она унесла военных знамен, флагов и флатов!

Эрнст свистит собачке, которая несет в
бах его шарф.

А теперь на этом месте мы. И то, что
оисходит теперь, происходит с нами.

2

Там, где проселочная дорога выходит
Висбаденское шоссе, стоял киоск с
льтерской водой. Родственники Франца
Марнета каждый вечер бранили себя, что
время не арендовали киоск, ставший,
благодаря усиленному движению, просто
лотым дном.

Франц рано выехал из дому. Он охотнее
его ездил один и не любил выкатать в
стойкой рой велосипедистов. Мзавшихся
каждое утро из деревень Тауруса на Гехе-
не краскотерочные заводы. Поэтому
он был слегка раздосадован, что один его
закомый, Антон Грейнер из Будбаха, до-
дается его возле киоска с сельтерской
дой.

Выражение глубокой и простой жезв-
лостности на его лице сейчас же исче-
ло. Он казался теперь сухим и замкнутым.

Франца Марнета раздражало, что некогда
Антон Грейнер не может проехать мимо

Поска, не задержавшись около него. Так
как у него в Гехете славная, претанная

вточка, и он завозит ей то плитку шо-
ладу, то пакетик леденцов. Грейнер

врал лицом к проселочной дороге. «Что
с ним сегодня», подумал Франц, в

Верденстором постепенно развились особая чуж-
за Цапель к выражениям на чужих лицах. Он

это тошнотил, что Грейнер почему-то нелетер-
под поеве его ждет. Грейнер вскочил на вело-

из этмед и присоединился к Францу. Они
перед сшили вперед, чтобы не попасть в тол-

е соли велосипедистов, становившуюся толгу-
за за т. чем ниже спускалась дорога.

Грейнер сказал: — Послушай-ка, Мар-

азвевали, нынче утром стряслось что-то...

— Где? Что? — сказал Франц. Всякий

пор, ка. когда можно было ожидать, что он

внены чвится, его лицо припимало выражение

еще тошнотного равнодушия.

— Марнет, — сказал Грейнер. — навер-

пехотника нынче утром что-то стряслось...

брючая. — Ну, что?

— Я же не знаю, — сказал Грейнер, —

Гысячи только стряслось наверняка. — Франц

кся в ввал: — Ах, все ты выдумываешь. Ну,

скими ка может, страстишь в эдакую рань?

— Я же не знаю. Но раз я говорю, так

рожным будьте покойны. И наверняка какая-

дая свитрова история. Вроде как 30-го июня.

— Ах, да выдумываешь ты все...

Франц уставился перед собой. Как пло-

знаков был еще ввизу туман! Быстро бежа-

ла им навстречу долина со своими фабри-
ками и заводами. Вокруг них стояли тре-
звон и брань. Один раз их разлучили два
охранника на мотоциклах: Генрих и Фрид-
рих Мессеры из Будбаха, двоюродные
братья Грейнера, тоже ехавшие на работу.

— Разве они тебя не прихватывают с
собой? — спросил Франц, словно его со-
вершенно не интересовали дальнейшие со-
общения Грейнера.

— Им нельзя, у них потом служба. Так
по-твоему я выдумываю...

— Да, откуда ты все это взяла?

— С потолка. Ну вот. Моей матери
пришлось сегодня ехать из-за наследства
во Франкфурт, к юристу. Вот она и зашла
со своим молоком к Кобишам, потому что
ей не поспеть к сдаче молока. А молодой
Кобиш ездил вчера в Майнц, он всегда
сам вино заказывает для трактира. И они
напились, и было уже поздно, так что он
только сегодня рано утром собрался де-
мой, и около Густавсбурга его не пропу-

— Ах, Антон!

— Что — ах?

— Да ведь около Густавсбурга давне
уж не пропускают.

— Франц, так Кобиш ведь не дурак.
Там был строжайший контроль, — говорит
Кобиш, — и часовые на обоих концах мо-
ста, и притом туман. — Чем с ними свя-
зываются, — говорит Кобиш, — да еще де-
лают исследование крови, да найдут алко-
голь, и прощай мое свидетельство водите-
ля, — так я лучше заберусь опять в «Зо-
лотого ягненка» в Визенау и выпью еще
кружку.

Марнет рассмеялся.

— Да, смейся. Ты думаешь, они про-
пустили бы его обратно в Визенау? Мост
был закрыт. Говорю тебе, я носом чую: в
воздухе что-то есть...

Спуск кончился... Справа и слева, до
полей, засаженных репой, тянулась ого-
ленная равнина. Что тут могло быть в
воздухе? Ничего, кроме золотых солнеч-
ных пылинок, которые над домами Гех-
ста серели и превращались в пепел. Все
же Францу почудилось, — нет, он уже был
уверен, — что Антон Грейнер прав. В воз-
духе было что-то.

Звоня, прокладывали они себе дорогу
по узким улицам, полным людей. Девушки
пищали и бранились. На перекрестках и
у ворот фабрик горели карбитовые фо-
нари; их зажгли сегодня в первый раз,
может быть из-за тумана.

В их жестком белом свете все лица ка-
зались гипсовыми. Франц толкнул какую-

го девушку, она огрызнулась и потом посмотрела на него. Левый глаз девушки — стяннутый, видимо поврежденный во время какого-то несчастного случая, — она наспех прикрыла прядью волос, и эта прядь, подобно флажку, отмечала рану, вместо того чтобы прикрывать ее. Взгляд ее здорового, почти черного глаза на секунду остановился на лице Марнета и словно оцепенел. Францу почудилось, что этим взглядом она глубоко проникла к нему в душу, до того места, которое он таил даже от самого себя. И гудки пожарной команды на берегу Майна, и неистово-резкий свет карбовых фонарей, и брань людей, прижатых к стене грузовиками — разве он все еще к этому не привык? Или сегодня все было иным, чем обычно? Он искал слова или взгляда, которые могли бы все это ему объяснить. Он сошел с велосипеда и повел его. В толкотне он давно потерял обоих — и Грейнера, и девушку.

Грейнер еще раз протискался к нему. — Это там, возле Опенгейма, — сказал ему Грейнер через плечо и вынужден был при этом так наклониться вбок, что у него чуть не выбили из рук велосипед. Двери, в которые каждому из них предстояло войти, находились далеко друг от друга. Миновал первый контрольный пункт, они расставались на долгие часы.

Марнет напряженно вслушивался и вглядывался, но ни в раздевалке, ни во дворе, ни на лестнице не мог обнаружить и следа, и легчайшего признака иного волнения, чем то, которое замечалось обычно между вторым и третьим гудком сирены. — разве что несколько больше беспорядка и галдежа, как и всегда в понедельник утром. Да и Франц, отчаянно искавший хотя бы самого ничтожного признака волнения, хотя бы самой затаенной тревоги в словах и даже в глазах окружающих, ругался так же, как и остальные, задавал те же вопросы относительно миновавшего воскресенья, так же острил, так же сердито и раздраженно переделывался. Если бы сейчас кто-нибудь следил за ним с той настойчивостью, с какой он следил за остальными, этот другой был бы совершенно так же разочарован и относительно Франца. Франца даже кольнула ненависть ко всем этим людям, просто не замечавшим, что в воздухе что-то есть, или не желавшим этого замечать. Да и случилось ли что-нибудь на самом деле? Новости Грейнера — почти всегда болтовня. Газде что его двоюродный брат Мессер поручил ему выпытать что-нибудь у

него, Франца. Марнет знает Антона Грейнера далеко недостаточно, чтобы исчитать такую возможность. Заметил он что-нибудь по мне или не заметил? — размышлял Франц. Да и что он, в сущности, рассказывал? Болтовня, и еще раз болтовня. Что этот Кобиш поехал закупить вина, напился?

С последним сигналом сирены мысли Франца оборвались. Он поступил на производство совсем недавно и все еще испытывал каждый раз перед началом работы какую-то напряженность, почти страх. Извержение ремней пронизывало его дрожью корней волос. Но вот приводной ремень зажужжал ровно и звонко. Первый, впрочем, пятидесятый нажим на рычаг был давно позади. Рубашка Франца промокла от пота. Он облегченно вздохнул. Мысли снова приобрели некоторую связность, хотя и неполную, так как он штамповал максимальным вниманием. Ни при каких условиях не мог бы работать Франц иначе, как с величайшим вниманием, бдительно, его работодатель даже сам дьявол.

Их было здесь наверху двадцать пять человек. Хотя Франц и тут, в штамповальной, мучительно искал признаков волнения, все же ему, по его характеру, сегодня было бы досадно, окажись действительным один из его трафаретов неточным. Уже не только потому, что это могло навлечь на него неприятности, но и ради самих трафаретов, которые должны были быть точными, даже сегодня. — Опенгейм — давнишний мыслитель Франц, — это ведь город между Майнцем и Вормсом. Что могло там произойти особенного?

Фриц Мессер, двоюродный брат Антона Грейнера, работавший здесь, навестив старшим, подошел к Францу, потом к Чурбанчику соседу. Когда он ставил в станок мотоцикл и вешал все свое великолепие на шкаф, он был просто штамповщиком среди штамповщиков, и его выдавала только одна деталь, только для Франца уловимая деталь — нация в голосе, с какой он крикнул: «Вейгад!» Вейгад был пожилой волосатый человек, прозванный «Чурбанчиком» потому, что его голосок, высокий и звонкий, сливался с жужжанием приводного ремня: собирая пылесосом отвал, Чурбанчик проговорил, не открывая рта: — слышал, небось, насчет концлагеря? В Вейгаде? — Франц, взглянув сверху в ясные, почти прозрачные глаза Чурбанчика, увидел в них те крошечные светящиеся точки, которых так нестерпимо жгло словно глубоко внутри человека горит уголь, и только далекие искорки брызжут

Франц подумал: наконец-то. Чурбанчик уже подошел к следующему. Франц бережно вставил металлическую стинку, наложил пунтир, нажал рычаг, еще, еще и еще. Наконец, наконец, наконец-то. Если бы можно было сейчас же удрать к другу Герману. Вдруг в нем его мыслей снова прервалось. Это в этой новости особенно возбуждало его, вцепилось в него и грызло, хотя он еще не знал, что и отчего. — «Бунт в лагере», — сказал он себе — может быть, организованный по плану. Тут он сообразил, что особенно заливает лично его: Георг. — Какой Георг, — решил он почти тут же. — почему при таком известии сейчас же непременно Георг? Георга, может быть, там и нет. Или, что тоже вероятно, он уже давно давно связывают только крепкие навешья общего дела, узы молодости, провисевшие с тобой под звездами той же надежды. — Но эти не прежние, мучительные, глупые узы — развавшиеся в тело узы, которые оба в роду между пытались порвать. — Эти старинные узы там забыты, — решительно внушал он себе. Ведь Георг стал другим, так же как и брат Антон, Франц, стал другим. На этот раз он наверно перевернул взглядом лицо своего соседа. Потом к себе Чурбанчик и тому что-нибудь скажет. Разве можно после этого штамповать, штамповать владывать пластику из пластики?

Если там действительно что-нибудь случилось. — думал Франц. — что замешан Георг. Потом ему опять начало казаться, что вообще ничего не случилось и Чурбанчик болтал вздор.

Когда он, во время обеденного перерыва пришел в столовую и заказал себе пиццу (горячую пиццу он ел только по вечерам) вместе с родственниками, а вместо хлеба брал с собой хлеб, колбасу и сало, как после длительной безработицы на костюм — хотя еще неизвестно, что ему будет дано носить этот костюм — а если хватит, то и на корячине (шуртку с застежкой-молнией), около

стойки кто-то сказал: — Чурбанчик арестован. — Другой сказал: — Это из-за вчерашнего. Он здорово напился и говорил всякую ерунду. — Нет, не из-за этого, — последовал ответ, — верно еще что-нибудь. — Еще что-нибудь? — Франц уплатил и прислонился к стойке. Так как все заговорили, немного понизив голос, то получилось странное чирканье — Чурбанчик, Чурбанчик. — Чурбанчик сказал лишнее, — заметил один рабочий Францу. Это было Феликс, его сосед по станку, друг Мессера. Он внимательно посмотрел на Франца. На его правильном, почти красивом лице было выражение веселости, яркие спящие глаза казались для молодого лица слишком холодными. — Что же лишнее? — спросил Франц. Феликс вздернул плечи и брови; казалось, он сдерживает смех. «Если бы можно было сейчас отправиться к Герману, — опять подумал Франц. — Но по вечерам поговорить с Германом невозможно». Вдруг он заметил Антона Грейнера, пробиравшегося к стойке. Вероятно, Антону удалось под каким-нибудь предлогом получить пропуск, иначе он не мог бы попасть ни в это здание, ни даже в столовую. «Почему он ищет всегда именно меня», — думал Франц, — «почему старается рассказать именно мне?»

Антон схватил его за локоть, но тотчас выпустил, как будто в этом движении было что-то привлекающее внимание, снова отодвинулся к Феликсу и стал пить свое пиво. Затем вернулся к Францу. «Все-таки у него славные глаза, — подумал Франц. — Может быть, он немного ограниченный, но искренний. А ко мне его тянет, как меня тянет к Герману». Антон схватил Франца под руку и стал рассказывать, пользуясь концом обеденного перерыва и всеобщей сутолокой: — На Рейне, в Вестгофене, несколько человек бежало, что-то вроде штрафной колонны. Мой двоюродный брат ведь сейчас же узнает о таких вещах. И, говорят, большинство уже сдавали. Вот и все. —

3

Сколько ни обдумывал он побег, один и с Валлау, сколько ни взвешивал малейшие детали, сколько ни пытался представить себе бурное течение своего нового существования, — в первые минуты после побега он был только зверем: он вырвался из капкана в дичь и глушь, которая для него жизнь, а между тем на запад еще остались кровь и шерсть. С той ми-

10724

нуты, как побег был обнаружен, вой слышен разносился по окрестностям на многие километры и будил деревушки, окутанные осенним туманом. Этот туман смягчал все, даже лучи гигантских прожекторов, которые иначе озарили бы нанчернейшую ночь. Сейчас, около шести часов утра, они задыхались в покоем на вату тумана, едва окрашивая его в желтоватый цвет.

Георг притгнулся еще ниже, хотя его ноги проваливались. Его могло засосать до того, как удастся выбраться отсюда. Сухой кустарник торпорщился под пальцами; они побелели, осызели и заледенели. Ему чудилось, что он погружается все быстрее и глубже и что его должно было уже затянуть. Хотя он бежал, чтобы спастись от вершней смерти, — не могло быть сомнения, что и он, и остальные были бы в ближайшие дни убиты — смерть в трясине казалась ему совсем простой и не страшной. Слово эта смерть другая, чем та, от которой он бежал: смерть в глуши, на свободе и не от руки человеческой.

На высоте двух метров над ним по окаймленной пвами плотине бежали туда и сюда часовые с собаками. И собаки, и часовые были точно одержимые — от воя слышен и сырого тумана. Волосы на голове Георга и волоски на коже встали дыбом. Он услышал чью-то брань так близко, что узнал даже голос: Мансфельд. Значит, он уже оправился от удара лопатой, который Валлау нанес ему. Георг выпустил из рук кустарник, съехал еще глубже. Только сейчас коснулся он ногам того выступа, который в этом месте давал опору. Он знал о выступе еще тогда, когда имел силу все это с Валлау заранее рассчиывать.

Вдруг началось что-то новое. Липь через мгновение заметил он, что ничего не началось, а, наоборот, прекратилось: замолчали сирены. Новой и была тишина, в которой раздавались через равные промежутки времени свистки и команда из лагеря и из наружного барака. Часовые над ним побежали за собаками к дальнему концу плотины. Вот собаки от наружного барака бегут к плотине; тонкий звук выстрела, еще, плеск, — и жесткий лай собак смыкается над другим пронзительным лаем, который против собачьего совершенно бессилен, да и не собачий это вовсе, по и не человеческий голос, и, вероятно, в человеке, которого они сейчас волокут прочь, не осталось больше ничего человеческого. «Наверно, Альберт», — подумал Георг. Есть такая степень действительности, которую никто выдержать больше не

в силах. Ускользнуть от нее нельзя этой нестерпимой действительности; остаётся только умереть, иной брени в нет. Тогда вдруг начинает казаться, видишь сон, хотя никогда не был так далек от сна. — «Его поймали, — думает Георг, как думают во сне, — его поймал. Но на самом деле быть этого не может, чтобы их теперь осталось только шестеро».

Туман был все еще очень плотен, и ножом режь. Вспыхнули два огонька — один за шоссе, казалось — у самых каменей. Эти отдельные острые точки ледяного прокаливали туман, чем плоские ледяные прожекторов. Один за другим загорались огни в крестьянских горницах, деревенские жители просыпались. Скоро круг огоньков сомкнулся. «Таких вещей не бывает, — думал Георг, — все это во сне мерещилось». Ему ужасно захотелось ступить на колени. Затем теперь всю охоту? Одно движение, бульканье и провал. «Сначала успокойся-ка», — всегда варивал Валлау. Вероятно Валлау сидел совсем недалеко, в ивняке. Если Валлау кому-нибудь говорил: «сначала успокойся-ка», так люди уж успокаивались.

Георг ухватился за кустарник. Он медленно поплыл в сторону. Теперь он, вероятно не больше чем в десяти метрах от последнего пня. Вдруг в каком-то направлении лешительно ясно, уже отнюдь не без собственного презрения его потряс такой прищмы страха, что он мешком повис на паре в темном склоне плашмя, животом к земле. Страх исчез так же внезапно, как и появился.

Георг прополз до пня. Сирена вторично завывала. Ее слышно, наверно, далеко в ту сторону Рейна. Георг зарылся лбом в землю. «Спокойствие, спокойствие», — шептал ему Валлау из-за плеча. Георг перестал дышать, повернул голову. Все огни погасли. Туман стал легким и прозрачным, совсем как золотая паутина. Но шестеро пролетели фары трех мотоциклов, темные ракеты. Завывание сирены, казалось, бухало, хотя оно всего лишь ритмичное, в то усиливалось, то ослабевало, неслышимо сверля мозг каждого, даже за километр отсюда. Георг снова зарылся лицом в землю, так как часовые бежали над ним. Вдоль плотины обратно. Он только покосился в сторону глаза. Прожекторы обессилели, теперь совсем потускнели в утренних сумерках. Если бы только не сразу поднялся туман. Вдруг трое стали спускаться по наружному склону. Они оцутились меньше чем в пятидесяти метрах от Георга. Георг снова узнал

тметров ростом, парадность статный и красивый человек, еще раз обернувшись, пзвиллся и нагнулся, чтобы снова вставить штепсель. У Фаренберга было особое пристрастие к электропроводам и телефонным установкам. В обеих комнатах имелось множество проводов и разнообразных контактов, требовавших вечных починок и перемонтировки. По чистой случайности на истекшей неделе был освобожден заключенный Дитрих из Фульды электротехник по профессии, как раз после того как он закончил проводки, оказавшиеся затем довольно трудными для использования.

Бунзен ждал — только в глазах таилось удовольствие, мимика ничем не выдавала его, — пока Фаренберг нарычится. Затем он ушел, Фаренберг и Циллиг остались.

На крыльце Бунзен закурил папиросу, но затянулся только раз и отшвырнул ее. На ночь он был опущен, его спуск шелка собственно лишь через полчаса, его будущий шурин привез его на автомобиле из Висбадена.

Между баракком начальника — прочным кирпичным зданием — и баракком № 3, по фасаду которого было посажено несколько папанов, находилось подобие площадки, которую они между собой называли танцевальной площадкой. Здесь, на воле, эта сирена особенно назойливо сверлила мозг. «Дурацкий туман», — подумал Бунзен.

Подняли его подчиненные: — Браунсвелль! Прибейте карту вон к тому дереву. Так. Подойти! Слушать! — Бунзен воткнул острие циркуля в красную точку — лагерь Вестгофен. Он описал три концентрических окружности. — Сейчас шесть часов пять минут. Побег произошел в пять сорок пять. До шести двадцати ни один человек, даже при исключительной скорости, не может уйти дальше вот этой вот точки. Он находится поэтому сейчас где-то между этой и этой окружностью. Итак — Браунсвелль! Закрыть дорогу между деревьями Ботценбах и Оберрейхенбах. Мейлинг! Закрыть дорогу между Унтеррейхенбахом и Каллгеймом. Никого не пропускать! Держать связь друг с другом и со мной. Прочесать мы не можем, подкрепление будет здесь только через 15 минут. Виллиг! Наша последняя окружность касается в этом месте правого берега Рейна. Итак: блокировать дорогу между перевозом и Либбахер Ау. Этот отрезок охранять! Перевоз охранять. На Либбахер Ау часовых!

Туман был еще так густ, что цифры его часах-браслета светились. Он уже пал гудки мотоциклистов, выехавшие лагеря. Сейчас дорога в Рейхенбах барована. Он подошел к карте вплотную. Сейчас часовые уже в Либбахер Ау. Что можно было сделать в первые же минуты, сделано. Тем временем Фаренберг передавал рапорт в главное управление. Он желал бы сейчас Бунзен очутиться в доме старика, этого усмирителя Зелинбергштадта. Зато в своей шкуре ему отдал Бунзен чувствовал как складно она облегла на нем, считая по мерке господом баром. Зато И как ему опять подвезло! Это событие произошло в его отсутствие, но он явился немного раньше, чем следовало, как раз во-время, чтобы себя проявить. Он пришел к комендантскому баракку, где состоялся вой сирены различить, выкрик — Господи старик вторую порцию ярости.

Циллиг остался снова наедине со своим начальником. Фаренберг наблюдал за ним, пока он возился со штепселем, — и предложил провон в главное управление. Этого и остального Дитриха из Фульды за такую работу надо завтра же опять отпустить. Циллиг острейшим образом ощущал, как пропадает даром время из-за объяснения некоторых драгоценных секунд. Протекание которых семь точек уходило дальше и быстрее в бесконечность, которую уже не догнать. В конце концов другое управление ответило, и он отдал рапорт. Таким образом, Фаренберг за минуту услышал этот рапорт дважды. И, сидя, его черты сохранили выражение совершенной подкушной суровости, которое на них проявлялось давно напялили, хотя нос и подтанцовок казались для этого коротковатыми. Перед его нижняя челюсть отвалилась: в последнем из которых он в эту минуту тоже влипший не мог допустить, чтобы рапорт был принят и чтобы семь заключенных вдруг могли ствительно убежали из его лагеря; и переставился на Циллига, ответившего ему тем мрачным тяжелым взглядом, полным измученности и скорби и сознания своей роли, что и Фаренберг был единственным человеком, которому, вполне доверявшим ему. Циллиг больше не дивился тому, что человек — непременно становится что-нибудь позвучной дороги именно тогда, когда он идет в одиночку. Разве не получил он в ноябре 1913 года Бунзеновое ранение? Разве не была при Фаренберге молотка его усадьба всего за месяц изданья нового закона? Разве эта баба зубья узнала его тогда и, полгода спустя, будто резни, не засадила в тюрьму? В те два года двух лет дарил его здесь Фаренберг — тепер

Они, как это называлось у них, Он уже отбирали за-
дежавшие в штрафные команды и назна-
енбах бл входящих караульных.

видел прозвонил будильник, который Фа-
ер Ау. был по старой привычке ставил на
рвые же возле походной кровати: шесть пят-
Фаренберг. Теперь Фаренберг встал бы, а
равление и принял бы дежурство. Начался бы
ться в новенный день, обыкновенный день
Зелинберга: управление лагерем Вестго-
му отле.

она Фаренберг вздрогнул. Он подобрал че-
подом бы. Затем быстро оделся. Провел мок-
то свив щеткой по волосам, почистил зубы.
то он явился к Циллигу, опустил глаза на его
ю, как затылок и сказал: — Ну, мы их
. Он при вернем.— Циллиг ответил:— Так
аку, сего, господин комендант!— Затем ска-
вык — Господин комендант... — и он внес
ости. Сколько предложений, в общем в целом
не со же самые, которые гестапо осуществило
одал за шее, когда о Циллиге все уже забыл.
ем,— три предложения свидетельствовали о яс-
Этого и остром уме.

а такую друг Циллиг прервал себя на полусло-
опять Оба прислушались. Снаружи, откуда-то
вом ощу лека, доносился высокий, тонкий, нека-
ва-за ирбьянимый звук, покрывавший однако и
секунда спрены и команду, и снова начавше-
уходят шарканье сапог на танцевальной пло-
ность, где. Циллиг и Фаренберг посмотрели
концов друг в друга.— Окно,— сказал Фа-
он отда берг. Циллиг открыл, и в комнату во-
рг за де туман и этот звук. Фаренберг ислу-
важды. Ися, сейчас же вышел. Циллиг с ним.
раженне тзен собирался как раз отпустить отря-
на них трмовиков, но тут началась сумятица.
с и под танцевальную площадку волокан Бейт-
тковать, первого пойманного беглеца.

лась: Последнюю часть пути, мимо еще не
же вспо евших разойтись штормовиков. он про-
ог был бл по земле сам, и не на коленях, а бо-
х вдруг. может быть оттого, что получил пи-
лагеря: и перевернулся лицом вверх. И когда
ившего от пинка поехал дальше. Бунзен понял,
полным ая странность была в этом лице. Дело
своей вом, что оно смеялось. Этот пойманный
ным стоек, лежавший перед ним в окровав-
му. Цинной куртке,— из ушей у него лила
человек — казалось, буквально извивался от
удь пошвучного смеха, осклабясь широким бе-
идет в и оскалом зубов.

е 1918 Бунзен перевел взгляд с этого лица на
ыла при Фаренберга. Фаренберг смотрел вниз
за меся Бейтлера. Его губы растянулись, обна-
эта баба зубы, так что на миг могло показаться
снустя и будто оба, глядя друг на друга, смеют-
? В те Бунзен знал своего начальника и знал,
енберг и теперь последует. Его молодое лицо

преобразилось так, как преображалось все-
гда, когда он знал, что последует. Поздир
Бунзена слегка расширились, уголки рта
стали вздрагивать, и на этом лице, кото-
рое природа одарила чертами победителя
дракона или опоясанного мечом архангела,
появилось выражение чудовищной опусто-
шенности.

Уголовных следователей Оберкампа и
Фишера провожают от ворот лагеря в ко-
мендантский барак. Они остановились воз-
ле группы Бунзен — Фаренберг — Циллиг,
сразу увидели, в чем дело, торопливо что-
то говорят друг другу. Затем Оберкамп
заявил, ни к кому, в частности, не обра-
щаясь, совсем тихо, но его голос казался
сдавленным от ярости и от усилия сдер-
жать ярость:

— Это называется водворить обратно.
Поздравляю. Вам остается только слешно
вызвать парочку врачей-специалистов, что-
бы они этому субъекту как-нибудь подшто-
пали почки, мошонку и уши, а то мы и
лодропить-то его не сможем! Ловко, ловко,
поздравляю.

5

Туман поднялся так высоко, что стоял
над деревьями и домами, словно низкое
пушистое небо. А солнце, усталое и ла-
сковое, словно лампа в тюлевом чехле,
висело над горбатой деревенской улицей
Вестгофена.

«Только бы туман поднимался не сра-
зу,— думали одни,— чтобы солнце не пе-
рекажило чего-нибудь перед самым сбором
урожая». «Только бы туман поскорее под-
нялся,— думали другие.— чтобы солнце
еще докалило то, что осталось».

Такие заботы в самом Вестгофене были
не у многих. Жители этой деревни были
не виноградарями, а огуречниками. Не-
много в стороне от дороги, ведущей из Ли-
бахер Ау к шоссе, стоял укусный завод
Франка. За широкой, аккуратной канавкой
поля тянулись до заводской дороги. «Ви-
ноградный укус и горчица. Маттгас Франк
и сыновья». Эту вывеску его заставил за-
помнить Валлау. Георг знал, что выбрав-
шись из камыша, он должен будет пропол-
зти три метра без прикрытия, затем по
канаве, по ее левому рукаву, вдоль полей.

Когда он высунул голову, туман стоял
так высоко, что открылась группа деревь-
ев за укусным заводом, и благодаря тому,
что солнце было у Георга за спиной, эта
группа деревьев, казалась, вспыхнула из-
нутри своим собственным огнем. Давно
ли он ползет? Если бы он просто остался
лежать, никто бы его не нашел. Никакого
волнения не возникло — проехал мимо

только каргание да взмахи крыльев. Пройдет всего несколько недель, и корка смерзшегося снега без труда покрост то, что останется. Видишь, Валлау, как просто сорвать твой кропотливый план? Валлау ведь не подозревал о том, какая эта тяжесть — вот это тело, которое сейчас приходится волочить за собой, опираясь локтями о голую землю. Словно тащишь за собой все болото. Со стороны Либхер Ау донесся свист. Ответный свист раздался так пугающе близко, что Георг распластался на земле. — Карабайся, — советовал ему Валлау, который пережил и войны и рурские бои, и бои в средней Германии, и вообще все, что можно было пережить. «Смотри, всегда карабайся, Георг. Смотри, не воображай, что ты открыт. Многие попадались только потому, что они воображали, будто их открыли, и делали глупости».

Георг взглянул с восторгом увядшие кусты на дорогу. Часовой стоял так близко, там, где дорога, ведущая через огуречное поле, выводила на шоссе, — так пугающе близко, что Георг совсем испугался, но почувствовал ярость: так осязаемо близко стоял он на фоне кирпичной стены, что спрятаться, а не наброситься на него было величайшей мукой. Медленно шагал часовой по дороге мимо завода в сторону Либхер Ау; за его спиной, среди серой и коричневой дали, две пылающих точки глаз. Георгу казалось, что часовой должен обернуться, так как его сердце стучало, точно мельничное колесо. На самом же деле оно, даже в смертном страхе, билось тише, чем птичье крыло. Георг пополз дальше по канаве, почти до того места дороги, где только-что стоял часовой. Валлау говорил ему, что там канава проходит под дорогой, но тянется ли канава дальше, и куда, сам Валлау не знал. На этом месте кончалось и его предвидение. Только сейчас почувствовал себя Георг вполне покинутым. «Спокойствие» — только это слово еще запомнил его слух, одно лишь это звучание, этот голос-заклинание. — Канава, — сказал он себе, — проходит под заводом и, вероятно, принимает в себя стоки. — Надо было дожидаться, пока часовой повернет. Часовой остановился на краю канавы, засвистел. С Либхер Ау донесся ответный свист. Георг теперь улавливал, откуда доносятся свистки; он вообще улавливал теперь многое. Каждая точка его сознания была мобилизована, каждый мускул напряжен, каждая секунда заполнена. Необычайно уплотнена была вся жизнь, каждая секунда. Когда он затем

очутился в остропахнущем, вонючем тумане, ему вдруг стало дурно, так как эта канализация была совсем не предназначена для того, чтобы ползти по ней, по дню того, чтобы в ней задохнуться. И в то же время охватило бешенство: ведь он же не кричал и это не место для смерти!

Но вот непроглядная мгла впереди не так густа, вместо нее — трепет воздуха. К счастью, территория фабрики была невелика. Когда он вылез по ту сторону рону стены, оказалось, что поле с ветроподнимается в гору, к шоссе, и пересекается ведущей вверх дорогой. В углу, образованном стеной и дорогой, находилась куча обросов. Георг не мог идти дальше, пришлось присесть: все тело его светилось в темноте.

В поле появился старик. На перекрестье той через плечо веревке он нес два ведра, чтобы раздобыть у заводского сторожа корм для кроликов. В Вестгофене его звали Шляпенкой. Уже шесть раз заживали этого старика во время его короткого путешествия, и каждый раз он зывал себя: Готтлиб Гейдрих из Вестгофена, на по прозвищу Шляпенка. Значит, он что-нибудь стряслось в концлагере, — так и звали Шляпенку, под вой сирен медленного пересекая поле со своими ведрами. — Не вконец, как прошлым летом, когда один из этих бедняг хотел удрать и они его застрелили; не успела сирена довыть, его уже подстрелили. Прежде здесь так близко безобразия не бывало. Слыханое ли дело завод под самым носом у порядочных людей устроили концлагерь. Правда, теперь заработать можно в этих местах, а раньше из-за каждого гроша на бабине ехать приходилось. Должно-быть, по всей земля будет сдана в аренду. Беднягам немало им пришлось в ней ковыряться. Тупоумно, что они решили удрать. И на за аренду, говорят, будет ниже, чем в Либбау.

Вот что думал Шляпенка, однако безудельно еще раз обернулся, так как хотел знать по какой причине этот невероятно загорелый человек сидит у дороги на куче обросов. Когда старик увидел, что бегство бесполезно, он успокоился, ибо это была достаточной причиной.

Однако Георг даже не видел Шляпенку, он пошел дальше. Сначала он собирался свернуть на Эрленбах, далеко в сторону Рейна. Теперь он не отважился пересечь шоссе.

Итак, он измелил свое решение, но можно назвать решением крайнюю, вынужденную и принудительность данного момента.

чем ступал через пале, опустив плечи, эта казавшаяся голове, готовый к тому, что его для тоскут, выстрелят. Он пнул носком, чтобы оттолкнуть землю, — сейчас, сейчас, дорогая. Время прокликнуло, думал он, затем раздается не крик, — и что-то властно потянуло его встать на колени, просто броситься на переднюю пашню. Но тут ему вдруг пришло в голову: они прострелят мне только ноги, они убьют меня живьем. Он закрыл глаза. Он чувствовал вместе с легким свежим утренним ветерком прилив такой безмерной скоротечности, какая ни одному человеку не по образу. Он заковылял дальше, затем вдруг куча становилась. У его ног на проселочной пашне лежала зеленая ленточка. Он уставился на нее, словно она только что упала с неба на пашню. Он поднял ее.

И вот перед ним, словно из пашни, выскочила девочка в фартуке с рукавами, восторженно на пробор. Они уставились друг на друга. Девочка перевела глаза с его лица на его руку. Он потянул девочку за косу, и она бросила ей ее ленту.

Тогда девочка побежала к старухе, к Вестгофенке, которая тоже вдруг очутилась на дороге. — Теперь получишь только косу, — сказала старуха и засмеялась. Георгу она сказала: — Хотя какой бы ни была, — Вень вылетай ей новую косоплетку. — А вы один режьте ей косу — сказал он. — Нет, — сказала старуха. Она принялась вытирать, вытирать его. В это время Шляпенка, с таинственно приближавшийся к ним со стороны укрупленного завода, от которого они еще не успели отойти, закричал:

Шкатулочка! — Так звали старуху, а ее обитатели Вестгофена, ибо при ней на багряном был запас всякого хлама, полезного, бесполезного, чего хочешь того бедняжка, — пластырь, нитки, конфеты от выпечки. Теперь, подняв руку над проселочной дорогой, она стала махать ею Шляпенке, чья-то, с которым когда-то танцевала и за которого чуть не вышла замуж, и вокруг которого беззубого рта и на сморщенных щеках ее знавались до жуткого оживления, с каким они замалывают глубокие старинки, причем чуток, что побрякывают в танце кости что шлета.

Шляпенка, увидев, что этот чудовищно загаженный человек, который, может быть, все-таки был с укрупненного завода, семенил рядом с девочкой перед старухой, вполне успокоился относительно чего-то, что все-таки тревожило его. И Георг, идя позади обоих, чувствовал, что хотя бы всего на несколько минут, не считая в число живых. Оказалось, что проселочная дорога вела не в деревню,

как думал Георг; она разделялась на две — одна шла в деревню, другая к шоссе. Старуха сунула косоплетку в один из карманов юбки к прочей дряни и повела девочку, которая удерживала слезы, рядом с собой за косу.

Она лепетала: — Слышали, какое тут было представление, а-я-я-я! Вот дудели то! — Она хихикала и причитала. На перекрестке она остановилась. — Туман поднялся! Гляди-ка!

Георг посмотрел вокруг. Туман, действительно, поднялся, чисто и ясно сияло бледно-голубое осеннее небо. — Ай-яй! — сказала старуха, так как два, нет — уже три самолета упали с неба, сверкнув, и стали списывать над самой землей, над крышами Вестгофена, над болотом и над полями небольшие низкие круги. Георг шел к шоссе, держась возможно ближе к старухе, которая вела за руку свою внучку.

Они прошли метров десять по шоссе, никого не встретив. Старуха смолкла. Казалось, она все забыла — Георга и девочку, солнце и самолеты, погруженная в раздумье о событиях минувшего, когда Георга еще не было на свете. Георг старался идти совсем рядом с ней, он охотно уцепился бы за ее юбку. Это же не на самом деле, только во сне идет он со старухой, держась за ее юбку, а она не замечает. Сейчас он проснется. В бараке будет орать Логербер...

Справа потянулась длинная стена, осыпанная осколками стекла. Они прошли несколько шагов вдоль стены гуськом, очень близко друг к другу, Георг последним. Вдруг, без гудка, за их спиной появился мотоцикл. Если бы старуха сейчас обернулась, ей пришлось бы допустить, что Георг провалился сквозь землю. Мотоцикл пронесся мимо: — Ай-яй, — хрюкала старуха, но трусила дальше. Георг исчез не только с ее дороги, но и из ее памяти.

Георг лежал по ту сторону стены, его руки были в крови от осколков, на правой руке пониже большого пальца — рваная рана, порвана до тела была и его одежда.

Сойдут ли они сейчас с мотоциклов и схватят его или нет? Из низкого красного кирпичного здания с множеством окон доносилось множество голосов, звучных и низких, перемежавшихся с целым хором задорных мальчишеских голосов. Какое же слово хотели они запечатлеть в его памяти, какую фразу — в его смертный час? С противоположной стороны подъехал мотоцикл, но проехал мимо, к

лагерю Вестгофен. Георг не испытывал облегчения, напротив — он только сейчас почувствовал, как болит рука. Так бы и откусил ее около запястья.

Перед левой боковой стеной красного здания, — это была сельскохозяйственная школа, — тянулась оранжерея. Главный вход в здание школы и лестница находилась с этой стороны, против оранжереи. Георг рассматривал сарай, заслонявший от него всю остальную часть вида. Он переполз туда. Внутри сарая было тихо и темно. Пахло льком. Вскоре его глаза различили толстые связки лыка, висевшие на стене, разную утварь, корзины и одежду. Так как теперь уже ничто не зависело от его изворотливости, но лишь от того, что люди называют удачей, он стал равнодушен и спокоен. Он оторвал какой-то лоскут. Он перевязал левую руку с помощью зубов и правой руки. Он неспеша стал выбирать: вот плотная коричневая куртка из вельвета с застежкой-молнией; он напялил ее поверх своего рванья, пропитанного кровью и потом. Он поискал и подходящий номер обуви. Всё отличные добротные вещи. Только выйти-то он не может. Он выглянул через щель в дощатой стене. Люди в окнах и люди в оранжерее. Кто-то спустился по лестнице, подошел к оранжерее. Перед дверью человек остановился, обернулся к сараю. Его позвали из окна, и человек возвратился в здание школы. Все стихло. Солнце отражалось в стеклах и в металлических частях какой-то машины, которая лежала, полузапакованная, возле лестницы.

Георг вдруг ринулся к двери и выдержал ключ. Он засмеялся. Он сел на пол спиной к двери. Он стал рассматривать свои башмаки. Две, три минуты продолжалось это состояние, последнее отступление в самого себя, когда во вне все потеряно и наплевать. Если они сейчас придут — ударить топором или граблями? Что привело его в себя — он и сам не знал, во всяком случае это пло не извне; может быть, боль в руке, может быть — остатки голоса Валлау в его ухе. Он снова вставил ключ. Он выглянул в щель. Вернуться на шоссе за стеной он не мог. Между обсыпаным битым стеклом верхом стены и небом коричневели верхние побеги виноградных лоз; воздух был так прозрачен, что можно было пересчитать верхушки лоз, выступавшие над бледнокоричневой каемкой стены. Пока он туло созерцал этот верхний ряд лоз, он вдруг точно услышал совет от кого-то, кого он не знал, — ибо Георг уже не помнил, сам ли

Валлау в Руре, или кули в Шанхае, шудбундовец в Вене тем спасся от ности, что взял и понес на плече стный предмет, который отвлел от него манье, либо такая ноша указывает на деленную цель пути и узаконивает в щего. Ему, Георгу, сидящему в сарае и смотрящему сквозь дверную на обсыпанную битым стеклом стену, ветчик напомнил о том, что некогда из подобных ему этим способом спасся дома в Вене, или с хутора в Рурской ласти, или из оцепленной улочки в Шае. Но если Георг и не знал, было у советчика знакомое лицо Валлау, было ли оно желтым или бронзовым, — советчик понял: запакуй какую-нибудь машинную часть из тех, что лежат у двери. Могло быть дело и не удастся; но ведь другие возможности тоже нет. Правда, твое желание исключительно трудно, но ведь мое тогда...

Потому ли, что его просто не заметили или приняли за служащего машинного завода, или за того, чью куртку он надел, — но ему удалось пройти мимо оранжереи и крыльцом и выйти в ворота на дорогу. В левой руке боль была сильна, что минутами заглушала весь страх. Георг пошел по дороге, тянувшейся параллельно шоссе вдоль нескольких домов, которые все смотрели на поле верхние окна, может быть, даже на Р. Аэропланы все еще жужжали, голубое небо вышло из тумана, вероятно уже день; у Георга пересохло во рту, грубо заскорузлая нижняя одежда жгла кожу и куртку. Он испытывал мучительную, неукротимую жажду. На левом плече он нес, слегка покачивая ее, машинную часть, на ней болтался ярлычок фирмы, как раз собиравшийся поставить свою ногу на землю и перевести дух, когда его остановили.

Это был, вероятно, один из тех мотоциклистов на шоссе, заметивший в просвете между двумя зданиями. Сидя ничем не подозрительного, идущего мимо человека с ношей на плече, на фоне тихого полуденного неба. Мотоциклист остановил его, как останавливал каждого в чем особенно не подозревая, и только сейчас же отпустил, когда Георг указал ярлычок фирмы. Быть может, Георг мог бы спокойно продолжать путь Опшенгейма или еще дальше, как подзывал п тот советчик, который помог выбраться из барака. Георг и сам слышал тихий, настойчивый голос, звавший д

анхае, дальше. Но окрик часового вознесся
от его в сердце. Он вдруг потащил свою по-
тече ступил как можно дальше от шоссе, в глубь
его шагнул к Рейну, в сторону деревни Бухе-
на от озера. Чем сильнее билось от страха его
сердце, тем тише становился голос, отсею-
мый в являвшийся ему путь проселочной дорогой,
громкий голос не был наконец совершенно
стеной, шумел его неустойчивым сердцебиением и
когда суровым звоном в Бухенау. Звонкий,
спасающий звон, звон, возвещающий казнь.
дурской стальной небо, опрокинутое над дерев-
ней в Ш. в которую он входит,— он и сам уже
было чувствует — в ловушку. Он минут
глаз, бег часовых, уставившихся на него. Он
— совет шепчет их взгляды на своей спине. Едва
машинист входит на деревенскую улицу, как
звонит за собой свисток, пронзительный
с. Моторок, который пронзывает его на-
двое дружно.

Всю деревню вдруг охватило волнение.
бегут с одного конца на другой, коман-
дуют «все по домам». Широкие ворота скри-
пят. Георг поставил ношу на землю.
вышел в ближайший двор и спрятался
за штабелями дров. Деревню оцепили кру-
го. Это случилось вскоре после полудня.

В Гризгейме Франц только-что вошел в
двор. Он только-что узнал об аресте
банщика. И вот Антон хватает его за
руку и рассказывает все, что знает.

В эту же минуту Эрнст, пастух, посту-
пил в кухонное окно Мангольдс. Софи от-
крыла и засмеялась. Она была круглень-
кая и полненькая, но с тонкими запястьями.
Он попросил Софи подогреть ему кар-
тофельный суп, его термос испорчен.
«Ты бы обедал со своими, сказала Софи.
«Ах, кажется, могла бы о нем позабо-
титься».

«Его Нелли, сказал Эрнст, не собака, а
ребенок. Но что же делать, если у него есть
тех двести. Такого уговора у них не было.

— Софи,— сказал Эрнст,— принеси-ка
мне. Сидит картофельный суп горячим в поле.
его пойдешь, не гляди так на меня. Когда ты
найдешь на меня глядишь своими золотистыми
голубыми глазами, меня насквозь пробивает.

Он пошел через поле к своей избушке
и в колесах. Он поискал себе местечко на
Георге вышке, расстелил несколько газет, по-
шел, Георг на них пальто. Сел на него и стал
ждать. Довольный, смотрел он, как при-
ходит Софи. «Она — как яблочко,—
подумал он,— такая кругленькая, та-
кая слышится цветущая и на тонком, тонком череш-
чатый».

Софи принесла ему суп и своих карто-
фельных оладий с ломтиками груши. Они
вместе учились в Шмитгеймской школе.
Она села рядом с ним.— Чудно! — сказа-
ла она.— Что? — Что именно ты — пас-
тух.

— Он мне на днях то же самое го-
ворили, там, внизу,— сказал Эрнст. Он
показал на Георг.— «Вы же такой силь-
ный молодой человек, вас природа для
другого предназначила» — Эрнст с неве-
роятной быстротой изменил лицо и звук
голоса: это был то Мейер из бюро труда,
то Герстль из «Рабочего фронта», то бюр-
гермейстер Краус из Шмитгейма, то он
сам, Эрнст. Но сам он редко.— Почему вы
не уступите своего места пожилому сооте-
чественнику? — Тут я сказал,— продолжал
Эрнст,— залпом проглотив несколько ло-
жек супа,— в моей семье ремесло пастуха
передается по наследству со времен Вил-
лигиса.— Какого Виллигиса? — спросила Со-
фи.— Те внизу меня тоже спрашивали,—
сказал Эрнст, разминая оладью с ломтиками
груши.— Вы, наверно, в школе ворон счи-
тали. Потом они спросили меня, почему
я не женат, когда другие уже женаты и
у них есть потомство, и они в поте лица
зарабатывают себе на хлеб.— А что ты
ответил? — спросила Софи чуть охрипшим
голосом.— Ах,— сказал Эрнст с невинным
видом,— я сказал, что начало уже поло-
жено.— Как так? — спросила Софи с тре-
вогой.— Оттого, что я уже обручен,—
сказал Эрнст, опустив глаза, причем от
его внимания не ускользнуло, что Софи
побледнела и как бы увяла.— Я обручен
с Марихен Вилленц из Вотценбаха.— Ах,—
сказала Софи, опустив голову и разгла-
живая на коленях юбку,— она же ведь
еще школьница, эта Марихен Вилленц из
Вотценбаха.— Не беда,— сказал Эрнст,—
я охотно подожду, пока моя невеста под-
растет. Тоже длинная история, я тебе как-
нибудь расскажу.— Софи теревала травин-
ку. Она расправила ее и прикусила зубами.
Она сказала насмешливо и печально,
глядя перед собой:— Влюбись, обручись,
женись.— И Эрнст, которого все это за-
бавляло и от которого ничто не ускольз-
нуло — ни перемена в ее настроении, ни
подрагивание ее рук, поставил друг на
друга начисто вылизанные тарелки и ска-
зал:— Спасибо, Софи. Если ты все дела-
ешь так, как оладьи, то с тобой никакой
мужчина не пронадет. Взгляни-ка на ме-
ня еще разок, пожалуйста, взгляни. Когда
ты на меня поглядываешь своими глазка-
ми, так я могу забыть Марихен по край-
ней мере на веки веков.

Он смотрел вслед Софи, когда она уходила, побрякивая тарелками. Затем он крикнул — Нелли! — Собачка ринулась к нему на грудь, поставила лапки на эрнстовы колени и посмотрела на него, — черный комочек преданности. Эрнст прижался лицом к мордочке Нелли, в порыве нежности он зажал ее голову обеими руками. — Знаешь ли ты, Нелли, как имя той, которая правится мне больше всех особ женского пола на всем свете и среди всех моих знакомых? Ее зовут Нелли.

Тем временем, эконо́м школы имени Даррэ звонил к полднику на пятнадцать минут позднее полдня.

Круглый год при школе были курсы главным образом для сыновей и дочерей крестьян из ближних деревень. При школе была также и опытная станция, на которой работали не только школьники, но и несколько садоводов с группой учеников.

Маленький Гельвиг, ученик-садовод, сразу же после звонка побежал в сарай, чтобы вынуть из кошелька в бархатной куртке двадцать пфеннигов. Он был должен одному ученику за два билета лотереи «Зимней помощи».

Ученик Гельвиг, белокурый, высокий паренек со смысленными глазами, обшарил сначала удивленно, затем сердито, затем зволнованно весь сарай в поисках куртки. Эту куртку он приобрел на прошлой неделе, вскоре после объяснения со своей первой девочкой. Он и не смог бы приобрести ее, если бы не маленькая премия, выигранная им в соревновании. Он позвал товарищей, уже сидевших за обедом. Светлый обеденный зал с выскобленными дубела деревянными столами был всегда украшен цветами, соответствующими сезону, и свежей зеленью. Сначала Гельвиг решил, что над ним подшутили товарищи. Они дразнили его, так как он купил куртку на рост, и завидовали ему из-за его девушки. Молодые парни с свежими открытыми лицами, в которых была та же смесь мальчишеского и мужского, что и в лице Гельвига, помогли ему искать. Скоро, однако, раздалась возгласы: — Это что за пятна? — И один крикнул: — А у меня выдрали подкладку! — Тут был кто-то, — сказали они, — твою куртку, Гельвиг, украли. — Мальчуган с трудом сдержал слезы. Пришли и надзиратели из обеденного зала. Каким баловством тут заняты эти озорники? Гельвиг, бледный от ярости, рассказал, что у него украли куртку. Позвали дежурного учителя и эконо́ма. Широко распахнули двери. Тогда их глазам предстали пятна крови на ви-

севшей по степам одежде и разорван подкладка чьей-то куртки, густо заляпанной кровью.

Ах! Если бы у его куртки была такая подкладка! В лице Гельвига осталось ничего мужского. От гнева и стыда оно казалось совсем ребячьим. — Я найду его, я его убью! — заявил он. Несколько не утешило то, что и Мюллер обнаружил пропажу своих башмаков. Он был единственным сыном богатых крестьян и мог купить себе новые: Гельвигу предстояло теперь опять копить и копиться.

— Успокойся же, наконец, Гельвиг, сказал сам директор, которого эконо́м сократил от обеда в кругу семьи, — успокойся, и опиши твою куртку как можно точнее. Этот господин из уголовного розыска может тебе вернуть ее, только если ты подробно опишешь. — Что было в карманах? — приветливо спросил чужой низкого роста господин, когда Гельвиг кончил свое описание, причем после слов «а также ватные внутренние застежки-молнии» невозвратно вылинулся. Гельвиг задумался. — Когда давал куртку, — сказал он, — в нем марка двадцать ключей, носовой платок, ножик. — Агент еще раз прочел ему все и дал подписать. — А платок у смогу получить свою куртку? — Это же раз здесь же узнаешь, мой мальчик, — сказал директор.

Правда, не утешенный для маленького Гельвига, но все же некоторым просветлением в его беде было то, что вор, укравший его куртку, оказывается, не обычный вор. Эконо́му, едва он кончил осмотр сарая, стала тотчас ясна связь между событием. Он спросил директора, не позвонить ли ему, куда следует.

Когда Гельвиг вышел, сейчас же за ним пришлось Мюллеру описывать сарай и башмаки. Весь участок между школой и стеной был уже оцеплен. Уже было отмечено место, где Георг перепрыгнул через стену и попортил шпалерные фрунты. У стены и у сарая стояли часовые. А перед оцеплением толпились учителя, садоводы и ученики. Следовало бы прервать обеденный перерыв; бобовый суп с салатом в больших чанах покрылся пленкой.

В нескольких метрах от оцепления стоял старик-садовник, вид которого совершенно равнодушный к всеобщему волнению. Он был из той же местности, что и маленький Гельвиг. Гельвиг, рассерженное бледное лицо стало теплым, багровым, и он усердно и со значительным видом отвечал на все вопросы) остановился возле этого садовника — может быть потому именно, что старик его ни о

«Валлау, Валлау», — думал Георг..

— Анна, — сказала старуха, — задвинь засов. Она добавила: — В прошлом году об эту пору у меня еще хватало силы.

Более молодая пробормотала: — А на что я здесь? — Она налегла на засов.

Едва он был задвинут, как из шума деревни выделился особый, новый шум: поспешно зашелкала дробь сапог, и в тольکو что запертые ворота забарабанили. Женщина отодвинула засов. Вбежало несколько пшиков. Они крикнули: — Впустите-ка нас, у нас тревога, мы ищем. Один тут в деревне спрятался. Ну, живо! Впустите нас!

— Стой, стой, стой, — сказала та, что помоложе. — Вы здесь не дома, а ты, Фриц, иди-ка в кухню, суп готов.

— Впусти их, мать. Нужно. Я уж их тут у себя повожу.

— Где это ты их поводишь? У кого? — крикнула та, что помоложе. Старуха схватила ее за локоть с неожиданной силой. Юнцы, с Фрицем впереди, один за другим перемахнули через бельевую корзину, и их свистки уже доносились из кухни, из колюпини, из комнат. Дзинь! Вот и разбилось что-то.

— Анна, — сказала старуха, — не расстраивайся ты так от всего этого. Учись у меня. Есть на свете вещи, которые можно изменить. И есть вещи, которых не изменишь. И тогда надо терпеть. Анна, слышишь, Анна, мне ли не знать, — тебе достался в мужья худший из моих сыновей, Альбрехт. Его первая жена такая же была. Здесь всегда был свинунщик. А у тебя теперь настоящее крестьянское хозяйство. И Альбрехт, который ходил на поденную в виноградники только, когда ему заблагорассудится, а часть года лодырничал, тоже вдруг кое-чему научился. И детей от его первой жены, от этой скверной бабы, ты другими сделала, совсем другими. Правда, точно ты их снова родила. Только терпеть ты совсем не умеешь. А это все такие вещи, которые надо перетерпеть. Они пройдут.

Невестка ответила несколько спокойнее, и в ее голосе звучала только скорбь о жизни: ведь, несмотря на действительно жестокие усилия, ей все же было отказано в радости. Правда, не в уважении: — Да, но потом пришло это. — Она показала на дом, из которого доносились маглые, вызывающие свистки, и на ворота, за которыми был шум. — Вот что стало мне поперек дороги, мать. И дети, которых я кое-как обработала, — кровавого пота они мне стояли — стали опять таким же

дубьем, каким были, а Альбрехт — это прежняя грубая свинья. Ах!

Ногой она шихнула на место высунувшейся из штабеля полено. Она прислушалась. Затем зажала уши и продолжала причитать: «Ведь вот пришло же в дядя в Бухенау. Этого мне еще нехватает Бандит, точно бешеный пес, бежит в личную деревню. Уж если дал тягу, нельзя разве спрятаться в болоте? И нас надо в это впутывать? Камыша, ли, нехватает у берега, чтобы заса-там? — Берись за корзину, — сказала руха. — Белье хоть выжми. После еды не поспела бы?

— Каждая делает, как мать учила глажу сырим.

В эту минуту на улице за воротами дался такой взрыв рева, какого человеческие голоса издать не могли. Не был он звериным. Точно какие-то существа, о которых никто даже не подозревал, что есть на свете, вдруг осмелели и вылезли на свет божий. Глаза Георга запылали, зубы оскалились. Его гортань напряглась словно он и в себе приютил что-то, должно было вырваться наружу и реван вместе с себе подобными, но одновременно в его душе прозвучал тихо, чисто и ясно неуязвимый, незаглушаемый голос, и почувствовал себя сейчас же готовым крикнуть, умереть не так, правда, как он когда жил, но как хотел всегда жить мужественно и спокойно.

Обе женщины поставили корзину Пельцерю. И черная сеть морщин, грубая и редкая у более молодой, тонкая и частая у старшей, легла на их побледневшие лица под освещенные изнутри. Парни пронесли их к дому через двор на улицу. Затем с нарком эта опять забарабанили в ворота. Старуха, которая затянула засов, одолела оцепенение, она ухватилась за большой засов и, может быть в последний раз в своей жизни, отодвинула его своими собственными силами. Толпа, состоящая из мальчишек, старух, крестьян и штурмовиков, толкаясь, ринулась во двор с криками: — Матушка, матушка, фрау Альбрехт, фрау Альвиг! Матушка, фрау Альвиг! Матушка, фрау Альвиг, мы поймали его. Глаз Альвиг, рядом, у Вурмсеов, он сидел в бачей будке. А Макс-то с Карлом был в поле. Очки на нем были, на мерзавцу, теперь их поминай как звали! Да, ему больше не понадобятся. Его отвезли в машину Альвигов. Вот тут, совсем дом, у Вурмсеов. Посмотри-ка, матушка, посмотри.

Та из женщин, что была помоложе, тоже пришла в себя; она направилась

и с видом человека, неудержимо
этого редким, единственным зрели-
которое запрещено ему, подыалась
мечки. Она бросила один единствен-
взгляд поверх людей, толпившихся на
вокруг Альвиновой машины. Затем
смулась, перекрестилась и поспешила
дом. Старуха последовала за ней, тряся
головой, словно вдруг одряхлаела. Бельевая
шина так и осталась на дороге. Во дво-
было тихо и пусто.

В очках! — подумал Георг. — Значит,
пельдер. Как он попал сюда?»

Как спустился Фриц обнаружил запакован-
машинную часть у наружной ограды
ра. Его мать и бабушка и несколько со-
пей тоже подошли и удивились: они
дали по накладной, что эта машинная
ть — из Општегейма и предназначается
школы имени Дарре. Поэтому одному
Альвинов пришлось снова завести мо-
л. Впрочем, автомобилем до школы было
несколько минут. Они расспраши-
ли его, что говорил его брат, который
ушел в поле, про доставку беглеца
магерь.

— Ему наклали? — спросил Фриц, пе-
туная с ноги на ногу. Его глаза бле-
ли. — Наклали? — сказал Альвин. — Те-
бы следовало разок так накласть.
просто был поражен, как порядочно с
м обоплишь.

Пельдеру даже помогли сойти с машины
груба. Его тело, напряженно оживавшее
и час боев и пинков, вдруг обмякло, когда его
вше лежали подмышки и бережно ввели. Без
исслиськов он не мог узнать по лицам какого
ем снаружи эта бережность. Словно дымом все
аруха было затянучто. Беспредельная усталость
атилась надела этим человеком: ведь все было
последне. Его отвели не в барак началь-
а его отца, но в помещение, где устроился Обер-
стоящая.

— Садитесь, Пельцер, — сказал комис-
Фишер вполне миролюбиво. Глаза и
у Альвеса, свойственные людям тех профессий,
тка, Альвеса, которых надо что-то извлечь у других:
альной орган, исповедь, признание.
Оберкамп сидел в стороне, ссутулившись
стуле, и курил. Видимо, он предоставил
пельдера своему коллеге. — Небольшая
гулка, — сказал Фишер. Он рассматри-
Пельдера, туловище которого теперь
казала какая-то дрожь. Затем углубил-
в бумаги — Пельцер Эйжен, родился в
году в Ганау? — Да, — сказал Пель-
тихо, — первое слово, произнесенное
минуты бегства. — И зачем понадоби-

лось вам пускаться в такие проделки,
Пельцер, — именно вам, поддаться угово-
рам именно такого, как Гейслер? Видите,
Пельцер, прошло ровно шесть часов пять-
десять пять минут с тех пор, как Фюльгра-
бе ударил часового лопатой. Человеке, че-
ловеке, и давно вы все это затеяли? —
Пельцер молчал. — Неужели вы не поняли
сразу, что это ни-п-блое дело? Неужели
вы не пытались растолковать это дру-
гим? — Пельцер ответил тихо, ощущая
каждый слог как укол: — Я ведь ничего
не знал. — Что, что? — сказал Фишер все
так же сдержанно и тихо. — Фюльграбе
подает знак и вы бежите. Но почему же
вы побежали? — Пельцер сказал: — Все по-
бежали! — вот именно. И вы утверждаете,
что не были посвящены? Ах, Пельцер! —
Пельцер сказал: — Нет. — Пельцер, Пель-
цер, — сказал Фишер. У Пельцера было
такое ощущение, какое бывает у смер-
тельно уставшего человека, когда звонит
будильник и стараешься его не слышать.
Фишер сказал: — Когда Фюльграбе ударил
первого часового, второй часовой стоял
около вас, и в ту же секунду, как было
условлено, все набросались на второго
часового. — Нет, — крикнул Пельцер. —
Простите? — переспросил Фишер. — Я не
набросился. — Да, прошу прощения, Пель-
цер. Возле вас, Пельцер, — вас в един-
ственном числе — стоял второй часовой, и
тогда вы — во множественном числе, то-
есть вы, Гейслер и этот... да, как его...
Валлау, в ту же секунду вы набросились,
как было условлено, на второго часового,
стоявшего как раз возле вас. — Пельцер
сказал: — Нет. — Что нет? — Что было
условлено. — Что условлено? — Чтобы,
когда он стоял около меня... Он подошел
оттого, оттого... — он попытался сообра-
зить, но сейчас это было все равно, что
остановить на лету тяжелую свинцовую
гирю. — Приклонитесь же поудобнее, —
сказал Фишер. — Итак: сговора не было.
Ни во что не посвящен. Просто бежал.
Как только Фюльграбе взмахнул лопатой,
Валлау и Гейслер набросились на второго
часового, который стоял рядом с вами по
чистой случайности. Вами — в единствен-
ном числе, Пельцер? Верно? — Да, — мед-
ленно произнес Пельцер. Фишер громко
крикнул: — Оберкамп! — Оберкамп встал,
словно это он — подчиненный Фишера, а
не наоборот. Пельцер, и не заметивший,
что в комнате находится еще третий,
вздрыгнул. Он даже насторожился. — При-
ведите-ка Георга Гейслера на очную став-
ку. — Оберкамп взял трубку. — Так, так, —
сказал он в трубку. Затем обратился к

Фишеру:—Еще не вполне очнулся.—Фишер сказал:—Либо да, либо нет. Что это значит—еще не вполне?—Тогда Оберкамп пошел к Пельцеру. Он сказал сущее, чем Фишер, но все же не враждебно:—Пельцер, вы должны взять себя в руки. Гейслер нам только что описал все дело совсем иначе. Соберите все свои силы, Пельцер, и остатки вашей памяти и рассудка.

7

А Георг лежал под сероголубым небом в борозде пашни, метрах в ста от шоссе на Оппенгейм. Только бы теперь не застрячь. Быть к вечеру в городе. Город—это была пещера с глухими закоулками, с извилистыми ходами. Его первоначальный план: быть до ночи во Франкфурте, и прямо к Лени. Ему казалось, что когда он очутится у Лени, остальное будет сравнительно просто. Полтора часа поездом между жизнью и смертью—это все-таки можно преодолеть. Разве до сих пор все не шло гладко?.. Удивительно гладко, по плану?.. Только вот почти на три часа опоздал. Правда, небо было еще голубое, но с реки на поля уже шел туман. Скоро машинам, идущим по шоссе, придется, несмотря на предвечернее солнце, зажечь фары.

Непреодолимое желание, сильнее всякого страха, сильнее голода и этого проклятого биения в руке, кровь из которой давно просочилась сквозь тряпку: остаться лежать, ведь скоро ночь. И сейчас тебя уже закрывает туман, за этою мглой над твоей головою и сейчас уже тусклее солнце. Ночью исходить здесь не будут. Ты отдохнешь.

Он опять обратился за советом к Валлау. В советах Валлау не было неясностей. Если ты хочешь умереть, оставайся лежать. Вырви доску из куртки. Сделай новую перевязку. Иди в город. Все остальное глупости.

Он перевернулся на живот. Слезы потекли у него из глаз, когда он стал оттирать от руки присохшую тряпку. Ему еще раз стало дурно, когда он посмотрел на свой большой палец, на эту онемевшую сине-черную култышку. Затягивая зубами новый узел, он перекатился на спину. Завтра необходимо найти кого-нибудь, кто бы привел в порядок его руку. Он вдруг стал жрать от наступавшего дня живест чего, словно время само уносит человека в своем течении.

Чем гуще становился над пашней туман, тем ярче синели осенние васильки. Георг увидел их только сейчас. Если он к

ночи не доберется до Франкфурта, то жет быть удастся послать Лени весточку. И на это истратить марку, которую он шеп в куртке? Со времени своего бегства он не вспоминал о Лени или самое большее—как вспоминают о придорожной хе, о первом верстовом столбе. Сколько сил растратил он попусту, сколько драгоценного сна на мечтания ради девушки, которую поставило на его счастье ровно за три недели до его бегства. «Но я уже не могу себе представить ее,—подумал он.—Валлау я могу, и других». Если он видел Валлау отчетливо всех, то остальных он видел неясно только потому, что теперь их полускрывала ман. Опять кончился день, часовой рядом с ним, заговаривает: «—Что Гейслер, долго мы еще будем капителя?» Часовой смотрит на него страшным взглядом. Георг молчит. Сознание того, что он погиб, примешивается к другим смутным мыслям о бегстве.

По шоссе проехали первые огни. Георг перешел кабану. Словно толчок в мою спину, но вы не получите никогда. Этот толчок подбросил его на грузовик пивного завода. Затем у него голова кружилась от боли, так как, вспрыгнув, он ухватился больной рукой. Они въехали сейчас же—так ему показалось, на самом деле всего лишь через четверть часа—в какой-то двор на улочке Оппенгейм. Шофер только сейчас заметил, что пассажира. Он проворчал:—Скоро, скоро.—И так как в прыжке Георга, в первых спотыкающихся шагах что-то казалось ему странным, он еще раз вернул голову:—Может быть, ты собрался в Майнц?—Да,—сказал Георг.—Пожди-ка,—сказал шофер. Георг засунул большую руку за куртку. До сих пор он видел шофера только сзади. Он и сейчас еще не видел его лица, так как шофер писал, приложив квитанционную книжку к стене, затем через ворота вошел во двор.

Георг ждал. Улица за воротами слегка поднималась в гору. Здесь еще не было тумана, казалось, потухает летний день, так мягко был свет на мостовой. Напротив находились бакалейная лавка, за ней мясная, затем мясная. Двери лавки были закрыты. Две женщины с пакетами, маленькая закусивший носиком. Мощь и блеск современной жизни,—как презирал он раньше! Вместо того, чтобы жидеть здесь,—иметь бы право войти, быть как казачком в мясной, рассыльным при кале, гостем в одном из этих домов.

та, то в это время, он иначе представлял
и весте... Ему казалось, что на каждом
каждом камне мостовой должно
отражение стыда и что печаль дол
слушать шаги и голоса, даже иг
тей. Здесь улица была совершенно
на, люди казались довольными.—
«Фридрих!»—крикнула старуха из
зад прачечной двум парням-штурмо
разгуливающим со своими невеста
Идите наверх, я сварю вам кофе.
т ли Мейнер и Дитерлинг в сво
часы тоже так со своими невеста
Когда же все четверо, пошептав
выкрикнули:—Да—и, топая, вбе
в домики, а старуха закрыла окно,
ась довольной улыбкой оттого, что
идут молодые, пригожие гости,
быть будущие родственники,—Ге
овладела такая печаль, какой он
никогда за всю свою жизнь не испы
л. Он заплакал бы, если бы не го
который в самом горестном сне успо
льно напечатывает нам, что все это
не важно.—Нет, все-таки важно,—
л Георг. Шофер вернулся—здоровен
малый, черные птичьих глаза на тол
лице.
Лезь наверх,—сказал он коротко.
гда они подбежали к городу, был уже
р. Шофер ругал туман.
Зачем ты в Майнц?—спросил он
—В больницу,—сказал Георг.—
кую?—В мою прежнюю.—Ты, вид
любишь нюхать хлороформ,—сказал
р.—Меня ни за какие деньги не за
шь в больницу. В феврале, в гололе
—Они чуть не наскочили на два
мобиля, стоявшие друг за другом. Шо
затормозил, выругался. Обе передних
аны только-что получили от дорожного
разрешение ехать дальше. Охранни
подшли к грузовику швоваренного за
—Хейль Гитлер!—«Все в целом
лось не так плохо,—подумал Георг,—
раза я нарвался. К сожалению, всего
лучше». У него было такое же ощу
е, как и при его первом аресте, ког
анезално дом был оцеплен: поспешная
становка по местам всех чувств, мыс
мгновенная разгрузка от всякого хла
процанье по всем статьям и, нако
нем была коричневая вельветовая
на, несомненно. Часовой сравнил при
«Просто удивительно, сколько вель
х курток можно забрать на пути
Вормсом и Майнцем»,—сказал ко
Финер, когда Бергер перед тем
одного такого курточника. Этот

вид костюма, очевидно, пользуется попу
лярностью среди местного населения.—
Однако, кроме куртки,—решил часовой,—
человек этот не подходит ни по одной из
примет: он мог бы быть отцом того, тог
да как отыскиваемый был сверстником
часовому; тот был крепкий малый с глад
ким дерзким лицом, а у этого плоская,
скучная рожа с толстым носом и вывер
нутыми губами. Он кивнул, чтобы еха
ли:—Хейль Гитлер!—Хейль Гитлер!
Молча ехали они несколько минут на
скорости в восемьдесят километров. Вдруг
шофер опять затормозил посреди пустой,
свободной дороги.—Слезай,—приказал он.
Георг хотел возразить.—Слезай,—повто
рил шофер угрожающе. Его толстое ли
цо искажилось, так как Георг еще коле
бался. Он сделал движение, чтобы на
сильно сбросить вниз Георга. Георг спры
гнул. Он снова задел за большую руку, он
тихонько вскрикнул. Попытаясь, пошел
он дальше, а фары грузовика пронесли
мимо, тотчас же проглоченные туманом,
опустившимся за последние минуты. Одна
за другой мимо Георга проносились авто
машины, но он больше не решался оста
новить ни одной. Он не знал, сколько час
сов падо еще идти, сколько часов он уже
идет. Он попытался определить, в какой
точке пути между Оппенгеймом и Майн
цем находится,—он как раз проходил
через маленькую деревушку с освещен
ными окнами. Но не решился спросить
название деревушки.

Иногда взгляд случайного прохожего или
высунувшегося из окна человека так упи
рался ему в лицо, что он пытался стереть
его рукой. Что за бабки украл он?
Ведь они несли его и несли, тогда как
он сам утратил желание и волю бежать
дальше. Затем он слышал какое-то пере
звонивание довольно близко вперед. Рель
совый путь кончался у маленькой площа
ди, показавшейся ему деревенской площа
дью. Он стоял теперь в толпе людей на
конечной остановке трамвая. Из своей мар
ки он залпал тридцать пфенингов. Ва
гон, в котором было сначала довольно
свободно, оказался на третьей остановке,
возле какой-то фабрики, битком набитым.
Георг сидел, опустив глаза. Когда он ни
на кого не смотрел, отдаваясь только ощу
щению тепла в тесноте всех этих людей,
он был спокоен, он чувствовал себя почти
в безопасности; но когда кто-нибудь тол
кал его и скользил по нему взглядом, он
холодел.

Ему падо было сходить на станции, на
зывавшейся Августина-штрассе. Он заша

гал вдоль рельс, углубляясь в город. Он вдруг влине очнулся. Если бы не рука, он чувствовал бы себя легко. Это сделала улица, толпа, вообще город, который никого не оставляет в одиночестве, по крайней мере так кажется. Какая-нибудь из этих тысяч дверей все-таки открылась бы перед тобой, если бы только найти ее. В булочной он кушил два хлеба. Эта болтовня старых и молодых женщин вокруг него о ценах на хлеб и о его качестве, о детях и мужьях, которые его теперь съедят, — неужели она все это время так и не прерывалась? «Что ты воображаешь, Георг, — сказал он себе, — никогда она не прерывалась, никогда не прервется». Он поел на ходу, он стянул муку, приставную к куртке Гельвига. Он заглянул через ворота в какой-то двор, где был колодец, и, увидев, что какие-то мальчуганы пьют из кружки, висевшей на цепочке, он тоже вошел и напился. Затем он двинулся дальше и дошел до очень большой, просторной площади, казавшейся, несмотря на фонари и людей, пустой и мгlistой. Он охотно присел бы. Но он не отважился. Вдруг начался звон где-то так близко и громко, что загудела стена, к которой Георг в изнеможении прислонился. Так как туман на площади перед ним стал светлеть, то ему почудилось, что, пожалуй, Рейн недалеко отсюда. Он спросил какую-то девочку, она не задумываясь ответила ему: — А вы что, сегодня же утопиться хотите? — Он тут только заметил, что спрошенная — уже не девочка, а только захирела, но дерзка и жадна. Она ждала, не попросит ли он, чтобы она проводила его вниз, к Рейну, но эта встреча привела как раз к обратному; мысли, все время мучившие его, завершились определенным выводом: отнюдь не переходить по одному из больших мостов на тот берег, но провести ночь здесь, в городе. Именно сейчас и именно мосты охраняются с удвоенной строгостью. Более трудное было и более благоразумным — держаться левого берега. Придумать что-нибудь другое и гораздо ниже перебраться на тот берег. Добраться в свой город не прямоком, а в обход. Рассеянно посмотрел он вслед девушке. Что-то в ее порывистой, неровной походке напомнило ему его девушку, — или каждая девушка напоминала о ней? На тысячную долю секунды ему удалось вызвать ее образ. Вот точно так же и она уходила и в точности так, как эта девушка, пожалала она тогда еще раз плечами. Звон прекратился. И внезапная тишина на площади, и то, что в стене, к

которой он прислонился, тоже, прекратилась дрожь и стена точно заново оказалась, — все это еще раз заставило его осознать, каким громким и мощным был звон. Он даже отошел от стены и шагнул вверх, на башни. У него голова кружилась, прежде чем он отыскал высокий пшлль. Над обеими близко стоящими друг к другу башнями третья посылась в вечернее осеннее небо через той непринужденной смелостью и смелостью, что ему стало больно. Но ему вдруг пришло в голову, что в таком большом доме не может быть недостатка в стульях. Он поискал Дверь не заперта. Он удивился, действительно проник внутрь. Он упал ближайший конец ближайшей скамьи. «Здесь, — подумал он, — я смогу отдохнуть». Только теперь посмотрел он на гол. Таким крошечным не казался он даже под широким небесным сводом. да взгляд его обнаружил трех-четырех женщин там и тут, таких же крошечных как и он сам, и когда он охватил пространство между отдельными колоннами своего места не увидел конца здания, и вширь, ни ввысь, а только пространство и снова пространство, — он даже подивился. Быть может, самым удивительным во всем этом было то, что он на забыл себя.

Однако, уверенно ступая, появился стер, и — так как место было для привычное и то, что он делал, было профессией — он тотчас положил этому удивлению. Топая, ходил он в сетка ти сердито: «Собор закрыт», а женщины, которые никак не могли расстаться с ней молитвой, он сказал скорее настоятельно, чем утешая их: «Господь бо завтра тут будет». От страха Георг чил. Женщины медленно вышли ближайшую дверь, мимо кистера. Однако эта дверь была уже заперта падо было спешить, чтобы, пересекая Мар редину церкви, догнать женщин. Тут в голове блеснула одна мысль. Вместо чтобы торопиться выйти, он присел и большой кушелью и дал кистеру запер дверь.

Эрст-пастух загнал своих овец. свистит своей собачке. Вечер здесь, еще не наступил. Небо над холмами деревьями еще только бледножелтое, и он тепло, когда женщины слишком не хранят его в шкафах. Туман лежит

пределах так плотно и плоско, что можно
во окрестностях будто равнина с ее большими и
завилыми рядами огоньков поднялась
ценым в то деревня Шмитгейм лежит не
ы и в долине, а на самом краю равнины. Из
головы в горах Гехтские сирены и поезда.
жал в городах и селах женщины соби-
раться. Уже прозвывают первые
гретья в долину внизу на шоссе. Эрнст пере-
бежал через придорожную канаву.

и Эрнст поставил ногу. Он скрестил руки на
Но Эрнст смотрит вниз, туда, где около
Траубе начинается подъем. Вок-
кет его губ вздрагивает улыбка, полная
скальной насмешки, видимо отпоя-
лся, как к богу и его миру. Вечер за вече-
р упал и пытался удовольствие, наблюдая,
как там внизу вынуждены сходить с
у ошейников и тащить их на себе.

он идет через десять мимо него проходят
я они рабочие, пропотевшие, серые,
домашние. — Эй, Ганнес! — Эй, Эрнст! —
х-четь Гитлер! — Это уж как тебе удоб-
ношечка — Эй, Пауль!

и расселся Эрнст, Франц! — Некогда, Эрнст, — ска-
лами Франц. Он потащил велосипед через
данный, на которых утром так весело
страдал. Эрнст обернулся и посмотрел
след. «Что это с парнем? — подумал
живит — Наверно, какая-нибудь зазноба».
и на ходу понял, что недолюбливает Фран-
ца. Для чего, — размышлял он, — ему де-
лится? Если уж кому она нужна, так это
для Эрнста. Он постукал в кухонное окно Май-
блота.

и Франц прошел прямо в кухню. — Здрав-
н тебе. — Здравствуй, Франц, — пробурча-
ло и тетка. Суп был уже разлит по та-
нцам, картофельный суп с сосисками. По
сосиски на каждого мужичку, по одной
настие на женщину, по половинке на ре-
бят. Мужчины были: старик Марнет,
отчий сын Марнет, зять, Франц. Жен-
щины были: фрау Марнет, Августа. Де-
ти: Гансхен и Густавхен. Детям подали
воду. взрослым — пиво, хлеб и колбасу,
ортак суду было в обрез. Во время вой-
ны фрау Марнет научилась почти все, в
тремя нуждалась, добывать из-под
го и лавируя среди всевозможных де-
нсов и запретов.

апельски и стаканы, платья и лица, кар-
на стенах и слова на устах — все
гелствовало о том, что Марнет —
ед. ни бедные, ни богатые, ни городские,
наевские, ни ханжи, ни безбожники.
мама Если малышу не сразу те дали от-
е, и он теперь видит, что и упрямой
и не всегда стену пропибеть, —
жир фрау Марнет о своем младшем

сыне, стоявшем в Майнце со сто сорок
четвертым, — так это для малого даже по-
лезно. — И все, сидевшие за столом, в
том числе и Франц, с этим согласились:
да, малыша следует хорошенько пому-
штровать, и вообще слава богу, что все
эти озорники опять научатся повиновению.

— Ведь сегодня же понедельник, —
сказала фрау Марнет Францу, когда тот,
едва проглотив тарелку супа, снова встал.
Она надеялась, что Франц поможет снять
последние яблоки.

Она еще продолжала ворчать, а он уже
скрылся. Очень-то бранить его не прихо-
дилось: он был всегда услужлив и внима-
телен, если бы не эта вечная игра в шах-
маты с Германом в Брейльсгейме. — Будь
у него хорошая девушка, — сказала Авгу-
ста, — его бы это не интересовало.

Франц сел на велосипед и поехал по
проселочной дороге в Брейльсгейм, который
был раньше деревней, а теперь, благодаря
новому поселку, слился с Гризгеймом.
После своей новой женитьбы Герман жил
в поселке, на что в качестве железодо-
рожного рабочего имел право первой оче-
реди. Он вообще имел права на многое:
всевозможные рассрочки, льготы, скидки.
Весной этого года он женился вторым
браком на Эльзе Марнет, совсем молодой
кузине Марнетов. Его жена была из Шло-
борнеров, «дальних» Марнетов, как их
называли в Таунусе и в многолюдном,
разбросанном по деревням семейном союзе
Марнетов. И Герман даже сказал, обещая
с товарищами все преимущества своей
женитьбы: — Да, наша тетя Марнет, ближ-
няя тетя Марнет, подарит нам еще, пожа-
луй, серебряный прибор. Ведь она — жре-
стная мать Эльзы. И каждый день рождения
Эльза получает от нее серебряную ложеч-
ку. — Получать весь год сало от ближних
Марнетов, верно, было бы твоей Эльзе
приятнее, — говорили товарищи. — Так все-
гда бывает с подарками на торжественный
случай, — говорил Герман. А потом Эльзе
приходилось ходить туда помогать и ког-
да стирка, и когда уборка урожая, и когда
скотину бьют, — ведь она считалась чле-
ном семьи. Однако сама Эльза испытывала
только радость и от ложек и от своего
нового обзаведения. У нее было круглое
личико восемнадцатилетней, бисерные глаз-
ки. Правильно ли он постукал, — спраши-
вал себя Герман, — что взял к себе этого
ребенка? Оттого только, что она была так
мила и молода, а он уже столько лет, а
последние три года в особенности, так не-
выносимо одинок.

Эльза распевала в кухне. Ее голос не был ни особенно силен, ни особенно звучен, но именно потому, что она пела так бесхитростно, голос лился точно ручеек, — то печально, то весело, именно так, как было на душе у слушавшего ее.

Герман хмурился от смутного чувства неловкости. Они поставили между собой шанетную доску. Рассеянно сделали они те три хода, с которых обычно начинали партию. Франц стал рассказывать. Он весь день так напряженно ждал этой минуты, что возможность наконец-то все рассказать делала его слова несколько сбивчивыми. Герман иногда вставлял короткие вопросы. Да, и до него дошли смутные слухи. Во всяком случае, надо все держать наготове. Можно всего ждать! Кто-нибудь появиться, понадобится помощь. Герман даже от Франца угаив то, что слышал сам, будто прежний районный руководитель Валлау, очень хороший человек, которого он раньше знал лично, бежал из лагеря Вестгофен. Он даже слышал, что фрау Валлау принимала какое-то участие в устройстве побега, — обстоятельство, сильно его встревожившее. Ведь если это правда, то этого никто не должен был бы знать. А этот Георг, о котором Франц опять спрашивает, — нет, о нем он ничего не слышал. — Тут надо очень подумать, — сказал он. — Удавшийся побег это уже кое-что...

8

Франц был, конечно, не единственным, кто в эту осеннюю ночь лежал без сна и думал: «Что, если и мой там?» Конечно, он был не единственным, кто мучился мыслью о том, что среди бежавших из лагеря мог быть и тот, о ком он думает. Франц переворачивался с боку на бок на своей кровати в камерке, которую снимал с тех пор, как у него начали водиться деньги.

Вчера вечером наспех прибили к стене еще несколько полок, так как урожай яблок был сверхобилен.

Франц встал и высунул голову в окно: запах яблок действовал на него одуряюще. Хорошо, что во вторник все это увезут отсюда на рынок. Хотя яблок ему даже несколько не хотелось и он набил ими живот, он все-таки взял еще одно, торопливо съел его, а черешок выбросил в сад. Стекланный шар, так красиво голубевший днем над вполами и лапфюлями, сейчас серебристо поблескивал, словно сама луна скатилась с неба в сад. Так как сад был расположен на подьеме, то небо начина-

лось сейчас же за высоким общим сетометами забором, сверкающее звездами соседски близкое.

Франц вздохнул. Он снова лет. «В именно мой должен в этом участвовать думал он в сотый раз. И он думал на улыба да тот, кого он имел в виду, — Ге был когда-то другом; но были ли он ствительно другом? «Конечно, — мой ний, мой единственный», — влезалтшил Франц. Он был совершенно пот этим выводом.

Когда он познакомился с Ге В двадцать седьмом году, в летнем Ах, нет, гораздо раньше. Он встретил ним еще на футбольной площадке в гейме, вскоре после того, как оба о ли школу. Он, Франц, был настолько хим футболистом, что никто не ста залопутить его в свою команду. По он и насмехался над такими парнями Георг, которые ни о чем, кроме фу не думают. — У тебя, Георг, вместо вы футбольный мяч на плечах. — Георга зло сузились. И, конечно, не чайно Георг в этот день послал ем прямо в живот. Потом Франц перест дить на футбольную площадку: она лялась тем полем деятельности, где мог проявить себя, хотя все вновь и манила его. Он и потом не раз вид сне, что стал вратарем эшнгеймца.

Четыре года спустя он снова встр ся с Георгом на занятиях, которые в том же летнем лагере. Георг рас ему, что его привлекли сюда дешево ки борьбы Дяжу-Джигсу; на занят пришел только от скуки, утвержда Он и не подозревал, что этот у Франц — это его прежний Франц, е кудышный Франц с футбольной пло вдруг вынырнувший здесь в роли уч Глаза Георга снова сузились, в явились крошечные искорки нена словно надо было отомстить за что- какое-то поношение или позор. Он, мо, решил отравить Францу его за Но когда его выходы встретили леодобрение и все им воспротивил ео второго раза сам перестал Франц неотступно наблюдал за ним сивое смуглое лицо Георга часто в ло презренье; на ходу он держался чур прямо, словно ему было жаль тех, кто менее красив и силен, сам. И только во время гребли ил бы забывал он себя, и его лицо сл лось добрым и радостным, словне рвался от самого себя. Франц же,

ему самому непонятным любопытством тыскал личную карточку Георга; ухилился на автомобильного слесаря, так и не получив работы.

Следующую зиму он встретился с Георгом на январской демонстрации. Тот улыбался своей застывшей, почти глумливой улыбкой. Только во время демонстрации его лицо. Они встретились, когда демонстрация разошлась. Георга что-то случилось со спортивным костюмом. На осклизлом городском снегу упала подметка. У Франца мелькнула

идея, что Георг из тех, кто прошел бы с демонстрацией и босиком, с начала и до конца. Он спросил Георга, какой у него размер обуви. Георг ответил: — Сын моей матери сам себе это починит. — Франц взглянул на него, не хотел ли бы он видеть фотографии с летнего лагеря. Там есть и он, Георг. Конечно, Георгу хотелось посмотреть на снимки, на которых он участвует в соревнованиях по плаванию и по борьбе с Джитсу. — При случае можно будет поговорить, — сказал он. — Какие у тебя планы на сегодняшний вечер? — спросил Франц. — А какие у меня могут быть планы? — спросил Георг. Оба без видимой причины смущились. За всю дорогу до станции города они не сказали друг другу ни слова. Франц охотно бы придумал предлог, чтобы отделаться от Георга. Для чего он вообще зашел к себе в гости этого парня? Ведь собирался почитать. Он зашел в магазин и купил колбасы, сыру и апельсин. Георг ждал перед витриной без своей обычной улыбки, его лицо было почти мрачно и Францу совершенно непонятно, почему он все время следил за ним в окне витрины выставленных товаров.

Франц жил в то время на Гиршгассе, в одной из этих чудесных горбатых пятиэтажных крыш. Комната была маленькая, с низким потолком и дверью на лестницу. — Здесь живешь совсем один? — сказал Франц. Франц рассмеялся. — Семейством я не обзавелся. — Значит, ты здесь живешь один-одинешенек? — повторил Георг. — Ну да. — Его лицо теперь окончательно омрачилось. А Франц догадался, что Георг живет в тесноте с большой семьей. — Означало: ну да, вот тебе как жаль. Неудивительно, что ты растешь. Франц спросил: — Может быть, хочешь перебраться? — Георг удивленно взглянул на него. На его лице не было ни улыбки, никакого высокомерия; настроение было слишком быстрым, оно не могло вооружиться своим обычным выра-

жением. — Я? Сюда? — Ну да. — Ты это серьезно? — спросил Георг тихо. Франц ответил: — Я всегда все говорю серьезно. — Однако вопрос о переезде он задал отнюдь не серьезно, это скорее нечаянно вырвалось у него. Лишь потом это стало серьезным, даже слишком серьезным. Георг побледнел. Франц только теперь понял, что эти случайные слова полны для Георга неизмеримого значения, что это поворотная точка его жизни. Он схватил Георга за руку: — Значит, сговорились. — Георг высвободил руку.

Он сейчас же от меня отвернулся, — вспоминал Франц в своем яблочном чулане. — Он подошел к окну, он совершенно закрывал мое маленькое оконце. Был вечер, зима, а потом свет зажег. Георг сидел верхом на стуле. Его красивые темные волосы спадали густыми прямыми прядями, он чистил себе и мне апельсины. Я взял кувшин, — вспоминал Франц, — чтобы принести воды из водопровода на лестнице. Я стоял в дверях, а он смотрел на меня со своего стула. Его серые глаза были совсем спокойные, и эти чудные колючие точки в них, которых я в ранней юности всегда боялся, исчезли. Он сказал: — Я, знаешь, нам как-нибудь всю горницу покрашу. А из ящика я сделаю тебе полку для книг, а из этого хорошего ящика с запором я сделаю тебе шкафчик; как новый будет, вот увидишь.

Вскоре после этого Франц и сам потерял работу. Они соединяли свои пособия по безработице и случайные заработки. Несравненная зима, — вспоминал Франц, — не сравнимая ни с чем, что он пережил раньше или позднее. Маленькая комнатка с косым потолком, уже выкрашенная в желтый цвет, на крышах снеговые навесы. Вероятно, они тогда здорово голодали.

Как это бывает со всеми, кто действительно размышлял о голоде и действительно побеждал его, — собственный голод в сравнении с всеобщим голодом трогал их очень мало. Они работали, учились и ходили вдвоем на демонстрации и собрания; их всегда привлекали вместе, когда в районе была нужда в таких людях. А когда они оставались одни, — то от того, что Георг спрашивал, а Франц отвечал возникал некий мир, общий для них и для всех людей, мир, который сам собой молодеет, чем дольше мы в нем пребываем, и растет, чем больше мы берем от него.

Таким все это, по крайней мере, казалось Францу. Постепенно Георг становился молчаливее и меньше спрашивал. «Я тогда, наверное, чем-нибудь обидел его», —

думал Франц. «Зачем я принуждал его читать? Я этим, должно быть, мучил его». Георг сказал на чистоту, что всего этого ему не вместить, все это не для него. И теперь он иногда оставался ночевать у своего старого товарища по футболу, Пауля, хотя тот и высмеивал его, за то, что он так высоко занесся и вечно ораторствует. А иногда Георг ночевал на старом месте, у своих родных, и частенько брал к себе младшего брата, маленького, сухенького бесенка с веселыми глазами. Франц размышлял: тогда это с ним и началось. Георг был, сам того не сознавая, разочарован. Вероятно он думал: стоит ему поселиться у меня и быть всегда со мной, и мы сблизимся... Но комната скоро надоела ему, а я так и остался чужим. Я верно давал ему чувствовать расстояние между нами, между мной и им, когда на самом деле расстояния не было: я мерил неверной мерой.

К концу зимы Георг стал беспокойным. Теперь он редко бывал дома. Он довольно часто менял своих девушек, и нельзя было понять, чем он руководствовался. Так, самую красивую девушку из летнего лагеря он вдруг бросил ради какой-то кривобочкой дуры, модистки от Тица. Он приударял за молоденькой женой булочника, пока с булочником не вышли неприятности. Затем вдруг стал проводить время по воскресеньям с худенькой партией в очках. Она знает еще больше чем ты, Франц, — сказал он как-то. Однажды он сказал: — Ты не настоящий друг. О самом себе ты никогда не расскажешь. Я показываю тебе всех моих девушек, одну за другой, и все тебе рассказываю. А ты наверно что-нибудь держишь про себя, что-нибудь замечательное, надежное. Франц возразил: — Ты просто не понимаешь, что можно жить некоторое время и совсем одному.

Франц думал: «Я познакомился с Элли Меттенгеймер двадцатого марта тысяча девятьсот двадцать восьмого года в семь часов вечера, незадолго до закрытия почты. Мы стояли у того же самого окошечка. У нее были коралловые сережки. Во второй раз, в парке, она сняла серьги и сунула в карман, по моей просьбе. Я сказал ей, что только негрятянки продают в уши и в нос эти побрякушки. Она засмеялась, а мне, по правде говоря, стало жаль: кораллы были очень красивы в темных волосах».

Он умолчал перед Георгом о своем знакомстве. Они встретили его случайно, как-то вечером на улице. Георг сказал потом: «Ну да, ясно...» Всякий раз, когда Франц возвращался в воскресенье вечером домой,

Георг спрашивал его, скрывая улыбку. Ну, как было? — колючих искорок в зах стало ужасно много. Франц хмурился. — Она не такая, — отвечал он.

Однажды Элли не пошла с ним. Он знал, что из-за отца, обойщика Меттенгеймера. В понедельник он подкараулил Элли около конторы. Она убежала от него, вбежала в трамвай, и прыгнула в переполненный. Он заметил, что всю неделю Георг неотступно наблюдает за ней. Он был готов был вышвырнуть его вон. В субботу Георг особенно прифрантился. Он сказал Францу, разложившему на подоконнике свои книги, чтобы за воскресенье подготовиться к занятиям: — Желаю веселиться. — В воскресенье вечером Георг вернулся загоревший и веселый. Он сказал Францу, сидевшему перед подоконником с таким видом, словно он и не вставал. И это правда. — Несколько дней спустя Франц вдруг встретился с Элли на улице. Его сердце подпрыгнуло. Ее румяное лицо пылало. Она сказала: — милый Франц, лучше я сама тебе скажу. Мы с Георгом не сердись на меня. Тут ничего не поделаешь, знаешь ли, — для сердца закон писан.

Он сказал: «Да ладно», и убежал. Он прождал в течение долгих часов в полной тишине, среди которой горели только красные точки — коралловые сережки.

Когда Франц поднялся в свою комнату, Георг сидел на кровати. Франц сейчас стал собирать свои вещи. Георг пристально следил за ним. И такова была сила взгляда, что она заставила уходящего вернуться к нему лицом, хотя у Франца было только одно желание — никогда больше не видеть глаз Георга. Георг чуть-чуть улыбался. У Франца явилось жгучее желание ударить его прямо в лицо, чуть всего — в глаза. Секунда, последовала за тем, была, вероятно в их совместной жизни единственной, когда они вполне няли друг друга. Франц почувствовал, все желания, до сих пор руководившие поступками, угасли, кроме одного. Он пожелал, может быть впервые вполне крепко, подняться над всей этой суматохой в устремлении к одной цели, волеющей над суматошливой беспокойной жизнью. Он сказал спокойно: — Из-за Франца, тебе незачем съезжать. Если ты не по душе жить дальше со мной — лишь ты можешь признаться, что тебе когда это было немного не по душе — все равно тут не останусь. Элли и мы немедленно поженимся. — Франц не хотел говорить с ним, но тут у него вы

улыбка — Ты? Элли? — Да, почему бы и
орок в — казал Георг. — Она ведь не такая,
иц хму другие. Это навсегда. И ее отец мне
он. т работу.

им. Он — Элли, обойщик, которому этот
Метте первого же взгляда пришлось не по
аулил Б настаивал на скорейшей свадьбе,
него, к же это было необходимо. Он снял им
а в пер ту, так как по его словам не хотел,
ую пер у него на глазах губили его любя-
ва ним. дочь.

и. В суб — анц, лежа в яблочном чулане на
Он ска кровати, положив голову на закину-
подоконн руки, вспоминал каждое слово, кото-
ые подг было тогда произнесено, каждую пере-
весел в лице Георга. В течение многих лет
орг вер хотел он вспомнить об этом. Если все-
казал Ф что-нибудь всплывало в памяти, он
ишком с сжимался. Теперь он дал всему этому
вставал итно пройти перед ним. Он чувство-
дней слу только удивление. Он думал: «Оказы-
п на Ул тся, мне уже не больно. Мне все равно.
мяное Л но, страшные вещи произошли за это
Франц, а, если от всего этого уже не больно».

с Георг ии недели спустя в парке Бокенгеймер
го не п щц издали увидел Георга на скамейке
да закон вероятно толстой женщиной. Он обнял
на спину, но не мог обхватить. Еще
рождения ребенка Элли переехала об-
полной н к родителям. Однако отец, как
только яц узнал от соседей, вдруг стал на-
сережки жать, чтобы дочь вернулась к мужу,
ую компа его мнение было таково: «Ты вышла
щ сейчас него, у тебя и ребенок от него,
ог приста теперь изволь с ним ладить». Тем вре-
ла сила ем Георг снова лишился работы, отто-
одящего го все «гонял», как выражался его
я у Фра ть. Элли опять поступила в контору.
иногда б толго до отъезда Франц узнал, что
рг чуть-ч окончателно вернулась к родителям.

жгучее ьть детская игра, состоящая в том, что
лицо, лу многоцветный рисунок накладывают раз-
следовав ветные стекла. Смотря по цвету, ви-
совмест ь разные картины. Тогда Франц смот-
и вполне через стекло, которое показывало ему
ствовал, друга только в совершенно определен-
водившие свете. Через другие стекла он не смот-
дного. Г —
е вполне —
той сум между этот город стал противен. Он ре-
дела, воз переехать в другое место. Вот как
беспоко итно окончилась для Франца эта псто-
— Из-за м которая у другого кончилась бы, мо-
— Если быть, просто дракой. Но у таких лю-
мною — как Франц, ничего не бывает просто.
— что тебе — он уехал к матери, с которой не ви-
душе — т уже много лет. Она жила у замужней
Элли и в Северной Германии. Франц там
Франц не ждался. Благодаря этой перемене вся
его вы — его расширилась. Временами он да-
е бывал о причине, приведшей его сю-

да, он словно весь раскрылся в новом ме-
сте, среди новых товарищей. Что касает-
ся внешней стороны его жизни, то он был
одним из тех многочисленных безработных,
который переписался из одного города в
другой. Вообще же его можно было скорее
сравнить со студентом, меняющим один
университет на другой. Может быть, он
был бы счастлив увериться в том, что он
действительно любил ту спокойную, хоро-
шую девушку, с которой некоторое время
прожил.

После смерти матери он в конце три-
дцать третьего года вернулся в окрестности
города, где некогда жил. Три причины вы-
звали это возвращение: на севере он был
слишком известен. Остаться там уже
было опасно. На юге он был нужен, так
как знал людей и местные условия, тогда
как его самого уже забыли. Он жил у дя-
ди Марнета. Старые знакомые, с которыми
он иногда встречался, думали про себя:
«Прежде он иначе рассуждал». Или —
«Еще один переметнулся». Однажды Франц
пришел к единственному человеку, кото-
рый был посвящен в его дела, — к желез-
нодорожному рабочему Герману. Герман
сказал ему спокойно, еще чуть спокойнее,
чем обычно, что в прошлую ночь произо-
шел очень неприятный провал: аресто-
ванный знал все явки, к тому же он вошел
в организацию совсем недавно и как раз
после предыдущих арестов. Герман спо-
койно и сдержанно, но вполне определенно
высказал предположение, что арестованный
может все выложить, — или от слабости,
или от неопытности. Хотя это недоверие
и небосновано, все же обязанность Гер-
мана поступить так, как ему подсказывает
его сомнение: все явки переменить, и
предупредить людей, которых арестованный
знал. Он вдруг прервал себя и резко спро-
сил, не знал ли Франц этого человека
раньше, так как Франц ведь жил здесь;
это — некто Георг. Франц взял себя в
руки, однако не настолько, чтобы скрыть
от Германа, как его потрясло это имя,
произнесенное снова спустя несколько лет.
Франц попытался в нескольких словах
беспристрастно охарактеризовать Георга,
но это было бы для него невозможно
даже в спокойнейшие часы. Герман по-
своему истолковал его смятение. Склонив-
шись над шахматной доской, они обсудили
все необходимые мероприятия.

Франц теперь думал: наши мероприятия
оказались излишними. Нам не надо было
ни менять явки, ни предупреждать това-
рищей. Мне незачем было уходить с серд-
цебиением.

Дело в том, что несколько месяцев спустя Герман свел его с одним бывшим заключенным, опущенным из Вестгофена, и тот рассказал о Георге:— Они хотели показать нам, что можно парня, сильного, как дуб, положить — раз, два, три — на обе лопатки. Но вышло наоборот. Они нам только показали, что нет ничего, чем можно было бы положить его на обе лопатки. И они все еще мучат его, так как теперь хотят сжить его со свету.

У него всегда бывало такое лицо, такая улыбка, от которой они бесились, и особенные глаза: в них много насмешливых, колючих искорок. А теперь его красивое лицо превратилось от побоев в лепешку. Вообще он весь ссохся.

Франц встал. Он высунул голову в маленькое оконце, как можно дальше. Стояла полная тишина. Франц впервые не почувствовал в этой тишине умиротворенности — не утихим был мир, а примолкшим. Он невольно спрятал руки от лунного света, который больше, чем всякий другой свет, прилипает к поверхности и проникает во все щели. «Как я мог знать, — думал он, — что он окажется таким, каким он оказался? Кто мог это предвидеть? Наша честь, наше имя и наша безопасность вдруг очутились в его руках. Все прежнее, все его истории, все его проделки — все это был вздор, несущественное. Но кто же мог это знать? Может быть, я на его месте и не выдержал бы, хотя ведь это благодаря мне он...»

Франц вдруг почувствовал, что очень устал. Он снова лег в постель. Теперь он думал: а может быть, его вовсе и нет в числе этих беглецов. Он, вероятно, слишком ослабел для такого предприятия. Но кто бы ни бежал, Герман совершенно прав: вырвавшийся на волю беглец — это всегда будоражит душу. Это всегда лишнее сомнение в их всемогуществе. Это — брешь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Когда Блестер ушел и запер дверь и последний отзвук раскололся о дальний свод, Георг понял, что ему дана передышка, дана такая неожиданная отсрочка, что он почти готов был принять ее за спасение. С самого бегства, даже с ареста впервые испытал он горячее чувство безопасности. Но как ни остро было это чувство, оно было столь же мимолетно.

«Однако в этой яме, — сказал он себе, — адски холодно».

Сумерки настолько сгустились, что ски на оконных стеклах померкли. достигли того оттенка, когда стены падают, своды поднимаются, колонны страиваются бесконечной вереницей и растают в неизвестное, где, быть может, нет ничего, быть может, — беспрепятственность. Вдруг Георг почувствовал, что ним наблюдают. Он стал бороться с ощущением, сковывавшим тело и душу. Он высунул голову из-под купели. В метрах, с ближайшей колонны, в уперся взгляд человека с посохом и в торе, прислонившегося к своей могиле плите. Сумерки затупевывали пыши его одежду, словно струившихся с него не его черты, четкие, тупые и злобные. Его глаза преследовали Георга, когда проползал мимо.

Сумерки лились не снаружи, как в обычные вечера. Казалось, самый растворяется и теряет плотность. И градные лозы на колоннах, и причудливые морды, и — вон там — проколота женная нога были воображением и дыше все каменное испарилось мглой, и тогда Георг каменел от страха. Он закрылся за, он несколько раз вздохнул, — все шло, или сумерки стали еще немного гуще и оттого более успокаивающими. Он искал, где бы спрятаться. Он перебежал одной колонны к другой. Он пригибал полу, словно за ним все еще следили, присел возле колонны, прислонившись к которой стоял и равнодушно глядел гильной плиты поверх него полный, ровный человек. На губах — наглая ироничная усмешка. Держа в каждой руке корону, он незаметно для Георга, ступно короновал двух карликов, антикоролей междоусобицы. Одним прыжком Георг очутился у соседней колонны, словно в промежутках его кто-то подталкивал. Он поднял глаза к человеку, пыши одетому, что и Георг мог бы в одежде завернуться. Он вздрогнул. Человеческое лицо склонилось над ним, по печали и тревоги: «Чего же ты хочешь еще, сын мой? Откажись, ты уже достиг конца. Твое сердце стучит, стучит в твоей больной руке». Георг отыскал ходящее местечко, нишу в стене. Он взглядами шести архиканцлеров Священной империи он ползком пересек боковой предел, отставив руку, как пес, пришедший лапу.

Он сел. Он стал растирать одеревеневшую кисть больной руки. Он стал растирать коленные суставы, лодыжки и щиколотки ног.

уже лихорадило. Нет, нет, больная
не смеет подвести его, пока он не
дойдет до Лени. У Лени он сделает не-
много, помоется, поест, поспит, поле-
жит. Он испугался. Ведь он только-что
хотел, чтобы эта ночь длилась беско-
нечно, чтобы она миновала как
молния. Он снова попытался пред-
ложить себе Лени. Волшебство, иногда
вспомогательное, иногда нет, в зависимости
от минуты и часа. На этот раз удалось: ху-
да девятнадцатилетняя девушка, тон-
кие длинные ноги, голубые глаза на
бледном смуглом лице, от густых ресниц
спускались почти черными. В свете вос-
ходящего солнца, в нарастающей разлуке из де-
ревьев, показавшейся ему в действитель-
ности на первый взгляд почти некраси-
вой и немного смениной, благодаря длин-
ным рукам и ногам, придававшим ее по-
чти какую-то неловкую открытость,
постепенно превратилась в сказочное
существо, какое не часто встретишь даже
в легендах.
Каждого нового дня, прибавлявшего
к разлуке, из каждой новой грезы вы-
ходила она все более нежной, все более
чуждой. И сейчас, прислонившись к
той же стене, чтобы не заснуть, он обы-
кновенно слышал ее слова любви. Она должна при-
йти к тебе на постели и вслушаться в
только бесчисленных клятв, какие бес-
численные приключения повлек за собой тот
жизненный разлад, когда они действительно
были вместе. Уже на следующий день
пришлось ему покинуть город. В его ушах
звучали ее заверения, горестно одно-
образные: «Я буду ждать здесь, пока ты
вернешься. Если тебе надо будет бежать,
я пойду с тобой».
Своего места ему все еще был виден
уголок на крайней колонне. Несмотря на
то, издали лицо казалось даже яснее.
В искривленных губах — последний, от-
чаянный призыв: мир вместо смертельной
войны, милость вместо справедливости.
Маленькая квартирка в Нидеррате, кото-
рую Лени занимала с пожилой сестрой,
которая проводившая на работе, — удобное
место, чтобы скрываться, или при побеге.
Соседи преследовали его, когда
он преступал порог маленькой комнаты,
но он все забыл — свои прежние увле-
чения и целые куски протекшей жизни.
Когда стены комнаты срослись над
его головой непроницаемая чаща, в его
душе не угасла мысль о том, что, при-
ходясь здесь можно будет спрятаться.
Вспоминание его в Вестгофене вызвали — к

вам, мол, гости, — он на миг в страхе ре-
шил, что они напали на след Лени. Жен-
щину, с которой его тогда столкнули, он
сначала просто не узнал. Они могли бы с
таким же успехом поставить перед ним
первую попавшуюся крестьянскую де-
вушку, такой чужой показалась ему эта
Элли.

Вероятно, он задремал. Он проснулся от
ужаса.

Собор загудел. Яркий луч света, проре-
зав темноту, пересек его вытянутую ногу.
Бежать? Но успеет ли он? И куда? Все
двери были закрыты, кроме одной, из кото-
рой и падал свет. Может быть, ему еще
удастся незаметно скрыться в одну из
боковых часовен. Он оперся на большую
руку, вскрикнул и поник, как подкошен-
ный. Теперь он уже не рисковал переползти
через светлую полосу. Гулко прозвучал
голос кистера: — Эх, вы, неряхи-бабы, каж-
дый день у вас что-нибудь! — Слова гуде-
ли, словно трубный глас последнего суда.
Старуха, мать кистера, крикнула: — Да
вон она стоит твоя сумка. — Но вот всту-
пил голос кистеровой жены, отраженный
стенами и колоннами, настящий вой
торжества: — Я же помню, что во время
уборки поставила ее между скамьями.

Обе женщины удалились. Казалось, шар-
кают великаны. Дверь опять заперли.
Остался только отзвук; он разбился и еще
раз громко прогудел, словно не желая сти-
хать, — докатился до отдаленнейшей части
собора и еще дрожал, когда Георг уже пер-
естал дрожать.

Он снова прислонился к своей стене.
Веки его отяжелели. Теперь было совер-
шенно темно. Так слабо было мерцание
единственной лампы, парившей где-то в
темноте, что она уже не освещала сводов,
а только делала этот мрак непроницаемым.
И Георг, перед тем ничего лучшего не же-
лавший, теперь дышал тяжело и с трудом.

— Раздаться, — посоветовал ему Вал-
лау, — потом ты будешь совсем слаб. —
Он подчинился, как всегда подчинялся Вал-
лау, и его удивило то, что он не стал при
этом меньше чувствовать ужас.

Валлау доставили в лагерь через два
месяца после него. — Значит, ты и есть
Георг. — В словах, которыми его привет-
ствовал этот пожилой человек, Георг впер-
вые почувствовал свою полную цену. От-
пущенный на свободу заключенный расска-
зал о нем. И если его в Вестгофене му-
чили до смерти, то по городам и селам
пошли разговоры о нем, создавался его
героический образ... Даже сейчас, даже
замурованный в эту ледяную стену, Георг

думал: «если встретиться с Валлау можно было только в Вестгофене, я бы еще раз пошел на все это». Первый и, может быть, последний раз в его молодую жизнь вошла дружба, суть которой была не в том, чтобы хвастать или приbedняться, чтобы уцепиться за другого или совершенно от себя отказаться, но чтобы обнаружилось, кто ты, и быть за это любимым.

Темнота была уже не так непроницаема. Известь на стене бледно мерцала, как только-что выпавший снег. Он ощущал всем телом, что выделяется на ней темным пятном.

Надо ли еще раз переменить место? Когда перед обедней отпирают? До утра оставались неисчислимые минуты безопасности. Перед ним столько же этих минут, сколько, например, перед кистером недель. Потому что ведь, в конце концов, и кистер ни от чего не гарантирован.

Далеко от него, возле главного алтаря, вздымалась светлая колонна. Она была отчетливо видна, так как свет струился вдоль ее желобков. Эта единственная светлая колонна, казалось, одна поддерживала весь свод. Но какое все это было холодное! Ледяной мир, которого никогда не касалась человеческая рука, человеческая мысль. Слово Георг заперт в глетчере. Он растер ноги и все суставы здоровой рукой. Это — убежище, где можно замерзнуть.

Три салъто — самое большее, на что способно человеческое тело. Это ему в точности разъяснил Беллони, его товарищ по заключению. Беллони, артист — настоящее его имя Антон Мейер — был арестован и увезен прямо с трапеции. В его вещах нашли несколько писем, посланных из Франции, от союза артистов. Как часто его будили среди ночи, чтобы он показывал фокусы. Загадочный, молчаливый человек, хороший товарищ, но очень чужой. — Нет, нет, среди живущих артистов, может быть, только трое и могут это сделать. Конечно, тому или другому, может, случайно и удастся, но они никогда не овладеют этим профессионально. — Он по собственному почину подошел к Валлау и заявил, что при любых условиях рискнет на побег. Им, все равно, иначе отсюда не выйти. Он полагается при побеге на ловкость своего тела и на готовность друзей оказать ему помощь. Он дал Георгу адрес, где собирался оставить ему на всякий случай денег и платье. Вероятно, неплохой парень, но слишком чужой, чтобы как следует его понять. Георг решил, что этим адресом не воспользуется. Он хотел отправить Лени

в четверг утром к старым друзьям Франкфурте. Будь у Пельцера при е дюжинном уме еще и сухожилия и цы Беллони, он наверняка бы ушел своих преследователей. А вот Альди они, наверно, уже поймали. Он годил в отцы всем этим болванам, которые перь, может быть, вырывают у него сы, плюют в его старое крестьянское, не терявшее своего гордого выния даже тогда, когда он, казалось, уже не в себе. На него донес бургом соседнего местечка по старой семейной вражде.

Среди всех семерых Фюльграбе единственный, которого Георг знал гера. Не раз, стоя за кассой своего зина, выкладывал он Георгу марку в подлинной лист. Даже среди величайшего отчаяния он продолжал вынашивать ную обиду. Его, де, затащили, его рили, он никогда не умел отказывать

Альберта уже, может быть, нет вых. Тот безропотно терпел все и отговаривался ничтожностью своей ви какие-то валютные делишки — пока пришел в бешенство и Циллиг не вел его в штрафной отряд. Сколько репых ударов пришлось этому Аль вынести, прежде чем из его тупого была высечена искра.

— Я еще замерзну здесь, — подумал Георг. — Меня найдут. Детям будут повать это место у стены: здесь когда-то найден беглец, замерзший в осеннюю в те чудовищные времена. Который быть час? Верно, полночь. Он продол думать в новой, окончательной темн помнит ли обо мне кто-нибудь из през Моя мать? Она все только бранилась с неже выляла на больных ногах по пере маленькая и толстая, с очень больш колыхающейся грудью. Я ее никогда не увижу, — думал Георг, — даже останусь жив. Из всего ее облика он нил только глаза, молодые, карие темные от укора и растерянности. Т ему даже совестно стало, как мог когда стыдиться перед Элли, бывшей — обла месяца его женой, того, что у его такая грудь и такое смешное праздничное платье. Он вспомнил о своем маленьком образчике товарище Пауле Редере. чение десяти лет играли они вместе на той же улице в стеклянные шарик и дующие десять лет — в футбол. Георг потерял его из виду, так как стал иным, а маленький Редер ирежним. Теперь он вспоминал его лое, усыпанное веснушками лицо,

сердцу, навсегда утраченный пейзаж. Он упал на колени и о Франце. «Он хорошо знает ко мне, — думал Георг, — он потрудился надо мной. Спасибо, Франц. Затем мы рассорились. Только извини же? Интересно, что из него выйдет? Спокойный человек, порядочный, верный». Георга перехватило дыхание. Поперез боковой предел, падал наискось витража, быть может освещенной из какого-нибудь дома на той соборной площади. Громкий, всеми красками ковер, раскинутый в тишине; из ночи в ночь, зря и ни для раскинутый на плитах пустого собора даже такие гости, как Георг, бы-здесь раз в тысячу лет.

От свет извне, при котором, быть может успокаивали большого ребенка или игрались с мужчиной, рассыпал, пока гонимые картины жизни. Да, это, должно быть двое, думал Георг, которых изгна-рая. Да это, наверно, головы коров; смотрели в ясли, где лежит дитя, для того нигде не нашлось места. Да, это было рано, тайная вечеря, когда он уже знал, что его предали, да, это наверно солдат, уловивший его копьем, когда он уже встал на кресте. Георг давно забыл все эти картины. Многих он никогда не видел, ибо в этом доме всего этого уже не было. Все, что смягчает одиночество, утешительно, это только выстраданное другими теплотой, может быть утешительно, но и то, что было выстрадано другими давно. Затем свет погас. Георг думал о своих братьях, прежде всего о младшем, которого сам вырастил с нежностью, с какой скорее относился к котенку, чем к ребенку. Он полюбил о собственном ребенке, которого видел только раз, недолго. Затем он уже не думал ни о чем определенном. Видения не пришли и исчезали, то расплывшиеся, то чрезмерно четкие. Иные несли с собой детские заковылки, иные — школьные дворовые спортивные площадки, иные — реку, иные — облака и леса. Они текли к нему независимо от его воли, словно предоставлялись за то, что ему было мило. Эти образы стали бесформеннее, он уже не мог вызвать перед собой ни лица маленького ребенка, ни чьего-либо лица вообще. Глаза не видели, словно он все это созерцал в темноте. Далекое впереди, где уже не было собора быть не могло, вспыхнуло что-то нестройное. По улице проехал автомобиль. Когда его свет падал в одно место, оно отбрасывало отблеск на пол;

когда свет падал на каменную кладку стены, наступала темнота.

Георг прислушался. Мотор продолжал шуметь. Георг услышал взрывы визга и хохота женщин и мужчин, очевидно набившихся в слишком тесный автомобиль. Они отъехали. Окна закидали яркими цветными отблесками промежутки между колоннами, отблески вспыхивали и гасли все дальше от Георга.

Голова его опустилась на грудь. Он заснул. Он упал на большую руку. Он проснулся от боли. Глухая ночь была уже позади. Перед ним на каменной кладке посветлела штукатурка. В порядке, обратном вечернему, темнота начала испаряться, затем колонны и стены непрерывно заструились, словно этот собор был построен из песка. Тронутые робким утренним светом, проступили на окна картины, но не в сияющих, а в тусклых, смутных красках. Прекратилось и струение, и все начало отвердевать. Гигантский свод главного придела отвердевал в том законе, по которому был возведен при императорском роде Штауфенов — из разума отдельных строителей и неисчерпаемой силы народа. Отвердел и свод ниши, в которой нашел приют Георг. Уже во времена Штауфенов она считалась почетной. Отвердели и колонны, и головы животных, епископы на мраморных плитах перед колоннами отвердели вновь в гордом бодрствовании смерти, вместе с королями, коронованием которых они так безмерно гордились.

— Мне давно пора, — решил Георг. — Он выполз из ниши. Зубами и здоровой рукой он затянул свой узелок. Он заснул его между одной из плит и колонной. Все его тело напряглось, глаза загорелись, он ждал минуты, когда кистер отперет двери.

2

В это время пастух Эрнст приветствовал свою Нелли глубочайшими грудными нотами, которые были собачке так знакомы, что она задрожала от радости.

— Нелли, — сказал пастух Эрнст, — все-таки, не пришла эта дурочка. Нелли, она не знает, где ей искать свое счастье. Нелли, а мы все-таки потом заснули. Нелли, нам это все-таки не разбило сердца.

У Мангольдов еще царил тишина, но в хлеву у Марнетов уже кто-то шлепал туфлями. Эрнст взял полотенце и клеенчатую сумку, в которой держал бритвенные и умывальные принадлежности, и направился к Марнетовскому водопроводу. Взраги-

вая от холода и удовольствия, стал он тереть шею и грудь и чистить зубы. Затем повесил карманное зеркальце на забор и начал бриться.

— Найдется у тебя немного горячей воды для меня? — спросил он Августу, увидев в зеркале, что она приближается с ведрами молока. — Право же, ты стала такой мягкой как замуж вышла, Август, — сказал Эрст. — Раньше ты была слишком шершавая.

— А ты ни свет ни заря, уже успел насосаться, — сказала Августа.

— Даже кофе еще не пил. У меня термос испорчен.

Далеко отсюда на берегу Майна, в густом тумане, люди, ворча и зевая, зажигали лампы в домах. Из каменки крайнего дома в Либахе вышла пятнадцатилетняя девушка, повязанная носовым платком. Этот носовой платок был так бел, что тонкие брови выделялись под ним особенно отчетливо. С выражением спокойного ожидания, несколько не сомневаясь в том, что ожидаемый человек в любую минуту может появиться на дороге, девушка смотрела, как и каждое утро, прямо за ворота. И действительно, из-за ограды вышел человек, тот самый Фриц Гельвиг, ученик школы имени Дарре, и вошел в ворота. Без восклицания, почти без улыбки подняла девушка руки. Они обнялись и поцеловались, а из кухонного окна две женщины — бабушка девушки и пожилая кузина — смотрели на них, не порицая и не одобряя, как смотрят на вещи, происходящие ежедневно, ибо эти двое детей, несмотря на свою юность, считались обрученными. Они играли в игру, кто первый засмеется; но им было обоим не до смеха, они только смотрели друг другу в глаза. Так как девушка и юноша, как и почти все жители деревни, находились между собою в дальнем родстве, то у обоих были одинаковые карие глаза, более прозрачного и светлого оттенка, чем обычно в этой местности. Глаза эти теперь не щурились, они были ясны и глубоко или, как говорится, невинны. И говорится правильно, ибо как выразить точнее своеобразие этих глаз? Еще никакая вина не омрачила их ясности, никакое предчувствие, что им под давлением жизни придется совершать многое такое, что совесть будет впоследствии оправдывать незнаем, — по только почему же их сердца бились тогда так тревожно и торопливо? Еще никакого горя, кроме того,

что до свадьбы пока далеко. И вот какие-то ясные глаза они друг другу и трели, пока каждый другого в них ряет. Вдруг веки девушки дрогну. Фриц, — сказала она, — а ведь ты ты получишь обратно свою куртку. — юсь, — сказал мальчик. — Только бы очень истрепали, — сказала девушка. — ведь знаешь, Альвиг, который съел его, — он, ведь, зверюга.

Накануне вечером по деревням ни другом не говорили, как о беглеце, манном во дворе Альвигов.

Когда больше трех лет тому назад основан лагерь Вестгофен, когда построили бараки и стены, протянули колючую проволоку и расставили часовых, когда тем первая колонна заключенных прорвалась сквозь строй пинков и хохота, — и уже в этом принимали участие Альвиг парни, подобные Альвигам. Но когда чужаками стали доноситься крики и вой, а три раза и выстрелы, всем стало не по себе. Все открепивались от такого состояния. Тем, кого дорога на работу заставляла идти мимо лагеря, вскоре удалось деть и заключенных под охраной, заняв на внешних работах. Иные думали о себе: «Бедняги!». А потом стали говорить, что они там ковыряют. Случилось так, что в Либау молодой лодочник оттого стал проклинать лагерь. Его сейчас забрали и посадили на несколько месяцев, пусть увидит, что там внутри. Когда вышел, у него был странный вид и отвечал на вопросы. Он нашел себе работу на буксирном судне и спустя некоторое время, как рассказывали его родные, переехал в Голландию и там остался навечно. История эта тогда удивила деревню. И наконец через Либау провезли два десятка заключенных. Они еще до лагеря приведены в такой вид, что людям, глядя на них, жутко делалось, а одна женщина в деревне открыто плакала. Но в то же вечер молодой бургомистр этой деревни позвал к себе женщину, бывшую его женой, и заявил ей, что она не только себе, но и своим сыновьям, его двоюродным братьям навредила этим хныканьем на всю деревню. И вообще деревенская молодежь, парни и девушки, совершенно точно разьявили своим родителям, почему здесь этот лагерь и для кого, — молодежь, которая и в настоящее время все лучше знает, чем старшие, с той же уверенностью, что в прежние времена молва лучше знала хорошее, а теперь она лучше знала дурное. Так как с лагерем ходило мириться и начали поступать всевозможные заказы на овощи, то за

вот и
угу и
них
прогну
ты т
ку.—
бы е
шка.—
й схи
л ни с
деце,
назад
посл
кол
когда
их пр
—и т
Альви
богда
ой, а
ло н
го с
заста
лось
зав
мал
нед
луч
к от
ейча
не
Когда
и о
е ра
неко
ные
зав
ню.
де
г
и, п
сев
то
вне
те
е,
фра
ла
ар
яс
л
в
ой
ло
а
м
т
за

заповое общение, обычное при боль-
вплении людей, которых надо со-
гла вчера завывли сирены, когда на
ворагах, словно из-под земли, вырос-
вые, когда распространились слу-
бегае, когда затем около полудня в
шей деревне действительно был
беглец,—то лагерь, к которому
дривыкли, словно вырос здесь за-
Господи боже ты мой, зачем именно
Точно были возведены новые сте-
тянута новая колючая проволока.
группа заключенных, которую тогда
со станции по деревенской улице,
зачем, зачем?

женщина, которую три года назад
стергал ее племянник, открыто пла-
вчера уже второй раз. И разве не-
но нужно было наступать на паль-
палецу, когда он ухватился за край
ны? Все Альвиги отроду были зверю-
но теперь именно они задавали тон.
бледным казался этот человек среди
их, здоровых парней!

эти разговоры слушал и Гельвиг.
пор, как он научился думать, лагерь
всегда здесь, а вместе с лагерем и
объяснение того, зачем нужно, что-
был здесь. Мальчик ничего другого
ил. Ведь лагерь построили, когда он
еще мальшом. И вот его словно по-
вторично, когда он стал почти
ей.

конечно, не все там сплошь него-
идноты,—говорили люди. Этот ло-
который сидел там, тоже ведь не
годнем. Тихая мать Гельвига сказа-
Нет.—Гельвиг посмотрел на нее.
раде сжалось. Как жаль, что у него
свободный вечер. Ему хотелось
в привычном обществе, хотелось шу-
енных игры и маршей. Он вырос
нейстового рева труб и фанфар, кри-
тейль» и топота маршей. И вдруг в
вечер все прервалось на две минуты,
и барабаны, так что стали слыш-
ские легкие звучания, обычно не-
ские. Отчего сегодня старик-садовник
посмотрел на него? Ведь многие хва-
Гельвига. Благодаря его подробному
описанию, говорили они, беглец
найден.

Гельвиг поднялся тропинкой на приго-
и увидел среди грядок с репой стар-
Гельвига и окликнул его. Альвиг, уже
и потный от работы, подошел к
Грудный у него был день сегодня
Гельвиг, словно приходилось
Альвиг. Альвиг все описал ему,

как описывают охоту. Ведь только-что он
был просто крестьянином, выходящим рань-
ше других на свое поле. Сейчас, во время
рассказа, это был начальник штурмового
отряда Альвиг, человек, который сможет
стать Циллигом, если представится слу-
чай. Ведь и Циллиг был в свое время, все-
го лишь таким же Альвигом, крестьянином
в Вертгейме на берегу Майна. И он вста-
вал спозаранку, и он работал до кровавого
пота, хотя и понапрасну, так как его кро-
шечная усадьба была шродана с молотка.
Гельвиг даже знал Циллига: тот нередко
приходил из Вестгофена, когда бывал в от-
пуску, усаживался в трактире и толковал
о деревенских делах. При описании охоты
Гельвиг опустил глаза.

— Твоя куртка?— сказал в заключение
Альвиг,— почему я знаю? Нет, это, верно,
был другой беглец. Того ты сам должен
поймать, Фриц. Во всяком случае, на моем
молодчике ее не было.— Гельвиг пожал
плечами, испытывая скорее облегчение,
чем разочарование. Затем он направился
в школу, фасад которой, выкрашенный ох-
рой, ярким пятном горел над полями.

3

Шестидесятидвухлетний обойный мастер
Альфонс Меттенгеймер, уже тридцать лет
бессменно состоявший на службе при фир-
ме Гейльбаха «Отделка и убранство квар-
тир» во Франкфурте, получил на этот
вторник вызов в гестапо.

Когда человека постигает непривычное,
неуловимое, он шлет в этом неуловимом
той точки, которая еще соприкасается с
его обычной жизнью. Поэтому первым по-
буждением Меттенгеймера было предупре-
дить фирму. Он вызвал к телефону управ-
ляющего Зимзена и попросил, чтобы его
на сегодня отпустили. Это желание луч-
шего обойщика пришлось Зимзену очень
некстати, так как надо было на этой же
неделе приготовить для вьезда дом Геб-
харта на Мигуэльштрассе. Новый съем-
щик, Брандт, желал вытравить все, напо-
минающее о евреях,—желание, которому
фирма Гейльбах охотно шла навстречу.
И вот Зимзен закричал в телефонную
трубку:— А что случилось?— Я сейчас не
могу рассказать,— сказал Меттенгеймер.—
Вы хоть после обеда-то приедете?— Да не
знаю я.— Он вышел и зашагал по ули-
цам, полным людей, спешивших к месту
работы. Он показался себе обособленным
от всех этих людей, хотя был всегда
обыкновеннейшим из обыкновенных и мог
бы даже служить их представителем, как

человек, состарившийся среди обыкновенной жизни, познавший все ее повседневные радости и заботы.

Каждый человек, перед которым возникает возможность несчастья, тотчас же вспоминает о том нерушимом фонде, который он несет в себе. Этим нерушимым фондом может быть для одного — его идея, для другого — его вера, третий вспоминает о своей семье. У иных ничего нет. У них нет нерушимого фонда, они пусты. Вся внешняя жизнь со всеми ее страхами может в них вливаться и заполнять до отказа.

Удостоверившись насчет, что бог еще тут, — хотя обойщик о нем думал редко, предоставляя посещать церковь жене, — Меттенгеймер опустился на скамью возле остановки, где он обычно садился на трамвай, чтобы ехать к месту работы в западной части города.

Его левая рука начала дрожать. Однако это был только отзвук волнения, который теперь передался паружу. Первая оторопь прошла. Сейчас он уже не думал о жене и детях, он думал исключительно о самом себе. О самом себе, запертом в этом хрупком теле, которое, бог знает почему, люди могли мучить.

Он переждал, пока рука не перестанет дрожать. Затем встал, чтобы продолжать путь пешком. У него еще много времени. «В половине десятого», — гласил вызов. Однако он предпочитал прийти раньше и дожидаться уже на месте, — лишний знак того, что он, по-своему, был храбр.

Итак, он дошел до улицы до сторожевого поста. Теперь он все спокойно обдумал. В конце концов, вызов мог быть связан только с Георгом, бывшим мужем его средней дочери, Элли, но ведь этот человек сел крепко, уже несколько лет назад. Ничего нового не могло прибавиться с тех пор, как Меттенгеймер, его бывший тесть, был в конце тридцати третьего года допрошен по этому делу.

Тогда выяснилось с полной определенностью, что он сам противился этому браку, что он с тем, кто его допрашивал, безусловно одного мнения о Георге Гейслере. Они тогда советовали ему уговорить Элли на развод. Этого он, правда, не сделал. «Но это не имеет никакого отношения, — раздумывая Меттенгеймер. — Тут уже совсем другой вопрос».

Он сел на ближайшую скамью. «Этот вот дом, восьмой номер, я тоже когда-то отделявал. Как они спорили, муж и жена — цветы или полосы, голубой или зеленый для вестибюля. В этом случае я посо-

ветовал им желтый. Я клеивал ваты, люди, буду и впредь оклеивать обойщик».

Они могли интересоваться им в связи с этим парнем. Он не принадлежал к числу тех родителей, которые за священниками ведут религиозные. Его младшая дочь до пасхи еще не была в школе. Тупоносенькая Лизбет к этому мало подходящим борцом за правду. Это же заявил он и священнику, когда стал нащупывать почву. Пусть делается все, чего от нее требует, пусть ходит туда, куда все девочки. Ей незачем бегать на полузапрещенных праздниках, за исключением разве самых больших праздников. Он был уверен, что она и он, несмотря на все эти шуточные учат теперь девочнок, сделав Лизбет настоящего человека. Он даже уверен, что из сына своей дочери этого брошенного отцом ребенка, настоящего человека.

— Ваш внук Альфонс, сын вашей дочери, Элизабет, называемой в семье Элли, с декабря тридцать третьего марта тридцать четвертого проживает в этой квартире?

— Совершенно верно, господин сар, — сказал Меттенгеймер. Он думал, что ему надо от ребенка? Не могли бы вызвать ради этого? И каким образом он вообще все это узнал?

Молодому человеку, сидевшему в кресле под портретом Гитлера, не могло быть тридцати. Казалось, комната поделена на две зоны и граница проходит через письменный стол, ибо Меттенгеймер прохрипел, он тяжело дышал, молодой же человек, против него выглядел свежо, и молодой человек, окружавший его, был, наверно, прохрипел.

— У вас пять внуков. Почему вы не вызываете вы именно этого ребенка?

— Моя дочь целый день в контр-охране. Чего, наконец, ему от меня надо?

Меттенгеймер. — Не позволю же я этому молодому человеку запугать меня. Комната поделена на две зоны, одна комната. Молодой человек, как молодой человек. Он вытер лицо. Молодой человек внимательно наблюдал за ним молча серыми глазами. Обойщик продолжать в руке смятый носовой платок.

— Есть же детские приюты. Ваш внук зарабатывает. С первого апреля этого года она заработала сто двадцать пять рублей. Значит, содержать ребенка она в состоянии.

Меттенгеймер переложил платок в другую руку.

— Господин комиссар, я воспитал пятерых детей. Все они делают мне честь. Муж моей старшей дочери — начальник штурмового отряда. Мой старший сын...

— Я спрашиваю вас не о других детях. Я спрашиваю вас сейчас о вашей дочери Элизабет. Вы допустили, чтобы она вышла за этого Гейслера. Вы отговорили ее от развода. В конце прошлого года вы сами сопроводжали дочь в Вестгофен.

В это мгновение Меттенгеймер почувствовал, что у него есть еще кое-что про запас, на крайний случай, — его нерушимый фонд. Он ответил совершенно спокойно:

— Это тяжелый путь для молодой женщины.

Он думал: этот молодой человек — сверстник моему младшему сыну. Каким тоном он говорит со мной? Что он себе позволяет? Молодому человеку, верно, не повезло с родителями, и насчет учителей, верно, ему тоже не повезло. Его рука, лежавшая на левом колене, пачала, правда, снова дрожать. Однако, он спокойно добавил:

— Это был мой долг, как отца.

На миг в комнате стало тихо. Нахмурился, смотрел Меттенгеймер на свою руку, которая продолжала дрожать.

— В дальнейшем вам едва ли представится случай выполнять этот долг, господин Меттенгеймер. — Тут Меттенгеймер вскочил. Он крикнул: — Разве он умер?

Когда вопрос дошел до этого пункта, комиссару, вероятно, пришлось пережить разочарование. В тоне обойщика прозвучало совершенно явное облегчение. Действительно, смерть этого парня сразу все разрешила бы. Она освободила бы обойщика от странных обязанностей, которые он на себя возлагал в редкие, но решающие минуты жизни, и от хитрых, и мучительных попыток все-таки от них уклониться.

— Откуда вы взяли, что он умер, господин Меттенгеймер?

Меттенгеймер сказал запинаясь: — Вы сами сказали, я ниоткуда не взял.

Комиссар вскочил. Он низко перегнулся через стол. Его тон вдруг стал вкрадчивым.

— Почему, господин Меттенгеймер, допускаете вы мысль, что ваш зять умер?

Обойщик схватил свою левую вздрагивающую руку правой рукой. Он ответил: — Я ничего не допускаю. — Его спокойствие исчезло. Другого рода мысли спугнули в нем надежду окончательно отделаться от этого молодчика, от этого Георга. Ему вспомнилось, что таких упрямец — если

Господин комиссар, — крикнул Меттенгеймер. Он привскочил. Он упал обратно на пол. Он спокойно заявил:

— Я знаю не хотел этого человека. Когда запретил ему переступать порога моего дома. В последнее время моя жена больше не жила у него.

Весной тридцать второго года ваша жена жила у вас. В июне-июле того же года ваша дочь опять жила у мужа. Затем зять переехала к вам. Ваша дочь не жила.

— Нет.

Почему?

Господин комиссар, — сказал Меттенгеймер. Он поискал платок в кармане. — Хотя она и против нашей воли за этого человека...

Но вы, как отец, все-таки не послали ей развестись.

— Эта комната не обыкновенная комната. И самое страшное в ней то, что тихая и светлая, что она испещрена тенями листвы какого-то дерева: зеленая комната, выходящая в сад. — Страшное, что этот молодой человек обыкновеннейший человек с серыми глазами, светловолосый и что он всемогущий и всезнающий.

— Вы католик?

— Да.

— И были поэтому против развода?

— Нет, но брак...

— Для вас святыня? Да? Для вас брак святем — святыня?

— Да ведь никогда не знаешь вперед, какой человек негодяем или нет, — сказал Меттенгеймер вполголоса.

— Ваш зять человек некоторое время расстался с вами, затем сказал:

— Вы положили платок в левый карман.

— Он вдруг стукнул кулаком по столу. Он сказал громко: — Какое же вы воспитание вашей дочери, раз она выдалась за такого мерзавца?

правда то, что рассказывают,— нестерпимо мучают, и его смерть должна была быть невообразимо тяжелой.

В сравнении с такими голосами, сдвальный сухой голос комиссара казался голосом ничтожного человека, который разгрызает из себя начальство.

— У вас должны же быть какие-нибудь основания предположить, что этот Георг Гейслер умер?— Он вдруг зарывел:— Нечего нам тут очки втирать, господин Меттенгеймер.

Обойщик вздрогнул. Сгиснув зубы, молча смотрел он на комиссара.— Ваш зять был здоровый молодой человек, без каких-либо особых болезней. Значит вы, для вашего утверждения, должны же на что-нибудь опираться?

— Да ведь я ничего не утверждал.— Обойщик снова успокоился. Он даже выпустил свою левую руку. А что, если сейчас правой рукой ударить молодого человека по лицу, что тогда? Тот его на месте пристрелит, и лицо его будет багровым с беловатым пятном там, куда опустилась его, обойщика, рука. В первый раз со дней его молодости в его старой, тяжеловесной голове родилось такое отчаянно смелое, на земле невоплотимое желание. Он подумал: Да, не будь у меня семьи! Он подавил улыбку, поймав языком усы. Комиссар удивленно уставился на него.

— А теперь выслушайте-ка меня внимательно, господин Меттенгеймер. На основании ваших собственных показаний, которыми вы подтвердили наши собственные наблюдения, а в некоторых важных пунктах даже дополнили, мы хотели бы предостеречь вас. Мы хотели бы предостеречь вас в ваших интересах, господин Меттенгеймер, в интересах всей вашей семьи, раз вы являетесь ее главой. Воздержитесь от всякого шага и всякого слова, которые имели бы какое-нибудь отношение к бывшему мужу вашей дочери Элизабет, Георгу Гейслеру. А если у вас возникло бы какое-нибудь сомнение или понадобился бы совет, то обратитесь не к вашей жене или какому-нибудь члену семьи, а также не к духовнику, но обратитесь в наше главное управление и потребуйте комнату восемнадцатый. Понимаете вы меня, господин Меттенгеймер?

— Конечно, господин комиссар,— сказал Меттенгеймер. Он не понял ни слова. От чего предостерегали его? Что подтвердилось? Какие могли у него возникнуть сомнения? Молодое лицо, которому только что хотелось надавать пощечин, вдруг стало гранитным, непроницаемым, олице-

творением власти, которую нельзя было лезть.

— Вы можете теперь идти, господин Меттенгеймер. Вы живете на Ганза-се одиннадцать, вы служите у Гейльбах. Хейль Гитлер.

— Хейль Гитлер.

Мгновенно спустя он стоял на Город был озарен теплым, проясненным светом, придававшим толпе праздничную веселость, которая ей обычно только весной. Это толпа шла с собой.

«Чего они от меня хотели?— он.— Зачем, собственно, они вызывали меня? Может быть, все-таки из-за Элли? Они ведь могут лишиться этого называется... права попечительства... вдруг придобился. Он решил, что какой-то чиновник по какому-то чем-то спрашивал его. Как он мог расстроиться? У него не было нишей охоты копать в этом дальше. Было желание услышать запах стера, залезть в рабочую куртку, за в обыкновенную жизнь так глубоко бы его никто не нашел. Он от ожидания и вскочил в трамвай. Н в свою очередь, втокнул в вагон то человек, вскочивший за ним, крукий господин в новой фетровой шляторая была скорее положена ему голову, чем надета. Человек, немноложе его самого. Оба отдувались.— шем возрасте,— сказал Меттенгейэто опасные шалости.— Другой сердито:— Вот именно.

Когда Меттенгеймер пришел на Зимзен приветствовал его словами: бы я знал, Меттенгеймер, что вы так ро придете! Я думал, что у вас или жена в Майн ушла.

— Чисто служебное дело,— сказал тенгеймер.— Который час?

— Половина одиннадцатого.

Меттенгеймер натянул свой И сейчас же стал браниться.— Они наклеили сначала бордюры. На что хоже? Ведь он так выделяется. Вы боитесь, что обон запачкают. Ну, та те осторожнее! А это содрать надо, зря...— Он пробормотал:— Счастье, еще поспел.— Он прыгал по ле слово белка.

4

Георгу повезло. Едва собор открылся он превратился в раннего богомолка был просто одним из немногих среди многочисленных женщин. И

ельзя... — Ишь, тоже приспичило — мо-
Впрочем, когда у человека такой
и, го... удручно вспомнить о господе боге.
анза-... удалось подняться не сразу. Он с
у... отащился до двери и вышел.

— Его дни сочтены, — решил ки-
— Он упадет на улице. Такие лица
и на... при смертельной болезни.

прозра... бы еще не это несчастье с рукой!
тол... крошечная нелепость, которая гу-
ая пр... Где, когда это случилось с рукой?
толша... то, на усыпанной осколками стене,
назад. Люди, выходявшие из собора,

ли?—... жули его в узенькую улочку. Про-
вызва... между низенькими домами, где лавоч-
-за ре... те были освещены, она упиралась в
меня... юю площадь, казавшуюся безбрежной
тельст... тумана. Несмотря на туман, и улоч-
что д... площадь кипели людьми. Открыва-
-то до... на рынке ларьки. Еще в дверях со-
ни мо... соблазнительно запахло кофе и
ильне... ная пирожными, так как рядом была
запах... ная кондитерская. И всем выходяв-
су, заб... от обеды захотелось хотя бы по-
глубоко... есть на яблочные и слоеные широж-
в витрине.

отто... да сырой свежий воздух ударил Георг-
ай. Не... лицо, тут уже все оказалось бессиль-
агон... Его ноги разъехались, он сел на мо-
и, кру... ни. Из собора вышли две старух
шляп... ни, две незамужние сестры. Одна
на ем... стельно сунула ему в руку пять пфен-
емног... другая рассердилась: — Ты же зна-
сь. —... что это запрещено. — Младшая заку-
енгей... губы. Вот пятьдесят лет, как ее
ой от... т. Георг не мог не улыбнуться. Как
на р... из он жизнь! Ну, вот, все в ней любил
ами:—... сладкие комочки на слоеных широж-
вы та... и даже мякину, которую на войне
вас п... али в хлеб. Города и реки, и всю
сказал... ку и всех людей, Элли, свою жену, и
его ма... и Лени, и Катаринхен, и свою мать,
его ма... и Катарины, и своего маленького брата. Лозунги, кото-
поднимают людей, песни на реке,
оружки из книг, которые Франц читал
и в которых были выражены огром-
мысли, перевернувшие всю его жизнь.
даже болтовню старух. Как хорошо
целое! Только отдельные части были
И сейчас еще все ему мило. И ког-
кое-как поднялся и, прислонившись
к стене, изголодавшийся и несчаст-
смотрел в сторону рынка, жизнь ко-
уже началась в тумане под фо-
что-то горячее пронизало его серд-
но он любил взаимно, — несмотря
на то — всеми и всем, хотя, быть мо-
голь... в последний раз, — любил страдаль-
х ма... беспомощной любовью. Он прошел
И... много шагов, отделявших его от кон-

дитерской. Пятьдесят пфеннигов надо было
оставить про запас, в качестве неприкос-
новенного капитала. Он положил свои
пфенниги на прилавок. Продавщица вы-
тряса ему на кусок бумаги полную
тарелку раскрошившихся сухарей и подго-
ревших кусочков. Ее короткий взгляд
относился к его куртке, показавшейся ей
слишком роскошной для такого завтрака.

Ее взгляд заставил Георга опомниться.
Он засунул все крошки в рот уже на улице.
Медленно жуя, тащился он по краю
площади. Фонари, хотя еще и светящиеся,
стали уже не нужны. Сквозь мглу осенне-
го утра уже был виден ряд домов на той
стороне. А Георг все брел и брел, следуя
лабиринту узких улиц, намотанных, словно
ткетета, вокруг рынка, на который он, в
конце концов, снова и вышел.

Георг увидел вывеску: «Д-р Герберт
Левенштейн». — Вот кто может мне по-
мочь, — решил он. Он поднялся по лест-
нице.

Первая обыкновенная лестница за столь-
ко месяцев. Он испугался треска полов,
словно ему предстояла кража. И здесь
пахнет кофе. За дверями квартир начи-
нается обыкновенный день, с позывываю-
щим разбуженных детей, с шумом кофейных
мельниц.

На миг стало тихо в приемной, когда
он вошел. Все быстро взглянули на него.
Две группы пациентов. На диване у окна
— женщина, ребенок и молодой чело-
век в плаще. За столом — старик-крестья-
нин, пожилой торожанин с мальчиком и
теперь еще Георг. Крестьянин продол-
жал: — Я нынче в пятый раз здесь. Выле-
чить он меня тоже не вылечил, но облег-
чение есть, облегчение есть. Только бы
продержаться хоть, пока наш Мартын с
солдатской службы домой воротится да же-
нится. — В его монотонном голосе не труд-
но было уловить ту боль, которую ему при-
чиняло каждое слово. Но он шел на нее
ради удовольствия рассказать о себе. Он
добавил: — А вы? — Я ведь не для себя
здесь, — сказал другой сухо, — а для этого
мальчугана. Он — единственный ребенок
моей единственной сестры. Отец ребенка
запретил ей вести его к Левенштейну.
И вот я, во имя божие, взял да и привел
сюда мальчугана. — Старик сказал, придержав
руками живот, в котором, видимо, и
сидела боль: — разве нет других врачей? —
Пациент сказал равнодушно: — Ведь вы то-
же сюда пришли. — Я? Так я уж перебы-
вал у всех других: у доктора Шмидта, у
доктора Вагензейля, у доктора Резингера,
у доктора Гартлауба. — Он вдруг обратил-

ся к Георгу:— А вы почему здесь?— Из-за руки.— Этот же не лечит рук, он по внутренним.— У меня и внутри что-то повреждено.

— Автомобильная авария?— Дверь приемной открылась. Старик, ослепленный приступом боли, оперся о стол и о Георга. Не только страх—непреодолимая ребячья тоска овладела Георгом, такая, какую он однажды испытал в приемной врача, когда был совсем маленьким, в возрасте этого желтоватого мальчугана. Как и тогда, он мучительно терзали бахрому кресла.

У входной двери зазвонили. Георг вздрогнул. Но вошел всего лишь следующий пациент, темноволосая девочка-подросток, которая прошла мимо стола.

В конце концов он очутился перед врачом. Тот спросил его имя, адрес, профессию. Георг что-то ответил. Стены качались вокруг него, и он соскользнул в бездну из белизны, стекла и никеля, в совершенно чистую бездну. И еще когда он скользил, почему-то на секунду задержалось его внимание на запахе... О, этот запах, напоминавший ему эпилог всех допросов, когда тебя смазывают иодом и накладывают перевязки.

— Садитесь,— сказал врач.

Едва Георг вошел, как врач решил, что пациент производит исключительно неблагоприятное впечатление. Он знал эти приметы: никаких зияющих ран, никаких опухлей, легчайшая, нежнейшая тень под глазами, ставшая у этого человека уже черноватой и густой. Чем он болен? Доктор успел привыкнуть к пациентам, бегавшим к нему рано утром, чтобы соседи не заметили, когда ничего другого не осталось,— как бегали раньше к знахаркам. Он начал развешивать лоскут, служивший перевязкой.

— Несчастный случай?— Да.— Несмотря на сильнейшее чувство долга, которое в нем вызвала всякая рана и всякая болезнь, так как он был врачом в подлинном смысле этого слова, он, при одном взгляде на стоявшего перед ним человека, почувствовал снова еще более сильное смущение. Разве это перевязка? Кусок подкладки. Он очень медленно размотал ее. Что это за человек? Стар он? Молод? Смущение врача росло, сжимало ему горло, словно смерть никогда не стояла так близко от него за все девятнадцать лет, что он лечит больных.

Он посмотрел на руку, лежавшую теперь перед ним без повязки. Конечно, она в скверном виде, но не настолько, чтобы

оправдать эти зловещие признаки в и в глазах пациента. Чем он так измучен? Наверно, он болен еще какой-нибудь самому неведомой болезнью. Нужно ли ему укол, иначе он не выдержит. Пациент сказал, что он автомобильный слесарь. Через две недели, сказал врач,— вы будете работоспособны.— Пациент ничего не ответил. Вынесет ли он укол? Но и имя этого неизвестного человека, если в полном порядке, то, во всяком случае, не так плохо. Чем же тогда он болен?

Почему он сейчас же после катастрофы не побежал в ближайшую больницу? Эта грязь проторчала в руке по крайней мере сутки. Приближаясь с пинцетом, собрался распросить его, чтобы оторвать от руки. Но взгляд пациента остановился. Врач промолчал. Он еще раз внимательно осмотрел руку, затем бросил быстрый взгляд на лицо, на куртку, на всего человека в целом. Пациент слегка скривился и посмотрел на него искоса, но твердо.

Врач медленно отвернулся, причем почувствовал, как поблдевели даже его губы. И когда он увидел себя в зеркале умывальника, то оказалось, что и на его лице уже легли черноватые тени. Он открыл глаза. Он намылил руки, вымыл с бесконечной медлительностью и повис под кран. «У меня жена и дети, почему этот человек явился именно ко мне? Теперь дрожь при каждом звонке! Чем только меня изо дня в день не мучают!»

А Георг думал, сдвинув брови, покуда текла как из родника. «Но и не один».

Врач, наконец, завернул кран, вытер его чистым полотенцем.

«Почему этот человек пришел ко мне? Именно ко мне? Почему?»

Он снова отвернул кран. Стал мыть вторично. «Это тебя вообще не касалось. К тебе в приемную пришла просто больная рука. Висит ли она из руки чистого проходимца или из-под крыла архангела? Продавец тебе все равно». Он снова завернул кран и вытер руки. Затем стал готовить шприц. Когда он заворачивал рукав больного, он заметил что на том же рубашки.— Это не мое дело,— твердо заявил про себя.— Рука — мое дело.

Георг сунул перевязанную руку в карман и сказал:— Большое спасибо.— Врач не спросил его насчет денег, но пациент благодарил таким тоном, словно сам собой разумелось, что его лечат даром.

спотыкался, врачу показались, — это все-таки рука. Георг спускался по лестнице, пе- за последней ступеньке появил- ний человек в одном жилете: — на втором этаже? — быстро соврал, так как у него времени обдумать, что лучше, — ли ложь: — На третьем. — так у глазного, — сказал челове- то был управляющий домом. — тал, у Левенштейна. на улицу, Георг увидел на крыль- ез два дома старика-крестьянина из ой. Тот тушо уставился в конец где был рынок. Туман поднялся. й свет лежал на грибообразных зон- лотками. Плоды и овощи были ны на них, как попало, бесхит- и лотки напоминали простые пест- умбы. Поэтому казалось, что кре- привезли с собой на рынок целые собственных полей и садов. Куда же собор? За трех- и четырехэтажны- мами, зонтиками и лошадьми, подво- и женщинами собор совершенно жогда Георг закинул голову, уви- верхнюю башню — золотой чуб, за й можно было поднять вверх весь а он прошел еще несколько шагов естьянина, тушо уставившегося ему он увидел над крышами святого на коне, в развевающемся пла- Георг протиснувшись в самую гуцу тол- е эти яблоки, виноград, цветная ка- плясали у него перед глазами. Сна- го охватила такая жажда всего, что в был запустить в него зубы в этот Но затем ему стало только против- охватило состояние, наиболее для часное. Томный головокружением, м ослабевший, чтобы соображать, н, спотыкаясь, среди лавок. Нако- н, спотыкаясь до рыbnого ряда. Прислонив- к столбу с афишами смотрел он, как иц чистит и потрошит гигантского Продавец завернул его в кусок га- ва завер передал какой-то барышне. Затем ал гото сачок в чай, вытащил несколько рукав к быстро сделал на каждой надрез и на том горсть на весы. Георг испыты- -твердил выражение, но не мог отвести глаз. -крестьянин с крыльца тушо уста- след Георгу и смотрел до тех пор, -Врач х не скрылся из виду. Некоторое старик еще созерцал людей, сле- но само куда-то под осенним солнцем. -Пряник был затемнен для него болью.

Верхней частью тела он раскачивался взад и вперед. «И за это негодяй вытянул из меня десять марок, ни на пфенниг меньше, чем Рейзингер. С Рейзингером не торгуешься». Нет. К еврею он пошлет объясняться своего сына. Он с трудом поднялся, опираясь на палку. Он снова увидел Георга, прислонившегося к столбу; свежая перевязка белела на его руке. Старик почувствовал какую-то неуживчивость. Правда, он ничего не мог разобрать; все-таки он заставил себя встать и направил-ся мимо рыбных лавок к Рейну.

Тем временем Франц уже отштамповал сотни пластинок. Вместо арестованного Чурбанчика пришел совсем молодой парнишка. Сначала каждый из рабочих встречал его с недоумением, так привыкли все к Чурбанчику. Однако, новый оказал-ся таким веселым, задорным мальчишкой, что тотчас же получил и прозвище: Пряник. Теперь звали не «Чурбанчик, Чурбанчик!», а «Пряник, Пряник!».

Вчера вечером в раздевалке все рабочие меньше волновались из-за ареста Чурбан-чика, чем из-за внезапного, еще не вполне понятного повышения нормы выработки штампованных алюминиевых пластинок. Причину многие поняли лишь в течение рабочего дня. Випнер объяснил, какую часть машины заменили другой, чтобы можно было опускать рычаг не три, а четыре раза в минуту. Теперь пластинка, будучи вло-жена, после каждого нажима сама повер-тывалась, вместо того, чтобы ее каждый раз возвращал в прежнее положение рабоч-ий. Один сказал, что повышение зарпла-ты — вот, все же, главное; на это дру-гой, более пожилой, заметил, что так устать, как вчера вечером, он никогда еще не уставал, а третий сказал: — В поне-дельник к вечеру всегда устаешь.

Эти разговоры и их причина, а также тон, каким они велись, в другое время да-ли бы Францу обильный материал для размышлений.

На этот раз Франц был разочарован, прямо-таки расстроен тем, что известие, занимавшее его день и ночь, почти не вса-сывалось в высохшую землю обычной жизни.

«Если бы я мог просто пойти к Элли и спросить ее, — думал Франц. — Интересно узнать, живет ли она опять у родителей. Нет, рискованно. Это возможно только, если бы я с ней где-нибудь случайно встретился».

Он решил осторожно разузнать на ее улице, вернулась ли Элли в семью. Может быть, Элли уехала из города. Значит — все еще? Все еще ноет рана, которую ему нанесли тогда по глупости или из озорства! Однако удар был меток — на всю жизнь.

«Вздор, — думал Франц, — Элли, наверно, стала толстой и жирной. Если бы я еще раз увидел ее, я, может быть, был бы благодарен Георгу, что он тогда разлучил нас. Да и вообще мне нет дела до нее».

Он решил после смены поехать на велосипеде во Франкфурт. Он собирался купить кое-что в магазине на Ганза-штрассе, при этом он мог порасспросить относительно семьи Меттенгеймеров. Пряник подошел к нему, подоунул под его локоть свою руку; Франц вздернул локти, поэтому пластинка не удалась, от испуга не удалась и вторая, недостаточно четкой оказалась и третья. Франц побагровел, он готов был избить парня. Тот состроил ему гримасу — круглое лицо Пряника было в резком свете бело, как мука, а вокруг дерзких искрищихся глаз лежали синие кольца усталости.

Франц вдруг увидел и услышал весь цех таким, каким он видел его пять недель назад, в первые минуты своего появления здесь. Он услышал жужжание ремней, рассекающее человеку мозг наперерез всем мыслям, однако не заглушающее легкого шелеста металлической ленты, трущейся о рельсы. Он увидел лица, казавшиеся в однообразном свете совершенно пустыми и только вздрагивавшие каждые три секунды, когда рука нажимала на рычаг. «Только тогда вздрагивают они», — подумал Франц. Он забыл, что сам чуть не избил Пряника только потому, что из-за него испортил пластинку.

Не так далеко от Франца, может быть в получасе езды на велосипеде, на оживленной улице вблизи франкфуртского вокзала собралась большая толпа. Люди вытягивали шеи. Среди массива домов, где была и большая гостиница, шла охота на форточника. Ничего не было удивительного, что в этой охоте участвовал не только большой наряд полиции, но и штурмовики. По слухам, этот форточник уже несколько раз ускользал, теперь его только-что застигли снова в одной из комнат гостиницы, где он стащил несколько колец и жемчужных ожерелий. — Прямо кино, — говорили люди. — Нехватает только Греты Гарбо. — Люди улыбались удивленно и заинтересованно. Какая-то девушка вскрикнула.

На краю крыши гостиницы она что-то делала, или ей показалось, что у Все гуще становилась толпа зрителей напряженнее внимание. С минуты на минуту люди ожидали увидеть странное лицо, нечто среднее между призраком и птицей. А тут еще прибыли пожарные лестницами и сетками. Одновременно чалась какая-то сумятица и поза гостиницы «Савой». Из дверцы погребка скопил молодой человек и попытался уйти, однако толпа, которая, вследствие ожидания и всех этих рассказов о воровстве, пришла в крайне возбужденное состояние и жаждала охоты, сомкнулась вокруг молодчика, сильно помяла его и тащила к ближайшему постовому, вившему, что парень — просто мальчик-кельнер, пробравшийся на вокзал.

Ибо настоящий вор уже сидел в камере Савоя, за трубой.

Этот настоящий был Беллони, в чуждой жизни Антон Мейер. Но куда же она, эта его обычная жизнь? Этому вопросу, ни до конца оставшемуся чужим и его товарищам, хотя он и был вполне порядочным малым, самому ясно, что он чужой. Даже сейчас, наверху, в его голове мелькнула мысль, что для того, чтобы родилось доверие к нему, довало бы дольше пробывать в этом своем месте Беллони не мог видеть ни в какой окрестности гостиницы, узкой, полной людей, жадно следивших охотой и горевших желанием тоже поохотиться. Поверх низкой железной решетки в конце косой крыши он видел самый дальний край равнины на которой он видел над собой сплошное небо, тихой бледной голубизны, и в нем ни облака, ни птицы. И если внизу ждала, то ждал и он на этой крыше мужественным спокойствием, воспитанным в нем с детства. Спокойствие, которое в цирке пленял людей, причем он, конечно, хорошенько не звал, что их в этих фокусах пленяет. Беллони как будто он давно ждет здесь наверху, только, что если бы преследователи нашли его след, они должны были бы взять его.

Три часа тому назад его пытались запереть в квартире, принадлежавшей товарию одного бывшего друга. Этот друг, когда-то участвовал в их труппе, пока несчастного случая, не выбыл. Однажды в милиция, среди прочих мероприятий, пришла также и очные ставки всем участникам всех трупп, в которых Беллони когда-либо работал. Вскрыть эти связи

чем оцепить несколько городищ. Беллони высочил в окно, и несколько улиц, укрылся в районного вокзала, причем два раза попался, вошел через вращающуюся в гостиницу. В новом платье, в этот накануне, он, несмотря на положение беглеца, держался так спокойно, что его пропустили через вестибюль. Беллони было немного денег. Еще раз появилась небольшая надежда, что, может быть, удастся уехать назад. Теперь у него больше надежды, но даже на этом последнем пути, на пути без надежды, он сопротивлялся, защищая свою свободу. Для этого было спуститься на крышу соседнего здания. Осторожно и спокойно соскользнул на несколько метров ниже по колонне, до маленькой, вделанной в трубу, у самой решетки. Он все еще не открыл. Когда же он шагнул вниз из-под решетки, он увидел толпу, оцепившую дома. Он понял, что гиб. Хуже чем погиб. Эти люди, — для того и столпились здесь, чтобы сделать такому беглецу бегство невозможным. — Беллони был теперь весь город — тот берег Майн-фабрики Гехста, и склоны Таунуса. Темным узором всех этих городских улиц и переулков оцепление вокруг массива было всего лишь черным кольцом. Беспокойное синее пространство словно было его на такое мастерство, которое не владел. Сделать ли попытку и бежать? Или просто ждать? Бессмысленно и другое — жест страха, как и жест надежды. Но он не был бы Беллони, если бы из двух бессмыслиц не выбрал вторую. Он вытянул и спустил ноги, пока не уперся ступнями решетки.

Беллони был обнаружен уже тогда, когда он был за второй трубой. — В ноги, — кричал один из двух ларней, спрятавшихся в соседней на краю крыши соседнего здания, следуя приказу первого, прикрикнул и выстрелил, борясь с легкой дрожью или, может быть, с волнением. Оба храбро и ловко взобрались на крышу гостиницы позади Беллони. Беллони, несмотря на боль, не только не выпустил рук решетки, но вцепился еще крепче. Протавившись между двумя трубами, перекресток одного из углов крыши, он шагнул за собой кровавый след. Затем шагнул за решетку. Он еще раз собрался бежать. Он перебросил свое тело через

низкую решетку раньше, чем они успели схватить его.

Он упал во двор гостиницы, так что зрителям, в конце концов, пришлось разойтись, ничего не пережив. В предположениях празднующихся, в возбужденных рассказах женщин он еще парил в течение многих часов над крышами, — полупризрак, полуптица. Когда он около полудня скончался в больнице, так как умер не сразу, — нашлись и здесь люди, советовавшие на его счет. — Вам надо только констатировать смерть, — сказал более молодой врач пожилому, — так что вам за дело до ног? Ведь не от них же он умер. — Борясь с внезапным приступом головокружения, старший выполнил то, что приказал ему младший.

5

Итак, половина одиннадцатого. Жена кистера командовала целой толпой уборщиц, согласно твердому плану, установленному в домоводстве Майнцского собора. Согласно этому плану в течение года должны были подвергнуться уборке все части собора. Рядовым уборщицам были, правда, подчинены лишь определенные участки — пол, стены, лестницы, скамьи. Кистеровы женщины, мать и жена, чистили сами более мягкими щетками и сложными приспособлениями национальные святыни германского народа.

Поэтому жена кистера и нашла узелок за могильной плитой одного из архиепископов. Лучше бы Георг засунул его под скамейку.

— Взгляни-ка на это, — сказала жена кистеру Дорнбергеру, выходящему в это время из ризницы. Кистер поглядел на сверток, сделал свои выводы, закричал на жену: — Ну, действуй, действуй. — Затем прошел с узелком через двор в местный музей. — Господин священник Зейтц, — сказал он, — поглядите-ка. — Священник Зейтц, шестидесятилетний старик, как и кистер, развернул узелок на стеклянной витрине, под которой, на бархате, лежала коллекция крестильных крестов, перенумерованных и датированных. Какие-то загаженные лохмотья. Священник Зейтц поднял голову. Они посмотрели друг другу в глаза. — А почему, собственно, вы принесли мне эти загаженные лохмотья, милый Дорнбергер? — Моя жена, — медленно начал кистер, чтобы дать священнику Зейтцу время подумать, — только-что нашла их за епископом Зигфридом фон Эпштейн. Священник Зейтц взглянул на него, крайне изумленный. — Скажите, пожалуйста, Дорн-

бергер, — сказал он, — что мы, бюро по розыску пропавших вещей или приходской музей? — Кистер подошел к нему очень близко. Он сказал вполголоса. — А не снести ли мне это все-таки в полицию? — В полицию? — спросил священник Зейтц с крайним изумлением. — Да разве вы тащите в полицию каждую теплую перчатку, которую найдете под скамейкой? — Кистер пробормотал: — Сегодня утром рассказывали кое-что... — Рассказывали, рассказывали. Мало вам еще всяких рассказней? Или вы хотите, чтобы завтра рассказывали, будто у нас в соборе люди одеваются и раздеваются? Ну и воняет! Знаете, Дорнбергер, тут еще заразишься чем-нибудь. Сожгу-ка я это. — Мне не хотелось бы жечь в моей плите, противно очень. Знаете что, я засуну его сейчас же вот сюда.

Было первое октября, и железную печурку топили. Дорнбергер сунул в нее узелок. Он ушел. Воняло горелыми лохмотьями. Священник Зейтц приоткрыл окно. Веселость исчезла с его лица, оно стало серьезным, даже мрачным. Опять что-тостряслось, что могло так же легко улетучиться в оконную щель, как и стукнуться в страшную вонь, от которой, в конце концов, еще' задохнешься.

В то время, как его китель, пропитанный потом и кровью, превращался в узкий флажок дыма, который, по мнению священника Зейтца, улетучивался в оконную щель слишком медленно и распространял слишком сильную вонь, — Георг очутился на берегу Рейна и шагал теперь, следуя течению, по усыпанной песком пешеходной дорожке, тянувшейся над проезжей дорогой. Раньше, еще мальчиком, он бывал в этих местах. В деревнях и городках к западу от Майнца можно было найти сотни возможностей перебраться на тот берег на лодках или паромах. Когда на об этом размышлял иной раз ночью, все это казалось ему бессмысленным: тщетная надежда, зависящая от множества случайностей. Но когда он на своих двух ногах ходил среди этих случайностей, возможностей, в самом центре опасности, — дело казалось ему менее безнадежным. Река с буксирными пароходами, опускавшими трубы, чтобы пройти под мостами, противоположный берег с светлой каймой песка и низким рядом домов над шей, склоны Таунуса вдали — все это представляло перед Георгом с той сверхчеткостью, какую имеет ландшафт в военной зоне, во время большой опасности, когда все очертания становятся до того

выпуклыми и резкими, что, кажется, нают дрожать. На рынке он еще что у него нехватит силы даже достать до берега. Теперь же, когда он возможно скорее выбраться из гонимости по крайней мере три часа в течение, он уже не чувствовал так бости, и земля, по которой он ступил, будто становилась тверже. Он вспомнил обдумывая последние часы. — Кто у меня видеть? Кто может описать меня?

Попав в этот круг мыслей, он все что погиб. Страх — это когда определенное представление начинает брать верх над всем остальным. Слово гром из ясного неба посреди тихой дороги, когда никто не смотрел, — это обрушилось на него. Новый приступ страха, словно жгущая лихорадка, правда, возмущаясь через все более долгие промежутки. Он облокотился о перила. На несколько минут небо и вода перед ним потемнели. Затем приступ прошел сам собой, и Георг и ждал; и, в награду за то, что он не шел, Георг увидел мир не затемненный, не призрачный, но в его обычном блеске. Тихие воды и чайки, чей шум нарушал тишину, но как бы до нее. — Ведь уже осень, — думал Георг, чайки прилетели.

Рядом с ним кто-то облокотился на решетку. Он внимательно стал рассматривать соседа: лодочник в темной куртке. Когда человек стоит здесь облокотившись на решетку, он недолго остается один, набираются люди, лодочники, бивке, рыболовы, которым сейчас хочется удить, старики. Ибо струящаяся вода, чайки, погрузка и выгрузка все это движется для них, недвижимо, зерцалом. Около лодочника собрались пять-шесть человек. — А что стоит куртка? — спросил лодочник. — Два марок, — сказал Георг. Он хотел уже вопрос дал его мыслям какой-то толчок.

От проезжей дороги стал подниматься шум. Решетке толстый, почти лысый лодочник. Алло! Эй! — крикнули сверху на его плечо. Он поднял глаза и засмеялся, схватил лодочника, стоявшего наверху, тот уперся ими в землю. Раз и толстяк, невзирая на толщину, нырнул кверху, просунув крупную голову между ногами лодочника. Раз и толстяк нырнул.

— Как живешь-поживаешь? — спросил лодочник. — Хорошо, — сказал новоприбывший, по выговору ландец. Со стороны города приближался человек с удочками и ведерком, как будто играют в чешку.

вен и Щуренок,— сказал толстяк. —
— как Щуренок со свои-
ми и детским ведрком казался
— же неотъемлемой принадлежно-
городных мест для рыбной ловли,
— в городском тербе.

Гитлер! — крикнул Щуренок. —
Щуренок! — крикнул голландец. —
мы тебя поймали, — сказал парень,
— ударом кулака нос был свернут
— ну, но, казалось, только на миг и
— нас же станет на место. — Ты но-
— своих рыб на рынке. — Голланд-
— он сказал: — Что новенького на бе-
— те? — Ну, там всегда бывает что-
— сказал голландец, — да ведь и у
— без этого.

— нас все идет как по струнке, —
— парень со свернутым носом, — как
— лу. Нам теперь и фюрера никакого
— но. — Все устались на него. —
— нас уже есть один такой, что весь
— зам завидует. — Все засмеялись, за-
— и он, прижав большой палец к
— — Восемнадцать марок, идет? — ска-
— лочник Георгу. — Я сказал — двад-
— — отвечал Георг. Он прикрыл глаза.
— ему казалось, что их блеск выдаст
— лочник ощупывал матерю. — А проч-
— — сказал он. — Да, — сказал Георг,
— не очень теплая. Вот такая шер-
— лучше греет. — Такие невеста мне
— год вяжет. — Тогда, значит, лю-
— — сказал Георг. — Хотите меняться? —
— сощурился, как бы соображая. — Об-
— — ка. — Идем в уборную, — сказал Ге-
— я предоставил смеющимся смеяться.
— должны знать, что на нем нет ру-

— обмен состоялся, он скорее побе-
— чем пошел, следуя течению Рейна.
— шившись, в новой куртке, лодочник
— из уборной и направился к стояв-
— решетки сотоварищам. Широкое ли-
— выражало удовлетворенные ловкого
— который еще раз кого-то надул; од-
— уперта в бок, другая поднята для
— твия.

— Савить было бы опасно, — думал Ге-
— — нять тоже опасно. Ну, как вышло,
— вышло. Вдруг кто-то рядом с ним
— — Эй! — с ведерками и удочками
— следовал, подпрыгивая, Щуренок,
— — тий, словно мальчонка. — Куда это
— — авляетесь? — спросил он. Георг по-
— — вало вперед. — Все время по берегу
— — Вы не здешний? — спросил тот. —
— — сказал Георг. — Я здесь лежал в
— — Иду к родным. — Щуренок ска-

зал: — Если мое общество не обременит
вас, уж очень я человек общественный.

Георг промолчал. Он еще раз искоса
взглянул на Щуренка. Георгу с детства
приходилось бороться против чувства, охва-
тившего его при виде человека, у кото-
рого не все было на месте: какой-нибудь
тик в мыслях или в душе, или какой-ни-
будь физический недостаток. Только Вал-
лау в лагере вполне излечили его от при-
ступов этого чувства. «Теперь ты видишь,
Георг, как человек доходит до этого». Так,
мысли обходным путем опять привели его
к Валлау. Неукротимая тоска овладела им.
«Всей моей теперешней жизнью обязан я
ему, — думал Георг, — даже если бы мне
сегодня пришлось умереть». Щуренок про-
должал болтать: — А вы уже были здесь во
время этого большого праздника? Все это
так удивительно. А вы были здесь во вре-
мя оккупации? Как они тогда ехали вер-
хом по улицам на белых конях, марокан-
цы в красных плащах, индусы нищенствую-
щих братств? Французы — те давали дру-
гое пятно в картине города, эдакий голу-
бовато-сизый туманец. Чего вы так бежи-
те, разрешите спросить, разве вы хотите
попасть уже сегодня в Голландию? — А по
этой дороге можно? — Сначала дойдете до
Момбаха, где спаржа растет. Ваши род-
ственники там живут? — Дальше вниз. —
В Буденгейме? В Гейжесгейме? Они кре-
стьяне? — Отчасти. — Отчасти, — повторил
Щуренок. «Отделаться мне от него? —
размышлял Георг, — но как, черт побери?
Нет, лучше вдвоем, с несколькими. Тогда
скорее подумают, что ты один из них». Они
миновали вращающийся мостик на плото-
вой гавани. — Господи, как в обществе-то
время бежит, — констатировал Щуренок,
словно кто-то обязал его торопить время.
Георг посмотрел вдаль. Там, на острове,
очень недалеко, стояли в ряд три отражав-
шихся в воде белых домика; что-то в этих
домиках, из которых средний напоминал
мельницу, показалось ему знакомым и ма-
нящим, словно там жил кто-то, кто был
ему мил. Через остров к дальнему берегу
перекинулся железнодорожный мост; они
миновали его начало, возле которого стоял
часовой. — Красивый вид, — похвалил Шу-
ренок. Георг последовал за человечком, со-
шедшим с дороги и шагавшим по лугови-
не. Вдруг тот остановился и потянул по-
сом. — Орешник! — Он нагнулся и собрал
несколько орехов в свое ведрко. Георг
торопливо стал искать, он судорожно давил
орехи о камень каблуком. Щуренок засме-
ялся: — Да вы помешаны на орехах! — Ге-
орг взял себя в руки. Он встал и устал.

Ведь не может же вечно бежать рядом с ним этот проклятый Щуренок. Где-нибудь же должен он начать уходить.— Поживем, увидим,— сказал тот, когда Георг, наконец, спросил. Начался ивняк, напоминавший ему Вестгофен. Тревога Георга все росла.— Так,— сказал Щуренок.

Георг уставился перед собой. Они стояли на мысу полуострова. Перед ними направо и налево был Рейн, дальше идти некуда. Когда Щуренок разглядел испуганное лицо Георга, он рассмеялся.— А вот я вас и надуд, а вот я вас и провел. А зачем так торопились? Паря, что не знали.— Он положил на землю удочки и ведро и потирал себе ляжки. Он не подозревал, что был еще секунду назад на волосок от смерти. Георг отвернулся и прикрыл лицо здоровой рукой.— Он сказал с бесконечным напряжением:— Что ж, до свидания.— Хейль, Гитлер,— сказал Щуренок. Но в этот миг ветки ивняка раздвинулись, и полицейский с усиками и одной единственной прядью на лбу сказал довольно тоном:— Хейль, Гитлер, Щуренок! Ну, а теперь покажи-ка мне свое разрешение на рыбную ловлю.— Щуренок сказал:— Да я ведь не ужу.— А твои удочки?— Да они всегда со мной, как у солдата ружье.— А ведро?— Вы загляните-ка в него. Три орешка.— Щуренок, Щуренок!— сказал полицейский.— Ну, а вы? У вас есть документы?— Это мой друг,— сказал Щуренок.— Тем более,— сказал полицейский или собирався сказать, так как Георг, сделав как бы случайно несколько шагов в сторону, вошел в ивняк, затем пошел быстрее, и, раздвигая ветви, побежал.— Стой,— крикнул полицейский. Уже без всякого удовольствия, уже без всякой словоохотливости, уже совсем по-полицейски закричал он:— Стой! Стой!

Вдруг оба побежали за ним, полицейский и Щуренок. Георг пропустил обоих мимо себя. Как все это воняло Вестгофеном — поблескивающие лужи и ивы, а теперь свистки, и его сердце, бившееся так, что оно должно было его выдать. На той стороне реки, совсем близко, была купальня, балки, омываемые водой, и между ними плот.— Вот он!— крикнул Щуренок. Теперь свистки раздавались и по берегу, не хватало только сирены. Хуже всего была проклятая слабость, колени словно из папье-маше и ощущение переального, оттого что не может же все это случиться с человеком на яву— все это примерещилось во сне. Но бежишь и бежишь. Он упал, вытянувшись во весь рост,— через рельсы, как потом заметил. С берега он

свернул на территорию какой-то фабрики. За стеной раздавалось однотонное жужжание ремней, но больше не было ни свиста, ни человеческих голосов.— Нец,— сказал он,— сам не зная, что имел в виду: мест под этим: конец ли его сил или его слабости. Бездумно ждал он некоторое время, не придет ли какая-нибудь извещательница, или он сам просто очнется, и окажется чудо. Но чудо не случилось, и извещательница тоже не пришла. Он встал и пошел дальше. Он вышел на широкую платформу с двойными рельсами, но она была пустынная, по сторонам ее тянулись дома, но отдельные фабричные здания.— Так как он решил, что берег теперь не нужен, то повернул опять к городу. Уже было около часов потеряно! «Как она ждала»,— подумал он, пока, наконец, сообразил, что Лени не могла ждать ничего не зная. Неужели здесь никого, кто бы ждал, никого, кто помнил? Его рука болела, он опять упал на рельсы. Она запачкалась в грязи чудесная шерстяная фуфайка.

На маленькой площади, где было отделение главного рынка, закрывали парадный вход. Перед трактиром остановилась веревочная тележка с грузом. Он вошел. Он разменял пятьдесят пфеннигов и, сев за стол, спросил стакан пива. Его сердце делало скачки, словно внутри было столько много места. Но при каждом прыжке больно ушибалось. «Долго я не проживу»,— думал он.— Часы — может быть — нет».

Человек, сидевший за соседним столом, пристально смотрел на него. «Как бы сегодня уже встречался с этим парнем»,— подумал он.— А теперь вставай и беги прочь, как собака. Ничто, ничто не поможет тебе, Георг!»

В трактире и перед ним было довольно много народу: посетители и рыночные торговцы. Он внимательно все рассматривал. Вот молодой человек, он помогает какой-то женщине при погрузке. Георг подошел к нему, когда тот отошел от тележки к корзинам.— Послушайте! Как вы знаете, где находится квартира этой женщины там наверху?— спросил он.— Вот, со свертком? Фрау Биндер.— сказал Георг,— я должен ей кое-что сказать.

Он ждал возле корзины, пока был выключен мотор; затем подошел к грузовой тележке и спросил наверх:— ведь вы фрау Биндер?— Что такое? Что такое?— спросила она на недоверчиво и удивленно. Георг подошел к ней решительный взгляд.— Скажите мне на минутку наверх,—

Ой-то... якому вам дорогой, мне туда
онное... отъехала. Георг держался
было... очень медленно, очень обстоя-
голосом... он сочинять что-то про боль-
ная, что... каких-то отдаленных родствен-
его сна... человеком, сидевший за со-
и он не... вышел к парню, с кото-
нибуть... разговаривал.— О чем он вас
ется, в... спрашивал?— спросил он.—
училось... ли эта женщина — фрау
а. Он... — сказал парень удивленно.

6

Обойщик Меттенгеймер работал
от дому, он уходил обедать к се-
сегодня он зашел в трактир, зака-
свиную грудинку и пиво. Крошеч-
зачинку-ученика он угостил бобо-
ном. Потом заказал пива и для уче-
стал расспрашивать его с уверен-
свойственной мужчинам, которые
растили несколько сыновей. Кто-то
сел и заказал себе кружку пива.
Меттенгеймер узнал вошедшего в новую
шляпе; утром они ехали вместе
девятом. На миг — он и сам
осознал — ему стало не по себе.
ратил болтовню с учеником и по-
проглотил последние куски. Он
вернулся на работу, чтобы на-
ме, что, по его мнению, было вслед-
утреннего опоздания упущено. Же-
ничего не сказал о вызове. Он ре-
сейчас ничего не говорить. Ему хо-
вообще забыть об этом вопросе, об
традном вызове! Он никак не мог
в его смысл. Вероятно, смысла
мало. Просто они время от времени
зывают кого-нибудь. Вероятно, среди
жителей города есть еще
ке как он, выхваченные. Только ни-
кому не говорит. Стоя на лестнице,
Меттенгеймер бранился, что выступ стены
оклеили бордюром. Он собрался
лестницы и навести порядок в
этаже. Но у него вдруг так закру-
голова, что он остался сидеть. Смех
верху? — дразнивших ученика, звонкие
малыгуана, который за словом в
не лазил, отдавались в пустых
звончее и отчетливее, чем ког-
звучали или будут звучать голоса
будущих жильцов, заглушаемые
коврами и мебелью. Обойщик по-
на своей лестнице. В пролете
Георг злое прокричал: — Шабап! — обой-
Меттенгеймер в ответ: — Пока еще только
шабап.

На остановке двадцать девятого он сно-
ва встретился с человеком в фетровой
шляпе, с которым ехал сюда утром и пил
пиво в трактире. «Вероятно, у него здесь
какое-нибудь дело», — решил Меттенгеймер.
Человек тоже сел на двадцать девятый.
Меттенгеймер кивнул ему. Тут он вспо-
нил, что сегодня опять забыл у швейцара
сверток с шерстью для жены. Она уже
вчера разбранила его за это. Итак, он сно-
ва сошел и вернулся. Он торопился, чтобы
поспеть со своим пакетиком на следующий
двадцать девятый. Обойщик чувствовал се-
бя очень усталым. Он с удовольствием ду-
мал об ужине, вообще о доме. Вдруг его
затрясло странной знобящей тревогой: че-
ловек в новой фетровой шляпе, с которым
он расстался в предыдущем двадцать девя-
том, очутился и на этом двадцать девятом,
на передней площадке. Обойщик пересел
на другое место, так как глазам своим не
поверил. Он не ошибся. Он уже знал эту
шляпу, этот выбритый затылок, эти корот-
кие руки. Меттенгеймер не хотел переса-
живаться на другой номер, а доехать до
конца и затем пройти пешком. Теперь он
передумал и на остановке пересел на сем-
надцатый. Он облегченно вздохнул, так как
был теперь один. Но едва он очутился на
площадке семнадцатого, как услышал за
собой торопливые шаги и короткое сопе-
ние прыгающего человека. Незнакомец в
фетровой шляпе скользнул по нему взгля-
дом совершенно равнодушным и вместе с
тем очень пристальным. Затем повернулся
к обойщику спиной, так как Меттенгеймер
при выходе неизбежно должен был прой-
ти мимо него. И тогда Меттенгеймер по-
нял, что этот человек сойдет следом за
ним и что ускользнуть от него невозможно.
Его сердце забилось в отчаянном страхе.
Сорочка, давно высохшая, снова пропоте-
ла насквозь. «Чего ему надо от меня? —
думал Меттенгеймер. — Что я мог совер-
шить? Что я могу совершить?» Он не
удержался от искушения и еще раз обер-
нулся. Среди множества шляп вечерней
толпы, уже не по сезону летних, еще не
по сезону фетровых, неспеша следовал и
тот, кого искал обойщик, словно зная за-
ранее, что сегодня Меттенгеймеру больше
не захочется совершать неожиданные про-
гулки. Обойщик перешел улицу. Перед две-
рью своего дома он еще раз быстро обер-
нулся, с внезапной храбростью, вспыхи-
вающей иногда у таких людей, у которых
где-то на дне души живет готовность в
иных случаях все же защищаться. Лицо
преследователя оказалось тут же, позади —
ленивое лицо с испорченными зубами. Пла-

...как и волосы, озарили все лицо т... телось
в шпату. Может быть, и шляпа была не... оклеиш
...а только менее попошенная. В са... времен
...этом человеку не было ничего пора... быты, со
...жающего. Для Меттенгеймера поражающее... за-штра
...сказывалось в необъяснимом противоречии... просить
...между упорством преследователя и его... Меттенг
...важным равнодушием.

Когда Меттенгеймер вошел к себе, он... то, на ч
...ложился налет на ступени лестницы, что... быть, бо
...бы запереть дверь внизу, которая днем... ано. Он
...была на внутреннем крючке.— Зачем ты... ить, бо
...собственно, запираешь, отец,— спросила... груженн
...его дочь Элли, в это время спускавшаяся... яла п
...по лестнице.— Связи,— крикнул Меттен... ные дв
...геймер.— А чем это тебе мешает наверху... Элли пробежала мимо, незамеченна
...в квартире?— сказала Элли,— ведь в во... грусть
...семь часов все равно заперт.— Обойщик... было к
...установился на нее. Он ощущал всем телом... были на
...что на той стороне узкой улицы торчит... ансь ем
...тот человек и наблюдает за ним и его... Если б
...дочерью.

Она была его любимицей. Может быть, об этом знал человек, стоявший там, на против. Какое тайное движение чувства хотел он подстеречь? Какой явный проступок? До сих пор обойщик скрывал от всей семьи, даже от самого себя, что эта дочь ему милее всех. Почему— он и сейчас не знал. Может быть, оттого, что она вызывала два противоположных чувства: радовала красотой и всегда причиняла ему горе. Он любил, когда взрослые дети навещали его. Когда же появлялась Элли, его сердце вздрагивало в том месте, каким оно искреннее всего радовалось и страдало. Не один роскошный дом отдал он в своем воображении для этой дочери, и через многие анфилады комнаты пробегала она не менее грациозно, чем эти равнодушные, тупорылые особы, которым мужья показывают будущую квартиру. Элли коснулась его локтя. На ее лице, маленьком, как у ребенка, в рамке густых волос, вьющихся на затылке и на висках, появилось нежное и печальное выражение. Она вспоминала день, когда ее отец на скамье вестгофенского трактира прижал к себе ее голову и сурово убеждал выплакаться. Никогда потом не вспоминали они об этом дне. Но наверно оба думали о нем, при каждой встрече.— Я захвачу шерсть, сказала Элли — и сейчас же начну.— Обойщик почувствовал, как человек на той стороне улицы сверлит взглядом пакетик. Ему самому стало казаться, будто дочь засунула в сумку что-то зловредное, хотя отлично знал, что там ничего нет, кроме нескольких пестрых мотков шерсти. Ее лицо снова повеселело. Ее глаза, золотисто-карие,

как и волосы, озарили все лицо т... телось
блеском. «Или у этого прохвоста у... оклеиш
...га, глаз не было,— думал отец,— ч... времен
...бросил ее?» Ее веселость резала е... быты, со
...сердцу. Ему захотелось заслонить до... за-штра
...бой, чтобы ничей взгляд не коснул... просить
...«Если ему расставлена западня,— пр... Меттенг
...ой опять,— то его дитя невинно». Э... то, на ч
...Элли была рослая и здоровая, а он... быть, бо
...ленький и ссохшийся. Он не мог ещ... ано. Он
...ее. Он с тревогой посмотрел на ули... ить, бо
...гда она вышла, легкая и прямая, н... груженн
...вая хозяйственной сумкой. Он обле... яла п
...вздохнул. Преследователь как раз... ные дв
...нулся к витрине парфюмерного мага... Элли пробежала мимо, незамеченна
...Элли пробежала мимо, незамеченна... грусть
...внимания обойщика ускользнуло то, ч... было к
...трактира, находившегося рядом с п... были на
...мерным магазином, выбежал вертляв... ансь ем
...лодой человек с усиками и слегка по... Если б
...нул локтем человека в фетровой п... и своих
...Их взгляды встретились в зеркале... то Элли
...ны. Словно рыболовы, уставившиеся... настоя
...же воду, в охоте за той же рыбой, ... в его в
...ли оба в зеркале противоположную... на проп
...ну улицы, подъезд дома, где жил обо... видеть д
...и его самого. «Ты хочешь, чтобы я... в перв
...бил свою семью,— думал Меттенгей... хотелос
...но это тебе не удастся». Успокоивши... в губ
...стал вдруг подниматься по лестнице... плежать
...ровая шляпа отстнула в дверь тра... он. Он
...из которого вышел усатый. Владелец... на невзр
...сел к окну. Другой длинными, ...нешнего
...приседающими шагами легко догнал... от раз
...причем сказал себе, что ноги и бедра... тойти к
...молодой особы облегчат ему его ск... замет
...задачу.

В жилой комнате Меттенгеймер... тем он
...нулся о ребенка Элли, строившего... следо
...на полу. Элли оставила ребенка на... и вошл
...Почему? Жена только пожала плеча... в ком
...ее глазам было видно, что у нее... на верху
...кой-чего есть на душе; но муж ни... Элл
...не спросил. Во всякий другой вечер... рок от
...нок доставил бы ему только удоволь... куую. С
...Теперь он спросил:— У нее же есть... выдите
...пата?— Ребенок уцепился за его... один
...тельный палец и рассмеялся. Метт... во вер
...меру было не до смеха. Он отстранил... Он си
...ка. Ему вспомнилось теперь каждое... Фран
...из утреннего допроса. И ему уже н... я. С
...лось, что он видел сон. На сердце... сталос
...свинцовая тяжесть. Он подошел к... в е
...В парфюмерном магазине уже была... ное случ
...щены ставни. Меттенгеймера нельзя... ять
...обмануть. Он знал, что одна из эти... ять
...ных теней в окне трактира следит... ять
...домом. Жена позвала его ужинать... ять
...лом она сказала то, что говорила в... ять

но ты хотелось бы знать, когда ты, наконец, та у...?

д,—
ала е...
временем Франц, возвращаясь пост-
ть до...
ослу...-штрассе. Он тащил велосипед, не
— по...
но». — Меттенгеймере или нет. Тут случи-
а он...
на что он надеялся или чего, мо-
ог спр...
боялся. Он встретился с Элли
а ули...
но. Он стиснул руль велосипеда. Элли
ая, по...
груженная в свои мысли, не виде-
облег...
Она нисколько не изменилась! Она
раз...
сказала итти, стройная и прямая. Ее
о ма...
ные движения были смягчены ка-
ченна...
грустью даже тогда, когда для это-
то, ч...
было никакой причины. И серыги
и с...
были на ней. Это хорошо. Они очень
ртляви...
ему среди ее густых темных
ка по...
Если бы Франц умел находить сло-
вой ш...
своих чувств, он, вероятно, сказал
кале...
что Элли сегодня вечером — гораздо
неся...
настоящая Элли, чем та, которая
ыбой...
в его воспоминаниях. И ему больно,
кную...
она прошла мимо, хотя она не могла
идеть...
да и не должна была. Как и
бы я...
в первый раз на почте, ему больше
хотелось просто обнять ее и поце-
ить в...
губы. «Почему мне не должно
аллеж...
ать то, что мне предназначено?»
он. Он забыл о самом себе, о том,
он нев...
заччен, с простыми чертами,
внешне...
голка, бедный и неуклюжий.
этот...
раз он дал Элли пройти мимо —
пройти...
и молодому человеку с усика-
ми за...
метив, что тот имеет к Элли ка-
кое-то...
отношение.

Меттенгеймер повернул велосипед. Он ехал
следом около десяти минут, пока
не вошла в тот дом, где с ребенком
жила комната.

Он сверху донизу осмотрел дом, погло-
тивший Элли. Затем огляделся вокруг.
Воск от двери Элли он увидел кон-
дитерскую. Он вошел и сел.

Кондитерской находился, кроме него,
один посетитель — тот стройный,
но вертлявый молодой человек с усиками.
Он сидел у окна и поглядывал на
Франц и тут не обратил на него
внимания. Столько здравого смысла у него
осталось, чтобы не ворваться следом
Элли в ее дом. Однако день еще не
кончился. Элли могла снова выйти. Во
всяком случае, он здесь просидит долго и
ждать.

Франц в своей комнате Элли переоделась,
причесалась, почистилась и сделала

вообще все, что, по ее мнению, следова-
ло, если бы гость, которого она ждала се-
годня вечером, действительно пришел и
остался ужинать, а может быть и... — Элли
допускала и такую возможность —
остался до утра. В заключение поверх чи-
стого платья она надела фартук. Затем
пошла на кухню к хозяйке, побила и по-
солодила два шницеля и приготовила ско-
вороду с маслом и луком, чтобы сунуть ее
на огонь, как только раздастся звонок.

Хозяйка, женщина лет пятидесяти, при-
ятная на вид и чадолубивая, сторонница
всех ярких проявлений жизни, смотрела
на нее, улыбаясь. — Вы совершенно пра-
вы, фрау Гейслер, — сказала она, — моло-
дость бывает только раз. — В чем права? —
спросила Элли. Ее лицо вдруг измени-
лось. — Да что вы решили разок поужи-
нать с кем-то другим, а не с вашей
семьей. — Элли чуть не сказала: — Я гораз-
до охотнее поужинала бы одна, — но она
ничего не сказала. Она чувствовала, с ка-
ким нетерпением ждет сама, чтобы хлоп-
нула дверь подъезда и на лестнице разда-
лись твердые шаги. Да, конечно, она
ждала; но, может быть, вместе с тем и
надеялась на какую-нибудь помеху. «Сде-
лаю-ка я еще пуддинг», — решила она.
Она поставила на плиту молоко, высыпала
в него порошок и стала размешивать. «При-
дет — хорошо, — вдруг решила она, — не
придет тоже хорошо».

Она, правда, ждала, но разве это — ожи-
дание, в сравнении с тем, как она умела
ждать прежде?

Когда она неделя за неделей, ночь за
ночью ждала шагов Георга, она еще от-
важивалась противопоставлять свою моло-
дую жизнь этим пустым ночам. Теперь она
чувствовала, что прежнее ожидание было
не бессмыслицей, но чем-то более высо-
ким, более гордым, чем ее теперешняя
жизнь — день да ночь, сутки прочь — и
что она поплатилась за силу своего ожи-
дания. «Теперь — я как все, — печально
думала она, — меня ничто особенно не
интересует». Нет, конечно, не проведет
она этой ночи в ожидании, если ее друг
не придет. Она заснет и заснет.

Когда Георг впервые заявил ей, что
ждать его незачем, она не поверила ни
одному его слову. Она, правда, переехала
к родным, но только переменяла место
ожидания. Имей ожидание власть вызвать
того, кого ждешь, — Георг бы к ней то-
гда вернулся. Но в ожидании есть особая
сила: оно не властно над другим, оно
принадлежит только ожидающему, именно
поэтому требует оно мужества. Элли оно

не помогло, разве только иногда тихая неизгладимая грусть придавала ее молодому хорошенькому личику неожиданную красоту. Эта же мысль пришла и хозяйке, смотревшей, как Элли готовит ужин: «Пока вы съедите шницели, и пуддинг успеет остыть».

Когда Георг в последний раз заявил ей, что ей незачем больше ждать, — заявил не зло, но твердо и решительно, — потому что ее ожидание тяготит его, — когда Георг в спокойных, умных словах заявил ей, что брак — не святыня и что даже будущий ребенок — это не рок, которого не преодолеешь, — Элли наконец отказалась от общей комнаты, все время тайком ею оплачиваемой.

Но ждать она продолжала. Ждала и в ту ночь, когда родился ребенок. Разве есть ночь более подходящая для внезапного возвращения? После нескольких дней, проведенных в поисках, обойщику, наконец, удалось притащить к дочери этого ужасного человека, своего зятя. Потом он пожалел об этом, когда увидел, какой стала дочь после свидания. И, хотя он отговаривал Элли сначала от брака, затем от развода, теперь ему пришлось признать, что — так или иначе — ждать дольше она не может. И вот в конце второго года он стал через суд отыскивать зятя. Даже родители не знали, куда запропастился их сын. Однако этот кончавшийся год был тридцать вторым годом. Элли услокаивала ребенка, который проснулся в новогоднюю ночь тридцать третьего года от шума хлопнушек и криков «прозит». Георга так и не нашли. Оттого ли, что опасались слишком усиленных поисков, или что Элли новеселела, так как ребенок развлекал ее, но вся эта история как-то заглохла. Им не трудно было бы вспомнить то утро, когда они перестали ждать. Перед рассветом их разбудил автомобильный гудок. Они услышали шаги на улице, может быть шаги Георга. Шаги прошли мимо подъезда. С затихающими шагами затихло и ожидание Элли. Она не пришла ни к какому выводу, ни к какому решению. Просто оказалась права ее мать и все старики вообще: время все излечивает, гасит всякое пламя. Она тогда очень скоро заснула. Следующий день был воскресенье. Она спала до полдня. К обеду вышла новая Элли, румяная и выздоровевшая.

В начале тридцать четвертого года Элли вызвали в полицейский участок. Ее муж арестован, сообщалось в повестке, и отправлен в Вестгофен. — Теперь, — сказа-

ла она отцу, — он, наконец, при можно подать прошение о разводе. — удивленно посмотрел на нее, как на прекрасную, драгоценную вещь, которой вдруг оказался изъят — Теперь? — зал он только. — А почему именно ты? Ведь это будет там для него ударом. Меня многое тоже было ударом, — ла Элли. — Он ведь все-таки тебе. Это конечно, раз и навсегда, — с Элли.

— Зачем вам сидеть на кухне? — зала хозяйка. — Когда позвонят, я и шницели на сковороде.

Элли ушла в свою комнату. В ее кровати стояла детская кровать: сегодня была пуста. Ее гостю, собств говоря, следовало бы уже быть здесь. Элли не хотела предаваться ожиданию. Она развернула пакет, пощупала шерсть, начала разматывать ее.

С мужчиной, которого она сейчас ка, но не очень ждала, неким Генри Кюблером, она познакомилась случайно.

Однажды подруга по конторе пригласила Элли пойти на танцы.

Впрочем, Элли скоро пожалела о том, что пошла.

Позади нее кельнер выронил из стакана. Она обернулась, одновременно обернулся и этот Кюблер, проходящий через зал. Это был высокий брюнет крепкими и крупными зубами и сходством с Георгом в походке и в лице. При виде этого сходства в лице появилось особое выражение, очень сившее ее, так что Кюблер ее замечал, подошел ближе. Вблизи правда, утратил сходство с Георгом. Оказался порядочным юношей. Он волил ее танцевать, а по воскресеньям Таунус. Они целовались и были веселы.

Между прочим, она рассказала ему о своем первом муже. — Мне тогда не везло, — так выразилась она теперь об этом поводе. Генрих убеждал Элли решительно освободиться от Георга. Она решила все сделать сама.

Однажды она получила разрешение свидание в лагере Вестгофен. Она ждала к отцу. Давно уже не советовала она с ним ни о чем. — Ты должна пойти, сказал обойщик, — я провожу тебя. — ли вовсе не хлопотала о свидании; решительно пришлось очень некстати. Да разрешение имело другой источник.

Так как ни ударами, ни пинками, голодом, ни темным изолятором от з

...причем не добились ничего, возникла
звезде.— ...привести его жену. Жена и ребен-
как см... — это производит на большинство лю-
вещь, в... известное впечатление.
... Элли достала себе отпуск в сво-
... Меттенгеймер — в своей. От
... и скрывает эту тягостную поездку.
... путешествие Элли мечтала о
... машинке или о том, чтобы поле-
... своим Генрихом на лужайке.
... Меттенгеймеру хотелось наклеивать обои.
... они, сойдя с поезда, шли рядом по
... и уже миновали несколько дере-
... населенных виноградарями, Элли,
... оживившись и словно став опять ма-
... кой девочкой, схватила отца за руку.
... была сухая и вялая. У обоих было
... не тоскливо.
... она они проходили между первыми до-
... Вестгофена, люди смотрели им вслед
... бычным смутным состраданием, с ка-
... ди смотрят на идущих в больницу
... кладбище. Как мучительно было
... в деревнях всю эту деловитую сует-
... эту радостную возбужденность. «Отче-
... не здешние? Почему я не эта жен-
... которая чистит сито на подоконни-
... почему я не могу помочь мыть двор,
... тем как ставить холодильники? Вме-
... того приходится идти мимо всего
... странном путем, в нестерпимой то-
... Какой-то парень с крупной, еще по-
... му обритой головой, скорее лодочник,
... крестьянин, подошел к ним и сказал
... не и спокойно:— Вам надо обойти
... верхом через поле и идти до стены.—
... ка, может быть его мать, выглянула
... и кивнула. «Что она, утешить ме-
... чает? — подумала Элли, — мне до Ге-
... больше дела нет». Они поднялись по
... чной дороге. Они прошли вдоль
... ной осколками стены. Слева нахо-
... маленькая фабрика «Маттиаса Фран-
... новья». Им уже были видны ворота
... вым. Ворота выходили на дорогу,
... вершину острого угла, состоявшие
... двух стен так называемого внутрен-
... загеря. Таким образом, этот внутрен-
... теперь соприкасался с дорогой только
... те ворот. Что где-то позади находит-
... — было известно, но не видно.
... сям на коричневой мгlistой земле
... живала мертвая, недвижимая вода.
... Меттенгеймер решил подождать Элли в
... при трактире. Теперь пусть уж
... больше одна. Элли было страшно. Но
... которая себе, что ей до Георга боль-
... нет. Она не даст себя растрогать

ни его особым положением, ни его род-
ным лицом, ни его взглядом и улыбкой.

Георг был тогда уже давно в Вестгофе-
не. Позади были уже десятки допросов,
страданий и штыков; их хватило бы на де-
льное поколение, по которому прошла война
или другое бедствие. Эти пытки будут
продолжаться завтра или в следующую же
минуту. Георг тогда уже знал, что только
смерть может освободить его. Он знал эту
страшную силу, набросившись на его
молодую жизнь, знал и свою силу. Те-
перь он понял себя.

В первую минуту Элли показалось, что
ввели поддельного Георга. Она поднесла
руки к ушам — своеобразное движение,
которым она всегда убеждалась, что ее
серьги целы. Затем ее руки упали. Она
установилась на чужого человека, стоявше-
го между двумя охранниками. Ведь Георг
был высокого роста, а этот такой же ма-
ленький, как и ее отец, с вдавленными
коленками. Потом она узнала его по
улыбке. Это была прежняя улыбка, кото-
рую нельзя было не узнать, — полурадост-
ная, полупрезрительная; он смеялся ею
Элли при первой встрече. Правда, теперь
измерению подлежало нечто другое, а не
молодая женщина, которую отбиваешь у
любимейшего друга. Он пытался додумать
одну мысль своим измученным мозгом.
«Для чего привели сюда эту женщину?
Чего они достигнут этим?» И он боялся,
что из-за своей усталости, своих телес-
ных страданий не заметит чего-то очень
важного, какой-то зацепки.

Он установился на Элли. Она была для
него таким же странным существом, как
и он для нее: ее пестрая шляпка с за-
дранным боком, ее волосы колечками, ее
серьги. Он рассматривал ее. Затем стал
вспоминать, какое она имела к нему от-
ношение — весьма небольшое. Пять, шесть
пар глаз следили при этом за каждым
движением в его лице, еще изуродованном
недавними ударами кулаком. «Я должна
что-нибудь сказать этому человеку», —
думала Элли. Она сказала: — Ребенок здо-
ров.— Он насторожился. Его взгляд стал
острым. Что хотела она этим сказать? Она
наверное имела в виду какое-то вполне
определенное обстоятельство, может быть
она принесла ему весть. Он боялся, что
слишком слаб и не поймет. Он сказал во-
просительным тоном: — Так? — Теперь она
узнала его по его взгляду. Этот взгляд при-
ковался к ее губам так же горячо и силь-
но, как в первую встречу. Какую весть
сообщат они сейчас, чтобы еще раз на-

полнить его жизнь силой и напряжением? Она сказала после долгой, мучительной паузы: — он скоро уж пойдет в детский сад. — Да, — сказал Георг. Как мучительна была эта необходимость думать бессильным мозгом так быстро и остро. Вероятно, это связано с облавой, о которой Гагенауер рассказывал четыре месяца назад, когда был доставлен сюда после ареста руководителей. Его улыбка стала шире. Элли спросила. — Хочешь видеть его карточку? — Она стала шарить в сумочке, на которую, кроме Георговых, устремились еще глаза охраны. Она вынула маленькую карточку, наклеенную на картон, — ребенок, играющий с погремушкой. Георг наклонился над снимком, причем от напряжения наморщил лоб, чтобы разглядеть самое важное. Он поднял глаза, посмотрел на Элли, посмотрел опять на карточку. Он пожал плечами. С лица исчезла всякая тень улыбки. Он уставился на Элли с такой мрачностью, словно она посмеялась над ним. Надзиратель крикнул: — Прием окончен! — Оба вздрогнули. Георг спросил поспешно: — Как моя мать? — Элли крикнула: — Хорошо! — Этой женщины, которая была ей всегда чужда, почти противна, она не видела уже полтора года. Георг крикнул: — А мой младший брат? — Казалось, он вдруг проснулся; все его тело вздрагивало. Не менее страшным казалось Элли и то, что с каждой минутой к нему все больше возвращался его человеческий облик. Георг крикнул: — Как поживает... — Его подхватили слева и справа, повернули и вывели.

Элли не помнила, как она вернулась к отцу. В ее памяти осталось только, что он прижал к себе ее голову и что при этом присутствовали хозяйня и его жена и еще две женщины и что ей, Элли, было все равно. Одна легонько похлопала ее по плечу, другая коснулась ее волос. Затем хозяйка подняла с земли ее шляпку и сдула пыль. Никто не произнес ни слова. Для этого стена находилась слишком близко. Нема была ее жалоба и также нема было утешение. Когда они приехали домой, Элли села и написала Генриху: она просит его не заходить к ней в контору, она просит больше никогда не приходиться к ней.

Генрих все-таки поймал ее около конторы. Он выпрашивал ее, не произвел ли Георг на нее снова сильное впечатление, не полюбила ли она его вдруг опять, не хочет ли она опять жить с ним, когда он выйдет. Все это Элли выслушала с удивленным, все эти туманные и нелепые

предположения об обстоятельствах, рые она одна знала доподлинно. Он койко возразила: нет, любить она больше не может. Никогда не верит она к нему, даже если его освободят к этому конец навсегда. Но ей вдруг стали доставлять удовольствие встречи с Генрихом. С тех пор, как она видела его, ей просто не хочется, вот и все.

Генрих загордился ей дорогой, как Франц несколько лет назад, когда выруг ее отбил у него. Однако Генрих будучи сам особенно серьезным человеком не верил и в полную серьезность Элли. Какой же смысл в этом? Да, если бы еще продолжала любить Георга. Но так? Разве Георгу легче оттого, что останется одна? Он даже не будет об этом; он, вероятно, даже не попросит ее когда-нибудь при случае о том, что расскажет ему. Зачем нарочно осложнять жизнь?

Все это происходило почти год. Сегодня вечером она пригласила Генриха, для него были приготовлены пинтцели, замешен пуддинг. Она долго принарядилась. «Отчего это вдруг вернулось, — раздумывала Элли, — я опять хочу близости?» Для этой понадобилось ни кончать с чем-то, ни принимать трудное решение. Не случилось ничего особенного, кроме того, что Элли долгой срок. Элли было скучно проводить каждый вечер в одиночестве. Она еще создана для этого. Она — самая заурядная женщина. Генрих оказался прав: зачем это делать ради человека, который ей стал чужд? За год немного поменялся, а морщины, старческое лицо, изувеченное ударами лаков. Мать оказалась права, как и старички: время все исцеляет.

В глубине души Элли все же держала легкую надежду, что Генриха заставит какая-нибудь случайность. Она еще могла бы определить, что именно послужило оттого, что она сама его пригласила.

Внизу Франц смотрел из кондитерской на улицу. Вспыхнули фонари. Теплый день, но сейчас все говорило о том, что лето давно миновало. Маленькая кондитерская была скупо освещена. Хозяйка села за чем-то у стойки. Она наверное ждала, чтобы эти два настойчивых посетителя ушли. Друг Франц ухватился обеими руками за столы. Он глазами своим телом верить. Между фонарями к нему Элли шел Георг, в руке цветы. Франц закружил бешеный вихрь. Все

вах, испуг и радость, ярость и
стыть и ревность. Затем все ис-
она П так как человек приблизился.
е ве только издали слегка напоминал
ово да и то, если думаешь о Георге.
вдруг временем хозяйка кондитерской от-
встрел хоть от одного из посетителей.
идела человек бросил ей деньги и убе-
и все. Франц заказал второе кофе и второе
как Франц.

сопца Генрих
и юн у входной двери раздался звонок,
сть от Элли все же что-то блеснуло. Ми-
ли бы нутся Генрих был в ее комнате.
Но он держал гвоздики. Он растерян-
но, что стрел на молодую женщину, сидев-
будет за кровати, видимо не очень-то под-
не по шую его и лишенную возможности
нае об сть из-за пестрых мотков шерсти на
ослоз сть. Элли подняла лицо и засмеялась.
год в Она достала сумку и, смущенная, стала
шла к нежно закладывать туда все свое вяза-
ниготов она встала и взяла у Генриха гвоз-
на для Из кухни уже доносился запах жа-
вдруг мяса. Славная фрау Меркер! Элли
и,— не улыбнуться. Но лицо Генриха
я этог так серьезно, что она перестала
чем-то. ться. Она отвернулась от его решит-
е случ го взгляда. Он схватил ее за пле-
что л чал их, пока она не подняла головы
о прои взглянула на него. Забыв обо всем,
на еде думала теперь только, какое это
и заур ма, что он все-таки пришел. В эту
т на лестнице и в сенях раздались
ый ей и голоса. Может быть, кто-нибудь
помере ст, а может быть — только поду-
дарам —гестано.— Руки Генриха скользну-
как т ть, его лицо окаменело, окаменело и
е же твое, горячее лицо Элли, словно оно
заде т еще не улыбалось и никогда улыб-
а сам не сможет.

но из Франц был не очень скор на об-
спригла зание и комбинирование, все же он
он известной степени связать между
ондите те события, которые в ближайшие
Геплы это минут произошли перед окном
о том кондитерской.

я кон тихой улочке началось — правда,
нка П это — довольно значительное, хотя
ное же очень заметное движение. На бли-
посет жим углу остановился большой темно-
обени легковой автомобиль. Перед дверью
оим на сть жила Элли, остановилось такси.
к под одновременно появилось второе так-
ы. Фр обогнало первое, но, затормозив,
Все бы

двинулось следом за первым, держась вплот-
ную к нему.

Тем временем из первого вышло трое
молодых людей, которые, после короткого
пробывания в доме, снова сели в автомо-
шину и посадили еще кого-то, кого они
увели с собой. Франц не мог бы по-
клясться, что четвертый — это человек,
только-что принятый им за Георга, так
как его спутники — из предусмотрительно-
сти или случайно — заслонили простран-
ство между подъездом и дверцей автомо-
биля. Однако он успел заметить, что этот
четвертый идет не просто и прилично, а,
в сравнении со своими прямыми, подвиж-
ными спутниками, производит впечатление
пьяного или больного. Когда они затем
отъехали, причем мотор так и не был вы-
ключен, мимо двери Элли медленно про-
ехала и вторая автомашина, задержавшись
перед ней всего на несколько мгновений.
Сидоки вбежали в дом, и когда они верну-
лись, между ними шла женщина.

Приостановилось несколько прохожих.
Из нескольких окон кое-кто посмотрел
вниз. Однако кусочек мостовой перед подъ-
ездом, освещенный фонарями, оставался
неприкосновенным и чистым; на чем не
произошло катастрофы, он не был забрыз-
ган кровью. Если у кого-либо и возникли
какие бы то ни было предположения, —
они унесли их в недра своих семей.

Франц ждал каждую минуту, что его
самого арестуют. Но он благополучно вы-
брался на велосипеде из города.

«Значит, Георг — среди беглецов, — ска-
зал себе Франц: — они арестуют его род-
ных, его предполагаемую жену, наверно и
его мать. Они подозревают, что он в горо-
де. Может быть, он действительно здесь
скрывается. Как же он думает выбраться?»

Несмотря на рассказы товарища Геор-
га по заключению, Франц не представлял
себе теперешнего Георга таким, каким его
видела Элли. Однако образ прежнего Геор-
га встал перед ним внезапно и отчетливо.
Он увидел его перед собой с такой ясно-
стью, что чуть не вскрикнул. Так в минув-
шие века, в такие же темные эпохи, лю-
ди вскрикивали, когда им вдруг казалось,
что в суতোлке какой-нибудь улицы или
среди оглушительного празднества они
видят того единственного, которого им на-
рисовало их запретное воспоминание, являв-
шееся вместе с тем их совестью. Перед
ним стояло юношеское лицо Георга, его
вызывающий печальный взгляд, его кра-
сиво и густо спадающие темные волосы.
Он видел склоненную на руку голову Ге-
орга, голову на двух плечах, голову-вещь,

голову-ценность. Франц сорвался с места, словно опасность угрожала ему самому.

Совершенно расстроенный и смятенный, хотя его тяжеловатые, грубоватые черты, к счастью, не могли этого в достаточной мере выразить, приехал он к Герману. Но ему даже не удалось излить свое переполненное сердце. Герман после работы домой не возвращался.— Получил какое-нибудь задание,— сказала Эльза, оглядывая расстроенного Франца круглыми глазами, полными любопытства и чистоты.

Чувствуя, что его почему-то надо утешить, она предложила ему лакричных конфет. Герман часто покупал ей сладости, так как при первом подпошении его тронуло ее личико, просиявшее от такого пустяка. Франц, тоже смотревший на нее как на ребенка, провел рукой по ее волосам, о чем сейчас же пожалел, так как она пелугалась и покраснела.— Значит, нет его,— сказал Франц почти с отчаянием. Она смотрела ему вслед, когда он вел свой велосипед, и, как обычно бывает с детьми, это горе, которого она не понимала, все же глубоко затронуло ее.

Маршеты немного подождали Франца, затем сели ужинать и без него; Эрнст, пастух, занял его место. После ужина Эрнст еще раз выходит из дома, чтобы отнестись своей Нелли кость. Когда он из жаркой кухни попадает в поле, его лицо меняется и он облегченно вздыхает. Сегодня туман не густ. Далеко видны огни многочисленных сел и городов, железнодорожных путей и фабрик, Гехтовских краскотерочных заводов, Опель Руссельгейм; — упершись одной рукой в бок, в другой держа кость, спокойно смотрит вокруг себя Эрнст. Радостной гордостью озаряется его лицо, словно он пришел сегодня сюда во главе своих сородичей из темных древних времен и вот созерцает окончательно покоренную страну, ее реки, миллионы ее огней. Он камнеет, словно завоеватель при виде завоеванного. И разве он на самом деле не пришел сюда во главе своих сородичей из темных древних времен, не поборил страну, глушь и реки?

Эрнст шевельнулся: он слышит за пашней калкой-то скрип. Это велосипед, который Франц тащит в гору. На лице пастуха, только-что полноты ясности и почти величия, любопытство начинает вести свою суетливую и хитрую игру. Отчего Франц возвращается так поздно и с этой стороны? — Все съели,— заявляет Эрнст. Своими дерзкими пронизательными глазами

он уже увидел, что Франц недоволен не жалко Франца, только любопытство его лице появляется выражение, олицетворение: ничтожный Франц, как ничтожная блоха, укусившая тебя.

Хотя они не обменялись ни словом, Франц чувствует, что его отталкивает этот парень и его насмешливая улыбка, обычно забавлявшая Франца. Подушье Эрнста ему претит; ему уже давно претит равнодушные люди, люди, которых он должен войти, чтобы получить свой суп; и равнодушные звезды, которые всходят над ним, ему тоже претит.

7

Георг спешил среди вечерних сумерек, которые были так мглысты, так тихи, что казалось, в них никогда не найдешь ничего. При каждом новом шаге он говорил себе, что следующий будет последним. Каждый новый шаг оказывался всегд предпоследним. Сейчас же за Мюльбахом ему пришлось сойти с грузовика. Здесь не было; в каждой деревне — только ловные отдели. Георг миновал одну за другой. Еще не настала подходящая минута, чтобы переехать на тот берег, и он предостерегал его, и инстинкт, и так бывает, когда все силы человека устремлены на одно.

Как и вчера вечером, он утратил чувство времени. На Рейне рога трубили, начал туман. По дороге, бежавшей по какой плотине вдоль Рейна, скользили дельные огни все реже. Ближе к реке заросший деревьями закрыв от него воду. За камышами стели огни хутора, однако они не видели Георгу ни страха, ни доверия. Они горели болотными огнями, до того была местность. Может быть, остроградивший реку, еще тянулся; может быть, уже кончился. Может быть, огни на каком-нибудь судне или на том берегу, который был от него закрыт не островом, а туманом. Здесь можно просто погибнуть от обыкновенного наказания. Побывать бы сейчас с Валлау две минуты, в любом аду!

Если Валлау удастся добраться до того определенного прирейнского места, есть надежда, что оттуда его перенесут за границу. Там люди сидят и ждут, когда подготовили следующий этап бегства.

Когда Валлау арестовали вторично, жене стало ясно, что она больше не увидит его. А когда ее просьбы в дании были грубо, даже с угрозами

— она сама приехала хлопотать
Гейма, где теперь жила, в Вестго-
— она решила спасти мужа какой бы
было ценой. Это решение она стала
с одержимостью женщин,
берутся за невыполнимый план и,
все, исключают здравый рассу-
часть этого рассудка, для того и
существующего, чтобы проверять выпол-
плана. Жена Валлау опиралась не
других, не на осведомленность
а на две-три легенды об
побегах: Беймлера из Мюнхе-
Ораниенбурга, — а в леген-
есть какой-то опыт, какие-
нения. Но она знала также, что ее
всей силой высокоосознательных
жаждет жить, что он поймет ма-
наек. Ее отказ решать вопрос в
считаясь с возможным и невозмож-
помешал ей во многих частностях
успеха. Она пользовалась при-
ления связей, при передаче вестей
за двумя парижками, причем стар-
которому отец передал свои убежде-
— теперь был посвящен матерью в ее
словно заморожен им. Темноглазый,
малыш в форме гитлеровской
и, скорее обожженный, чем осве-
этим пламенем, которое было для
лица, пожалуй, чересчур жарким.
— вечером второго дня, фрау Вал-
же знала, что побег из самого лаге-
— Но она не могла знать, когда
будет в Вормсе на дачном участке,
ждала платье и деньги, и не про-
ли он там уже этой ночью. Участок
лежал некоей семье Бахман. Муж
— трамвайным кондуктором. Обе женщи-
— двадцать лет назад вместе учились в
— друзьями были еще их отцы, а
— з мужья. Женам пришлось одновре-
—нести все тяжести обычной жизни,
— последние три года — и тяжести не-
— Правда, Бахман был только в
— тридцать третьего года ненадолго
— С тех пор он работал спойсно,
— не трогали.
— человека, трамвайного кондуктора,
— фрау Бахман, а фрау Валлау
— своего мужа. Сильно встревоженная,
— в мелкой, словно расщеп-
— дрожь ее рук, ждала фрау Бахман,
— ему и нужно было всего десять
— чтобы дойти от парка до своей го-
— квартиры. Может быть, ему тоже
— поехать туда, тогда он вернется
— всего одиннадцать. Фрау Бахман
— заглядывать детей и немного успо-
— угрозам

«Ничего не может случиться, — повто-
рала она себе в тысячный раз, — ничего
не может открыться. Даже если он попа-
дется, нас ни в чем нельзя обвинить.
Деньги и платье он мог просто украсть.
Мы живем в городе, никто из нас не был
на участке уже несколько недель. Если бы
можно было только взглянуть, там ли еще
вещи. Очень тяжело, и как это фрау
Валлау только выдерживает!»

Она, Бахман, тогда сказала Валлау: —
Знаешь, Гильда, все мужчины, и папи
тоже, от всего этого очень изменились. —
А Валлау сказала: — Моего мужа ничто не
изменило. — Она, Бахман, сказала: — ...Ког-
да по-настоящему заглянешь смерти в
глаза... — А Валлау сказала: — Глупости.
А мы? А я? Старшего чуть не выследили,
на тот год и другой пойдет по его сле-
дам. — Она, Бахман, сказала: — Они все
узнают от одного человека! — А Валлау
сказала: — Все это преувеличено. Они
знают то, что им говорить.

Когда фрау Бахман осталась в тишине
и одиночестве, ее руки снова начали
вздрагивать. Она взялась за питье. Это
успокоило ее: «Никто нас ни в чем не
может обвинить. Просто кража».

На лестнице раздались шаги мужа. Зна-
чит, все-таки удалось. Она встала и со-
брала ему ужинать. Он вошел в кухню, не
промолвив ни слова. Не успела она еще
обернуться к нему, как не только в серд-
це, во всем ее теле возникло смущение,
словно с его приходом температура комна-
ты на несколько градусов понизилась. —
Что с тобой? — спросила она, увидев его
лицо. Муж ничего не ответил. Она поста-
вила между его локтями полную тарелку.
Ему в лицо поднялся шар от супа. — От-
то, — сказала она, — ты не болел? — На
это он тоже ничего не ответил.

Фрау Бахман охватил нестерпимый
страх. «Нет, — думала она, — это не из-за
участка, — ведь он здесь. Просто эта исто-
рия угнетает его. Уж скорее бы все
кончилось». — Ты разве есть не хочешь? —
сказала она. Муж ничего не ответил. — Не
надо все время думать об этом, — сказала
жена, — если все время думать, так можно
с ума сойти. — Из полузакрытых глаз му-
жа хлынули целые потоки страдания. Но
жена снова прижалась за питье. Когда
она подняла голову, глаза мужа были за-
крыты. — Ну, что с тобой? — сказала же-
на, — что с тобой? — Ничего, — отвечал
муж.

Но как он сказал это! Так, точно жена
спросила его, неужели у него на свете
ничего не осталось, и он правдиво отве-

тил:— Ничего.— Отто,— сказала она, продолжая шить:— а может быть, все-таки что-нибудь есть? — Однако, муж возразил пустым, сложным голосом:— Ничего, совсем ничего.— Быстро подняв глаза от шитья, она взглянула ему прямо в лицо и поняла, что действительно ничего. Все, что он когда-то имел, погибло.

Тогда жена почувствовала ледяной озноб. Она втянула голову в плечи и села боком, словно не ее муж сидел за столом, а... Она шила и шила; она ни о чем не думала и ни о чем не спрашивала, чтобы не услышать ответ, который разрушит ее жизнь.

И какую жизнь! Конечно, самую обычную жизнь с обычной борьбой за хлеб и детские чулки. Но и пылкую смелую жизнь, полную горячего сочувствия всему, достойному быть пережитым. А если прибавить к этому то, что они слышали от своих отцов, обе — Бахмана и Валлау, когда они были еще девочками с косичками и жили на одной улице! Не было ничего, что не отозвалось бы в их четырех стенах; бои за десяти-девяти и восьмичасовой рабочий день, речи, которые прочитывались даже женщинами, когда они читали поистине адские дыры на каждом чулке, речи — от Бебеля до Либкнехта, от Либкнехта до Димитрова.— Еще отцы,— с гордостью рассказывали матери детям,— сидели в тюрьме за то, что бастовали и демонстрировали. Правда, тогда за это еще не стирали с лица земли, не умерщвляли. Какая ясная жизнь! И вот теперь, сейчас, из-за одного единственного вопроса, из-за одной мысли она должна быть погублена и предана. Что с мужем? Фрау Бахман была простая женщина, она любила своего мужа. Они когда-то были влюблены друг в друга, они уже давно вместе. Она не такая, как фрау Валлау, которая, кроме того, еще многому училась. Но этот мужчина у стола — вовсе не ее муж. Это непрошенный гость, чужой и страшный.

Откуда он пришел? Отчего он пришел так поздно? Он расстроен. Изменился он давно. С тех пор, как его вдруг освободили, изменился он. Как она тогда радовалась и кричала! А его лицо было пустым и усталым. «Разве ты хочешь, чтобы и с ним было то же, что с Валлау? Нет». — заставляет себя думать фрау Бахман. Однако голос гораздо, гораздо старше, чем она, и вместе с тем гораздо, гораздо моложе, уже ответил: «Да, это было бы лучше». «Я не могу выдержать его лица», думала жена. Муж, точно услышав, встал

и подошел к окну. Там он стоял в комнате, хотя ставни была закрыты

Георг наверно проковылял уже много скольких таких сараев, как тот, но он, наконец, нашел. Внутри ничего было, только груды ивовых корзинок, вонючих плесенью и ненужных. «Спать,— думал Георг,— больше не буду. Спать и больше не просыпаться. Полю в угол, причем толкнул нагromные друг на друга корзины, и она ехались. От страха он еще раз оступился. Туман исчез. Лунный свет, тихий и снежный, падал в двор на вытоптанный снег. Были отчетливо видны старые сапожки, Георга.

Георг наверно проковылял уже много, всего на две минуты. Ему показалось, что он пришел. Он сунул пальцы в волосы Лени; волосы были густые и колючие. Он сунул в них все лицо и знал, что наконец-то это тепло сон, но настоящая явь. Он закрыл глаза, волосы вокруг заляпывая, чтобы могла уйти от него. Он наткнулся на что-то: зазвенели осколки. От удара он снова проснулся. «Да, действительно, пораженный, так как я больше никогда об этом не думаю,— да действительно что-то опрокинулось». Слегка хриплым был ее смех, голос, которым она продолжала говорить с настойчивостью пьяных: «Этот еще принесет счастье, Георг, это на принесет счастье».

В его голове было ощущение острой, резко очерченной боли, что вольно прикоснулся рукой, нет ли «Я ведь действительно думал, что это время уже у нее». Куда он ни шал свои мысли, они растерянно шались обратно. Эта пустота в скоро привела его просто в отчаяние.

Вдали что-то пересекло поле, что или животное. Оно постепенно пришло, шаг по мягкой земле не слышалось громче — короткими, легкими шагами. Георг громоздил перед собой мешки, мешки. Бежать было поздно. Кто-то за открытием двери, и в сарае стало темно. Тень женщины, он узнал по подолу, спросила тихо:— Георг? — Георгу хотелось кричать. Его дыхание остановилось.

— Георг,— сказала девушка слегка шарохованно. Затем она села в сарае перед дверью. Георг видел ее голые и толстые чулки и, между раздвигая колени,— юбку из грубой материи,

тоял с... сказали ее руки. Его сердце стучало
закрыт... что, ему казалось, она сейчас
уже ма... Но она прислушивалась к чему-
тот, м... В поле раздались твердые ша-
и ниче... колени и потянула на них юбку,
корзи... Георг видел и ее лицо. Оно по-
ых. «... ему сверхпрекрасным. Какое же
ше н... будет прекрасным в этом свете и
лься. ... ни любви!

Георг вошел, наклонившись, и
же сел рядом с ней.— Ну, видишь,
и здесь,— сказал он. Он добавил,
тихий:— И я здесь.— Она спокойно
его. Она прижала свое лицо к его
же целуя, может быть даже без
поцеловать его. Они говорили о
так тихо, что даже настоящий Ге-
мог их понять. В конце концов
Георг засмеялся. Затем стало
так тихо, что настоящему Георгу
хотелось вслушиваться, проводит ли
Георг рукой по ее волосам или по
стью. При этом он говорил:— Мое
ще.— Он сказал также:— Ты для
же на свете.— Девушка сказала:—
и неправда.— Он крепко стал це-
ее. Корзины посыпались в беспо-
даже те, которые Георг нагромоз-
ред собой. Девушка начала изме-

нившимся, более звонким голосом:— Если
бы ты знал, как я тебя люблю! — Прав-
да? — сказал другой Георг.— Да, больше
всего на свете.— Нет! — воскликнула она
вдруг. Другой Георг рассмеялся. Девушка
сказала сердито:— Нет, Георг, уходи те-
перь.— Иду, сказал другой Георг,— ты
скоро совсем от меня избавишься.— Де-
вушка спросила, пораженная:— Как
так? — В следующем месяце я же должен
призываться.— Ах, господи! — Почему? —
Это не плохо. Наконец-то кончатся эти
упражнения каждый вечер, а то ни одной
минуты свободной.— Там тебя особенно
муштровать будут.— Ну, там другое,—
сказал другой Георг,— тогда хоть почув-
ствуешь себя настоящим солдатом, а это
все игра в солдатики. И Альгейер то же
говорит. Слушай-ка, скажи-ка, прошлой
зимой ты не ходила с Альгейером в Гей-
лесхейм танцевать? — А почему бы и
нет? — сказала девушка,— я же тебя
еще не знала. И было не так, как те-
перь.— Другой Георг рассмеялся.— Не
так? — сказал он. Он обнял ее, и девуш-
ка уже не говорила нет. Только гораздо
позднее она сказала грустным голосом,
словно ее милый затерялся среди бури и
мрака:— Георг! — Он ответил, очень до-
вольный:— Да.

(Продолжение следует)

ение
, что
т ли
что б
он ни
вно в
та в
гчаяни
ле, че
о при
не ста
е шаг
шки, а
то за
тало т
подол
оргу
стано
слегка
е сара
полуб
раздв
ии, в

Лорелея

Свободы песней я зовусь от века,
Народной вольностью горда.
Мной Шиллер славил имя человека
И торжество его труда.

— «Будь громкой!» — Гёте мне сказал без крика
И приказал: «Не суесловь».
И я борюсь: коричневая клика
Мою не зачумила кровь.

Всегда искала в бурях я отрады.
Под гром свинцового дождя
Я гневно поднялась на баррикады,
О счастье Родины гудя.

Потом меня пытали... Я в участке
Лежала в ссадинах, ничком,
Но не раскрыла рта... И шугман в каске
Меня ударил сапогом...

Но я звучу в застенках неустанно
Тюремной азбукой моей...
Настанет час — я, мстительница, встану.
Круша многоголовых змей.

Сожженная, я поднялась из пепла.
В огне, на площадных кострах
Я закалилась; я, как сталь, окрепла
Фашистским палачам на страх!

Я — Лорелея... Я всегда на Рейне,
Но песню новую пою.
Ко мне в Германию вернется Гейне,
Со мною будет он в бою.

Родная земля

Я горсть родной земли сберег
В мешечке, на ремне.
На самой трудной из дорог
Не страшно с нею мне.
Она была везде, во всем:
В травинках, смешанных с овсом,
На сапогах, на колесе,
Прошедших все дороги, все.
И в дальних странствиях, когда
Огонь бледнел вдали,
И в час, когда морей вода
Врывалась в корабли,—
Я говорил:— Ломай рули,
Бросайся в лоб, волной бурли,—
Я не пойду на дно;
Пусть больше нету корабля,
Со мной везде моя земля;
Вперед, к созвездиям Кремля
Я выйду все равно.
Мы выходили в бой с врагом;
Метался орудийный гром
И осыпался лед,
Но в смертном, яростном бою
Я землю чувствую свою,
Зовущую вперед.
Я горсть родной земли сберег
В мешечке, на ремне;
На самой трудной из дорог
Не страшно с нею мне.

Южным славянам

То костры или выстрелы из ружей
Заметались меж далматских пиний?
Тучкой или дымом военным
Закурились Боснии вершины?
Грома ли привычные раскаты
Троекратным повторились эхом,
Или то пальбою зарычали
Черногорские черные горы?

Не костры, не гром и не туча —
Это вы, родные наши братья,
Славные юнаки-комитаджи!
Сербы, не знающие страха,
В деле боя искусные сербы,
Кабану пробивающие бабгу,
Даже если кабан на утесе,
А утес чуть пониже орлицы,
А орлица повыше тучки;
Черногорцы с древесными руками,
Подымающие прямо пред собою
Коня за передние копыта;
Босняки, что на ярмарке в Цетинье,
Циркового увидя великана,
Говорят, попыхивая трубкой:
«Ничего себе... Подходящее...
Этот будет Яну по брови».

Вы, родные, встали для боя!
Боевые, вы яростно восстали
За простые, всем понятные вещи:
За то, чтобы вашим королевством
Не барышничал кровавый Гитлер;
За то, чтобы ваша кукуруза
Не ссымалась в фашистские карманы;
Чтобы воздух над вашими горами
Не серел от пушечной селитры,
Не рыжел от рыжего пара,
Заболоченных кровью пастбищ;

Чтобы говор прадедов ваших,
Словно волк в бору — не хоронился,
Да не гнали прикладами солдаты
Материнские ваши песни.

Уходите же в горные тропы,
Уползайте в черные щели,
Как отцы бывало уходили,
Как бывало уползали деды.
Пусть стреляет по врагу даже ветка!
Пусть взрывается, под ним каждый
камень!

Не сдавайтесь фашистам на милость!
У фашистов милость не в заводе...
У фашистов тогда лишь милость,
Когда им веревку намылишь.

ЭТОТ ГОД

Повесть

Дни стояли ясные, небо было синее, без единого облачка; поэтому отъезд с дачи откладывался. Наконец, решили переезжать в самый последний день — 31 августа. Накануне Ане исполнилось семнадцать лет. Утром принесли поздравительную телеграмму от отца из Сочи, а потом приехал улыбающийся Герс — жених Веры и привез роман «Исполнение желаний». Герс не удосужился прочесть книгу, но решил, что по названию и красивому переплету она подходит для подарка. Мать Ани Лидия Витальевна благосклонно улыбнулась: все, что говорил или делал Герс, приводило ее в восхищение.

Гостей ждали к обеду.

Аня с утра надела белое платье, и, не умея скрыть веселого возбуждения, каждые полчаса выбегала за калитку посмотреть на дорожку, ведущую к станции.

День перевалил на вторую половину, и в саду широко раскинулись тени от старых лип и берез, когда, наконец, на террасе появилась шумная компания. Приехали Маруся, Гриша Бауэр, Миша Дегтярев. Гриша торжественно прочел поздравление в стихах, написанное на манер од Державина, и сразу внес с собой ту особую заразительную веселость, благодаря которой всюду был желанным гостем. Аня не встречалась с одноклассниками летом и с удивлением увидела, как все изменилось за два с половиной месяца. Бауэр еще сильнее выгнулся, вырос, а Миша Дегтярев, в белом костюме, складный, загорелый, с смуглым румянцем, проступающим на щеках, выглядел красавцем и щеголем. Он поклонился Лидии Витальевне, насмешливо и ласково сказал Ане несколько фраз, очевидно, придуманных заранее,

и охотно вступил в разговор с Герсом и Верой. Говорили о литературе. Потом на переносице двумя пальцами Герс рассуждал о том, что в современном искусстве форма не соответствует содержанию.

Миша, блестя черными узкими темными очками, не принужденно вставлял свои замечания. Оказалось, что он читал почти все, что было написано Герсом. Найдя в нем достояние собеседника, Герс, который вначале обращался только к Вере, время от времени обращался и к нему.

Маруся Петрушенко, розовенькая, с черными волосами, в легком летнем платье с оборками, присела на перила и, морща лоб, прилежным вниманием слушала Герса и Мишу. Ей очень хотелось тоже сказать что-нибудь, но она ничего не умела думать и только улыбалась остроумным замечаниям Миши, когда улыбались другие.

Пока велись литературные разговоры, Аня пошла с Гришей к реке.

Дом стоял на горе, а под горой был широкий заливной луг, который в середине перерезала река. На той стороне реки, на высоком берегу, темнел лес. За этот лес каждый вечер опускалось солнце. С террасы было видно, как заката солнца лес из синего делался черным.

Гриша шел рядом с Аней и неторопливо говорил:

— Вот и последний год. Скоро мы уезжаем в школу «прости», а учителям, которые нам дали жизнь, скажем «спасибо», — «не помню, как выразился Пушкин за благо воздадим», как выразился Пушкин. Впрочем, я не забуду Владимиру Ивановичу переэкзаменовку по тригонометрии. Он мне лето испортил.

— Сдал? — спросила Аня.

— что-то сдал,— вздохнув, ответил
 — но все равно теперь от него всю
 — не будет. Уж он не отвяжется.
 — понять, что математика мне совер-
 — нужна?
 — ты не поступишь в вуз без ма-
 — резонно заметила Аня.
 — зачем мне вуз?— воскликнул

— зачем?
 — что удел Миши Дегтярева. Ему при-
 — жить академиком. Слышала, как
 — Нет! Вы поступайте в вузы. Су-
 — наукою бесплодной. А я пристег-
 — муку за плечи и пойду, как Горький,
 — ствовать по свету и цупать жизнь.—
 — остановился, и слегка раздувая
 — отчего нос его сделался еще шире.
 — шел на Аню, восклицаний своим

— и вера и не вера и.
 — цами п...
 — в совре...
 — ствует...
 — гими тл...
 — замеча...
 — и все, у...
 — м дост...
 — значале...
 — времени...
 — овкая...
 — етлыми...
 — с обо...
 — ца люб...
 — ла Гер...
 — же с...
 — умела...
 — тротам...
 — гие...
 — разн...
 — которой...
 — которой...
 — той ст...
 — нела...
 — опус...
 — как в...
 — лался...
 — тетора...
 — та. Вера без улыбки смотрела на него
 — ро м...
 — лям,
 — помн...
 — ся Пу...
 — у Ни...
 — оном...

Гости уехали поздно.
 Когда остались одни, мама с Верой по
 обывковению обсудили каждого.
 Решили, что Грина довольно ребячлив,
 а Маруся эжеманна.
 — Зачем она так посит волосы?— по-
 жала плечам мама.— У нее внешность
 мешаночки. Как она учится, Аня?

И Вере, и маме понравился Миша. Вера
 нашла его очень интересным.
 — Я была бы довольна, Аня,— сказала
 Лидия Витальевна,— если бы он у нас
 чаще бывал. С ним полезно и интересно
 поговорить. Кстати, он из культурной
 семьи. Но у тебя странные вкусы.

Аня покраснела.
 — Пусть странные,— сказала она сер-
 дито, почти грубо.— Пожадуйста, беседу-
 те и с Мишей и со своим Герсом, и с раз-
 — друти...
 — до тор...
 — до ж...
 — до ж...

Она бежала по ступеням в сад. Ночь
 была черная, туманная. Аня почти
 ощутила прелесть и сладость свидания
 у забора и присела на нее.

Нельзя сказать, чтоб день ее младше
 прошел очень удачно, хотя все было, как
 предполагается. Вот и кончилось лето. И хо-
 ронно, что кончилось. Скоро осень. То-
 стый, усталый Миша Сидяков, то-
 дри, учитель, знакомый, полюбивший, б...
 кие. Хорошо, что все это сейчас кончилось.
 Если и Аня, как Грина, была бы так же
 не пустилась бы странствовать в поисках
 героя. Она написала бы книгу для оди-
 ненных людей, написала бы о том, что
 знает, о том, что знает вокруг нее.

Аня вздохнула. Ей до сих пор было до-
 вольно, что Алеша не приехал. Он не на-
 ходил себе минутки, как Грина Бауэр не
 нашла, если бы он приехал, день прошел
 бы по-другому. Правда, мама сказала бы
 опять, что Алеша простоват и не умеет
 держаться в обществе, а она умеет.
 Неграмотно, но ведь Аня-то знает, что он
 не такой, каким кажется маме. У него все
 получается по-своему. Должно быть, это и
 нравится Ане.

...Свет на террасе внезапно погас. Ярче
 и ближе стали частые звезды на небе.
 Аня посидела еще немного на скамейке
 у забора. Захотелось в Москву, на Маро-
 сейку, в школу — большой старый дом на
 Колпачном переулке, где, в сущности,
 проходит вся жизнь.

Аня вскочила, потянулась всем телом,
 ощутив свою молодость, здоровье, силу
 и, вздохнув широко, полной грудью, быстро
 пошла к дому.

31 августа спозаранку тетя Даша так громко начала греметь кастрюлями и мисками, укладываясь к отъезду, что перебудила всех, и Лидия Витальевна поднялась невыспавшаяся, с головной болью.

Тетя Даша была сердита. Ей не хотелось уезжать в город, потому что простенький деревянный дом, в котором они прожили лето, и покосившийся некрашеный забор вокруг дома, и луг, и извилистая речка, и лес за рекой — все это напоминало ей деревню.

— Опять на всю зиму в четыре стены, как в тюрьму, — ворчала она, с ожесточенным таская вещи на террасу. — Ни тебе простора, ни вольного воздуха.

— Зато удобства, — возразила Вера.

— Удобства-то тому нужны, кто на боку лежать любит, — в сердцах ответила тетя Даша, но Вера промолчала. Она думала о своем. Накинув на плечи легкий шарф, Вера ходила по песчаной дорожке взад и вперед от клумбы до террасы и сосредоточенно думала все о том же. Она знала, что Герса считают ее будущим мужем и что в Москве все должно разрешиться, а между тем в ней до сих пор боролись два желания. Одно — пережить ту, настоящую любовь, какую в ней не вызывал Герс и какую она не испытывала еще ни к кому, несмотря на свои двадцать три года, и второе — устроить личную жизнь соответственно тем нормам, которые она считала для себя единственно возможными. По этим нормам полагалось, чтоб муж был умен и интересен, чтоб он любил ее, Веру, и был счастлив этой любовью, чтоб он был устроен в жизни и чтоб про него можно было сказать: мой муж вот тот-то. Выходило так, что Герс отвечал самым строгим требованиям. Он вполне достойный человек. И специальность у них будет общая. Все идет к тому, чтоб он стал ее мужем. И все-таки Вере хочется, чтоб еще немножко продлилось лето.

Ровно в три часа хозяйка дачи, подоткнув подол платья, с трудом открыла покосившиеся ворота, и к террасе подъехал грузовик, отплывавший отработанным газом. На заборе мигом повисли ребята с соседних дворов, тетя Даша забегала по комнатам, осматривая углы, не забыто ли что-нибудь, а шофер с мрачным и сосредоточенным лицом стал грузить вещи.

Аня хотела помочь шоферу, но он недружелюбно буркнул: — Не пугайтесь под ногами, гражданочка! — Тогда Аня побегала взглянуть на реку, вихрем пронес-

лась по саду и, с удивлением Никшились в том, что ей почти не жаль да, ни речки, ни леса и ничего, Делюбила она летом, терпеливо стала даваться, когда кончится погрузка и будет занять свое место рядом с говорчивым шофером, помахать рукой с Верой, которые отправятся поездом зайке, окруженной ребятишками, и наконец, в Москву.

На другой день утром, когда Лидия Витальевна разлила в московские чашки крепкий кофе, Вера привычно жестом включила радио, чтоб перед на лежках выслушать утренний последний извустий и, словно вна ослабев, опустилась на стул. У Лидия Витальевны изумление застыло на почти тут же в комнату вбежала Даша и запричитала жалобно:

— Матушка, Лидия Витальевна! Что это делается? Никак войной на нас лись фашисты проклятые?

— Что вы понимаете, тетя Даша? Вы что отмахнулись от нее Вера и добавила упреком: — Вот, мама, не читали ли газеты из-за этого глупого переезда?

Где-то там, на границе, в неумоли губительном марше двигались бронированные машины, неся разрушение и смерть. Аня резвела это как-то сразу, ош и ясно.

— Поскорее приехал бы папа, — покойством думала она, идя в школу. Лучшее сейчас быть всем вместе.

А город не изменился. Улицы были пыльные и деловитые, как обычно, и школа всегда в первый день торжественно празднична, и особенно торжественны лыжи, и первые открывающиеся двери школы, и десятиклассники, для которых последний школьный год — преддверие стоящей, большой жизни.

И сообщение радио о начавшейся роце войне показалось страшной выду

В классе было оживленнее, чем обычно. Просматривали газеты и говорили о войне. Аня сразу увидела Алешу. Он уже вырос, но был все так же худощав, и за прежние — большие, внимательные строгае.

— Аня! Здравствуй!

Должно быть, Аня отвыкла все ж Алени за лето, потому что неожидан смутилась, здороваясь с ним.

Звонок возвестил начало первого урока. Открылся новый школьный год.

вниманием Николаевич, тучный, седой, с жалостью в глазах быстрой и неожиданно легкого, чистый. Дежурный вскочил, подбежал к нему и скомандовал звонким голосом: «Взвешивать!»

Вместе с ним дружно поднялся. Он взял в руку портфель преподавателя математики, и поезд на занятия готов! — весело прокричали, и ускоренный и, щелкнув по-военному, отправился на место.

Десятиклассники, приступив к уроку, — в топ ему ответил Владимир Николаевич, которому, как всем учителям, в классе был порядок рапортов, введенный им призывом Семеновичем — директором школы перед уроком Владимир Николаевич для первого дня занятий был бы побеседовать на отвлеченно в классе со своими учениками. Но Михаил Николаевич в этом году задолго до начала занятий повел подготовительную работу вызывал к себе в кабинет учителя по очереди и каждому по подлиннику.

Лидия Николаевна в этом году задолго до начала занятий повел подготовительную работу вызывал к себе в кабинет учителя по очереди и каждому по подлиннику. Она выражала, держала себя и то же: на нас поэт что, батенька, неужели вы забыли? Давайте прямо брата за руку. Даша! Вы что на первом дне заветили? добавила живыми руками, Владимир Николаевич два-три раза проехал по поезду.

Дегтярева попросил к себе — она бронировала винушительные

и в смерти предвещая из-за смерти и встал у ваза, ощущая, глядя на Владимира Николаевича, на нас плавающим узором, слышала, апа, — с ним Николаевичем провозжал билет в школу. Дегтярева смеялась за ним и выжидала. Улыбка. Владимир Николаевич остановился.

Иано... — представила он. Она охотно и уверено застала в нем. Первый год ней тактично являлись без двери и всерьез.

III

На первый школьный день, большой и выдуманный, закончился, Аня вспомнила, чем обязан приехать отец, и, не успев об этом поговорить с подругами, поспешила. Он зашел. Рядом стояли чемоданы, на вешалке висело толстое драповое пальто и серая шляпа.

Она поспешно открыла дверь в комнаты и уловила тот особенный, знакомый запах табака, который был не от отца.

На полу валялись какие-то бумаж-

ки, газеты, обрывки веревок, а мама, сидя в кресле, улыбалась отцу.

Отец, широко раскрыв объятия, шел Ане навстречу.

— Здравствуй, снеглазая!

Аня ткнулась носом в небритую шапину щеку. Милые небритые щеки!

Вот он, ее отец! Какие у него красивые седые волосы.

— Папа! Какой ты молодец! Ты там поправился на юге и даже немножко подрос.

— Еще бы не подрасти! Ну, дочка, дай-ка я тебя разделую как следует. Большая ты у меня стала. Рассказывай...

Отец опустился на диван, закурил трубку, и Аня присела рядом с ним, потрогала его коленку, погладила еще раз ладонью по щеке, поправила воротник пиджака.

Тетя Даша, блистая улыбкой и свежим передником, уютная, дружная, домашняя, звела отца.

Она оставалась попрежнему коммандант с подругами в школе, рассматривая отца. Федор Давыдович был он самобытен. По-прежнему она и жила в этом мире, где так много светлых людей. За профессором вечно ходил — он — тот самый профессор. Кто-то лишь на занятиях, но он в школе, а сам ничего не читал и не писал, а только в на козле в школу, а Федор Давыдович. А дома рассматривал книги, а вот и я.

Тетя Даша поставила тарелку на стол. — Купайте, Федор Давыдович!

— Спасибо, тетя Даша! Папа! Аня пришла... Как хорошо вернуться домой! У тебя есть чувство дома, Аня? А? У каждого человека должно быть чувство дома. Отец и вырывается домой к тебе.

Аня улыбнулась отцу. — Папа, это не так. Родом нет людей, которые любят только свои дети и ничего больше?

— Конечно, есть. Но я говорю не о них. Скажи мне, ты любишь школу?

— Да.

— Ну вот. Это уже начало любви к родине. Сначала ты любишь школу, свою работу, людей с близкими и понятными тебе мыслями и чувствами, тех, с кем ты вместе трудиться и что-то создаешь, а потом из этого вырастает большая, осознанная любовь к родине.

Лидия Витальевна поставила на стол вазу с виноградом и недоуменно развела руками.

— Встретились отец с дочерью после полутора месяцев разлуки и пустились немедленно в философию. Где это видано,

Федор? Аня, суп остынет. Дай отцу пообедать.

Вернулась Вера с лекций. Смущенно покашливая, вошел за нею Герс.

Он шагал осторожно, как будто боясь задеть что-нибудь по дороге. Был он весь светлый — волосы, брови, ресницы и серые глаза под пепелем, и странно было, что такой здоровый, широкоплечий мужчина, с большими, как у грузчика, руками, внезапно и часто краснел.

С торопливой почитательностью Герс поцеловал руку Лидии Витальевне и неловко поклонился Федору Даниловичу.

Вера обняла отца, но даже и сейчас, расспрашивая отца о поездке, об отдыхе и здоровье, она говорила так, что видно было — она все время помнит, что здесь Герс и что нужно не переставать нравиться ему. И сразу разговор перешел на институт, на то, что входило в круг интересов ее и Герса.

Аня заметила, что разговоры Веры и Герса всегда велись так: если в журнале появлялась статья знакомого лица, то говорили о том, как ему удалось ее протолкнуть и обсуждали не то, о чем написана была эта статья, а какую роль в положении знакомого лица она сыграет.

Когда приятель Герса удачно защитил диссертацию, с восхищением повторяли высказывания о ней известных профессоров, обсуждали их мнения, словно работы не существовало, а существовали только мнения о ней известных лиц.

Ане скучно было слушать.

— Снова начинается кашитель, — сказала она дерзко, посмотрев на Аркадия Мироновича, и, не простившись с ним, вышла из комнаты.

Уроков в первый день не было. Сбросив туфли, Аня забралась на кровать, подтянула под бок подушку и открыла книгу.

Из столовой приглушенно доносился голос, изредка смех. Аня, подперев щеку кулаком, облокотившись на подушку, читала «Очерки Бурсы» Помяловского.

Вошел отец.

— Как страшно, папа, — сказала Аня.

— Да, невесело, — ответил отец, посмотрев обложку книги. — Ты бы, Аня, не очень прикирлялась к нему, — добавил он, как будто продолжая разговор.

— К кому? — не поняла Аня.

— К нему. Вера обидеться может.

— А-а. Но он тебе тоже не очень нравился, папа.

— Нет, почему же, — неуверенно сказал Федор Данилович, раскуривая трубку. —

Разные бывают люди. Во всяком он не жулик.

Аня захохотала.

— Папа! Неужели наша Вера замуж за «нежулика»?

Отец смутился и снова зажег, хотя трубка дымилась.

— Папочка! Ты у меня чудный! Хипченно воскликнула Аня.

Аня никогда не задумывалась над тем, кого она больше любит — мать или отца. Но отношения с отцом и матерью сложились по-разному.

С матерью решались практически все вопросы. С ней можно было обсуждать все: сон, платье, новое знакомство... У нее трезвый взгляд на вещи. Она совершенно знает, что хорошо и что плохо, всегда все ясно.

А вот Ане многое неясно. В конце концов она не знает даже, зачем она живет.

И когда такие мысли приходят в голову, ее охватывает беспокойство, хочется пойти к кому-нибудь, чтобы спросить совета.

К маме не пойдешь.

Вот отец — другое дело. Когда говоришь с ним о жизни, о людях, — многое, что раньше, становится понятным и простым.

IV

На третий день после начала занятий Зинаида Александровна вошла в первую учительскую и, бросив портфель, вожжи опустилась на диван.

— Уф, — шумно вздохнула она. — Что случилось сегодня с десятиклассниками с ними случилось? Сладу никакого. Я им про Толстого, а они между собой свое.

— Вы что же, уважаемая, газет не читаете? — усмехнулся Владимир Николаевич.

Зинаида Александровна взяла со стола газету и, просмотрев, отложила в сторону.

— Понятно, — сказала она, снимая перчатки и протирая их.

И действительно, десятиклассникам о чем поговорить. Опубликованный в сегодняшнем номере закон о призыве учащихся по окончании школы в Кавказскую армию касался почти всех юношей. В будущем предстояло перед каждым из них встать выбор: идти в армию или остаться в школе.

В большую перемену в десятом классе собралась толпа школьников.

всяком Бауэр сидел на подоконнике и, булку, высказывался с обычной непринужденностью.

Вера — знаю, как кого, но меня этот за-
зажег — столепным образом устроил. Иначе
чудный! — сегодня я впервые ощутил под но-
амалась на — шу. В самом деле, вместо того,
мать или — кончив школу, ломать голову над
матерью — вырваться из дома, чтобы поию-
актически — жить, я спокойно отправляюсь в
обсужда — Армию. Там-то я уж наверное
койство, — жественных, деятельных людей и
чтобы — кичу боевую закалку.

В конце — сделал паузу, сунул в рот оста-
ем она — тии и весело посмотрел на ребят.
иходят — Таким образом, проблема поисков ге-
койство, — добавил он, закончив с булкой, —
чтобы — сама собой. Где же и искать ге-
огда гов — не в Красной Армии? Я его най-
многое, — дубчика, облеку в рифмы, — поэма
я поня —

Бауэр — Гольков, девятиклассник, секре-
и — ромольской ячейки, широкоплечий,
и — стый, низенький, в очках, недоволь-
и — стурил брови:

— Ты все шутишь, Бауэр? Хотя незна-
— казал бы что-нибудь серьезное.

— Все серьезное высказано до меня,
— чего не остается, как шутить.

— Да, если хочешь...
и — соскочил с подоконника и, разма-
и — такт рукой, продекламировал:

Чтоб сломить
врагов окружие,

ктобто
владеть оружием.

и — кому,
как клюква, ясно:

— этого баклуши бить,
и — то в нашей,

и — надо в Красной,
и — то в Армии служить».

и — скаленно, и это сказано не мною, а
и — ним.

Никола — неплохо сказано, — заметил Голь-
и — кушай. Дегтярев, — обратился он к

и — выступи на митинге после уро-
и — снима

и — стоя в сторонке, против обыкно-
и — не вмешивается в разговор. Сегодня

и — считает молчать. Рассеянно посви-
и — ризыве — он слушает, что говорят другие,

и — щуря насмешливые узкие глаза.

и — ответственна меланхолия, но сегод-
и — стивует себя выбитым из колеи.

и — ных оснований предполагать, что
и — взмнут в армию. Его возьмут так

и — других. Он достаточно здоров,
и — шу. Какое значение имеет теперь

то, что его отец — известный кинорежис-
сер и что в Институте кинематографии у
него друзья направо и налево? Все равно
Мише не видеть этого Института, как
ушей своих. Он кончит школу, и красно-
армейская шинель сравняет его со всеми.
Он станет как все, как Бауэр, Гольков,
Сидоров — десятки, сотни, тысячи других.

— Ты выступишь на митинге? — повто-
ряет Володя Гольков менее уверенным то-
ном.

Миша не успел ответить, в класс вбе-
жал Алеша Сидоров.

Здесь Володька Гольков? — крикнул он,
и, увидев его, добавил с укором: — Что
же ты? Митинг нужно организовывать?

— Да я и организовываю, — невозму-
тимо ответил Гольков. — Вот Дегтяреву
выступление хотел поручить.

Миша Дегтярев усмехнулся.

— Как митинг, так я должен высту-
пать. Неужели без меня не обойдетесь? —
сказал он пренебрежительно и, посвисты-
вая, пошел к партам.

— Очень хорошо обойдемся без тебя, —
вспыхнув вдруг, ответил Алеша и крикнул
Голькову: — Володька! От 10 «Б» запиши
меня.

Аня вышла после митинга на крыльцо
школы. Она обрадовалась, увидев Алешу в
переулке, и поторопилась его догнать. Она
видела, как на митинге Алеша замешкался
и покраснел, едва начав говорить, пом-
нила как ей неловко было слушать его
чужой срывающийся голос, и ей очень за-
хотелось утешить Алешу и сказать ему,
что он не так уж плохо выступал. Алеша
хмуро посмотрел на Аню и продолжал итти
молча.

— Однако я догоняла тебя совсем не
для того, чтобы играть в молчанки, — за-
метила Аня.

— Зачем же ты меня догоняла? —
мрачно спросил Алеша, еще и еще раз с
ужасом вспоминая, как не сумел он ска-
зать то, что хотел и как это стыдно и
плохо.

Аня покраснела. Не глупо ли соваться
в чужое дело, когда тебя не просят? Ни-
кто, должно быть, не нуждается в ее уча-
стии.

У Ани дрогнули и опустились уголки
губ. Лицо ее сразу подурнело.

— Я догнала тебя совсем случайно, —
пробормотала она и ушла, не простившись
с Алешей.

Алеша посмотрел ей вслед. Аня тороп-
ливо шла переулком, и Алеша вдруг по-

нял, что обидел ее, и почувствовал к ней жалость. Ему захотелось догнать Аню и заглянуть в ее покрасневшее от досады лицо. Но, пока он стоял в нерешительности, она скрылась из виду.

Алеша надвинул кепку на лоб и пошел, глядя себе под ноги, не замечая прохожих. Он не заметил, как очутился у Ильинских ворот. На город спускался сентябрьский теплый вечер. Маленькие девочки крутили прыгалки на дорожке сквера, тоненько взвизгивая. С деревьев, покорно и тихо, падали желтые листья. Над трамвайной линией около сквера висела непонятная надпись: «Осторожно, листопад!»

Алеша нашел пустую скамейку и сел. Домой можно не спешить, потому что мать на работе.

Алеша поднял с земли желтый лист и сосредоточенно посмотрел на него.

В конце концов какая чепуха то, что он сегодня провалился. Ну один раз, два, четыре, десять, — а потом он научится не смущаться, не краснеть, не терять слова, когда много людей ждет, что ты скажешь, а ты знаешь, ведь знаешь, что нужно сказать. Обидно, конечно. Но пусть. А записным оратором Алеше не бывать, да и не к этому его тянет. Он будет моряком. Он увидит море.

Стоять на палубе и ощущать, как она покачивается под ногами. Над палубой повис мокрый, мохнатый туман... Может быть, там, в двух милях, за туманом, притаился враг, раскрыв пасти орудий. Левой руля! Броненосец, тяжело вздрагивая корпусом, разрезает седые волны океана. На вахте матрос Сидоров. Нет! Броненосец ведет капитан Сидоров.

Да, Алеша будет моряком. Это продумано и решено. Он перечитал все книги, в которых рассказывается о море. Он знает «Фрегат «Палладу» Гончарова, и романы Джека Лондона, и Гюго, и Станюковича, и множество других книг, где действуют люди мужественные и смелые, люди, которые вместе с соленой влагой океана впитали его силу и крепость и озорную отвагу.

Он видел себя моряком. У него будут широкие плечи и суровое обветренное лицо старого морского волка... Алеша внезапно поднялся со скамейки и, недовольно нахмурившись, прошелся по дорожке. Опять! Не так надо думать. Не то. Важно то, что сегодня было в газетах. Вот о чем нужно думать. Море — мечта. Но, кроме моря, есть еще другое — посерьезнее и покружнее.

Алеша помнит себя читающим давно, почти с пионерского возраста. Просы политики для него — не лес, как и для многих из его товарищей. Для него совершенно ясно отношение к тому, что по ту сторону извилинной черты, именуемой границей, и Алеша знает: белые березки, и песчаные дороги не кончаются там, а в два ряда стоят столбы. Но родится здесь, у столбов.

Над Красной площадью в бледном свете рождаются стены Кремля; в какой комнате ровно дышит спящая Старая школа в переулке ждет у окраинах города тянутся к небу заводов и фабрик. Ветер шуршит о листьями в парке — все это люди с понятными мыслями, с близкими чувствами — тоже родина. И будущее неизбежное, как утро после ночи длина. Пусть же она возьмет Алешу таким каким он нужен ей.

Алеша медленно ходил по дорожке сквера. Теперь он совсем успокоился. «Что еще неприятное осталось? — спросил он себя. — Да. Аня. Какой осел, какой неисправимый дурак, догнал ее?»

Вспомнив Аню, Алеша почувствовал прилив той особенной, хорошей радости, какую в нем вызывала только она. Он представил себе Анину привычку хмурить брови, прямо, не отрываясь, смотря глаза во время разговора, и улыбку. Ему нравилась эта привычка. Впрочем, она была уверен, что с Аней его связь такая же обычная и несложная, как с Володей Гольковым, и он старался подавлять в себе непонятное, волнующее и радостное чувство, которое неожиданно для него самого иногда возникало, когда он говорил с Аней или думал о ней. И одновременно берег это чувство, боясь его от всех и не признаваясь себе.

Директора школы, Михаила Семеновича, ребята прозвали Тарасом Бульбой. Они звали его так за усы, за широкие плечи, еще за то, что носил Михаил Семенович галифе, похожие на шаровары, и рюкзак, обшитый кожаными ремнем. Когда в торжественные дни директор облакался в темный костюм и повязывал шею галстуком, ребята звали и не решались к нему подходить. Михаилу Семеновичу в костюме было тяжело, он поминутно поправлял свой галстук.

куда деть руки. Руки его при-
стали за ремнем.

неспроста пришел в класс.
было и по оживленному его гла-
зному виду и по тому, что, поте-
тывая голову, Михаил Семенович
папиросу и чуть было не заку-
рил же в классе, что совсем уже
стало школьным этикетом.

Семенович заявил, что военная
служба в школе его не удовлетворяет.
Сложная ситуация сложна. Совет-
ский мир жаждет мира, поэтому должен
быть к войне. Надо научиться креп-
ко держать оружие в руках.

только за ребятами — они должны
идти к обороне всерьез.
Для ответа взял Миша Дегтярев.
Михаил Семенович совершенно прав.
Нужно распределить обязанно-
сти на каждом участке работ.
Командные посты, конечно, должны
быть сделаны между ребятами 10 Б.

этот счет у директора особое мнe-
ние не будет делить командные
Директор школы, он же командир
распределит обязанности сам. На-
значит команды он назначает Володю
и секретаря комсомольской ячейки.

Он подходит к этой роли. Полит-
руководит Рита Цагоева, Рита Цагоева.
Именная отличница 10 Б класса,
подняла глаза.

«Почему я, Михаил Семенович?
Я считаю, что так нужно.
Вы считаете, что так нужно? Хо-
дите!»

Михаил Семенович продолжает читать
бойцов и командиров отделений, и
как будто бы уже распределены.
Михаил Дегтярев все еще не названа.
Эффектные назначения уже сделаны.
Михаил кусает губы, нащупывая руками в
кармане, чтоб сделать па всякий слу-
чай, чтоб занят чтением. Если им угод-
но обойти, то они напрасно вооб-
ражают, что он согласится стать рядовым
Дудки!

Михаил Дегтярев, — директор сделал
— назначается командиром отделения

«Слушаюсь, товарищ командир ПВО! —
громко гаркнул Миша Дегтярев, что
и расхохотался.

Михаил Семенович расхохотался вместе
с ребятами.

Бауэр тоже доволен назначением.
Бауэр — «продолжатель Маяков-
ский как Маяковский, он работает на
улице, в перемены, на уроках,

и, как Маяковский, он с газеты начнет
свой путь к признанию и славе.

Газета попала в надежные руки. Уж
если, вместо прежнего растяпы, редакто-
ром назначили Гришу, то расцвет школь-
ной прессы обеспечен. За это можно пору-
читься.

Команда ПВО приступила к делу без
промедления. Через несколько дней в ко-
ридоре появилось объявление: **ШКОЛА НА
УГРОЖАЕМОМ ПОЛОЖЕНИИ.** Бойцы и
командиры посерьезнели. Даже у учите-
лей озабоченность появилась на лицах.

Однажды в большую перемену прозвни-
тельно завывала сирена. Протяжный, рыда-
ющий ее вой заполнил сразу все уголки
школы. На одно мгновение школа испуган-
но стихла. Потом тишина разорвалась то-
потом ног бегущих по лестницам детей.

Тревога застала Аню в буфете, где вме-
сте с Марусей она беспечно поедала пи-
рожки. Аня переглянулась с Марусей и по
ее испуганным глазам поняла, что Маруса
тоже забыла, что нужно делать. Но это
продолжалось одно мгновение. В следую-
щую же секунду Аня вспомнила, что ее
место у дверей канцелярии, пост № 3, и
что в предельно короткий срок надо успеть
забежать на врачебный пункт, взять по-
ходную аптечку, нацепить на рукав повяз-
ку с красным крестом и затем стоять на
посту, готовой ко всему, хотя бы к тому,
что настоящая бомба упадет около ее ног
и разорвет ее на куски.

Отделения выстроились в коридоре,
командиры вполголоса проводили проверку.
Вдруг рывком отворилась дверь канцеля-
рии и Михаил Семенович с повязкой на
рукаве — Командир ПВО — в сопровожде-
нии раскрасневшейся от волнения Риты
Цагоевой появился в коридоре. Володя
Гольков подбежал к нему и, вытянувшись
и взяв рукою под козырек, отрапортовал:
— Команда ПВО в боевой готовности
Посты расставлены.

— Связь? — коротко спросил командир
ПВО. Но связисты уже мчались вверх по
лестницам: шесть связистов, у каждого в
руках телефон, а следом за ними Миша
Дегтярев, держа подмышкой катушку с про-
водами. Самый ответственный момент. За-
работают ли телефоны?

Через минуту в штаб позвонили:
— Говорит Дегтярев — командир отде-
ления связи. Над школой — самолеты про-
тивника.

Химразведчики одели противогазы.
Отделение пожарников стояло в строю
против Ани. Аня видела Алешу, вытянув-
шегося в струнку. Она видела его возбуж-

денное, взволнованное лицо и угадывала в нем ту же радостную энергию, ту же готовность на все, как и в себе. К Алеше подбежал посредник и срывающимся голосом прокричал:

— Товарищ командир, на дворе ушла бомба. Пожар.

Алеша круто повернулся. Аня не слышала, какой он отдал приказ, но видела, как шесть человек из его отделения побежали во двор вслед за ним, и почти тут же откуда-то вынырнул Гриша Бауэр, юркнув в дверь раньше, чем она успела захлопнуться за пожарниками. Через мгновение он вернулся.

— Стой! — схватил он за рубашку встреченного мальчугана, выполнявшего роль посредника. — Мчись в редакцию, второй этаж. Телеграмма от нашего специального корреспондента. Пожарники прибыли на место катастрофы, но имитаторы не успели устроить пожар. Скандал! — И, вывалив все это залпом, Гриша опять метнулся во двор.

В это время из штаба последовало распоряжение: эвакуировать 8-й класс. — Едва посредник, приоткрыв дверь, просунул в класс голову, как ребята уже надевали заранее приготовленные пальто и цепью выбегали из класса. Молодой учитель замыкал длинное шествие. Молча, сосредоточенно и страшно быстро бежали ребята один за другим, прыгая через ступеньки, шпрельвисто дыша, и на улицах прохожие уступали им дорогу и провожали удивленными взглядами до самых дверей кинотеатра, недоумевая, почему так послешно и так необычно проводится сегодня школьная эвакуация в кино.

Едва закончилась эвакуация, как Аня увидела приближающуюся Марусю Петрущенко. — Приказ командира отделения, — вяло сказала Маруся, — я сменяю тебя, а ты иди во двор. Там кто-то ранен на пожаре.

Аня с удивлением посмотрела на Марусю: «Даже сейчас ей скучно?» Повернувшись круто, как Алеша, Аня побежала во двор. — «Сумею ли? — думала она. — Не забыть бы что-нибудь!» — Посредине пустого двора слабо вспыхивал почти погашенный костер, который пожарники забрасывали песком. На крыше сарайчика, недалеко от костра, одиноко высилась фигура постового. В стороне стоял Алеша и рядом с ним Гриша Бауэр. Гриша морщился и размахивал рукой. — Сюда! — крикнул Алеша. Мельком взглянув на Алешу, Аня увидела в его лице, глазах, во всей его подтянутой фигуре ту же напряженную и

страстную готовность, какую она нашла в нем в начале учения, когда оборвался рев сирены. Аня подбежала к нему и сразу растерялась: ранение имитированное. Гриша в самом деле держал головней руку, на коже вздулся пузырь. Аня мысленно перебрала все медицинские принадлежности своей походной сумки. Вазелин! Алеша вытаскивала гришину руку, спешила помазать лас на себя за то, что получалось лужкой, как следовало бы. Алеша уже не было, но она все еще чувствовала на себе его требовательный взгляд. К концу учений «Известия» будут опубликованы! — крикнул Гриша, убегая по лестнице с ревящими ремнями к своей газете, которую он вынул из второго этажа поспешно изготовляемых специальных корреспондентов, лежащих на животах.

Отбой вызвал разочарование. Все казалось продолжать действовать.

Из школы возвращались домой большими кучками, размахивали руками и шумно обсуждали поведение бойцов командиров во время учения. А Алеша долго не могли уснуть, рассказывая друг другу о доблестной школьной команде и многие матери с грустью и гордостью смотрели на возбужденные лица своих детей, думая о том, что близки сроки, когда дана позовет их к себе на службу.

И никто не знал, что в эту ночь на польской границе упали полосатые флаги с орлами и сдались заставы. А с лучами солнца в украинских и белорусских деревнях вышли на улицы женщины с детьми и цветами забрасывали дороги. Торгом шла Красная Армия, и советские флаги в карманы красноармейцев и солдат шло первое утро начиналось новая жизнь.

Но москвичи об этом узнали только полдень.

17 сентября в 12 часов дня Аня слушала по радио речь Молотова.

Спокойный, твердый его голос зазвучал сразу в миллионах рупоров, и люди навливались толпами на площадях. Калены там, где их застиг этот уверенный спокойный голос.

«Граждане и гражданки нашей страны!» — слушали люди, и выжидали, и строже становились лица.

... — Население Польши брошено в беззащитном состоянии на произвол судьбы», — говорил Молотов.

... «Советское правительство считает своей священной обязанностью оказать помощь своим братьям-украинцам и белорусам, населяющим Польшу»

она... правительство выражает твердую уверенность, что наша Рабоче-Крестьянская Армия покажет и на этот раз свою боевую мощь, сознательность и решительность в выполнении своей величайшей задачи — она покроет свои подвигами, героизмом и славой».

Алеша... слушала.

Алеша... о речи Молотова узнали в педучастке... четвертого урока.

Александровна... после звонка... Б и, ожидая, пока успокоятся... привычные из учеников, остановившись у двери, чтобы поочередно шагами вперевалочку пройти к своему месту. Легкие волосы ее были, как всегда, в беспорядке, и портфель в руках распыряли книги. Но за откровенно спряталась тревога.

Зинаида Александровна... читать сцены из «Бородинского сражения», — сказала она, выходя из класса.

Александровна старалась казаться спокойной.

Зинаида Александровна сидела, понурив седую голову и опираясь тяжелым телом на покрывало лавки, на том самом месте, на котором утром его видел Пьер. Он не делал никаких распоряжений, а только сооту... или не соглашался на то, что... ему», — прочитала Зинаида Александровна и вдруг положила книгу на стол, увлеченными, испуганными глазами.

Зинаида Александровна! Что случилось? — спросил Гриша Бауэр. Почему ничего не знаю, дети, так же, как Александровна поехал в райком. Мы все узнаем, что бы ни было, дети, будем спокойны, мы смелы. Я продолжаю читать.

Зинаида Александровна снова сказала о Бородинском сражении. Толстой сегодня над ней свою власть.

Уроки со всех четырех этажей раздавались в зал на митинг. Никогда еще не было так полон и так насторожен Михаил Семенович выпел на следствии... руки за ремешок и немного... Все замерли в ожидании.

Красная Армия перешла границу. Красная Армия несет освобождение народам. Сколько людей проснулось сегодня утром! Правительство считает своей свя-

щенной обязанностью, подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белоруссам, населяющим Польшу», — так сказал товарищ Молотов по радио два часа тому назад. Мы счастливы и горды. Пусть слабится наша родина! Пусть долго живет наш Сталин!

Зал грохнул аплодисментами. «Ура! Да здравствует Сталин!» — кричали ребята.

Казалось, сейчас зазвонят и посыплются стекла из окон.

Аня слышала, как у нее стучит сердце в груди. Она чувствовала себя счастливой, глаза ее блеснули от волнения, и вдруг она всхлинула, вместе того чтобы засмеяться.

— Что это я? — подумала она. — Как хорошо... Но что же я должна... Они там идут. А я? Сейчас же, обязательно что-нибудь сделать, нужно, важное...

Вдруг на сцене появилась Зинаида Александровна. Это было необыкновенно. Зинаида Александровна, в очках, с легкими растрепанными волосами, Зинаида Александровна, которая ходит вперевалочку и самым пугливым, самым ценным в жизни человека считает книгу.

«Сегодня, когда я узнала о переходе Красной Армией границы... — начала Зинаида Александровна. Голос ее дрогнул... Я поняла высокий смысл того, что происходит. Я спросила себя: а что же ты должна делать? И ответила так: не великое твоё дело, но это твой пост. Стой на посту. Делай своё дело ещё лучше, чем раньше, будь ещё тверже, чем раньше. Вы, дети, тоже должны это понять. Давайте же работать с такой самоотверженностью, какой достойна наша родина. И это будет означать, что мы крепко любим свою родину. Наша страна сильна, пускай она станет ещё сильнее...

Зинаида Александровна замолчала, кратко и растерянно улыбнулась и ушла со сцены так же неожиданно, как появилась.

Аня проводила ее взглядом: «Верно, — подумала она, — но все-таки лучше бы сделать что-нибудь... не обычное, что-нибудь очень трудное»...

Она оглянулась, чтоб увидеть Алешу. Ей очень захотелось увидеть его именно сейчас. В это время на сцене появился новый оратор.

Едва кончился митинг, как Володя Гольков прыгнул со сцены, налетел на кого-то и, раздвигая толпу ребят, торопливо пошел в конец зала, где, он знал, стоял во время митинга Алеша Сидоров.

Их связывала долготлетняя дружба. Жили они в одном дворе и до школы вместе катались на самокатах, потом вместе пошли учиться; потом Володя отстал от класса по болезни, но дружба не прекращалась. Правда, встречи теперь стали реже, но всякий раз, когда происходило что-нибудь необычное, Голькова тянуло к Алеше.

— Алешка!— сказал Володя смущенно и радостно. Что же это? А?

Алеша слабо улыбнулся. Он сам не понимал, что творилось с ним. Как и вчера, во время тревоги, но только еще сильнее, им овладело непреодолимое, горячее, страстное желание действовать, рисковать, подвергаться опасности и жертвовать собой. Но Алеше казалось, что мужественность состоит в том, чтобы сдерживать свои чувства; кроме того, он стеснялся высказывать их.

Они вместе вышли из школы и шли некоторое время молча.

— Слушай,— сказал Володя, видимо сдерживаясь.— Если бы я только мог надеяться, что меня пошлют туда, на границу, я ушел бы!

Володя через очки посмотрел на Алешу.

Алешу тронули его слова. Он знал Володину близорукость и то огорчение, какое она ему доставляет. Он стал горячо убеждать Володю в том, что и его возьмут на фронт, когда это понадобится, а сейчас, вероятно, и не будет особенной войны.

Когда они расстались, Алеша вспомнил, что мать велела ему после школы купить хлеба и картофеля, и, чувствуя себя виноватым в том, что задержался, быстро пошел в магазин. Стоя у прилавка, Алеша опять задумался о том, что произошло сегодня ночью. Он понимал всю важность и серьезность происшедшего. Он не мог пересилить волнение. Он представил раскинувшиеся по ту сторону западной границы нищие деревеньки, окруженные узенькими полосками полей, и крестьян, испуганных, растерянных, счастливых, и среди них — спокойных и уверенных красноармейцев: он представил, с какой жадной радостью смотрят крестьяне на красноармейские звезды, и почувствовал гордость. Если бы сейчас быть там, среди освободителей, если бы сейчас идти вместе с ними с винтовкой наперевес в бой за славу, честь и доблесть своей родины, своей удивительной страны! Если бы что-нибудь сделать, чтонибудь...

Он так задумался, что не заметил нетерпения продавца, который уже дважды

его окликал. Сзади закричали, что не разевал рот, а подавал свой картофель и хлеб, Алеша рысью домой.

Был он голоден и счастлив.

VI

К Бородинскому походу школы лась всю осень. Организовалось кружков по изучению отечественной войны.

Ко дню похода школьники знали историю войны 12-го года, и особенно динского сражения, не только по му. Кутузовская диспозиция наском поле, вопреки Толстому, представлялась им непогрешимо стройной, из них мог объяснить, почему казаки стояли на правом фланге, а геттон на левом, почему батарея Рья являлась главным центром оборонкаких позиций ее обстреливали фран

Накануне Бородинского похода был состояться доклад на тему: Отечественная война.

Михаил Семенович долго обдумывалго назначить докладчиком.

Вспомнив об Алеше Сидорове, он себе: «Стоп! Этот и никто больше, если этого заденет за живое, толк!»

Вскоре после начала занятий Семенович вручил Алеше несколько

— Новенькая. Типографией ее нет,— хвастал он, передавая Алеше другие книги только что вышедшего «Наполеона».

Алеша вздохнул и, не решившись, тиснул книги в портфель. мнил еще свое неудачное выступление, на митинге и, скрепя сердце, сился на доклад.

Однако в первый же вечер, взяв «Наполеона», Алеша уже не мог от ся от него. В доме напротив погасли потом стихли все звуки, потом на то напряженное ночное безмолвие, ром удвоенно работает, почти мысль.

Алеша читал до рассвета. Утшел в школу, возбужденный бесночью и книгой.

Он сидел в классе рассеянный и мательный, думая о своем. Дома недочитанная книга. Какое-то количество часов должно пройти, прежде чем сможет снова сесть за нее. Алеша ливо выжидал эти часы.

привела в смятение мысли и чув-
ствовала, захватила всерьез.
Михайла Семеновича на уро-
Алеше очень хорошо было
что Наполеон — выразитель
классовых интересов.

понятно и просто.
еще другой Наполеон.
полководец, боготворимый сол-
Солдат, ставший императором, и
оставшийся солдатом.
потерял представление о том, где
выводы и заключения автора
связываются его собственными мыслями.
став книгу, он больше не возвра-
ней. Теперь все догадки, возник-
время чтения книги, казались
мелочными.

потрясли сила Наполеона, его
гений потерпел крушение. Где
побежден? Разве Ватерлоо не мог-
другого исхода?

Алеша принялся читать о на-
французов на Россию. Он не
теми книгами, какие ему дал
Он шел в читальню и брал там
и все, что мог достать. Алеше
факты и факты, потому что
событий становилась ему уже ясна.
книгу, Алеша знал, что ищет в
напряженное внимание, с каким
по силе было близко вдохнове-

сидел в читальне, наклонившись
вниз, сжав кулаками виски, и когда
звонил, и запоздалые редкие
разминаясь, шли сдавать книги,
глотал еще несколько стра-
последним.

больше читал и думал Алеша. тем
становилась его убежденность.
— размышлял Алеша, воз-
домой пустыми ночными улица-
и суровость природы и не-
наши простраства сыграли свою
как все могло бы повернуться по-
если бы не поднялся с топорами
народ. Если бы он смирился так
живо и позорно, как пруссаки?
знаменательных поражения непо-
полководца. Первое — в Испа-

второе — в России. Вот что самое
Наполеона побеждали в тех стра-
против него по-настоящему вста-
победил оттого, что с ним были
Наполеон — одиночка. Что может
одиночка, если даже он генерал?
ты, которые сжогали своего пол-

ководца? А знаменитые сто дней после
Эльбы?

— Нет, нет! — мысленно возражал
Алеша. — Все это ложь. Он был хорошим
актером. Он знал, как нужно держаться с
солдатами, чтобы вызывать их любовь; но
он — не Суворов.

Теперь Алеша увидел держомонтовского
Наполеона — изгнанника, великого в сво-
ем несчастье и мрачном заточении. — Ми-
лая Франция! — говорил этот романтиче-
ский Наполеон. Слава ее, ее блеск и мо-
гущество, первенство Франции в мире —
вот то, во имя чего двадцать лет пролива-
лась кровь. Отчизна, родина, святое свя-
тых... —

— Нет, нет и нет, — сурово протесто-
вал Алеша. — И этого не было. Вначале он
хотел ограничиться Корсикой. Во Фран-
цию его привлек честолюбие. Ему были
нужны масштабы. В изгнании он пожалел
о том, что не стал императором Востока.
Разве так любят родину? Ему нужны были
только слава и власть.

У Алеша впали щеки от бессонных но-
чей, а глаза горели возбуждением и ра-
достью. Он жил с рассеянностью челове-
ка, целиком поглощенного одной идеей.
Дни были полны обычных будничных заня-
тий, но от каждого дня оставалось не-
сколько блаженных вечерних часов. Але-
ша ждал их с утра.

Наполеон побежден, но спор с ним еще
не был закончен.

— Я — исторический факт. Опровергай-
те меня равноценными историческими
фактами.

Так мог бы возразить Наполеон.

— Именно. Фактами... — сказал Алеша,
испытывая наслаждение, гордость и сча-
стье человека, узнающего жизнь и свое
отношение к ней.

Он стал читать «Историю партии».

Он искал в этой книге ответ на вопрос,
решить который ему казалось так же
важно, как жить. И с каждой страницей
книги его аргументация развивалась и
крепля. Он очень хорошо понял основную
идею книги, потому что в ней-то и нахо-
дился нужный ответ; но он жадно запоми-
нал имена, даты, цифры, события и факты
из истории партии, потому, что хотел ощу-
щать идею конкретно.

Он понял со всей ясностью и полнотой,
что, слитый в единой воле, в едином
устремлении, народ непобедим. Попробуй-
те победить Антея, вобравшего в себя все
силы земли. Партия большевиков — вот
современный Антей, который никогда не
утратит свою мощь, потому что никогда

не утратит связь со своей почвой, с народом. А поэтому как бы ни были страшны и головокружительны успехи любого честолюбца и захватчика, падение его будет еще страшней и головокружительней, чем падение Наполеона, когда в борьбу с ним вступит Автей.

Вот тут, что я должен был решить и понять. И как хорошо, что теперь все стало ясно. Что еще стало мне ясно? Да. Ведь я и есть частица этой земли, этой почвы, частица своего народа. Как важно, чтоб каждый это понял.

Так, по-своему, прошел Алеша тот путь, который каждый проходит по-своему. То, что узнал он, было не только знанием. Знание стало убеждением, которое внесло новый, серьезный и радостный смысл в его жизнь и ту спокойную уверенность, которая делает человека сильным.

Не раньше и не позднее, а именно в этот месячный срок сложной внутренней работы Алеша перестал быть мальчиком.

Однако он оставался еще школьником. В один солнечный, ясный октябрьский день, во время пустого урока, Алеша вдруг сделал открытие, что, пока он читал свои книги, листья с деревьев почти облетели, и остались какие-то последние короткие дни осени, которые скоро отойдут навсегда.

Алешу с такой силой и страстью потянуло в осенний, увядающий лес, что он не устоял перед искушением и рассказал о своем желании Ане.

— Вот идея, — ответила Аня с видом человека, у которого слово не расходится с делом. — Вытащи незаметно из ларца портфель, и айда на Ленинские горы.

Пользуясь пустым часом, они сбежали с двух последних уроков, бесшумно радуясь своей свободе. Стоя на площадке вагона, они смеялись всему, что попадалось им на глаза.

Сошли у Ленинских гор и ходили до изнеможения по шуршащим от сухих листьев дорожкам. Потом они сидели на поваленной старой березе, близко друг к другу, и смотрели, как осторожно и медленно спускается сумрак на лес и на небе вспыхивают бледные слабые звезды, а за рекой ярче и веселее, чем звезды, загораются огни города. С реки потянуло холодом. Огни в городе вспыхивали все чаще и ярче, а лес все темнел, и Аня сидела, съежившись от холода, притихшая, молчаливая, слегка напуганная темнотой и внезапно наступившим неловким молчанием.

— Пора домой, — сказал Алеша, почув-

ствовав странное смущение и стараясь выдать его.

— Пора, — так же смущенно сказала Аня и быстро пошла вперед.

Потом в трамвае они опять разговорились. И Алеша рассказал Ане, что он узнал. Он очень старательно рассказывал ему хотелось, чтоб Аня поняла, каковы его выводы.

— Что же тут непонятного? — с удивительным спокойствием ответила Аня. Все понятно. Кто сомневается в том, что Наполеон — захватчик?

Она посмотрела на Алешу бездумными, ясными глазами.

— Нет, должно быть, я плохо выразился, — огорченно заметил Алеша. — Ли тебя это нисколько не волнует?

— Да не очень, — чистосердечно сказала Аня и растерялась, увидавшие Алешу. — Должно быть, ты спрашивал не только в Наполеоне? — переспросила она.

— Да, — ответил Алеша, но у него пропала охота продолжать разговор.

— Хорошо, что ты никогда не лжешь, неожиданно сказал он, прощаясь и глядя в ее веселые, доверчивые глаза.

«Да. Да. Это самое главное, что когда не лжет», — повторил он поспешно.

Доклад состоялся накануне похода. У Алешы все было готово, но, вошедши в сцену и увидев перед собой переполненную залу и многих учителей среди ребят, он почувствовал совершенно неожиданное, непреодолимый страх до дрожи в коленях. Пока Володя, открывая собрание, произносил вступительное слово, Алеша испытывал восторг, восторг к тем, кто спокойно сидел и ждал, и жалость к себе, и отчаяние, и, наконец, успокоение от сознания того, что он не лжет, плохо или хорошо, но он должен был сделать доклад.

Он увидел Аню среди других. Она села кивнула ему головой. «Какая ха! — подумал Алеша. — Я буду дураком, если не возьму себя в руки».

Только первые несколько минут Алеша слышал неуверенный звук голоса и искал в замешательстве потом он совсем успокоился и говорил свободно; а когда в середине нечаянно посмотрел на стенные часы, увидел, что время его истекло, он понял, что не успел рассказать самое интересное. Потому что Володя, наверное, сейчас звонит в колокольчик и сообщит, что

Но Володя в колокольчик не
услышала и вдруг пришла в ужас от того,
что в самом деле уже поздняя осень, и
листья почти облетели, и каждую минуту
может пойти дождь, и вообще вся эта
история ни к чему. Мама всегда умела
настоять на своем: отец поспорил немного
и, ничего не добившись, ушел к себе, Аня
же сначала утешивала маму, потом кри-
чала, что ее угнетают, потом плакала
злыми слезами. Вскоре, правда, она успоко-
илась, найдя выход из положения, и угово-
рила тетю Дашу разбудить ее в пять час-
ов утра, но чтоб никто не слышал,
потому что не стоит никого беспокоить, а
ей нужно рано встать, так как она полу-
чила плохо по математике и теперь при-
дется сидеть весь день, заткнувши уши, и
зубрить. «Ладно,— сказала тетя Даша и
сердито проворчала,— невеста уж, посмо-
три-ка-сь, а все плохо получаешь. Ни сты-
да, ни совести».

— Ну, ушла и ушла,— уговаривала се-
бя Аня, шагая в колонне,— кому какое
дело. Действительно, невеста уж, а все
следят как за маленькой.— Ее немного рас-
смешило то, что она невеста, но потом
она опять тяжело вздохнула и решила,
что с вокзала следует все-таки позвонить.
К телефону подошел отец.— Слушай,
папа,— сказала Аня.— Ты все-таки удра-
ла?— удивился отец. Аня поняла, что
отец ей сочувствует.— Папа, я уезжаю, ты
понимаешь, что я не могла не уехать. По-
нимаешь, папа? Ну вот и здорово! Папоч-
ка, иди досыпай, я тебя разбудила! Как я
рада, папа!

Поезд остановился в Можайске в 11 час-
ов утра.— Построиться!— зычно крикнул
Михаил Семенович. Ребята шли присми-
ревшие и немного ошеломленные тишиной
осенних полей. Просторный и пустой лес,
роняющий запоздалые редкие листья, по-
ля, кое-где ярко озелененные густой озимью,
широкие и осиротевшие, как дом,
оставленный хозяином, заброшенная, сты-
нущая речка, прозрачная свежесть воздуха
и та особенная высота и ясность неба.
какая бывает в погожие дни поздней осе-
ни,— все это рождало задумчивость и
грусть. Шутки смолкли. Долго шли в
молчании, вдыхая свежий воздух, и после
городских улиц глаз радовался широте по-
лей. Потом кто-то залел, и сто двадцать
звонких, сильных, молодых голосов под-
хватили песню, и песня вернула весе-
лость, и небо стало ближе и теплее.

После привала Михаил Семенович со-
звал минутное совещание командиров. Раз-
далась команда. Теперь полк двинулся
далее в полном боевом порядке. Вперед

VII

состоялся в выходной день 24 ок-
тября. Раннее утро было прозрачно, сол-
нце свежо. Холод пощипывал щеки
идя у школы ребят. Праздничные
улицы пусты, и суматошные хозяйки
ушли спозаранку, с любопытством
разглядывая колонну в сто двадцать чело-
век, выстроившуюся у подъезда школы.
Впереди был противогаз и за плечами
у него сумка. Михаил Семенович отда-
вал последние распоряжения, когда из-за
угла Покровки выбежала Аня. Она за-
была от быстрого бега, берет съехал
с лица пылаю румянцем. Аня по-
шла на Михаила Семеновича такими
испытанными и умоляющими глазами, что
он остановился и задержал команду — «па-
почка», чтоб дать Ане прийти в себя.
Аня встала в колонну, кто-то сунул ей
противогаз и поправил на ее плече сумку.
Всё обошлось благополучно — Аня не
отстала.

Аня двинулась, бойко затрещал ба-
гет, звонилось красное знамя.
Аня шагала в ногу со всеми и думала,
как они радуются осеннему солнечно-
му свету и походу, а ее ничто не может
отвлечь — ни дробь барабана, ни поездка,
то увлекательное и интересное, что
там, на Бородинском поле. Аня
счастливо вспоминала, как вчера вече-
ром к ней пришла Маруся Петрушенко и
говорила, что ей дома не разрешили идти
на фронт. Напрасно Аня толкала ее в бок
и смеясь подмигивала,— мама все же

был выслан дозор. Прошли еще километра три, когда разведчики донесли, что близко самолеты противника. Не успели командиры батальонов повторить команду: «Газы!» — как противогазы были одеты. Аня старалась дышать осторожно, но уже через пятнадцать минут у нее чаще застучало сердце и она почувствовала странную вялость. Захотелось спать. — Не выпалась из-за мамы, — раздраженно подумала она. Равнодушие и усталость сильнее и сильнее охватывали ее. Она ощутила тяжесть своих ног. Наконец ей нестерпимо захотелось сбросить противогаз. И как раз в этот момент раздастся отбой. Она сняла противогаз и вздохнула широко, свободной грудью. Михаил Семенович покачал головой, увидев ее бледное лицо. — Устала? — спросил мимоходом, обгоняя ее, Алеша, блестя глазами, веселый и порозовевший. — Так, немножко, — небрежно ответила Аня и отвернулась, потому что ей досадно было и то, что она устала, и то, что Алеша это заметил.

Наконец показалось Бородино. Подтянувшись, ребята бодро промаршировали мимо памятника Кутузова, держа под козырек.

Михаил Семенович открыл митинг. Сначала он пригладил, по обыкновению, свои длинные усы.

«Скажи ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, Французу отдана?»

Ведь бьли ж схватки боевые,
Да, горюг, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

Так начал Михаил Семенович свою речь у памятника Кутузова. Михаил Семенович говорил негромко и серьезно. Ребята слушали его, стоя под высоким осенним небом, и то, что Москва далеко, а рядом — знаменитое Бородинское поле, и свежий ветер дует в лицо, и вороны, нахохлившись, стыннут на голых ветках, — вся эта необычная обстановка делала речь Михаила Семеновича особенно значительной.

— Приходят и уходят дни, рождаются и умирают люди, — говорил Михаил Семенович, — а народ остается жить. Народ бессмертен. Мы пришли сюда, чтоб вспомнить героическое прошлое своего народа. Учитель же любви и уважению к своему народу, к своей стране. Глаза всего честного трудящегося человечества устремлены на нас. Помните, что вы граждане великой страны, будьте достойны своей родины.

Настанет время, и родина потребует мужества, смелости, героизма.

Внушительно молчал Кутузов. ственное, лежало у его ног Бор красным заревом пылал на небе закат.

В темноте быстро наступившего на берегу разжигали костры. С вспыхивали сухие ветки, искры тельно летели вверх, таяли в Обхватив колени руками, Аня смо огонь и слушала песню, которую соседнего костра. Холодная ночь, привал на берегу реки, и песня, здесь, вдалеке от дома, звучала му — все было по-особенному Кто-то присел рядом. Аня оглянула увидела Алешу. Аня внимательно рема на него и поняла, что он растроган, как и она, и что этот ипкогда не забудет.

На ночлег расположились в ита постлала свое пальто у стены в отведенном для девочек. Пальто венькое, и Аня знала, что ей по него от мамы. — Не только за дет, — репнула она. — Уж пусть за все оразу. — Она положила щеку, засыпая, увидела, что менович разговаривает у дверей мальчиков, сквозь сон услышала Алеша: «Есть, товарищ командир!» не в силах была открыть глаза, лась и уснула.

Алешу Сидорова назначили дежурному полку на два часа в первую смену. дор слабо освещала тусклая лампочка прошло двадцати минут, как все крепким сном. Алеша ходил по За окнами стояла такая густая тькую можно увидеть только в деревенную осеннюю ночь. Алеша знал, что нич может случиться, но оттого, что чом у него висела винтовка и все а он один бодрствовал в этой школе, в незнакомом месте, — он вал чувство волнения. Он слышал дыхание спящих товарищей, и ему но было, что он их охраняет, и он тывал нежность к ним за то, что они защитны во сне. Щеки Алеша обвет за день и горели румянцем. Весь день, проведенный в походе и зашший митингом в поле у памятника тузова и кострами на Колоче, стоя в глазах Алеша. И вот теперь ночь, ходит один мимо черных насторож окон. Алеша представлял себе сра

потребу...ском поле, он слышал жужжа-
зма. ...раскаты орудий, он видел дым,
Футузов. ...небо.
ог Бор...агда. были, и есть, и будут,
а небе ...народ, герои.

...незаметны,— думал Алеша, ша-
...андору с винтовкой за плечом,—
...идет час, и поднимутся со всех
...швшего...мили.— А придет ли для нас
...ры. С...— вдруг спросил себя Алеша и
...искры... в окно, где повисла густая
...и в... темная ночь. Сердце в груди у
...ня смот... билось тревожно и часто. Он
...оторую... в себе решимость и отвагу.

...ночь, ... сменили. Чувствуя, как устали
...песня, ... и отяжелело от винтовки плечо,
...чала ... тому, что сейчас наступит бла-
...ному ... покоя, Алеша примостился в
...огляну...ном для него уголке, хотел допу-
...тельно... что-то важное, но не успел и
...го он ... так же мгновенно, как все.
...этот ве...

VIII

...в шкес...
...ны в ... Виталиевна плохо спала ночами.
...то было... часто принималась плакать, сты-
...й попа... не понимая своих слез. Ее удив-
...за это ... даже сердило спокойствие Веры.
...сть по... Виталиевне хотелось, чтобы Вера
...ла руку... так же возвышенно влюблена, как
...Миха...валось, она сама была влюблена в
...ей с гр...кую и чудесную пору своей жиз-
...шла...на Федор Данилович студентом при-
...ндир!... в Самару на каникулы. Лидия Ви-
...аза, у...та вспоминала и письма от него
...неделю и то состояние тревоги,
...ежурн... и грусти, которое делало ее жизнь
...мену... глубокого смысла. И, вспоминая,
...ампоч...лась благоразумию Веры, потому что
...все ...ная молодость представлялась ей
...то кор...ой и поэтичной, и для Веры она
...я ть... такой же молодости.

...еревен... Вера ни разу не пропустила ни од-
...о нич...адки и не изменила ни одной своей
...то за...же. Хоть бы провалилась на каком-
...все ... экзамене, что ли! А то просто за
...незна...обидно.

...он исп...ающий день приближался.
...пал ...жество назначили на 30-е октября.
...му р...жества, собственно, никакого и не
...и он ... что доставило лишнее огорчение Ли-
...го он... Виталиевне.

...бвет; ... — Пойми, мама,— убеждала Вера,— это
...Зесь ...ство. Я не хочу казаться смешной.
...зак...злюбудь после мы позовем гостей.
...тник...нас я не хочу. И Аркадий не хочет
...стоял...
...ночь, ... не менее 30 октября вечером па-
...рожа... покрытом ослепительной скатертью,
...срав...пирог, высокий, пышный, румя-

ный — произведение искусства, созданное
на кухне тетей Дашей.

Федор Данилович раскрыл бутылку шам-
панского, ухитрившись не облить скатерть,
и Аня взвизгнула от удовольствия и про
себя поклялась не преследовать Герса, по-
тому что уж если он теперь Верин муж,
то все равно ничего не поделаешь.

Ане так же, как и Лидии Виталиевне,
хотелось, чтоб произносились речи и тосты,
чтоб чокались, вставая, чтоб все поздрав-
ляли Веру и говорили красивые слова и
желали ей счастья. Но ничего этого не
было.

Вера искусно завела разговор на самые
обыкновенные темы, спокойно смотрела на
Герса, нисколько не смущалась и делала
вид, что ничего особенного не происходит.
Герс, видимо, страдал от застенчивости и
беспрестанно краснел, то роняя ложку, то
просыпая сахар на скатерть.

Его сестра, немолодая уже девушка, зуб-
ной врач, немного прихрамывающая на ле-
вую ногу, вся в мелких оспинках, усерд-
но ела пирог, не спуская с Веры злых,
завидующих глаз.

«Аркадий привык утром пить горячее
молоко», — вызывающе говорила она. Или:
«Аркадий не переносит лук», или «Ах, он
так много работает, я очень заботилась о
его здравье».

Получалось глупо, и Ане было и смешно
и жалко Веру.

Единственную гостью провожали всей
семьей, почему-то суетились, разыскивая
ее вещи, пожимали руки, о чем-то шумно
говорили, и Софья Мироновна, приняв всю
эту суетню на свой счет, снисходительно
сказала Вере на прощанье: «Желаю вам
счастья». Вера сдержанно улыбнулась.

«Хорошо все-таки, что хоть один Герс
к нам переехал, без нее,— подумала Аня,
лежа в столовой за ширмочкой с фанта-
стическими цветами и птицами.— Уж
одино-то пусть как-нибудь. Не очень за-
метно».

И действительно, переезд Герса в квар-
тиру Акимовых не вызвал перемен в жиз-
ни семьи. Только тетя Даша стала ставить
лишний прибор, накрывая на стол. Аня
скоро привыкла к своему новому углу за
ширмой. Вера, догадавшись, что Лидия
Виталиевна боится за свое влияние, удвои-
ла внимание к ней и была с матерью
приветливее и ласковее, чем раньше.

Лидия Виталиевна утешилась. Все во-
шло в свою колею в доме Акимовых и,
жизнь потекла размеренно и привычно.

На дворе стояла глубокая осень. Заряди-
ли дожди с ветрами. Небо с утра заволаки-

вало низкой серой пеленой. Мелкий холодный дождь утомительно брызгал в окна и в лица прохожих; улицы скучно мокли. В такие утра радостно было вскочить с постели и, наскоро проглотив что-нибудь, промчаться несколько переулков и очутиться в школе, в большом уютном, светлом классе, где каждый день одно и то же и каждый день тысячи новостей. Уроки проходили быстро, и пятый и шестой часы давали о себе знать голодным похасыванием под ложечкой.

После обеда Аня отправлялась в читальню у Покровских ворот. Теперь так легко было найти предлог, чтоб уйти,— ведь место-то в доме у Ани нет. Куда ни сунься, все чье-нибудь, и отовсюду могут прогнать. Маму смущала Анина беспечность. «Она по натуре бездомна, как кукушка»,— думала Лидия Виталиевна.

Смущало ее и еще одно обстоятельство. В читальне Аня встречалась с Алешей, а Лидия Виталиевна Алешу не любила.

Сравнивая его с другими Аниными одноклассниками, Лидия Виталиевна недоумевала, что связывает ее веселую, смешливую, уменьшку дочку с этим долговязым неразговорчивым и непонятым парнем.

— Что Аня находит в нем? Неужели влюбилась?— со страхом думала Лидия Виталиевна.

Лидия Виталиевна догадывалась, что Аня убегает не потому, что ей неудобно заниматься дома, а потому, что в читальне ей больше нравится.

В читальне устраивались в привычном знакомом уголке у окна, от ламп с зелеными абажурами на стол падал мягкий уютный свет, тихо шуршали страницы книг, и всякий раз, поднимая глаза от книги, Аня встречала большие серые и немного удивленные глаза Алешки. Аня привыкла бывать с Алешей каждый день, читать с ним вместе книги, чувствовать его почти всегда рядом, внимательного, спокойного и серьезного. Даже дома, думая о чем-нибудь, она спрашивала себя, а что бы сказал Алеша. Все интересное и важное ей хотелось рассказать ему, ей не было скучно с ним; и тогда, когда они молчали, ее не смущало это молчание, хотя с другими в таких случаях делалось неловко и казалось, что непременно нужно о чем-то говорить.

В этот вечер, пока сидели в читальне, вдруг выпал первый снег, и улицы сразу стали светлыми и веселыми. Снег падал и не таял, как будто прочно началась зима.

— Если пойти в кино?— почти тельно сказала Аня.

Алеша обрадовался.— Очень Пойдем.— Аня позвонила маме и та и повесила трубку раньше, чем успела что-нибудь возразить.

В кино у Чистых прудов успели купить последние билеты. Едва конт толстая и сердитая дама, втолкну зал, как свет погас. Ощупью, на чужие ноги, нашли свои места.

— Как хорошо.— так вышел зала Аня, и Алеша улыбнулся, под только что это же подумал.

После картины Ане почему-то грустно. Хотелось, чтобы случилось необыкновенное и удивительное.

— Алеша, ты был когда-нибудь слеп?— неожиданно для самой себя сила она и испугалась своего Алеша споткнулся и густо покраснел.

— А ты?— спросил он в свою глуховатым голосом и глядя в сторону.

— Нет, не была,— ответила она прос Алешки.

— Знаешь что,— с отчаянной ростью сказал Алеша и остановился смотреть на Аню.

У Ани стукнуло сердце. Сейчас что-то, удивительное и необыкновенное. Что шачнется? Лучше не надо. все по-старому.

— Знаешь что,— упавшим голосом вторил Алеша.— Ты такая... Я раньше были с тобой в кино.

— Да. Да. Я тоже,— торопливо тила Аня, испытывая чувство неудовлетворенности и радости, что ничего не случилось, и оттого не сказаны слова, которые могли бы заны.

— Что это такое?— спрашивал Алеша, простившись с Аней и возясь домой знакомой Маросейкой, которая стала неузнаваемой от выпавшего га.— Что такое происходит со мной думал он.— Что случилось? Когда это началось? Откуда? И что началось?

Алеша счастливыми удивленными глазами смотрел на преображенную зиму. Столько раз видеть белый падающий снег и только теперь понять, что нет красивее этих летящих пушистых снегов. Будут еще миллионы дней, и каждый день будут синие Анины глаза. Когда улыбается, у нее ямочка на правой щеке. Милая ямочка! Удивительно даже, до смешная и трогательная ямочка у нее на правой щеке.

— по-лу...
...вели это со мной все происхо-
...Алеша.— Я иду по земле, я
...люблю Алю. Да неужто ж я ее
...але люблю?

...не я иду белой улицей, а кто-
...но такой новый, счастливый
...ельный, что просто завидно, и
...ется жить! И как хочется радо-
...му, что есть!

IX

...стоянии орудийного выстрела от
...а протянулась граница Финлян-
...зжаны дороги, ведущие к совет-
...ницам, осыпаются ягоды, гниют
...грибы в дремучих непроходимых
...некошенныя вянут луга.

...доступ в запрещенную зону за-
...нированы поля, под землей вы-
...ридоры. Каждый камень, каждое
...готовы стрелять. И дула всех
...направлены на Ленинград.

...ию 1939 года Финляндию затрясло
...радке. Из лесов и деревень сгоняли
...кие юношей и стариков. Окопами
...золочными заграждениями огбаса-

...В военные лагеря преврати-
...города, нищими ходили по дорогам
...ые из своих жилищ люди. Осто-
...крадучись поползли финские див-
...границе под Ленинград. 26 ноября
...сь семь провокационных выстре-
...финской границе.

...Отвести финские войска на двадцать
...километров от границы,— сказал
...тельство Советского Союза.

...он знал: если войска не отойдут,
...война. И война началась.

...м 30 ноября вылетели первые со-
...самолеты и с грохотом двину-
...танки. Красная Армия вступила в
...Финляндию.

...Сидоров ходил взад и вперед по
...рудному бульвару. Мелкие злые
...грызли лицо. Ветер толкал в
...и спина ныла от холода. В чи-
...ждет Аня и наверное каждую мину-
...нимает глаза от книги, чтобы по-
...на дверь. Но Алеша сегодня в
...ню не придет.

...уж много раз прошел он бульвар
...и вперед и все еще не решил само-
...вного.

...Семенович говорил на митинге
...и жестким голосом: «Сейчас, ко-
...братья выступили для защиты
...границ своей родины, сейчас в

чем наш долг? Потерим ли мы разгиль-
...дьяйство в учебе? Наш долг — отлично
...читься и готовиться к борьбе и труду».

Алеше понятна строгость Михаила Се-
...меновича. Нужно суметь стать строгим к
...себе.

Алеша прожил на свете восемнадцать
...лет. Не все его дни были легки и безмя-
...тежны. Но Алеша знал, что впереди —
...все. Жизнь только начинается. Его ждут
...труд и творчество, и дружба и любовь.

Алеша — комсомолец. Он должен ре-
...шить, в чем его долг сейчас.

Там, на полях, лежит уже глубокий
...снег. И люди, которые так же, как он,
...любят жизнь, идут бороться за нее и
...умирают за нее, чтоб спокойна была стра-
...на, чтоб росли дети, чтоб он, Алеша Си-
...доров, в будущем году увидел море и
...вступил на палубу корабля, чтоб сбылись
...его мечты. Чтоб это было, они идут сей-
...час чужими снежными, холодными дорога-
...ми. И многие из них не вернутся обратно.
...Такие же, как он. Молодые, здоровые, ве-
...сельные, любимые кем-нибудь...

А Алеша будет капитаном и увидит
...море. Оно снится ему по ночам. Палуба
...шатается под ногами, и волны стеной
...встают за палубой и солеными брызгами
...колют лицо...

Да, чтоб все это было в Алешиней жи-
...зни, чтоб это было у всех других — труд,
...радости, дружба, любовь и счастье жить —
...нужно, чтоб они шли.

Алеша резко повернулся и направился
...к трамваю.

Он ничего еще не сказал себе, но всем
...своим существом он понял, что решение
...принято и что никто и ничто не сможет
...заставить его отказаться от этого реше-
...ния.

И радость ошпарила его.

Прождав целый вечер Алешу в читаль-
...не, Аня медленно шла переулками домой.
...Он не пришел, хотя они точно услови-
...лись, что он придет. Не слишком-то он
...считается с ней.

Все эти дни Алеша задумчив и углуб-
...лен в себя и хотя в классе внимательно
...слушает учителя, но ведь Аня-то знает,
...что он думает о другом. Стоит на него
...посмотреть, как это сразу видно.

Нет, если он будет всегда таким
...скрытным и отчужденным, совсем ни к
...чему их дружба.

Аня ожесточенно нажала два раза
...кнопку звонка у двери и с размаху швыр-
...нула берет на столик в прихожей.

— Пуговицы-то оборвешь,— проворчала теть Даша.— Уж больно все некогда.

Размахивая портфелем, Аня вошла в столовую. Она готова была принять бой, если бы кому-нибудь из домашних пришло в голову с ней сразиться.

Палы, конечно, нет, с Верой же она столкнулась в дверях.

— Ах, это ты,— разочарованно сказала Вера.

— А вам хотелось бы увидеть восхитительного Аркадия Мироновича?— сразу заняла наступательную позицию Аня.

— Мама! Ну, что это такое!— возмущенно воскликнула Вера.

Лидия Витальевна вытирала чайную посуду.

Она поставила чашку на стол и с укором взглянула на Аню.

— Сегодня ты могла бы воздержаться от шуток, Аня!— сказала она огорченно. Но Аня не заметила беспокойства, с каким мама смотрела на Веру.

— Почему бы мне сегодня не шутить?— вызывающе спросила она, остановившись около своей ширмы, на которой цветы и птицы соперничали в яркости окрасок.

— Конечно,— начала Вера, и голос ее непривычно задрожал от обиды,— ты отдаленная родственница Аркадия Мироновича, но хотя бы из приличия... Хотя бы оттого, что он муж твоей сестры... Нужно все же знать меру... В такой день...

— Какой такой день?— с удивлением пробормотала Аня, начиная понимать, что, должно быть, что-то произошло.

— Ты что приговаряешься?— рассердилась наконец Лидия Витальевна.— Ты уж забыла, что Аркадия Мироновича вызвали сегодня в Военкомат? Девять часов, а его все еще нет. Кажется, ясно?

С виноватым видом Аня присела к столу.

В прихожей раздался звонок.

Вера, которая все время настороженно прислушивалась, быстро пошла к двери.

— Ты?— встретила она Герса.

Герс положил портфель на стул и, сняв запоевшее пенсне, протер платком. Всякий раз, когда Герс снимал пенсне, Аня искренне изумлялась — так менялось его лицо без пенсне. Оно становилось таким незащищенным, растерянным и как будто обнаженным, что было неловко на него смотреть.

Герс одел пенсне.

— Ну, что?— тревожно спросила Вера.

Обошлось,— ответил Герс, к своему обыкновению, и еще что озабоченность Веры, видимо, являла ему удовольствие. Вера положила ему руку на плечо, и он поцеловал ее, снимая с плеча.

Герс выпил чай и, обращаясь тогда к Лидии Витальевне, рассказывал, как его вызывали в Военкомат после врачебного осмотра комиссии, совещалась и вынесла, наконец, решение освободить его от военной службы.

— Представь себе, Верочка,— как сконфуженно говорил Герс,— я ни ожидал, что у меня такое плохое... Вот уж не думал. Что-то с клапанами вызывается. Просто удивительно даже. Смущенный Герс говорил вяло и неприятно:— Обстоятельства сильнее... Я и хотел бы, может...— Он откашлялся и замолчал.

Герсу неприятно было вспомнить, как он старался и не мог пересилить противную мелкую дрожь во всем теле, пока строгими лицами выслушивали и выносили врачи, а он, большой, полуголый, озябший, стоял среди них, чувствуя себя беспомощным и беззащитным, как ребенок.

Он пытался убедить себя в том, что в чем не виноват, что на комиссии он держался спокойно и солидно, что для самого неожиданностью явилось плохое состояние сердца. Но ему неловко и стыдно было вспомнить о пережитом страхе, о том, как он не сумел скрыть радости, испытанной им, когда главный врач сообщил свое заключение.

Герсу показалось, что врач как-то уважительно усмехнулся при этом.

И теперь суетливое участие Лидии Витальевны неожиданно вызвало у Аркадия Мироновича острую неприязнь.

— Студенты будут рады, что ты ослушался,— сказала, улыбаясь, Вера.

Она всегда умела вовремя сказать нужные слова, и Герс ответил ей благодарным взглядом. Ему страстно захотелось похвалить и уважать себя, поэтому увлечением заговорил о работе, о вузе, который теперь особенно стал ему мил и ласков, о своих новых планах, о счастии бескорыстного служения науке. Заговорив о работе, он начал постепенно возвращаться в привычное состояние душевного равновесия, из которого был выброшен событиями этого дня, и даже стал немного забывать унижающее чувство страха, растерянности, пережитое им несколько часов тому назад.

...кой бы у вас был вид в воен-
еще — простодушно заметила Аня.
идимо, она покраснела от очередного выпада
ера п... так как настроение у всех вы-
подел... никто не счит нужным обидеть-
ее, что вернулся с работы Фе-
сь то... вич и мама захопоталя об ужн-
рассказ... заново и с новыми подробностями
енкомат... рассказ о своих переживаниях,
омиссия... профессор слушал, сосредоточенно
нец, р... голубые струйки дыма из
гужбы.

Х

...шила выдержать характер. Когда
даже... Аляшу, придя на другой день
вляло и... за пять минут до звонка, она преж-
ильнее... его не заметила и, усевшись за
откаш... заботливо начала рассматривать
... фразами.
... поднялся с парты и подошел к
пока... казалось, что он должен был
и вы... крайней мере виноватый вид. Ни-
получ... бывало.
... глазами у Алеши легкая синева, но
как ре... няют так спокойно и радостно, и
том, ч... это и дружески протянута его ру-
миссия... будто Аня не прождала его на-
го для... весь вечер вчера в читальне и как
плохо... сам он не ходил, нахохлывшись, как
то и ст... целых три дня перед этим.
страхе... Вчера я не мог притти, Аня,— ска-
дости, ... ша.— Я был очень занят.
врач ст... Жаль, что ты меня не предупре-
сухо ответила Аня.— Впрочем, я
как-то... сидела в читальне.
гом. — Пойдем сегодня. Хочешь?
Лиди... Нет, сегодня я не могу. Завтра, на-
у Ар... тоже,— еще холоднее сказала Аня
вернула... Пусть он занимается чем
ты ос... Аню это очень мало интересует.
... Владимир Николаевич, и разговор
азать...
нагодар... — Поссорились? — шепотом спросила
сь под...
... небрежно пожала плечами и с то-
вузе, ... подумала, что вот их дружба с Але-
мил и ... расклеилась, потому что теперь на-
о сча... он надуется, а она, вместо того,
Загов... сердиться, жалеет о том, что оби-
звращ... то, и несколько не сердится за вче-
нен со... день и очень хотела бы сегодня
пен со... Алешей, а потом пойти с ним в ки-
траха... Аня думала это и слегка презирала
кольк... свою слабохарактерность и завидо-
... Вере, которую все уважают, потому

что она сдержанная, строгая и волевая, как говорит мама.
На третий день Аня вечером пошла в читальню, думая, что Алеша попрежнему занимается там, но Алеши не было. Алеша перестал ходить в читальню. Он очень занят.
Сразу после уроков он уходит куда-то из школы.

В 10 Б чаще чем прежде стал заходить Володя Гольков, секретарь комсомольской ячейки. Если Володя повадился ходить в какой-нибудь класс, значит, здесь кроется серьезная причина. Правда, в 10 Б у Володи много деловых и общественных связей: Гриша Бауэр — редактор газеты, Миша Дегтярев — постоянный докладчик на всех собраниях, Алеша руководит стрелковым кружком, и половина ребят — активисты военно-оборонной работы.

Десятый Б! — Михаил Семенович улыбается, когда говорит об этом классе.

Володя заходит в перемену и, перекинувшись словечком с тем или с другим из ребят, берет под руку Алешу и уводит его ходить по коридору.

Они ходят взад и вперед — высокий худощавый Алеша и низенький широкоплечий, коренастый Володя — и сосредоточенно разговаривают.

— Я узнала, о чем они совещаются, — сказала однажды Маруся.

— О чем?

— Не знаю, зачем это держится в секрете, — пожала плечами Маруся. — 18 декабря устраивается лыжная вылазка комсомольцев. Ну, вот, готовятся. Мне Бауэр сказал. Он уж газету накручивает. — Что ж тут совещаться? — удивилась Аня.

Однажды она услышала, уходя из школы, как Володя говорил Алеше в раздевалке: — Да, это будет для тебя выпускной экзамен, если ты первый придешь к финишу.

— Постараюсь, — ответил Алеша и покраснел, заметив Аню.

— Послушай, Аня, — он догонял ее через минуту, на ходу застегивая пальто. — Ты все еще сердисься? Я не понимаю, за что ты сердисься.

Аня остановилась и смерила Алешу с головы до ног негодующим взглядом.

— Ты не понимаешь? Жаль, что ты не понимаешь. Если человек прячется от тебя или на глазах у тебя секретничает без перерыва с другим, то это очень интересно наблюдать. Как ты думаешь?

Она возмущенно пожала плечами и сделала вид, что сейчас же уйдет.

— Постой, Аня, подожди! Секрета нет никакого. Через два дня состоится лыжная гонка. Я в ней участвую...

Аня недоверчиво прищурила глаза. Что-то тут не так. Что особенного в этой гонке, чтобы так уж ее переживать? Разве в первый раз устраиваются лыжные состязания?

— Ты придешь на гонку?—спросил Алеша и добавил настойчиво:— Мне хотелось бы, чтоб ты пришла.

— Хорошо, я приду,—ответила Аня. Потом перешительно:— А сейчас ты куда?

— Сейчас я занят. Мне нужно тренироваться.

Алеша пожал ей руку и ушел.

18 декабря Ане не удалось пойти на лыжное состязание. С вечера накануне она почувствовала тупую боль в ягодицах, были плечи и руки, и веки глаз стали тяжелые и горячие.

Она сидела за столом и вяло слушала разговор, обычный для вечернего чая, и ей казалось, что она слушает его откуда-то издали.

— Что с тобой, Аня?—спросила Лидия Виталиевна и, приложив руку ко лбу, отдернула ее с испугом, растерянно обратившись к Вере.— Батюшки, да у нее температура!

При малейшем заболевании детей Лидия Виталиевна пугалась и сразу забывала, что нужно делать. В доме немедленно начиналась паника.

Когда вернулась домой отец, в столовой был потушен свет, ходили на цыпочках, Вера с мужем закрылись у себя, а Федору Даниловичу ужин был подан на кончике письменного стола в его комнате.

Федор Данилович послушал, как дышит уснувшая Аня, и спокойно сел ужинать.

Утром отец прописал Ане на неделю постельный режим.

— Никаких возражений,— строго сказал он, хотя Аня и не пыталась возражать. Она чувствовала себя очень плохо, и ее расстраивала мысль о том, что она обещала Алеше прийти на лыжное соревнование и не пришла.

— Он может проиграть из-за меня,— думала Аня огорченно.— Он подумает, что я не пришла нарочно.

Вечером раздался телефонный звонок, и отец, взяв трубку, любезно заулыбался.

— Что вы? Что вы?— говорил отец в трубку.— Наоборот, я рад с вами побеседовать. Что передать? Выиграл? Кто выиграл? А-а, понимаю. С блеском, говорите?

Да что вы? Скажите пожалуйста!

Такой триумф? Зайти? Нет, пока не стоит. Не заходите. Грипп, знаете, такие. Уж как-нибудь денечка два скучает. Мы тут ее развлекаем очереди. Ну, победителю привет!

Аня поняла уже, что Алеша в состязании, но она рассердилась и отвернулась к стене, когда он сказал: «Поздравляю. Рыцарь ваш в чести!» дамы пришел к финишу первым, на пятнадцать метров сзади своих яников, о чем с восторгом сообщает гельница ваша Маруся Петрушенка.

Отец добродушно хохотнул и ушел, не занимаясь, а Аня лежала, закрытые глаза, и думала о том, что пришел к финишу первым, и удивил тому, что это так радует ее, и прилила себе его смущенное и счастливое лицо.

XI

Дни томительно тянулись, однообразные, длинные, похожие один на другой.

Вечером мама с Герсом и Верой уехала в театр, тетя Даша была выходная. У телефона, что Аня одна, отец раннего приехал домой—наслаждаться семейным уютом, как он сказал Ане, и поцеловал ее в лоб.

Он ходил по комнатам, весело похлопывая руки.

— Вот мы сейчас попьем с тобой чаю,— говорил он, включая чайник,— побеседуем о смысле жизни. Да, так вы знаете дела: мы с тобой здесь посиживаем там фронт. У нас сегодня два человека уехали в Финляндию. Одна — совсем молодая девушка, Галя Исаева. Я ее провожал на прощанье. Такие светлые были глаза, и щеки пухлые.

Аня поставила посуду, нашла в коробочке конфеты и печенье и, забравшись сзади на стул, раскрыла журнал.

В комнате было непривычно тихо и уютно по-особенному приятно.

В прихожей раздался звонок.

— Вечер не дадут посидеть втихую, — не в шутку рассердился отец.

Он вышел открыть дверь и через минуту вернулся веселый.

— Угадай, Аняшка, кого я тебе привел. Я его не пускаю, а он, понимаешь, настойчиво ломится. Ну, молодежь!

За спиной отца стоял Алеша. Аня сделала его широкую улыбку.

Алеша смотрел на Аню и недоумевал, как он мог обидеться на нее за то, что она не пришла на лыжное состязание.

дуйста! — угадался тогда, что она не при-
ет, по- болезни. И он досадовал на се-
т, по- не зашел навестить ее больную
знаете — позавчера, и все эти дни. Но
два — минуту Алеша понял, что все это
текаем — потому что сейчас он видит ее,
живет! — кудрецистую после болезни, кудря-
Алеша — ступенную, с ослепительно сини-
дилось — ными радостью глазами, с сму-
а он с — окрасневшим от неожиданности
в честь — калатике и валенках, такую про-
ервым. — стукляющую и милоую.

— Раз к чаю пришел, — сказала
рушенк — зная, что сказать. — Садись чай
и уша —
та, заки —
м, что —
и удив —
и пр —
и сча —

однообр —
ругой. —
ерой —
ная. У —
наныне —
ждаться —
Ане, —
ело по —

Прощайте, — сказал он.
Почему же прощайте? — засмеялся
Данилович. — Приходите к нам чаще.
— Она промолчала.

— Я уезжаю на фронт, Аня, — сказал
Алеша. —

— Я уезжаю на фронт, Аня, — повторил
Алеша и тоже улыбнулся, видя, что Аня
еще не понимает. — Я пришел к те-
бе попрощаться перед отъездом.

— Да, да, — торопливо и сконфуженно
перебила Аня. — Я была глупая тогда. Я не
понимала. Но разве можно было догадаться!

Руки не слушались ее, когда она засте-
гивала пуговицы.

— Пойдем, — сказала она странно охрип-
шим голосом.

— Куда же ты? После болезни? — по-
потом спросил Алеша.

Аня открыла дверь.

Их окутал мрак затемненных улиц. Ред-
кие окна домов тревожно смотрели фиоле-
товыми пятнами.

Аня взяла Алешу за руку, и они пошли
пустыми черными улицами.

— Хорошая, милая! — подумал Алеша, и
то чувство чудесного восторга, с которым
он жил эти две недели после того, как
принял свое решение, вспыхнуло в нем с
удвоенной силой.

Аня молча шла рядом с ним, и вдруг ей
все стало ясно, — и то, почему Алеша не
приходил в читальню, и то, почему он был
так собран, серьезен и строг последнее
время. И ей стало мучительно стыдно за
свою ссору с ним. Она остановилась и за-
плакала слезами стыда и раскаяния.

— О чем же ты плачешь? — растерялся
Алеша. Он гладил рукав ее шубы и не
знал, что нужно говорить, чтобы утешить
Аню.

Она плакала долго, всхлипывая и смор-
каясь.

Какой-то поздний прохожий недружелюб-
но оглянулся, и Алеша заслонил ее от чужих
любопытных глаз. Он чувствовал неж-
ность к этой беспомощной плачущей де-
вушке и хотел защитить ее, если бы она
подверглась опасности. Но опасность шло-
куда не грозили — улицы были тихи и
пусты, и Аня, наконец, перестала плакать.

— Рассказывай, — сказала она реши-
тельным голосом.

Алеше захотелось рассказать. Все рас-
сказать, начиная с того вечера, когда он
ходил по бульвару и сотни раз спрашивал
себя, что он должен сделать.

После этого прошло две недели, и каж-
дый день он убеждался все больше и боль-
ше в том, что поступил правильно. Эти
недели он тренировался в бегании на лы-
жах и в стрельбе, а где-то в глубине, в
сердце его, как заведенная машина, шла
напряженная внутренняя работа. Ему нуж-
но было побыть одному. Он должен был все
сначала решить сам.

Но теперь он уже мог рассказать.

— Помнишь, Аня, — сказал Алеша, —
когда мы с тобой ездили на Ленинские го-
ры, я хотел рассказать...

— Да, да, — торопливо и сконфуженно
перебила Аня. — Я была глупая тогда. Я не
понимала. Но разве можно было догадаться!

— Все равно,— продолжал Алеша.— Сей-час ты поймешь.

Я спрашивал себя: настанет время,— сумеешь или нет? Время настало. Там, на Бородинском поле, я не догадывался, что так скоро придет мой срок. И вот сейчас, все эти дни, недели, я живу так, будто нет прежнего меня, а есть какой-то новый, сильный, непобедимый, потому что я чувствую себя частичкой всех. Другие идут. Почему не должен идти я? Другие умирают за родину. А я? Еще успею? Может быть, ты скажешь, что успею?

Но честь! Не моя, маленькая, дешевенькая, а наша, общая, моей страны, моей родины, нашего будущего. Как же можно... Ты слушаешь, Аня?

— Да,— робко ответила Аня.

Алеша говорил тихо и сдержанно, но он говорил так, что она поняла, как выносил он в себе эти чувства, страсть, и убежденность,— и сердце ее дрогнуло от восхищения и гордости.

— И вот я думаю,— говорил Алеша,— этой честью и силен наш народ. А я ведь тоже — народ. Как хорошо, Аня, как радостно чувствовать это. Как хорошо говорить о себе не «я», а «мы»! Скажи мне, когда-нибудь, какие-нибудь Наполеоны нас победят? Никогда и никак.

Я не дам обидеть свою мать. Народ не даст обидеть родину. Я, гражданин Советской страны, иду воевать за свою родину, за честь ее, славу, спокойствие, силу, за ее будущее, всего мира будущее. Ты понимаешь меня, Аня?

— Да, да, понимаю,— готовно ответила Аня.

— Ну... и ты не отговариваешь меня? — нерешительно спросил Алеша.

Аня помолчала. Она знала, что ответ ее ничего не изменит, но она знала, что должна ответить честно, что это нужно, и дрогнувшим голосом она сказала:

— Нет, Алеша. Иди.

И, сказав так, она почувствовала, будто взяла на свои плечи часть его дела.

Алеша облегченно вздохнул.

Они ходили по улицам и говорили. Они избегали говорить о том, что это последний их общий вечер; они вспоминали самые простые и самые мелкие случаи из своей и из школьной жизни, и все, о чем они говорили, приобретало какой-то особый и значительный смысл. Алеша ощущал через перчатку в своей руке Анину тонкую слабую руку, и он был счастлив той полнотой счастья, которая в душе человека оставляет светлый след на всю жизнь.

Стрелка уличных часов стояла на месте, когда Алеша первый сказал: «Пока».

Они бодрились, но сердце у обоих было тяжело и тоска.

— Аня,— сказал Алеша,— ты сможешь мне помочь?

— Да. Очень. Очень хочу,— вздохнула Аня и подумала, как было бы, если бы нужно было сделать что-нибудь очень трудное и очень опасное.

— У меня есть мать,— сказал Алеша. Когда я уеду, ей будет тяжело. Помоги ей.

Аня вспыхнула от радости.

— Хорошо, Алеша. Я буду к ней часто приходить.

— Я люблю ее,— застенчиво прошептал Алеша.

Они подошли к дому.

Каждому трудно было произнести последние слова.

— Не забывай,— сказал Алеша.

Аня положила ему руки на плечи и в порыве горячей нежности поцеловала его в щеку и в плотно сжатые губы.

И тогда Алеша обнял ее нетерпеливыми юношескими руками и стал целовать ее лицо, губы, щеки, глаза.

— Люблю тебя на всю жизнь,— прошептал он строго, как клятву.

И пошел.

— Алеша! — слабо окликнула Аня.

Он обернулся.

— Алеша! Возвращайся!

Алеша махнул рукой и завернул за угол переулка.

Дверь отворил отец. Он посмотрел на Аню испуганными глазами, но Аня не испугалась, почему он так смотрит, и медленно сняла пальто.

Отец тряхнул ее за плечо и крикнул:

— Ты понимаешь, чудовище, что делаешь, или нет? Ты знаешь, что это верный час? Что сейчас почти уже уходишь? Ты способна отдавать себе отчет в своем поведении?

— Да, папа,— серьезно ответила Аня и добавила, когда он снял руку с ее плеча: Он уходит, папа, добровольцем на фронт.

Отец молча посмотрел на Аню и ушел в свою комнату.

Плечи Лидии Витальевны тряслись от рыданий. Она отняла от глаз платок, и в комнату вошел муж.

— Там, Лидя, очень серьезное дело,— сказал Федор Данилович, и у Лидии Витальевны все замерло внутри от страха.

толя... Уезжает на фронт,— пояснил Фе-
: «Помнишь... Приходил прощаться. Ну,
у обоим... Такой случай.

...енный мальчишка!— добавил Фе-
— ты... Данилович неожиданно для самого

— вз... Уезжает на фронт?— повторила Ли-
... как... Виталиевна, не умея скрыть вздох об-
... сделала... Уезжает, значит конец этим ди-
... опас... к этому роману, который не-
... казал Алешу к чему мог бы привести.

...ело. С... же Лидия Виталиевна устыди-
... ой радости. Возможно, он и слав-
... льчуган. Кто бы мог ожидать, что
... к ней... обыкновенный юноша способен на
... романтичные поступки!

...о про... не был погашен. Федор Данилович
... за ширму. Аня сидела на кроват-
... на колени руки, и пристально

...ности... на ширму с причудливыми цве-
... птицами, и глаза ее светились та-
... еша. ...ым и таким особенным выражени-

...плеч... твья и решимости, что Федор Дани-
...ловала... поняли удивленно и на дыпочках
... из комнаты, осторожно прикрыв за-
... ерпел... зверь.

...деловат...

...ь,— с... следующее утро Лидия Виталиевна
...смотрительно спрягала Ашину пальто
...ть, чтоб она не вздумала пойти в

...Аня... Тебе еще рано выходить,— заявила
...е.

...нул... весь день просидела в папиной ком-
...на тахте, охватив колени руками.

...ка кто-нибудь заглядывал в дверь,
...начала перелистывать страницы

...потреб... Однако она переживает это довольно
...мед... но,— с удивлением подумала Лидия

...Виталиевна.— Страхи были напрасны.—
...еть она вспомнила свою молодость и
...ала, что девушки ее поколения ро-
...нее и глубже чувствовали любовь.

...ке у... Лидия Виталиевна не решалась начать
...в с... с Аней. Ее даже пугало несколь-
...незнакомое, что появилось в лице

...а А... за прошедшую ночь. И Лидия Витали-
...вдыхая, размышляла о том, что

...ронт... сложна и часто непонятна.

XII

...ль... Тем Алешу добровольцем на фронт про-
...ор, ... огромное впечатление в школе. Млад-

...дел... были его товарищами. В перемене они
...Вит... у дверей класса, восхищенными
...ха, ... рассматривая десятиклассников,

которые так же, как они, встают при по-
явлении учителя и выходят к доске отве-
чать урок и в то же время способны на
такие взрослые, удивительные и велико-
лепные подвиги.

Гриша Бауэр с сосредоточенным и по-
новому серьезным лицом готовил специ-
альный номер газеты. Слегка раздувая
ноздри широкого носа и молча посапывая,
он выводил на газете красной тушью сло-
ва Маяковского:

Я знаю —
                  город
                  будет,
Я знаю —
                  саду
                  цветь,
Когда
                  такие люди
В стране
                  в советской
                  есть!

Но больше всех, кажется, поступком
Алешу был поражен Миша Дегтярев.

Миша привык говорить об Алеше в то-
не снисходительной небрежности. Он отнес
его раз и навсегда к «среднякам» и не
чувствовал к нему никакого интереса.
И вдруг этот простой, незаметный парень,
которого никто и никогда не рискнул бы
сравнить с ним, Мишей, затмил все Ми-
шины превосходства. Рядом с ним Миша
кажется теперь обидно обыкновенным, хо-
тя ему и не хочется признаться в этом.

Удивительнее всего то, что до послед-
него дня Алеша молчал о своем решении.
Кроме Михаила Семеновича и секретаря
ячейки Володи Голькова, до самого послед-
него дня об этом решении никто ничего не
знал.

Миша всегда испытывал раздражение,
если что-нибудь было ему непонятно, и
сейчас он с таким же глухим раздражени-
ем думал об Алеше, потому что мотивы,
побудившие Алешу оставить спокойную,
нормальную жизнь и пойти на лишения,
риск, и, может быть, даже смерть, были
ему непонятны.

Чего он ищет? Славы? Тогда почему до
последнего дня он скрывал свое намере-
ние? Почему он не захотел заранее насла-
диться славой в школе? Как бы его пре-
возносили эти две недели, пока он гото-
вился к фронту, тренировался в стрельбе,
в лыжном спорте и жил ожиданием отъез-
да!

Значит, главное тут не слава?

Может быть, карьера военного? Это то-
же не похоже на Алешу. Почему вдруг?

И кроме того, через несколько месяцев все равно придется стать военным, когда призвуют в Армию.

Тогда что же еще? Любовь к родине?

Миша ни за что не сознался бы в том, что его мучит зависть к Алеше, отъезд которого на фронт вызвал у всей школы такое восхищение, какого никогда, никакими усилиями — он знал это — не сможет вызвать Миша Дегтярев.

Алеша уехал. Может быть, он не вернется. Но из-за него Миша, как бы он ни был умен и остер, стал безнадежно обыкновенным. Поняв это, Миша охладел к школе.

Все равно осталось несколько месяцев, и нужно их поскорее как-нибудь дотянуть, чтоб потом начать новую, взрослую жизнь, в которой, конечно, признают и оценят Мишины таланты.

А школа между тем жила с подъемом. Школа гордилась Алешей. Героизм его ни у кого не вызывал сомнений. Алеша — герой, это было бесспорно для всех, и отблеск его славы каким-то краешком освещал и тех, кто был к нему ближе других. Поэтому, когда Аня пришла в класс, ее встретили любопытными, сочувствующими и немного даже завидующими взглядами.

Аня хмурила брови и на все расспросы стелывалась скудными «да» и «нет».

То новое, сложное, непонятное и удивительное чувство, которое неожиданно обрушилось на нее и захватило ее всю целиком, сразу и решительно изменило ее жизнь.

Жизнь утратила прежнюю легкость и бездумность. Она стала серьезна.

Многое, важное раньше, — например то, как относятся к ней люди, правится ли она, вызывает ли любовь в людях к себе, — стало безразлично Ане. Важно было лишь то, что она любит Алешу, и то, что она должна быть достойной его. То, что он выше всех, честнее всех, чище и благороднее всех, казалось ей бесспорным.

И своя собственная жизнь в сравнении с его жизнью представлялась ей ничтожной и мелкой, и она страстно захотела ее изменить. Она стала думать о будущем, которое наступит через несколько месяцев, и ужаснулась своей беспечности. Что она знает о своем месте в жизни, о своем долге перед страной?

Разве дело только в профессии?

Тот труд, который делает человека вдохновенным, который захватывает человека целиком, как захватил он на всю жизнь ее отца, отметив его особой печатью, — этот труд не был до сих пор важен и нужен

Ане. Она не готовила себя к нему, и до принято было считать, что Аня была равнодушна к специальности, которую ей избрали родители. Но всю свою нежность и любовь, она вложила в мысли о работе. Она с жаром мечтала, и эти мысли приближали ее к Алеше, точно, себя внутренне к будущему труду. Она платила свой долг Алеше и еще кто был важнее, строже и выше, — народу, родине.

Эти чувства, мысли и переживания были непривычны и так прекрасны. Аня все время жила в состоянии счастья и радости, и это отражалось и в ее глазах и в легкой ее походке, которая была стремительней, чем раньше, и в новом и особенном выражении ее лица, которое в день отъезда Алешы удивило испугало Лидию Виталиевну своей нежностью.

XIII

Прошло несколько дней, прежде чем Аня решилась пойти к Алешинной матери.

Она не знала этой женщины, но оттого, что она Алешина мать, Аня не могла не любить ее и испытывать чувство благодарности и нежности.

Она вошла в узкий длинный коридор. Какая-то женщина с любопытством смотрела на нее, остановившись посреди коридора с грудой тарелок в руках.

— Где комната Ольги Андреевны здоровой? — спросила Аня и слезы краснела, потому что ей показалось, что женщина сразу догадывается, кто за чем она сюда пришла.

— Вот дверь-то ее, — равнодушно пула женщина рукой.

Аня постучала. Никто не ответил.

Аня легонько толкнула дверь, и она открылась. В комнате было пусто. В углу стояла высокая кровать с грудой подушек в ситцевых наволочках. У стены напротив небольшой стол, покрытый зеленой клеенкой, и около окна комод, с которого Аня смотрела на Аню лицо Алешини: на стене стояла увеличенная фотографическая точка Алешини.

«Вот я пришла, Алеша!» — грустно думала Аня.

Она села на стул и стала ждать. Она ждала долго и рассматривала тенькую комнатку, которая была так тесна, что, лежа на кровати, можно было

и к ней до обеденного стола у про-
Аня была в белой стене.

ее от... книжки стопошкой лежат на
спец... на гвоздике висит его порт-
али. Н...ый, потрепанный, милый порт-
обовь, в... тихо и мирно, должно быть,
если о... этой комнате вечерами, когда
ла о т... шел над книгой здесь, у стола.

и эт... говорили они с матерью?
точно. она?

у труд... обернулась и увидела стоящую у
еще... женщину. Она неслышно вошла и,
выше, т... рога, молча и внимательно рас-
Аню. Аня, смутившись, встала.

ожива... авствуйте! — сказала она. — Я во-
екрасн... много нет, решила подождать.

янии т... я здесь у соседки сидела, — отве-
и в бл... женщина. Она была невысокого рос-
котор... маленькие морщинки бороздили ее
ше, и... темные волосы блестели молодым
нии ее... а глаза были так же внимательно
ни уда... трости, как у сына.

своей в... шептаете, чего же вы, — сказала она,
искаясь на стул.

де суетилась, не хлопотала и не
ни радости, ни удивления по по-
прежде... что пришла Аня.

инной м... молчали.

ы, но... учусь вместе с Алешей, — сказа-
ь, Аня... нец, Аня.

ывала... уж догадалась, — ответила мать.

ности... матери, Аня думала, что мать
ий ко...нется и будет плакать и рассказы-
ытвом... Алешу, и Аня будет утешать ее.

сь поср... этого не было.

руках... так, что мать молчала и внима-
реевны... строго смотрела на Аню, Аня же
слегка...чала рассказывать про себя, про
азалось...знь, про то, как она будет врачом
кто о...на все время думает об Алеше.

душно... Когда бы и порадоваться-то, как
сказать, — вздохнула мать. — Годы мо-

Ан вот не вышло.

ветил... почувствовала, как больно встало

е, и она... в горле, и она хотела переждать

то. В... эту боль, но слезы, частые и

ой под... посыпались из ее глаз.

ры нап... положила сухую худенькую руку

ной к... лому.

орого п... лас плакать-то, — сказала она, по-

па к... Анны волосы. — Слезами не

еская...нь. Уж он такой. Ты уж привыкай

пили чай из блюдец и неспеша разгова-
ривали.

— Ольга Андреевна, когда вы узнали,
что он уходит? — спросила Аня.

— Когда узнала? — переспросила мать. —
Да почитай что накануне. Стала под кро-
ватью старые башмаки искать, смотрю —
узел. Батюшки мои, что такое? Развяза-
ла — шинель, сапоги, все военное обмун-
дирование. Поняла я тут все сразу. Смо-
тру на узел, у самой руки трясутся. Сыно-
чек мой, думаю. Вот ты какую себе долю
выбрал!

— Алешенька, — говорю, — а как же
я-то? Обо мне-то ты не подумал. Что я без
тебя? Один ты у меня, как есть единствен-
ный!

Обнял он меня крепко.

— Не убивайся, — говорит, — мама, не
плачь. Знаю, что тяжело тебе, да не могу
я по-другому. Долг, говорит, мой.

И так он это сказал, что вижу — не
удержишь. Да и как держать-то?

— Не буду, говорю, Алешенька, я уби-
ваться. Разве я не понимаю, что долг?
Понимаю. Иди, говорю, если совесть твоя
не терпит.

А у самой слезы рекой, и унять никак
не умею. Так и просидели мы с ним весь
вечер вот здесь, друг против друга. Смо-
тру я на него: когда ты у меня, Алешень-
ка, вырасти успел, давно ли на руках
тебя качала, сказки-прибаутки рассказы-
вала? Вот и ушел. Что же мне теперь:
ждать буду, дни и ночи ждать буду...

Ольга Андреевна рассеянно подула на
остывший чай в блюдецке и медленными
глотками выпила его.

— Не одна я, — глухо сказала она. —
Сколько нас таких, матерей-то. Значит,
нужно.

— Любят его в школе? — спросила она
другим, оживившимся голосом.

— Да, любят, — охотно ответила Аня.

— Как его не любить! — удовлетворен-
но, с гордостью заметила мать. — Уж я-то
знаю, что лучше его мало на свете людей.

— А ко мне директор приходил, — по-
веселев, сообщила она некоторое время
спустя. — Речь держал. Гордимся, говорит,
мы, вся школа гордится вашим сыном.
Что ж, мол, и вы его воспитывали, не
одна я. Побольше бы таких совестливых
да добровольных. Во всяком деле они
нужны.

Внезапно мать замолчала, и лицо ее
исказила тоска.

— Алешенька! — с мольбой и отчаяни-
ем прошептала она. — Алешенька, кровный
ты мой!..

Она опустила голову. Скорбная складка легла около губ.

Но скоро лицо ее стало снова строго и сдержанно.

— Придешь еще? — сказала она, полу-приглашая, полуспрашивая, когда Аня собралась уходить.

— Да, конечно. Я буду часто к вам приходить. Я буду к вам ходить каждый день, — с жаром ответила Аня.

— Ну, то-то.

Мать спокойно проводила Аню до дверей, а в дверях неожиданно схватила ее руку и горячим торопливым шопотом сказала: «Приходи. Чаще приходи. Тяжело мне одной. Надумаешься за вечер-то. Нивесты что в голову взбредет», — и тихо зашла-кала.

Аня пожала руку Ольге Андреевне и пошла домой. Она ожидала, что Алешина мать вызовет в ней жалость и умиление, но то чувство, которое она уносила с собой после встречи с ней, было не умиление и не жалость и даже не любовь, это было совсем другое, особенное чувство.

Аня не умела бы объяснить, почему эта простая и тщедушная на вид женщина, которая пьет чай в шприкусу с блюдечка и вытирает рот рукой, так поразила ее. Аня не умела бы даже объяснить, чем она ее поразила, но она инстинктивно почувствовала в Алешиной матери душевную силу и стойкость и, не понимая, почему это так, испытывала к ней глубокое уважение, смешанное с робостью и удивлением. Общая тревога за Алешу и любовь к нему соединила их.

Аня знала, что отныне эта женщина ей близка.

В середине января в большую перемену Аню позвали к директору.

Михаил Семенович встал ей навстречу, одернул гимнастерку, и указал на стул.

Аня смущенно присела на кончик стула, удивляясь торжественности директора.

— Ну как, дорогуша, делишки? — спросил Михаил Семенович.

— Спасибо, ничего.

— Время-то идет. Скоро кончатся будем. Вуз себе наметила?

— Да. Медицинский институт.

— Дело. Отец доволен, небось?

— Да. Ничего, кажется.

— Отец у тебя правильный человек, — задумчиво сказал Михаил Семенович, поглаживая усы, и спросил неожиданно: Алешину мать навещаешь?

Аня удивленно подняла на Михаила Семеновича глаза.

— Навещаю, — ответила она с улыбкой. Михаил Семенович выдвинул стул к столу.

— А у меня тут для тебя письмо припасен. — Вот получай.

Он вынул из ящика и положил на стол письмо, весь просияв улыбкой.

«Красноармейское», — увидела Аня конверте.

Она покраснела от неожиданного смущения и, чувствуя, что краснеет, стараясь скрыть свое смущение, еще больше и до того вдруг растерялась и застыдилась, что не решалась даже взять письмо и сидела на кончике стула, опустив глаза, страдая и радуясь одновременно.

— Возьми вот. Прочитаешь, — Михаил Семенович, сам неожиданно тившись и тиская в руки Ане письмо.

Если кому привет есть, так скажи, — не написал, а тебе написал. Ну да, и мне еще напишет.

Аня сжала в руке письмо и вышла из кабинета.

— Послушай, Акимова! — окрикнул Михаил Семенович.

Аня обернулась.

— А ты того... Не переживай ужасно. Погоди, месяца через два всей семьей пойдем встречать героя.

— Хорошо, Михаил Семенович... — лепетала Аня и поскорее захлопнула собой дверь, потому что ее душила радость и нетерпение прочесть письмо, и по невольному было встречать понимающий и участливый взгляд Михаила Семеновича.

В тот же день она сидела у Ольги Андреевны, помолодевшей от радости, и читали друг другу полученные письма.

Аня прочла матери все, прочтет и последнюю строчку: «Я люблю тебя, как помню, как ты меня поцеловала». Она учила наизусть свое письмо, она выговорила в нем каждую букву и вечером представляла себя за ширмой, представляла Алешу в красноармейской шинели, с ружьем в руках. Лес был занесен снегом, и от грохота орудий падали с ветвей старых елок. Алеша ползал по деревьям, раздвигая кустарник и прижимая винтовку к груди. И он ложился лбом на холодный снег, и она немного отдохнула. А там, куда она не рвели орудия и взрывались бомбы.

Аня потрогала конверт под подушкой. — Я буду такая же, как ты, — Поверь мне, я буду такая же, как ты.

Ани вошло в обыкновение еже-
дневно ходить к Ольге Андреевне. Иногда
она слезла прямо из школы, когда Оль-
га Андреевна была еще на работе. Посидев
в одиночестве, Аня уходила, унося
в сердце теплоту от знакомого
взгляда Алешиних глаз с фотографии.

Аня приходила вечером, из чи-
стой. Они пили вдвоем чай и разгова-
ривали. Ольга Андреевна рада была расска-
зывать Алеше часами. Она рассказыва-
ла о своей жизни день за днем, помня все ме-
лочи: детские слова, игры и забавы,
первые страдания, первые горести, и обыкновенные ра-
дости своего сына.

Андрею нужны были Ане не меньше,
чем матери. Они поддерживали в ней
веру в будущее мира, которое в ее отце
Виталиевна называла отвлеченно-
стихотворенностью от будничных,
поверхностных маленьких интересов, которая
не писала жизни Ани значительной и новой.

Ну да, Виталиевна глубоко заблужда-
лась, считая себя к числу матерей, кото-
рым понятна и понятна внутренняя жизнь
ребенка.

Она имела никакого представления о
том, что делается с Аней. Лидия Витали-
евна сделала, что Аня изменилась внешне,
и вся эта перемена радовала ее. Правда,
за последние недели у Ани, и сама она замет-
ила, что худела, но все же она похорошела

и чем похудела. Никогда еще не
была так блестящи и сини ее глаза, и фи-
гурка стала прежнюю мальчишескую
понимать. Но отраднее всего для Лидии
Виталиевны было то, что и в манерах Ани
уже не было следов этой мальчишеской не-
уверенности и резкости. Совсем еще недав-
ние писаные слова стукнуть в споре кулаком по
столу, хлопнуть дверью, сказать дерзость.

В Ане постепенно все вошло в норму.
Она занимается, учится хорошо, следи-
т за собой, корректна с Аркадием Мироновичем,
и Виталиевну чрезвычайно радует,
что Аня стала читать нескладный роман с тем
же названием, который, очевидно, оказывал
на нее такое же важное влияние. Потому что все
эти перемены к лучшему наступили —
они не были случайны — после его
отъезда и Аня стала явно ближе к семье.

Лидия Виталиевна и не подозревала,
что Аня как раз теперь была чужда
ей. Интересами ее дома стали
заняты интересы Веры и Герса, и они
уже не думали о том, что Аня именно той обыденно-
стью, которой она чувствовала себя
раньше, жила после отъезда Алешки.

И Вера и Герс много работали и были
честными людьми. Но Ане, при тепереш-
нем ее состоянии душевной напряженности
и внутреннего подъема, казалось мало этой
честности. Это был минимум, который ее
не удовлетворял.

Аня замкнулась, отгородилась от семьи,
оберегая свое высокое представление о
жизни, смутно догадываясь, что ни Вера,
ни мама, ни Герс не поймут ее, так же,
как и ей самой не все было в теперешней
себе понятно.

В доме много говорили о политике, о
войне с Финляндией, — но это было только
интересной и важной темой, а не тем
кровным и близким делом, какою война с
Финляндией была для Ани.

И Аня молчала, стесняясь выдать свою
горячность, свое глубокое и стыдливое
чувство и свою неумную изнуряющую тре-
вогу и об Алеше и обо всех, кто вместе
с ним шаг за шагом отвоевывали у смерти
своей необходимейший и труднейший путь.

Восидев положенное время за столом,
Аня незаметно уходила к отцу. Она полю-
била его комнату с глубокими креслами, с
тахтой исполинских размеров, покрытой
пестрым мягким ковром, и с высокими
строгими книжными полками.

Вечером от десяти до двенадцати отец
занимался. Это были часы, которые при-
надлежали лично ему, и он их любил и
берег.

Сначала он недовольно косился на Аню,
потом привык ощущать ее молчание у се-
бя за спиной и иногда поднимал глаза от
рукописи и внимательно, с любопытством
рассматривал дочь. Потом, время от вре-
мени, он стал делиться мыслями с Аней, и
Аня, слушая отца, невольно сравнивала
его с Герсом. Герс тоже писал работу и
охотно говорил о ней, но в том воодушев-
лении, с которым Аркадий Миронович го-
ворил о своей работе, Аня чутьем угады-
вала честолюбивые устремления. Работа,
которую Герс писал, была ему интересна,
но прежде всего она была интересна тем,
что должна была дать ему докторскую сте-
пень. Эта будущая докторская степень Ар-
кадия Мироновича обсуждалась за семей-
ным столом с любовным вождением. Да-
же Вера, которая славилась своей уравно-
вешенностью, теряла ее, и в глазах у
нее вспыхивали самолюбивые огоньки, ко-
торые она тушила, прячась за пронице-
скую усмешку.

Застенчивый, мешковатый, неистово
краснеющий Герс был безудержно тщесла-
вен, отец же не был тщеславен вовсе.

— Вот что, синеглазая,— сказал он однажды, когда Аня, по обыкновению, вечером читала, сидя на тахте,— не можешь ли оказать мне услугу?

— Ах, папа, с удовольствием,— охотно отозвалась Аня и поскорее захлопнула книгу, чтоб показать свою готовность.

— Мне, видишь ли, нужно составить небольшую библиографию по одному вопросу. Не знаю только, сумеешь ли ты.

Федор Данилович недоверчиво посмотрел на Аню.

— Сумею, конечно, сумею,— поспешила ответить Аня,— боясь, что отец отдумает, и испытывая страстное желание ему помочь.

Она сидела над библиографией три дня и выполнила задание сносно, как сказал отец.

С тех пор он давал ей иногда небольшие поручения, которые казались Ане очень важными и которые устанавливали между ею и отцом какую-то новую, дружескую, тесную связь.

XIV

Но все же большая половина жизни проходила попрежнему в школе.

После отъезда Алеша на фронт, незаметно для себя, Аня привыкла относиться к товарищам в зависимости от того, как они относятся к Алеше. Чем строже Аня держалась сама, тем больше ей хотелось, чтоб другие восхищались Алешей, помнили его и говорили о нем.

Зинаида Александровна иногда во время урока сдвигала на лоб круглые очки в черной роговой оправе и, глядя на ребят добрыми близорукими глазами, неожиданно устанавливала какую-то связь между чувствами и мыслями, разбуженными книгой, и тем осязаемым следом, который оставил в школе отъезд Алеша на фронт.

И за это Аня любила ее.

За это же она любила Гришу Бауэра. Смущенно поглаживая коротко остриженные колючие свои волосы, он признался однажды, что начинает писать роман.

— А странствовать по свету? — напомнила Аня летний разговор.

— Жизнь прекрасна и удивительна,— ответил Гриша. Мои установки были ошибочны. Сейчас в странствованиях я не чувствую нужды.

А вот Володя Гольков молчал. Он был невозмутимо спокоен, и это сердило и обижало Аню. Серьезность Володи Голькова всегда казалась Ане скучной и внешней. Аню удивляла дружба Алеша с ним.

и она считала, что их связывает привычка, как и ее с Марусей, несколько лет сидели за одной партой. Алеша много говорили, но никогда не бывало настоящего откровенности и близости.

Однако раньше Аня была притворно индифферентна к Володе, теперь же она была ему не любима.

— Тоже друг,— раздраженно сказала она.— Все делами занимаются, а не помнят...

Встречаясь с Володей, Аня молча смотрела на него, не скрывая раздражения. Но однажды Володя в десятом «Б» и вызвал Аню в кабинет. Дело есть,— коротко сказал он.

За ним из класса, с раздражением на его широкую спину и тяжелые прямоугольные плечи, заранее равнодушно к тому, что он скажет.

— Что тебе нужно? — спросила она.— Наверно, нагрузка, что-нибудь? —

— Да, нагрузка,— невозмутимо ответил Володя.

Они подошли к окну.

— Комсомольская организация отправить посылку Сидорову,— сказал Володя.— Тебя выделили ответственным до собрать деньги и все такое...

Он смотрел на Аню с обычным спокойным видом, но, заметив, что Аня покраснела, перевел взгляд на другую молчала, стараясь справиться с волнением охватившим ее.

— Тебя выделили потому,— Володя, продолжая смотреть в сторону, что ты, наверное, лучше других разбираешься в делах.

— Что же ты молчишь? — спросила она.— Согласна?

— Да,— смущенно ответила Аня, удивленном чувствуя, как прежняя уверенность к Володе сменяется в ней радостным доверием.

— Давай-ка походим,— сказал Володя.

Он пошел рядом с Аней, и Аня шла, как тогда он ходил так же по коридору, слушая его с внимательным и сосредоточенным лицом.

— Дело вот в чем,— говорил Володя, не спеша, словно еще раздумывая, правильно ли то, что они делают,— мы хотим попутно и беседы вести по классам. Ну, вроде воспитательской работы, что ли. Пусть помнят все, что там война. А то некоторые у нас каваться стали. Пусть помнят... — и займется этим делом. Не одна работа. Кстати,— добавил он, —

коридор опустел и учителя на-
сей, по классам,—посылка не
одной Алешки не один: от
да не Красной Армии. Понятно?

— Да, — ответила Аня и побегала,
ла прогнать математика, который лег-
же прыгивающей своей походкой
ближался к десятому «Б». Неожиданно
вернула обратно.

— Стой! — крикнула она. Во-
ловился. Аня задохнулась и не
могла сразу начать говорить.

тебя очень не любила эти дни, а
Володе же прошло.

но в коридоре, что еще сказать, Аня смотре-
ла он. Володею блестящими счастливыми

тяжелым вот еще ерунда какая, — недо-
е равнял ответил Володя. — Вот ерунда то-
— неприя дустят на урок за опоздание, бу-
нагрузка да знать.

мутимо этого дня все в Володе стало пред-
Ане привлекательным и сим-
и его неторопливая манера го-
и не улыбающееся его некрасивое

широкие спокойные плечи. Он был
и казался, казалось Ане, бывают очень
и очень в чем-то уверенные люди.

через два в большую перемену Во-
лов зашел в десятый «Б».

обычных его, Гриша Бауэр отвернулся и
и в книгу: он два раза подряд
и на уроки выпуска газеты и поэтому
с Володей встречаться с Гольковым.

на минутку, — поманил Володя
двери.

в секретарь ячейки взялся Аким-
тировать, — с усмешкой заметил
Игтярев. — Впрочем, может, он ее

и смысле агитирует? — И, подмиг-
итам, Миша вполголоса пропел:
пришла, и он влюбился».

довольно хмыкнул в ответ.
выбежала к Володе. — Что? — до-
и весело спросила она.

так уж срочно, — ответил Володя,
по обыкновению вдоль коридора, —
и начал поговорить с тобой, не от-
го дела в долгий ящик. —

— Ну? — нетерпеливо переспросила
говорила

но еще тебе кажется, тебе следует подать
что обидела в комсомол, — сказал Володя. —
беседы что ты до сих пор не догадалась

воспитатель внимательно посмотрел на нее.
— в комсомол? — повторила Аня,
и как внутри у нее шевельнулось

и похожее на тщеславную гордость,
он, тогда подавить в себе это чувство.

— Как-то я... Знаешь, я не думала еще
об этом, — пробормотала она, конфузясь и
краснея.

— Подумай, — спокойно ответил Во-
лодя. — Не думая, нельзя.

— Я говорю глушости, — резко вдруг
сказала Аня, глядя ему прямо в глаза и
хмурия брови. — Все давно ясно. Завтра я
принесу тебе заявление.

— Ну вот и ладно. А то обидно, что
ты не комсомолка.

Володя ушел, кивнув головой.

Аня с трудом досидела уроки. Ей хоте-
лось остаться одной, чтоб хорошенько
разобраться в том, что разбудил в пей
разговор с Володей. Она знала, что Володя
вводит ее в ту серьезную, значительную
жизнь, к которой последнее время она
рвалась всеми силами. Она знала, что ее
жизнь теперь будет и труднее, и легче.
И трудность, и легкость ее новой жизни
радовали, волновали и влекли к себе Аню.
Но в эту спокойную, хорошую радость
каким-то маленьким ручейком вливалось
чувство самолюбивого довольства тем, что
ей предложили подать заявление: значи-
т, и на ячейке уже обсудили и, навер-
ное, посоветовались с Михаилом Семенови-
чем, и все согласились, что она — достой-
ная, подходящая. Аня старалась заглушить
в себе это чувство, но оно все же ютилось
где-то в глубине.

Дома был отец. Он сидел в кресле с га-
зетой в руках, рассеянно посасывая по-
гасшую трубку. Мама смотрела на него с
тем довольным, уютным выражением ли-
ца, какое появлялось у нее, когда отец
неожиданно раньше времени возвращался
домой.

— Что-то, я вижу, повенькое произо-
шло? — спросил отец, с улыбкой отклады-
вая газету. —

— Да, папа, — ответила Аня, бросая
портфель и садясь к отцу на ручку кресла.

— Знаешь, папа, я подаю заявление в
комсомол. Я давно собиралась, да как-то
не выходило все. А сегодня...

Ане очень хотелось рассказать отцу,
как теперь все переменится в ее жизни.

Людия Витальевна удивленно посмотре-
ла на Аню.

— В комсомол? — переспросила она и
недоверчиво покачала головой. — Тебе не
идет быть комсомолкой. Впрочем...

Она тоже подседа поближе к отцу.

— Знаешь, Федор, приходит вчера одно-
курсница к Вере. Такая изящная девушка.
Каблучки, маникюр и прочее. Представь —
комсомолка! Мне Вера сказала — я не по-
верила. Как-то не вижется! Комсомолка —

и вдруг каблучки французские.—Лидия Виталиевна в веселом недоумении пожала плечами.

— Довольно устарелое представление о комсомолках,— усмехнулся отец и снова взялся за газету. Аня до боли закусила губу. Она шла с таким полным, с таким открытым сердцем домой...

— Ты уж и заявление подала, Аня?— спросила Лидия Виталиевна.

— Не все ли тебе равно, подала я заявление или нет? пренебрежительно ответила Аня.— Разве тебе интересно? Тебе про каблучки интересно.

Она вызывающе посмотрела на мать.

Отец резко поднялся, с шумом отодвинув кресло.

— Слушай меня и запомни,— сказал он Ане таким неестественным голосом, что мама сразу побледнела и заволновалась.

Отец швырнул трубку на пепельницу, и трубка, подпрыгнув, скатилась на пол.

— Слушай и запомни. Если еще когда-нибудь ты, дерзкая и глупая девчонка, посмеешь так разговаривать с матерью...

Отец замолчал, не находя, видимо, слов. Лицо его побагровело; он поправил галстук, словно ему стало душно.

— Тогда я сам пойду в твою организацию,— закончил он, охрипнув вдруг до полупшопота,— и попрошу, чтобы тебя выгнали оттуда.

Отец нагнулся поднять трубку, и Аня со страхом увидела, как он ищет и не может найти ее, хотя она лежит прямо на виду.

Наконец отец нашел трубку и вышел из комнаты. Лидия Виталиевна горько вздохнула.

— Ну что, что? — с испугом и упреком сказала она.— Тебе хочется, чтобы он не спал ночь?

Забыв Анину дерзость и не успев обидеться на нее, она поспешно ушла за отцом.

Аня тупо посмотрела им вслед и опустила на стул, закрыв руками лицо.

Попробуй, начни новую жизнь! То взволнованное и напряженное душевное состояние, в котором она жила все последнее время, рухнуло, как карточный домик, и теперь к нему не вернешься.

Аня с ужасом поняла, как трудно держаться на том высоком уровне, к которому ее тянуло. Неожиданно для себя она догадалась, что и ее обида на маму — личная обида, вызванная тем, что мама не умилилась ее настроением. Аня сидела на кончике стула, закрыв руками лицо и мучаясь отращением к себе.

Потом она вспомнила, как отец, побагро-

вел от гнева и волнения, искал свечу и никак не мог найти. Аню такая горячая, нежная жалость, что она стремительно вскочила. Она не умела проверять свои побуждения. Всегда она поступала так, как полагало чувство, и потому, торопясь, ясь, тотчас побежала к отцу.

Он сидел за письменным столом, обернулся на ее шаги. Аня подошла к столу и постояла несколько минут.

— Все еще дуешься? — спросил он, она, наконец, тем тоном, который с Верой в детстве назывался похлещим.

Отец не ответил.

— Что же, месяц теперь не разговаривать?

— Может, и год,— холодно ответил, подняв на нее спокойные и влажные глаза.

— А почему?

— Не понятно?

— Нет. То есть, еще не совсем понятно.

Отец положил перо.— Ты ничего не сделала,— сказал он,— чтобы не восхищаться тобой. Правда? А твоя целая жизнь за плечами, а ты дитя в этой жизни нечего. Она выросла. И если нет у вас языка, кто должен суметь договориться с тобой или ты с ней?—

— Я, папа, я. Не сердись. Ужасно папа.

Отец исподлобья посмотрел на нее, вдруг улынулся открытой своей, улыбой.

Он привлек Аню к себе, посадил ее на колени, ероша ее кудрявые густые волосы, добавил серьезно: — А порох свой спрячь, молочка, побереги для врагов. Начека.

— Да, между прочим,— оживилась Аня, сказала отец и выдвинул ящик стола. Помнится, я говорил тебе про Галстук. Тоже комсомолка, та, что на улице уехала. Письмо от нее. Хочешь, прочтешь? Он протянул Ане конверт.

Аня прочтала письмо.

Незнакомая девушка, о которой она знала только, что у нее пухлые детские глаза, откровенно и подробно рассказывала ее отцу о своей трудной работе в военном лазарете. И опять так строгой и мужественной жизнью заслонила перед Аней все небольшие мелкие ее волнения.

Она подошла к окну. С шестого этажа глазам открывался город, мерцающий огнями; близкий, знакомый, родной город.

Снова Аня испытала в сердце

горячее и волнующее чувство, в нем было места эгоистическому любу себя собой и которое требовательно, и настойчиво толкало ее к новой, ей жизни.

— Как хорошо, что я поступаю в комсомол! — подумала Аня.

Теперь она подумала это вполне бескорыстно и честно, без тени самоудовольствия и гордости.

Она долго стояла у окна.

Данилович писал. Но, должно быть, за этот раз работа плохо шла у него потому что он то и дело откладывал и закуривал трубку и, пуская густыми клубами дым, смотрел на Аню, которая сидела спиной к нему у окна.

XV

В конце января ударили морозы. В воздухе над городом повис туман. Термометр показывал ниже сорока°.

Ветерные прохожих летело вперед без шапок и леденило лица, шапки, воротники. Москвичи, избалованные мягкими зимами, застывали. Морозы казались катящимся стихийным бедствием, неотвратимым несчастьем.

Этот год начинался сурово, холодно и

Улицы, что морозы стоят, Аня узнавала не только по радио. Она чувствовала, как холод ползет со стен, от углов, от окон, на которых в палец толщиной намерз лед. Вместе с холодом в воздухе висела тревога. Бесцельно слонялась из угла в угол или просиживала на скамейке, глядя на одну и ту же страницу газеты, только чтоб никто не вступал с ней в разговор, чтоб не говорить ненужных, безразличных слов. Она шла в кухню, предлагала свои услуги тете Даше. Тетя Даша, дайте я порежу вам мясо. — уныло говорила она.

Тетя Даша еще помощница выискалась, — сказала тетя Даша. — Читай уж свои газеты.

Аня сидела на сундуке тети Даши и думала, как ловко движутся ее полные руки, как вырывается душистый пар из-под крышечек кастрюль, и поражаешься чуждым теплотам тети Даши.

Тетя Даша же это ей казалось ненужно, все это ей было чуждо.

— Вот тебе, — сказала ей наконец тетя Даша в руки нож, и Аня начинала резать мясо. Но тревога не проходила.

Тетя Даша коснулась на нее, продолжая сосредоточенно делать свое дело.

— Посмотрю я на тебя, — сказала она однажды, — что-то ты, девушка, неладная стала. Места себе не находишь.

Аня промолчала, и тетя Даша вздохнула тяжелым вздохом. — Мы здесь в тепле, — произнесла она не обычным ворчливым, а смягченным и тихим голосом. Мы здесь в тепле, а им каково там...

Аня положила на стол нож и села на сундук, широко открытыми, неподвижными глазами глядя на тетю Дашу. — Нет у меня там никого, — продолжала тетя Даша, — нигде у меня никого нет. Былинкой на свете живу, вот только что к вам прилепились. А болит у меня душа, ровно, как сын там родной или муж. Морозы-то морозы! Экая напасть! Как-то они там, сердешные? А финны, слышь, умом хитрые, сердцем злобные. Страсти какие рассказывают. Как говорят, до чего дотронешься, так взорвется. Наш-то народ — он простой. Чего ему злобиться? Он силой, да храбростью, да правдой возьмет. Уж он возьмет.

Тетя Даша взглянула на Аню и смолкла.

— А ты, девушка, крепишься сердцем-то, — тихо и душевно сказала она. — Ты не поддавайся. Сейчас всем надо покрепче держаться: не в мирное время живем.

Аня сидела на сундуке, стиснув зубы, и смотрела на тетю Дашу большими синими неподвижными глазами.

Когда голос диктора возвещал по радио начало известий, Аня шла в комнаты и, замирая от ужаса, волнения и страстного, горячего сочувствия, боясь пропустить слово, слушала сообщения о том, что делается на фронте.

Сообщения были скупы и коротки.

Там шла война. Там брались укрепления. Там Красная Армия шаг за шагом продвигалась вперед.

А от Алеши писем нет...

Морозы кончились внезапно, как внезапно начались. Школа давно так не радовала Аню, как в этот день, после вынужденного морозами перерыва.

Так же ходил по коридорам толстый усатый Михаил Семенович, слегка сгибая свою обритую шею, и, подобно полководцу перед боем, зорким взглядом окидывал классы, чтоб немедленно заметить неполадки и немедленно их устранить.

Так же в развалочку неспеша входила в класс Зинаида Александровна, нагруженная

толстым портфелем, и, постояв у порога, начинала урок, откидывая рукой растрепанные волосы со лба.

Аня собралась было по пути из школы зайти к Ольге Андреевне, но, вспомнив о том, что она сегодня работает в вечернюю смену, пошла домой. После тягостного сидения дома во время морозов, после тоски и тревоги этих длинных одиноких дней Аня испытывала тот радостный подъем, когда хочется что-то предпринять, сделать и когда кажется, что все должно получиться особенно легко и удачно.

— Наши дома? — спросила она тетю Дашу, открывшую ей дверь.

— Ну вот еще! — проворчала та. — Когда это ваши дома бывают? Лидии Виталиевны, и той нет. Обедать сейчас принесу, — буркнула она, направляясь в кухню.

— Да, да! Тетя Даша, миленькая, поскорее обедать! — прежним, звонким и веселым голосом крикнула Аня, радуясь звонкости своего голоса и своей способности радоваться.

— Пишем не было? — по привычке спросила она, поправляя волосы и рассматривая себя в зеркале, отразившем ее во весь рост, с кудрявыми волосами и с тем особенным счастливым выражением глаз, которое Аня знала в себе и любила.

— Там пакет какой-то принесли, — крикнула из кухни тетя Даша. — Я расписалась. — У Ани стукнуло сердце, она побежала в комнату.

«Как все сегодня получается», — подумала она и, немного удивившись тому, что пакет с надписью «красноармейское» так велик и что адрес на нем написал не Алешиной рукой, но ни о чем еще не догадываясь, торопливо разорвала пакет.

На стол выпала четвертушка бумаги и тоненькая школьная наполовину написанная тетрадь. Аня жадно схватила бумажку, прочитала ее и не поняла.

Она опустилась на стул, потому что ноги странно подогнулись в коленях, и прочитала снова письмо, написанное чужим размашистым полудетским почерком, и ужас смертельным холодом пополз по ее телу.

«Дорогая товарищ Акимова! — читала она. — С глубоким прискорбием сообщаем вам о том, что утром 27 января красноармеец Алексей Сидоров не вернулся из боевой операции. Тело его не нашли. Посылаем тетрадку с Вашим адресом, которую он оставил в землянке. С красноармейским приветом».

Следовала неразборчивая подпись. Аня прижала бумажку к груди. «Красноармеец Сидоров, — прошептала она побелевшими губами, — красноармеец Сидоров!» И медленно повалилась пол.

Разогрев обед, тетя Даша понесла тарелку в комнату и, открыв дверь, закричала при виде лежавшей на полу Ани.

Не донеся до стола, она поставила тарелку с супом на стул и заметала комнату.

— Батюшки мои, да что это такое! — всхлипывала она, не зная, что нужно сделать. Она подбежала к телефону, раздумав, швырнула трубку и, легонько няв Аню на руки, перенесла ее в ванную.

Она потрясла ее за плечи, но Аня и Аня безжизненно качалась по подушке. Тогда тетя Даша бегом, задыхаясь от страха, бросилась в кухню за водой, но когда она вернулась с водой, Аня сидела на кровати и смотрела прямо перед собой большими, странно ввалившимися глазами.

— Матушка ты моя! Да что с тобой случилось? — Ах ты господи, какая! — Тетя Даша опустилась на колени у кровати, боясь смотреть в сторону Аниных глаз.

— Беда, тетя Даша, — глухо отозвалась Аня. — Алеша Сидоров убит.

Тетя Даша никогда не видела Алексея Сидорова и не слышала его имени. Она всплеснула руками и запричитала громким, деревенским, бабьим причитанием.

— Сердешная ты моя! Болезнь, бедолаха, беда-то какая, неожиданно, нежданно, красоваться глазам его ясным на свет, не улыбаться устам сахарным.

Аня слушала ее причитания и верила, что это об Алеше и плачет тетя Даша.

Вдруг она вскочила с кровати. Она стонала — так страшно было то, что она вспомнила.

Через час или два вернется с работы алешина мать и найдет письмо, как онашла, вернувшись домой, Аня как-то так!

Они всегда одновременно писали письма. Она увидит письмо, воткнула дверную щель, и руки ее будут дрожать, когда, торопясь прочесть, она ставит ключик и не находить ключом замочную скважину и, наконец, попросит соседку открыть дверь...

Сейчас же итти туда!

пись. — бы успеть до ее прихода.
уди. — Тетя Даша! Милая! — взмолилась
— Я уйду сейчас. Мне нужно к его
— крас. Не рассказывайте маме ничего.
алила. — Мне нужно утешать. Нет, нет. Не

— Иди, иди. Как не идти, — испуганно
— пришла тетя Даша.

понес. — надела шубу, берет и, открыв уже
верь. — вспомнила про тетрадь.

тей на. — всякая синяя школьная тетрадь ле-
забытая на столе. Аня открыла пер-
оставил. — страничку.

метал. — в случае моей смерти перешлите Ане
— по адресу... прочитала она.

то так. — масса плача скривила Анино лицо п.
о нуже. — тетрадь в рукав пальто, она побег-
фону. — так скоро, как только могла бежать.

, легк. — Андрея еще не вернулась с
ее на. — и письмо торчало в дверной щели
— так, как представляла себе Аня. Она

но по. — руки письмо и узнала тот же са-
подуш. — мягкой размашистый полудетский по-
адыхая. — Аня положила письмо в карман и
водой. — в комнату.

я сид. — руку удивленные, внимательные и
перед. — глаза с Алешкиной фотографией
ния гля. — или ее взгляд.

что с. — Алеша! — жалобно и жалко зашеп-
ди, бед. — Аня, подходя к фотографии. — Бед-
ась на. — А Алеша! Зачем ты погиб!

в стра. — плакала Аня, стоя, положив голо-
— комод.

ко от. — руки гулко тикали. Стрелка часов
— на восьми.

дела. — переставая плакать, Аня села за
имени. — открыла синюю тетрадку.

ала. — III.

читан. —
лезна. — в этот день едем в теплушках. Скоро
гадани. — Решил вести дневник. Буду запи-
им на. — в нем все интересное и только
рным.

и в ве. — та, кажется, хорошие, я к ним уже
е и. — а с одним подружился — Петя

пти. О. — веселый и веселый. Скоро фронт, а я
то, что. — больше об Ане, чем о фронте.

— жалко ее. Все вспоминаю, как она
ся с. — заплакала. Да, забыл Михайлу Се-
мо, т. — скажет, чтоб сходил к маме.

й, Аня. — трак! Пожалуй, напишу сейчас
— по

воткн. —
дут др. —

— Все спят. Я примостился у пе-
мочну. — огонь скачет, писать неудобно и
оседку. — получают каракули. Колеса сту-

— хорошо мне что-то! Весь день
— с Петей Румянцевым. Оказы-

вается, он токарь по металлу. Рассказывал
мне все про себя. Я тоже рассказал ему
все, и про Аню. Он говорит: «Какая она
у тебя замечательная».

Увидеть бы ее сейчас хоть один разок.
Завтра приедем. Что-то будет?

29/XII.

Станция Раута. 20 километров за гра-
ницу. Приехали в сумерки. В шести
километрах фронт. Тревожно немного и
весело.

Станция — каменная, изломана снаря-
дами, крыша сорвана, окна разбиты, и од-
на стена почти совсем разворочена. На
земле местами воронки. Ребята храбрят-
ся. Я спрашиваю Петю: «Ну, как?» А он
умехается. «Что, — говорит, — как? Ни-
как, все в порядке». — У него привычка
говорить «все в порядке».

Кто-то зажег костер, мы собрались у ко-
стра, и Петя сейчас же зашел «Широка
страна моя родная». Вдруг бежит коман-
дир отделения, запыхался, набросился на
нас: — Загасите костер. Здесь вам не
пикник на подмосковной даче! — Пришлось
забросать костер.

Ребята спрашивают меня: — Что это ты
пишешь все? Писатель, что ли?

30/XII.

Вчера почти ночью пришли на ночлег в
село Мекхи.

Здесь, кажется, простои́м несколько
дней. Дома уцелели, а финнов, конечно,
ни одного нет. В домах у них чисто, но
все чужое. Вокруг села — сосновый бор.
Много сожженных, покореженных сосен.
Торчат прямо в небо черными стволами.

Меня зачислили в отряд лыжников-раз-
ведчиков. Петя со мной в одном отделении.
Пожалуй, он ходит лучше меня. Все эти
дни, пока простои́м здесь, будем трениро-
ваться. Постараюсь наверстать, что не
успел дома. Сегодня умучились — холили
весь день. Замечательно!

Сейчас инструктор Голубенко объяснил
ходьбу по азимуту. Как будто понял. Не
знаю, получится ли завтра.

Кажется, что из дома давным-давно.
Странно, почему это так? Обещал писать
им часто, а вот уже три дня не пишу.

31/XII.

Голубенко дал задание: — Товарищ Си-
доров, вы выступаете из Мекхи по азиму-
ту 180; к 18⁰⁰ должны прибыть в хутор
Торпанела. В 18¹⁵ — обратно. Все.

Голубенке хорошо: он на лыжах — как
дома. Я выслушал его, взял компас, при-

ложил к карте, проверял. В теории все ясно. Взглянул на часы: ба, 17⁴⁵.

Туда пришел на полторы минуты раньше, обратно — в точку. Весь день упражнялся в ходьбе по азимуту.

Вечером получил письмо. Маме ответил тут же, хотя устал до чортиков. Мамочка, голубка, не сердись! Помню тебя. И Аню помню. Я люблю ее теперь спокойно, без грусти. Наверное, в школе сейчас новогодний бал; танцуют. И она танцует, может быть. Аня! С новым годом!

1/1.

Ужасная неприятность. Нужно быть болваном, чтобы так оплошать. Голубенко дал задание с меняющимся направлением. Должно быть, я неточно совместил стрелку компаса, от этого все и произошло.

Ходил в одиночку. Иду. Сметка морозит. Желтым пятном повисло в небе солнце. Время истекло, а цели намеченной нет. Тут меня бросило в пот. Сверяюсь с компасом: как будто все правильно. Иду дальше. Вдруг лес. Что за чертовщина! В маршруте лес не указан. Откуда он взялся? Прикинул в уме — вправо финны, значит, надо свернуть влево.

Когда прошел влево километра два, понял, что заблудился. Разозлился на себя невероятно. Во-первых — тушица; во-вторых, бывают случаи тыловых ударов финнов. Взял еще левее. Ничего не пойму. Страшно неприятное ощущение. Внезапно лес кончился. Поляна, и в конце поляны, как на ладони, наше село Мекха. Тогда я сообразил: ушел юго-восточнее, чем задано, и в результате два часа прокружил. Случись в боевой обстановке — пропал бы и дело провалил. Разведчик! И в панику сразу ударился. Возмутительно!

Добысь, чтоб больше этого не было.

2/1.

Денечек! Встали чуть свет по крику девального «Поднимайся!» С утра командир взвода два часа учил метанию гранат. Мне нравится командир взвода, товарищ Лейниц. Высокий, худой, быстрый и очень сдержанный. Он приучает себя к сдержанности, так мне кажется. Видимо, он нервный и, может быть, даже вспыльчивый, но дал себе задание быть сдержанным. Я догадался об этом по некоторым фактам.

Очень люблю и уважаю людей, которые ставят перед собой задания и выполняют их. Я тоже так буду. Например, я хочу научиться быть смелым. Задание: никогда и ничего не бояться. Стыдно, как я вчера растерялся.

После метания гранат всем взводу правильно в лыжный переход до Б. Каркиомяк. 30 километров туда, 30 километров обратно. Голубенко и Лейниц шли впереди, а Голубенко — здоровый, большой, сильный. Еще бы — в ленинградской команде «Пищевик» взял первую команду. А Лейниц рядом с ним — худой, как палка. Он очень мне нравится! Голубенко давал в пути азимуты для тренировки, а Лейниц привалел жгли костер и пели песни. Голубенко ругается: какая это война, а Лейниц отдыхает по-человечески. Лейниц смеется: — Видите, увидите и войну.

До того находились, что чувствовал, что час засну сразу и подумать ни о чем не успею.

3/1.

Получил письмо из школы. Волода Голубенко все горюет, что не послали на фронт. Чудак, разве можно с его глазами. Голубенко везет, Михаил Семенович был прав, да не велел мне ничего говорить раньше времени. После моего отъезда двое семиклассников пошли в Воеводу, когда их отослали домой, удрали. Вернули с дороги. Дал Пете прочесть мое. Ему понравилось. Вечером проводил беседу. Потом писали газету. Был сюда Гришу Бауэра — было бы работать.

4/1.

Два дня почти непрерывно слышала длинная стрельба. Лейниц похвалил артиллерию.

5/1.

Среди бела дня, хотя погода не ясная, появился финский самолет. Зенитные батареи тут же открыли огонь. Самолет сделал круг над селом, сбросил бомбы и скрылся. На листовке нарисован человек с глухой красной рожей. Пьет пиво и ухмыляется. Внизу подпись: «Сыт, инос в табаке. Это тебя ожидает, если перейдешь к нам».

Гнусь какая! Бойцы читают — одни смеются, другие удивляются. Лейниц ругается. Неужели они там не имеют никакого представления о нас? Какое стыдно, что я родился в Советской стране.

6/1.

Сегодня Лейниц освободил меня от всех нарядов, потому что вечером должен был провести беседу с бойцами. Готовился весь день. Лейниц не дал мне тему беседы. Да и не нужно.

9/1.

Прочел статью Ленина «Военная пролетарской революции». Мне трудно читать Ленина. Все же не люблю, что нельзя глотать, потому что каждое слово.

моего доклада — несправедливые и грязные войны. Все, что узнал, что и почувствовал, вложил в этот доклад.

старшие финские листовки исполь-

говору, на каком уровне держит народ. Слушали внимательно. Разговорились.

был вечер.

и ходим на лыжах. Постигли все. Десять дней в Мекхе.

долго разговаривал с Лейпцем. Мне все больше и больше. Ему только 25 лет, — а я думаю, что не меньше 28. Он умеет общее делать личным. Так он относится и к

хочется быть похожим на Лейпцера. Он такой же умным и убежденным, мне всегда хочется на кого-нибудь походить. Навер-

рассказал, как заблудился в лесу. Лейпц сказал: — Напрасно вы рассказываете. Умейте держать воображение в

это запомнить «держать воображение в узде». Если б я тогда не рассказывал, — наверное, скорее нашел бы решение.

новом месте. Ранним утром остановились в лесу, на берегу реки Тайпален-Йоки. Странное впечатление производит эта река: в высоких, бурных берегах течет бурная, упрямая, брызжащая вода. Мороз 30°, а вода не замерзает и так быстро течет и брызжет. Колочу на Бородинском поле, как это было!

еще больше разбитых сосен, чем обычные люди. К вечеру мороз до 40°. Будем жить в шалапах. Греем костров, хотя костры приходится сбить с этого рубежа. Весь день грохочут.

Сегодня с Петей Румянцевым выпшли на лыжах по заданию. Не успели за лесом пройти полкилометра, вдруг финский самолет. Петя кричит: — Ложись! — Легли. Я помню, что подумал, как бы в затвор винтовки не попал снег. С самолета, должно быть, заметили нас и пустили пулеметную очередь. Наши зенитные пулеметы одновременно открыли огонь. Я лежал, не поднимая головы, но видел, как самолет пошел назад, потом накренился, заболтался в воздухе и камнем упал вниз. Когда возвратились, выполнив задание, Лейпц встретил меня вопросом: — Струсил? — Но я как раз не струсил. Может быть, не успел? Лейпц беспокоился за нас, он так хорошо улыбнулся, когда мы вернулись.

Холодно. Хорошо, что Голубенко с первого же дня приучил нас по утрам растираться до пояса снегом, иначе не вытерпел бы такой мороз. Мы с Петькой и сегодня растирались.

10/1.

45°. Очень трудно выносить холод. И обогреться нигде. Почти всю ночь не спал, потому что в шалахе так же холодно, как на улице. Спим с Петей вдвоем. Греем друг друга, но все равно не согреться. Шесть часов стоял на посту. Сменялся через час. Час стою, час обгреваюсь у костра. Когда кончается срок, кажется, что сил больше нет терпеть, и мыслей нет в голове, только физическое страдание от холода. Проклятым финнам везет: морозы страшнее их минометов.

12/1.

Утром ходил в штаб за оперативными сводками, кстати привез всем письма и себе от Ани. Вернулся, когда приехала кухня.

Петька схватил котелки и помчался за супом. Он так неловко ткнул мне в руку котелок, что пролил половину и облил Анино письмо. Буквы все расплылись, и ничего невозможно понять. Мне стало так обидно, что я выругался и не стал есть. Лейпц видел все это, подошел ко мне и сказал: — А нервы тоже надо в узде держать, — и улыбнулся. Лейпц теперь шутит и смеется чаще, чем раньше. Я понимаю, почему это. Стало труднее, вот он и шутит.

Есть держать нервы в узде, товарищ командир.

Наконец-то мы оставили эти ужасные палатки. Теперь нас перевели к озеру Суванто. Такой же сосновый лес, только передовые позиции совсем близко — сто метров. Над лесом часто летают самолеты. Где-то близко падают и разрываются снаряды.

Весь день рыли землянки — забыли про холод и про снаряды. Все радуются, что будем жить в землянках. Мы здорово замаскировали свою: на бревна навалили сучьев, воткнули несколько сосенок. Сверху ни за что не догадаешься, что жилье. Нам повезло — печурка досталась совсем приличная, однако неудобство — вытянуться вполне нельзя. Немного коротковаты толстучились нары. Но в общем знаменито! Вечером к нам забежали две девушки из медпункта. Младшую зовут Галя Исаева. Какое совпадение! Оказывается, она работает в поликлинике с Федором Даниловичем и хорошо знает его. Я так ей рад. Поговорили о Москве. У Гали глаза веселые, светлые, а щеки обветрились от мороза и сухлые, как у маленькой девочки.

14/1.

Четыре часа лежал в секрете. Сзади лес, сверху над головой застыла сосна, белая от снега, справа огромный валун, а прямо перед глазами поле и вдалеке роща. На вид совсем невинная хорошенькая снежная рощица. Вчера из нее расстреляли нашу разведку. Ушли девять человек, вернулись трое. Шестерых убили. Все комсомольцы. Встречались на собрании. До сих пор не могу понять. Были — теперь нет. Вот к чему никак не могу привыкнуть. От этого, должно быть, все время ноет тревогой сердце. Смотрю на эту рощицу. Задание — засечь огневые точки противника. Напрягаю зрение, стараюсь не отвлекаться. Гоноу мысли. К морозу прибавился ветер. За час на меня намело порядочный сугроб. Вдруг прямо над головой три самолета. Пригнул голову, лежу. Едва ли они меня заметят: халат белый, не отличишь от снега, — да и намело на меня. Потом я различил, что самолеты наши. Они взяли курс на север; видимо, к фронту.

Вернулся домой обледенелый, застыл совсем. Еле добрал. Какое счастье, что в печурке огонь, что есть горячий чай. Петька тоже вернулся. Сушат валенки и бормочет: «Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал...»

Потом пришла Галя, вялая, рассказывала, что присела рядом с нами на короткая чурки. Смотрит на огонь и шопотом по секрету, рассказывает про раненых. Галя рассказывает усталым тихим голосом, и видно, что ранены у нее в глазах.

Долго сидели на нарах и разговаривали. Раньше я не привыкал так скоро к Люблю Петю, как родного брата, будто всю жизнь знаю.

15/1.

Ночью разбудили. Схватил винтовку бежал на улицу. Метет, ничего не видно двух шагах. Ветер и снег клещут в лицо. Снарядом порвало телефонную линию, слали найти прорыв и протянуть проволоку. Связист наощупь искал прорыв, ди тянул на спине катушку с проволокой. Впереди рвутся бомбы. Пурга. Лицо обледенело. Связист чертыхается на дом шагу. Я надаю и встаю. Вот уж чился лес. Поле, и дальше линия ожжется, пропустили разрыв. Вернулись ратно. Ветер свищет. Сосны качаются стонут. Надо найти. Срочно надо прорыв, а руки онемели, не слышно стопудовая тяжесть на плечах. Долго выдержу. Пустяки! Надо найти. Стоп! Связист наткнулся на развороченную искореженную проволоку. Вернулись засветло. Немного отморозил щеку виноват, надо было тереть.

16/1.

Выпускаем газету. Галя написала статью. Вот молодец. Чего только ни пишется за день, а вечером статьи сочинил Лейниц дал передовую в газету. Статья он робеет с Галей.

17/1.

Опишу по порядку. Было такое... Ночью стоял на посту. Опять метет легче, чем тогда. Ветер порывами: то а то вдруг, как бешеный, возьмется теть столбом снег, и снова тихо. Ст думал про Галю и про Лейница, какой он, должно быть, нежный, строгий, почти холодный на вид. шорох. Опять порыв ветра. Когда стих, определенно слышу шорох. хрустнула и треск от лыж. Ничего жу, но слышу — люди. Подпустил кричу:

— Стой! Кто идет?

— Свои. — Голос подозрительный.

— Кто свои?

— И свои, товарищ. Что, не при-
кажешь, что ли?
— Той! Стрелять буду.
— Становились, молчат. Должно быть,
подождают. Завыл, засвистал тоненько
галыны тонут сосны.
— Кричат:

— Начальник штаба полка идет. Не
говаривайшь?

— Начальник штаба — ко мне, осталь-
ные с места!

— продолжают двигаться всей груп-
пой, финны. Сколько их там — трое,
десять? Надул гранаты. Вски-
нул затворку и выстрелил один раз, по-
шел в атаку же второй.

— Крики, ругань. Мимо уха свистнула
граната, ударила рядом в дерево.
— Завыл, бросил гранату. Потом бро-
сил вторую, не знаю уж как, забыл про
лицо. Не надо бы метать, рвать, гнать их.

— Я навалился, кто-то стонет в снегу.
— Уже слышали двух раненых. Утром Лейниц
и огневая команда:

— Удержали экзамен, товарищ Сидо-
ров, какой молодец!

— Все-таки в самый первый момент,
слушая, не было неясно и я не знал, что
делать, сердце у меня так и пока-
чалося прямо в ноги. И руки затряслись.

— Ворочаясь не рассказал, конечно. Стыдно.
— Улыбнулся, когда я догадался, что нужно де-
лать. Не стал стрелять и бросать гранаты.

— Уже совсем забыл о страхе.

— Действуешь, забываешь.

— Записала
— ни на какой вьюги как не бывало. Яензя
— сочинила ночь. С вечера наше отделение
получило приказ: пройти в тыл к врагу

— крепости Тайполе, разведать
положение противника, достать языка.
— Провести наблюдением, боя не
было. Меня назначили головным

— Вот когда пригодилась наука
— Азимут для меня теперь все
заметно, что таблица умножения. Стали на
них. Стали — впереди, в нескольких метрах
— наблюдения. Около часа шли лесом, в
сильный, хлесткий полог. Тихо. Надо дополь-
зовать. Стали в метрах в четырехстах от де-

— Когда мы встали в вустах, лежим. Де-
шпорох, слышно вымерла. Может быть, в са-
— финны оставили ее? Лежим час,
услышали выстрел. Издали донесся еле слышный
— ничего не видно. Петька шепчет:—

— Вижу, справа к деревне подъез-
— Показались люди. Закопши-
— саней. Сгружают что-то. Вот бы

их тут прихлопнуть. Видим, как на ладони.
Минут сорок продолжалась разгрузка. Явно
готовятся к обороне, а, может быть, и к
нападению. Мы собирались поворачивать
обратно, когда совсем неожиданно метрах
в ста на опушке леса увидели человека.
Не заметили раньше, потому что в халате
не различил; выдали ноги. Очевидно, за-
маскированный склад и возле него часовой.
Язык. Сам просится в руки. Шепчу ребя-
там:— Обойдем сзади.— Оставил их невда-
леке, а сам пополз. Думаю: «Успеть бы до
смены». Ползу медленно. Боюсь дышать.
Словно назло так тихо, что за версту слы-
шен треск ветки. Раза два часовой огля-
дывался прямо на меня. Не заметил. Сей-
час я даже не помню точно, как все это
было. Долго прикидывал в уме, как на не-
го кинуться. Если крикнет — все дропало.
Решил все-таки оглушить. Треснул его по
голове прикладом, упал и не охнул. В одно
мгновение заткнул рот, скрутил ноги. По-
доспел Петя. Поволокли его ползком. То-
ропились страшно. Если хватятся, наче-
пять по следам. Потом уже, когда встали
на лыжи, почувствовали себя дома.

— Оба с Петькой долго не могли заснуть,
так все это взволновало нас.

— Утром от юмадира полка получили
благодарность. Говорят, от языка узнали
важные сведения. Петька — именинник.
Нет, в самом деле получилось здорово.
Очень приятно услышать благодарность.
Должно быть, я честолюбив. Я мечтаю о
славе. Плохо? Почему плохо? Ведь я не
из-за славы пошел, но если мне удастся
нечаянно прославиться и мне это очень
приятно, почему плохо?

20/1.

— Ходил опять в разведку. Один. Ничего
опасного не было. Письма из школы, и от
мамы письмо. Спокойна, ни слезинки. Толь-
ко о других заботится, а о себе ни слова.
Мамочка, как я буду беречь тебя, если
вернусь!

21/1.

— Утро провел в секрете.

— Вечером в батальонной землянке митинг
памяти Ленина.

— Мороз. Сосны трещат от мороза. Дух за-
хватывает.

— Политрук прочел речь Сталина. Читал
негромко, медленно. Я посмотрел — лица
у всех притихшие, серьезные, и глаза
блестят.

— «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал
нам укреплять и расширять Союз Респуб-
лик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что

мы выполним с честью и эту твою заповедь!»

Слова падают в тишине. Слова Сталина. Тихо в землянке. Не слышно даже дыхания людей. Во всех глазах одно — страсть и решимость.

Странное, чудное случилось со мной. Как смел я тогда думать о славе? Теперь я знаю — не жаль мне моей маленькой жизни. Отдам — и не дрогну.

После собрания сказал Лейпицу: «Пошлите вне очереди в разведку».

Лейпиц ответил тихо: «Идите спать».

Я вышел из землянки. Постоял немного. От мороза мгла.

22/1.

Принесли из разведки Лейпица. Положили возле землянки. Убит. Маленькая рана на лбу. Волосы смерзлись и слиплись от крови. Лицо обострилось, спокойное и строгое. Прибежала Галя. Зажала рукой рот, словно боится закричать. В светлых глазах застыли слезы. Убили, проклятые!

24/1.

Ходили опять всем отделением в разведку. А Лейпица нет.

25/1.

Сегодня радость — получил посылку и письма из школы. Прислали конфет, печенья, папирос. Грина Бауэр пишет: «Если боец, значит, должен курить». Угостил всех и сам попробовал затянуться — голова пошла кругом, но ничего, терпимо. У них там звонки, уроки. Забавно! От Ани отдельное письмо. Какие она умеет придумывать слова! Приснись мне сегодня, Аня.

26/1.

Завтра утром наступление. Прорываем укрепленную линию. Руки у меня не дрожат. Сердце спокойно. Надо заснуть сейчас. Обязательно заснуть.

Помню ночь, собрание в землянке и те слова в застывшей тишине.

Красноармеец Сидоров, все в порядке? Все.

Клянемся тебе, товарищ Сталин...»

Глаза Ани были сухи, когда она дочитала дневник.

«— Клянемся тебе, товарищ Сталин», — повторила она последние Алешины слова.

Кончилась ее юность.

— Как же так, — думала Аня, сухими, воспаленными глазами глядя прямо перед собой. — Как же так? Вот его нет. Он лежит там, засыпанный снегом. Он выполнил свою клятву. Так нужно. Но как я буду

жить без него? Что мне делать, если тебя больше нет?

Аня вздрогнула от неожиданности, да вошла мать.

— Пришла? — обрадовалась

А я задержалась, — говорила она, зывая платок. — Собрание у нас без счет соревнования, так меня в первую выбрали. Сижу я, Аня, за столом мало — почету-то! А что особенного дела? Работаю и работаю. Правда и потому еще уважают, как я пока, что знают — сын добровольцев. Бабы-то все меня жалеют.

Мать ушла в кухню поставить чай, вернувшись, со вздохом сказала: — Мама все нет как нет.

Она села к столу, подперев щеку. Аня видела, как мать устала и старело ее лицо и тоска застыла зах.

— Забота меня томит, — мать. — С чего бы это вторую неделю нет и нет письма?

Она замолчала, задумавшись, и начала, слушая, как больно колотит сердце у нее в груди.

— Давай чай пить, — сказала мать, скажи что-нибудь.

И вдруг, вместо того чтобы рассказать о том, что случилось, Аня рассказала сегодня в школе была химическая работа и как они все вместе писали Алешину, и как много написали ему стихов и даже придумали кроссворд; и, рассказав все это, поняла, что она не скажет о смерти Алешки.

— Что я сделала? — холодея от мысли, думала Аня, идя домой и щупая в кармане письмо. — Что я сделала! Я не написала письмо, и я не в силах ей его показать. Как мне быть?

На следующий день Аня опять пришла к матери. Она решила вложить в письмо записку, но мать была дома одна. Так она обрадовалась ей.

— Почитай-ка мне газету, — просила она. Аня долго читала газету. Мать сказала, что на фронте хорошо и нужно сражаться и ничего не говорила про Алешку. Аня поняла, как мучит ее тревога.

Много раз Аня пыталась сказать матери, но не открывала рот — и говорила в кармане шубы, и снова Аня уходила домой.

Прошел еще день, еще и еще. Аня ничего не говорила матери и знала, что теперь уж не сможет сказать. Ей

— Какую-нибудь книгу, которую ты любишь читать, — прошлись после известия о гибели Ани. Ей казалось даже, что и горе ее не выдержит; но ощущение ужаса от той картины, присланное матерью, лежит перед раскрытым и мать ничего не знает, и догадывается о несчастье и ищут, где бы это несчастье неотвратно случилось на нее, — так измучило Аню, что ее силы совсем оставляли ее.

— Но по привычке ходила в школу, не могла же я не понимать ничего на уроках. Только раз подошла к кабинету профессора и уходила обратно.

— Разве не все равно, кто скажет — Аня. Несчастье будет одинаково для всех. Подожду еще день. Может быть, и решусь. Я должна решиться, — сказала Аня.

— Как решиться?

— Ах, Володю Гольцова, молчаливого, замкнутого обычными школьными делами. Аня опускала глаза и торопливо проходила мимо. Ему она тоже не могла сказать.

— Она ясно видела, как покраснела Володино лицо и, втянув горло, широко плечи, он пойдет от нее, чтоб в одиночку перемолчать свое горе. Аня знала, как это страшно. И жалея всех, на какой-то срок отодвигая свое несчастье, Аня несла одна его тяжесть, живя двойною жизнью, измученная.

— Как похудели у Ани и впали, глаза потеряли блеск, и силы таяли с каждым днем. Скажет ли Аня?

— Лидия Виталиевна первая увидела уставшее лицо. Она взглядела пристальнее на Аню и ужаснулась. Что случилось? Аня молчала, да не чаютка ли у нее? — сообразила Лидия Виталиевна.

— Подоумала Лидия Виталиевна, подоумала свою сестру, которая в 18 лет умерла от скоротечной чахотки. Лидия Виталиевна впадала в отчаяние. Ее грызло сердце. Так забросить девочку из-за ее мужа, из-за их эгоистического чувства, которое Лидия Виталиевна берегла. Сейчас же, пока не поздно, нужно спасать Аню. Все в жертву будет отдано Ане. На курорт? Или в Париж? Куда угодно!

— Как худенькая, грустная девочка! Ты здорова? — с тревогой спрашивала Лидия Виталиевна.

— Да, мама. Тебя ничего не болит?

— Нет. У меня ничего не болит. Грудь не болит, Аня? — спросила Лидия Виталиевна. — Нет же, мама. с какой стати. Почему ты такая?

— Какая такая, мама?

Аня пыталась улыбнуться, но улыбка получилась жалкая, несчастная, и от этой улыбки Лидии Виталиевны сделалось еще страшнее.

Как только Федор Данилович вернулся вечером домой, Лидия Виталиевна обрушилась на него.

— Нет! Какая беспечность! Какой эгоизм! — Кричала она, чувствуя потребность обвинять еще кого-нибудь, кроме себя, в болезни Ани. — Можно быть отвлеченным человеком и энтузиастом и прочее, но не в такой же степени!.. Забросить совершенно свой дом! Нет, это просто преступление!

— В чем дело? — спокойно спросил Федор Данилович, зная склонность своей жены к преувеличениям.

— Дело в том, что твоя дочь умирает.

Федор Данилович нахмурился. Ему давно не нравился Анин вид, и, кроме того, ясно было, что она избегает разговоров с родными.

— Попробую ее послушать — сказал Федор Данилович жене, хотя догадывался, что Анина болезнь выслушивается не стетоскопом.

— Мама просит тебя посмотреть. — заявил Федор Данилович Ане, когда она пришла к нему в кабинет. — Ей кажется, что у тебя плохой вид. Вид у тебя действительно неважный.

— Пустяки, папа, — неохотно ответила Аня, не глядя на отца.

— Ну-ка, дай сюда лапу. Сядь рядом со мной. — Аня села с отцом. Большой, хороший, ласковый отец. Какие у него седые волосы и молодые, умные глаза. Ах, папа, если бы он знал, что стряслось с его дочерью!

— Плохо, дочура! — тихо сказал отец, поглаживая Аню по спине. — Ну-ка, покажи глаза. Так и есть: плохо. А ты поплачь. Поплачь, а потом расскажешь.

Аня уронила голову на плечо отцу. Отец гладил ее волосы.

— Пишем от Алеши давно нет? — спросил он осторожно.

Когда Лидия Виталиевна, обеспокоенная тем, что выслушивание Ани затянулось слишком долго, просунула голову в кабинет, профессор так яростно махнул на нее рукой, что она поспешно скрылась за дверь и, прилонившись к стене, жалобно простонала: — О-о! Что же это! — Ей казалось, что произошло что-то непоправимое, странное и она готова была винить себя в случившейся беде и по своей привычке преувеличивала свою невниматель-

ность к Ане и, мучимая раскаянием, согласна была на любую жертву, лишь бы опять Аня была здорова, весела, беспечна — и пусть даже дерзка и непослушна.

Федор Данилович молча гладил Анины волосы.

— Ну, вот. Что же мне делать папа? — спросила Аня.

Охваченный горячим сочувствием и невольным уважением к Ане, потрясенный ее горем, Федор Данилович забыл все слова, которые готов был сказать ей в утешение. Он врешко обнял ее худенькую шею и прижал голову к груди. Вот его дочка, которую так рано в жизни встретило горе.

— Что же мне делать, папа? — повторила Аня.

— Нужно сказать, — ответил отец. — Завтра пойдем вместе и скажем.

— Хорошо, папа, — покорно произнесла Аня, и отец отвернулся, подавив рыдание, которое перехватило ему горло.

xvi

Ане сплалась молодая березовая роща, куда летом она часто ходила собирать грибы. Грибы стояли под каждым деревом, толстые, упругие и такие приятные, что Аня, срывая их, целовала в холодные, блестящие шляпки. Ане сплались березки точь-в-точь такие, какими она их знала наяву, веселые, с белыми стволами и шумными от ветра листьями. Она шла рощей беспечная и счастливая, как эти юные березки. Птицы кричали ей что-то. Корзина, полная грибов, была легка, как легки были шаги Ани по душистой тонкой траве.

Как хорошо! — думала Аня, радуясь блеску, звону, жужжанью и запаху летнего дня. Вдруг черная тень легла на рощу, и птицы смолкли, и тревожно зашатались березы, хотя небо было все так же безоблачно и сине. Женщина в странном, уродливом платье, скрывая лицо под черным платком, шла Ане навстречу. Аня издали увидела ее узловатые, длинные, страшные пальцы. «Какое мне дело до этой женщины?» — сказала себе Аня, стараясь не смотреть на нее; но всюду испуганно качались березы, как будто невиданной силы ветер ломал и трепал их гибкие зеленые ветви. Женщина подошла к Ане, схватила ее за плечо. Она трясла Аню за плечо, пряча лицо под платком, и ужас, знакомый холодный ужас пополз по телу Ани.

— Что тебе нужно от меня? — янием воскликнула Аня и проснула.

Тетя Даша, наклонившись над ватью, легонько трогала Аню за

— Вставай, Аня! Слышишь! Дни же ты, господи!

За окном чуть брезжил рассвет, в углах комнаты еще стояли голубые

Аня не удивилась тому, что тетя так рано будит ее.

— Что вы, тетя Даша? — спросила

— Ступай на кухню. Там... мамаша.

Аня накинула халат и побежала в

— Узнала, — промелькнуло у нее в

Алешина мать сидела на табуретке

плиты, повязанная платком. Слезы

ленно текли по ее щекам. — На что

сказала она Ане. — Алеша письмо

слал. — Аня схватилась рукой за се

Что такое вы говорите? — прошептала

она. Ей показалось, что мать сошла

— А ты прочти, прочти, — сурово

говорила тетя Даша, ставя кофейник

плиту и не глядя на мать.

Аня схватила письмо и прочитала

пись: Алеша. 15 февраля.

То письмо было помечено 30

Значит, там ошибка! Значит, он жи

— Тетя Даша! Вы слышите, тетя

ша? Он жив! Алеша жив! Алеша!

Аня смеялась и плакала, и не читала

письмо, и не понимала, почему тетя

го смотрит тетя Даша и почему ее

брови над глубоко запавшими глаза

тери.

— А ты прочти письмо-то — сказала

зала тетя Даша. Дрожащими руками

развернула листок тетрадной бума

«Дорогая моя мама! — прочитала

опять радость горячим огнем обож

сердце. — Не удивляйся тому, что я

не писал. Так получилось. Мы сме

димся, и тогда я тебе все расскажу

в бою, мама. В самом настоящем

я не струсил. Бояться можно перед

когда началось, все делалось как

собой. Если бы не эта шальная

теперь еще я был бы на фронте.

— До

таким не повезло: я был только

бою. Сейчас я лежу в госпитале

граде, и за мной так ухаживают,

я живешь какой герой. Какая-то

принесла мне цветы. Мне стыдно

что я был только в одном бою

особенного не сделал. Там были

герои. Мамочка, мне пришлось от

гу. Они долго тянули, но все-таки

— что ничего. Ну, сделают искус-
нулася ногу. Вот только моряком уж
над е... мать. Мама! Скоро увидимся. Целую
за пл... плачь, мама!

Алеша.

15 февраля».

ассвет... положила письмо в конверт. Мать
дубые... на нее глубоко запавшими глаза-
тетя... все-таки он жив! Он есть. Какое
проси... что он есть!

мать... Ольга Андреевна, не плачьте.
ла в... не плачу,— ответила мать, вста-
у нее... Такому-то сыну всякий позавидо-
жет.

табур... Гла же вы? — захлопотала тетя
Слез... — Садитесь, кофий будем пить. Сип-
На... шаток-то. Садитесь сюда, к столу.
письмо... встроим пили кофе на кухне, когда
за сер... отец. Он с удивлением увидел не-
общество.

проше... Папа, давай с нами пить кофе, и вот
шла... мама,— весело сказала Аня.

суров... жив,— догадался отец.
кофей... Чужа-то вся в отца,— подумала
Андреевна и почему-то улыбнулась,
вдя ее улыбку, засмеялась.

читал... спустя некоторое время в кухню
30... Герс за водой для бритвы, он
н жив... дся у порога, не доверяя глазам.
е, тет... шел от неожиданности и, пзвинив-
еша!... не взяв воды, ушел к себе. Вера
и цев... в кровати, натянув до подбород-
ту та... ло. Тяжелая ее коса рассыпалась
му с... тушке.

глаза... Там, понимаешь ли,— пробормотал
ожима... ямая плечами,— на кухне обще-
жних-то... жих-то женщин, и твой отец зав-
рука... чуть свет вместе с ними. И Аня
бума... почти раздетая. Что за странные
? Я... Я ничего не понимаю.

читала... шливые огоньки блеснули в Ве-
обоз... глазах.

что л... Мужели, мой дорогой,— сказала
ы ско... живо потягиваясь,— ты еще не при-
скажу... странном обычая этого дома? По-
цем б... ничему не удивляться.

перед... со отцу некогда было слишком дол-
как-... гивать кофе. Он спешил в поликли-
ная... — До свидания, Ольга Андреевна,—
нте. М... — Надеюсь, теперь мы знако-
лько... мет билетов не беспокойтесь. Я до-
але в... сегодня вам и ей.— Отец ткнул
свают... в Анну сторону. Аня спустила

и-то... — Ну полно, полно,— сказал Михаил
ыдно... Семенович, похлопывая ее по плечу.—
ую в... Чего ты? Нога — еще не все. Голова-то
ли на... осталась на плечах? Жизнь-то осталась?
ли на... — Михаил Семенович, опустите меня
е-та... к нему на неделю в Ленинград.

годня ей хочется ходить зимними снежны-
ми улицами и думать об Алеше. Она за-
шла в читальню и посидела немного за
столом, у окна, где они часто занимались
с Алешей. Здесь они будут вместе гото-
виться весной к последним школьным эк-
заменам. Будут! Непременно будут! Потому
она пошла на Чистопрудный бульвар. Он
был здесь один в тот вечер, а когда он
приедет, они придут вдвоем на этот буль-
вар, и Аня расскажет, как тосковала...

Аня ходила по бульвару, как тогда хо-
дил он, и думала о том, что Алеша жив и
завтра она его увидит, что она любит его
и они будут счастливы. Но тревога не про-
ходила в ней. Это было то чувство бес-
покойства, тоски и радости, почти востор-
га, которое охватывало ее всякий раз при
реве школьной сирены, когда надо было
стремительно бежать и быстро, четко, уве-
ренно делать порученное дело, не думая о
себе, не помня себя и не интересуясь со-
бой. Аня знала, что эта тревога никогда
не пройдет в ней.

И когда рев сирены зазвучит уже не в
школе, а над страной, Аня так же при-
вычно и четко будет делать свое дело, ма-
лым ли оно будет или большим, и так же
забудет о себе, как забывала в школе во
время военных учений. Аня смотрела в
лица идущих ей навстречу людей. То были
озабоченные и спокойные, деловые и рас-
сеянные, веселые и строгие лица занятых,
торопливых, обыкновенных людей.

Они тоже перестанут быть обыкновен-
ными, эти люди, когда будет нужно.

К концу дня Аня пришла в школу. Она
вошла в кабинет к Михаилу Семеновичу.

— Ты что это волничаешь.— сердито
сказал Михаил Семенович.— Уж и на уро-
ки перестала ходить?

— Я пришла Вам сказать, Михаил Се-
менович,— сдержанно ответила Аня,— что
вчера Алешина мать получила письмо. Он
ранен. У него отняли ногу.

Михаил Семенович встал, выпрямившись,
одернув гимнастерку.

Потом он поспешно налил стакан воды
и подал его Ане. Аня удивленно посмотре-
ла на директора и, взяв из его рук ста-
кан, стала пить воду, потому, что вспоми-
нила, что давно хочет пить, и вдруг зубы
ее дробно и мелко застучали о стекло, и
стакан задрожал в руках.

— Ну полно, полно,— сказал Михаил
Семенович, похлопывая ее по плечу.—
Чего ты? Нога — еще не все. Голова-то
осталась на плечах? Жизнь-то осталась?

— Михаил Семенович, опустите меня
к нему на неделю в Ленинград.

— Одна поедешь?

— Нет. С матерью.

— Так. Добре. Поезжайте.

И когда Аня повернулась, чтобы уйти, Михаил Семенович задержал ее и проговорил тихо:

— Скажи ему от меня... Скажи ему. Ну, да ты сама знаешь, что сказать.

Он больно стиснул ей руку.

Весело залился звонок,— последний урок,— распахнулись двери классов, школьники шумно ринулись в раздевалку.

— Может быть, зайти в класс и рассказать? — остановилась в раздумье Аня, но не зашла.— Пусть им расскажет Михаил Семенович.

Через несколько минут на улице его догнал Гриша Бауэр. Он был без шапки и находу застегивал пальто.

— Слушай,— сказал он, запыхавшись,— верно, что его ранили?

— Да, верно,— ответила она.

— Слушай, и говорят, ногу отняли?

— Да.

Гриша пошел рядом. Аня молча подумала о том, как близки ей эти дни. Этот год многие из ее одноклассников много она пережила и перечувствовала. Жизнь, радостна и крепка любовь к родине.

— А знаешь,— сказал Гриша.— Но, что Алешка, ты понимаешь Алешка. такой простой... совсем не в классе выходил к доске отвечать теперь... герой.

— Да,— ответила Аня.— Но это то, что наш Алешка — герой. Знаешь много.

Гриша молча кивнул головой.

Они шли московскими снежными улицами, а навстречу им и рядом, догоняя их, спешили люди, и поспешно стремительно неслись машины, и морозный, блистающий день торжественно плыл над землей.

надцат

билль

Дальше

Плато

вять. П

вять! —

— А

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

С

Ночь в редакции

Одиннадцати до девятнадцати тридцати
автомобиль остановился.

— Дальше ехать нельзя! — сказал
Платов, — а до дому всего кило-
метров пять. Придется здесь постоять.

— Почему? — пробормотал политрук
Вася. — А кто газету будет делать?

— Григорий Столетов выглянул из маши-
ны с другой стороны. Вся дорога до само-
стоянки была забита грузовиками —
большими, маленькими, трехтонками, по-
чепухами, — спешащими на фронт.

Вокруг медными стволами сосен далеко,
в долине озера, садилось огромное солнце.
Снег белил, тени бежали по голубому снегу, и
деревья в розовели в этом предза-
катном свете.

— Этого себе декорация! — сказал
Платов.

Вот редактор дивизионной газеты,
Сорокин... Нужно выпускать специ-
альный номер к готовящемуся наступле-
нию. Собираю отличный материал. А тут
остановка!

— Пять километров за два часа прой-
дено, — спросил он.

— Идем, — отозвался Григорий.
— Тогда пошли на одиннадцатом
— сказал Литвинов и стал тормо-
шить Литвинова в машине Сорокина.

— Сорокин, ты останешься с
мной. Котика пробка расосется, по пу-
ти к Назарова... А пока что рабо-
тай здесь в машине.

— Так здесь, — отозвался Соро-
кин, открывая глаза. — Гриша, а
Литвинов все равно мат сделаю.

— И Григорий зашагал вдоль
канавки, протискиваясь между близко
стоящими машинами, обходя их стороной,
спускаясь в канавку обочины, за-
прыгивая в метронутым снегом.

В кабинках машин, мимо которых они
проходили, спали утомленные шофера,
склонясь на баранки. Находясь по два-
дцать — тридцать часов в пути, они поль-
зовались любой возможностью урвать ми-
нуту для сна.

Григорий живо представил себе, как,
завесив зашпигевшие окна автомобиля
одеялами, Платов разжег примус. При-
мус заменял печку. Григорий представил
себе, как под его гудение Вася пишет
своим крупным, размашистым почерком
заметки.

Столом ему служат собственные колени.
Поставив корректорский знак абзаца,
он протягивает руки к примусу, отогревая
коченеющие пальцы над рвущимся венчи-
ком шумного пламени.

Не раз и сам Григорий работал так в
этой машинке, превращенной в походный
кабинет.

— Знаешь, позавчера, когда мы с Со-
рокиным работали в Эмже, — сказал он,
догоняя быстро идущего Литвинова, — об-
наружилось, что нет чернил. Иссякли.

И Григорий рассказал Литвинову, как
они вдвоем с Сорокиным отправились раз-
добывать пузырек на полевой почтовой
станции. Но девушка-почтовик была заня-
та разборкой только что пришедших пи-
сем, а Сорокин говорил резко, и в резуль-
тате они ушли, не получив чернил. Оба
были очень злы.

Предстояло шагать до редакции кило-
метр.

В этот момент налетело на деревню два
вражеских самолета. Бомба... Одна. Дру-
гая.

Разумеется, все сразу бросились в при-
готовленные щели, а кто был в домах, —
прочь из-под крышки.

— Лежу я в снегу, бомба разорвалась
в метрах в двадцати. Приподнимаюсь на
локте, смотрю, где мой Вася, и не вижу

его, волнуясь. Когда через десять минут все успокоилось, я пошел проверить, цела ли машина, и вижу — в машине сидит Сорокин и пишет что-то, а на сидении стоит чернильница, полная чернил.

— Что ты смотришь? — спрашивает он. — Как только началась бомбежка, я сообразил, что почтовики выбегут на воздух и залезут в щели и лучшего случая спереть чернила ниюцца не представится. Знаешь, крадеными чернилами даже как-то лучше пишется!

— Да, парень он стоящий, — сказал Литвинов.

Сорокин на фронт был командирован как корреспондент одной из ленинградских газет. В конце декабря он пришел к Литвинову и попросился добровольцем в дивизионную газету, а так как штат не был заполнен, то Литвинову через Пуарм удалось закрепить за редакцией Сорокина.

Это был исполнительный коренастый человек с боевой выправкой, подтянутый, аккуратный, всегда тщательно выбритый.

Григорий с ним сдружился, хотя они сошлись не сразу.

Сорокина раздражало в Григории то, что пояс у него не был затянутым, и то, что часто он забывал побриться, и то, что карманы его всегда были набиты сухарями и сахаром.

Правда, к вечеру Сорокин почти всегда пользовался содержимым карманов Григория и с удовольствием похрустывал ржаными сухарями. (Замечательная еда: вкусная, не замерзает, помогает коротать время, и зубы от нее белеют.) Но это не мешало ему по утрам подтрунивать над запасливостью Григория.

— Когда ты сыг, тебе кажется, что ты никогда не будешь голоден, — вечером я над тобой посмеюсь! — беззлобно огрызался Григорий.

Григорий и Литвинов шли молча.

Закат уже отпылал, и темно быстро... Колонны остались далеко позади, и даже одиноких красноармейцев не было видно.

Предстояло пройти часть дороги по открытой поляне.

Григорий и Литвинов взяли винтовки наперевес и, полусогнувшись, быстрым шагом пошли по открытому пространству.

Вдруг из леса раздалось несколько громких выстрелов финского автомата.

— Бегом! — прошептал Литвинов, и они быстро пробежали к опушке.

Затем оба, тяжело дыша, легли в снег у самого края дороги.

Голубоватые светящиеся пули жали чиркать над поляной в сгущенном тумане.

Двинулись дальше.

Пошел снег. Он падал не отдельными снежинками, а крупными влажными комками, завешивая деревья, дорожку; делая людей друг от друга.

Снег таял на лице, оседая на ресницах; мешал смотреть.

Когда начались боевые действия, дакцию сначала пришло стихотворение, затем несколько заметок, подписанных лейтенант Гр. Столетов.

Литвинов знал и любил книги и писателя Григория Столетова, и мелькнула мысль: может быть, это есть.

Это, действительно, был он.

Григорий Столетов был призван мю по своей военной специальности званием лейтенанта бронетанковых и пришел со своей частью на границу.

Он переходил границу 30 ноября.

Когда Литвинов настоял перед командованием, чтобы Столетова передали газету, Григорию было неловко своими товарищами уезжать на газете в то время, когда они оставались на линии огня.

Редакции в те дни отвели один домиков, уцелевших от большой бомбежки.

Домик этот был минирован. В избе обнаружены четыре мины в деревянных ящичках, похожие на почтовые саперы были впереди: они разминировали дороги, чтобы открыть проход пехоте, чтобы разминировать избу в тылу, чтобы разминировать избу в тылу, чтобы разминировать избу в тылу, чтобы разминировать избу в тылу.

Что ни говори, но в избе жить и спать было удобнее, чем под открытым кабарским небом; и тогда сверху нами поставили опрокинутые вверх дном бадьи из-под клюквы и брусники.

На каждой такой бадье висела «Осторожно — мина!» и двигались по направлению, лавируя между бочками.

На днищах бочек, как на редакторских столах, писали статьи и заметки.

В середине декабря, темным вечером, явился в редакцию Григорий, от которого узнал и познакомился со всеми.

— Что это у вас за мебель? — спросил он, показав на бочки, а затем, увидев, что командир взвода саперов научился обращаться с минами, снял бадью и осторожно обезвредил их.

шатоватый, похожий на замерзшее
густой, обезвреженный тол сохранялся по-
дощатом сарайчике.

да редакция снялась с места, чтобы
отделаться вслед за наступающими частя-
ыми редакционная машинистка Аничка
увидала еще одну мину, подложен-
под порог.

на л только раз шагали через нее, и — ни-
Ее не заметили, но и она не взор-

твия. было счастье.

творе Григорий мог, если это надо было, один
однажды написать весь номер газеты. Написать
— от передовой статьи до эпитафии
ли мол тверстку. Он был очень работоспосо-
и Г Литвинов дорожил своим «писателем».
е, это Григорий шел рядом, продираясь сквозь
неустанного снега. Он терял дыха-

изван — Ты отлично ходишь! — сказал он
альное — нуу. — Призовик!

вых — Да, нет, хожу обыкновенно. Вот Оля
я грампла Оля ходила замечательно! Мы с ней
ября. Кавказ обшарили...

ед ком — А что с ней стало? — спросил Гри-
едали

ловко — знал, что у Литвинова в городе есть
на раб так, который живет с бабушкой не
остаю Череповце, не то в Рыбинске.

— Умерла в прошлом году. — сказал
один кр инов и остановился около одиноко
ной де шего дымохода. — Двадцать четыре

В изб Чудесная женщина. Знаешь, наша
е дере на чем-то на нее похожа.

ые по Литвинов и Столетов вошли в сожжен-
азминн финнами поселок: здесь разместилась
д пехот еция. Григорий отстал от спутника,
ов да и опустить в скворечник почтового
тьму, и записку в Москву, заготовленную
вчера.

жить и девятнадцати тридцати до двадцати
открыт сорока пяти

ерху в да Григорий вошел в комнату ре-
кверт на, в которой помещалась и типогра-
ники. и склад, и общежитие. — Литвинов
е нап успел снять полушубок, он сидел за
ались сном и писал на огромном листе бу-
нками. с передовицу.

редакц ината редакции, пропитанная табач-
метки. ьным, запахом просушиваемых пор-
мным тилографской краски и теплом на-
ий, отп ной печки, была такой родной и
п. ной.

ль? — тлу наборщики — маленький Зисман,
ем, с душный ко всему, веснучатый Лиси-
в науч и опромный, всегда козыряющий ино-
бадьи и шлыми словами печатник Величко — и

вместе с ним машинистка Аничка, они за-
канчивали работу.

Перед ними лежали огромные листы ро-
зоватой целлюлозы, и они разрезали ее
обыкновенными редакционными ножницами
на восемь равных кусков, по формату га-
зеты.

Машина с бумагой где-то застряла в
пути, и наступил такой день, когда не
на чем стало печатать газету.

В первый такой кризисный день связи-
сты достали на чердаке конторы сожжен-
ной целлюлозной фабрики синюю чертеж-
ную бумагу, и газета вышла двухцветной.

На дворе фабрики валялось несколько
тюков уже готовой целлюлозы, похожей
на твердый шороховатый картон.

Зисман поклялся судьбой своих будущих
детей, что в районной типографии опи-
сдин раз печатали плакат на таком карто-
не. Тогда Литвинов решил пустить целлю-
лозу в дело.

Так газета продолжала выходить без
перебоев.

Огромные листы целлюлозы надо было
разрезать по формату газеты. Это была
простая, но не легкая работа. Целлюлоза
не поддавалась, лезвия ножниц быстро
тупились; руки уставали от непривычных
усилий, и после первой сотни кусков на
пальцах появлялись мозоли.

Увидав Григория, Аничка перестала ре-
зать целлюлозу.

Он поставил свою автоматическую вин-
товку в угол, быстро снял полевую сумку
и, повесив полушубок на крючок, налил
из чайника, постоянно кипевшего на ма-
ленькой железной печурке, утвержденной
посреди комнаты, кружку горячего чая.

Намазал ломоть ржаного хлеба толстым
слоем сливочного масла. Так приятно было
похрустывать твердым сахаром, заывая
каждый глоток крепким, горьковатым го-
рячим чаем.

— Чернова, работать! — приказал Лит-
винов, и через минуту Аничка уже сидела
за большой и старомодной «Короной», тя-
желая каретка которой передвигалась со
скрипом и звоном.

Аничка печатала двумя пальцами и не
тверда была в правописании необходимых
слов. Приходилось точно и ясно выгова-
ривать все окончания, чтобы не тратить
лишнего времени на правку.

Работала она медленно, но зато безро-
потно, могла не вставать из-за машинки
сутками и никогда не раздражалась; от
нее, казалось, пахло парным молоком, и,
как бы она ни уставала, щеки всегда ро-

зовели у этой восемнадцатилетней девчонки со вздернутым носом.

..Когда часть уходила с квартир, выяснилось, что в редакции и политотделе не хватает машинисток. Обратились в райком комсомола. И в тот же день две восемнадцатилетние, смущающиеся комсомолки с деревянными баулами в руках пришли в штаб.

Канцелярия была уже упакована, эшелоны грузились, и документы девушкам-добровольцам оформили только тогда, когда дивизия, пройдя под осенними дождями, по вязким глинистым дорогам Карелии, разместилась у границы.

Школу Аня Чернова окончила весной, и работа в редакции, пожалуй, была началом ее трудовой жизни...

— Она не очень умна, и малообразована, и совсем некрасива, — так почему же приятно возвращаясь в редакцию знать, что здесь встретишься с ней, — думал Григорий, принимаясь диктовать свои заметки...

Когда он, диктуя, стоял над машинкой, ему был виден ровный, прямой пробор Анячкиной прически.

Григорий диктовал, увлекаясь тем, о чем шла речь в его заметке...

Трем нашим разведчикам было поручено добыть «языка».

Финский дозорный с окопа заметил разведчиков, выстрелил и промазал.

Второй выстрел мог оказаться удачнее. Нельзя было терять ни секунды. Тогда боец Николаев быстро бросил в белофинна незаряженную гранату.

Финн пригнулся и спрятался в окопе, ожидал разрыва.

Разведчики, воспользовавшись этим мгновением, вскочили в окоп, схватили солдата, забили ему рот варежкой, связали руки, забрали «пушку», гранаты, винтовку и потащили финна, потрясенного происшедшим, в кусты, где в засаде находились другие товарищи.

— Так, благодаря находчивости и храбрости, приказ командования был выполнен. Пленный сообщил важные сведения... — громко диктовал, отчеканивая каждое слово, Григорий.

— Потинше. — сказал Литвинов, — ты мне мешаешь своим криком...

Перед ним на столике лежали исписанные карандашом листы. Литвинов склонился над передовой: «Вперед, товарищи! Еще один сокрушающий удар по врагу!..» — писал он:

Он не умел сразу диктовать на машинку.

Вторая заметка Григория была как сапер-комсомолец Леонид Балтрамович взрывал неприятельские надолбы, чтобы расчистить путь танкам.

Взрывчатка была саперами израсходована: если возвращаться на базу за новую партией, то, пока вернешься, взойдет солнце и, значит, затыжка на день, — а сейчас был точный. Тогда Балтрамович решил пользоваться дежавшими неподалеку от себя приятельскими минами, обезвреженными еще за день до этого.

Заграждавшие путь надолбы все взорваны финской же взрывчаткой.

Диктуя, Григорий отлично представлял себе этого картавого и быстрого Балтрамовича: как он разговаривает, как, сдерживая воздержавшись от возгласа «эврика», когда его осенила мысль о финских минах, ползет к ним, прикиная в снегу, шиваясь к каждому шороху.

Балтрамович был тем самым младшим командиром, который в свое время в Григория разминировке.

Григория охватила досада, что он не может в скупой заметке показать Балтрамовича так, чтобы его узнали и запомнили надолго.

Заметка все время сбивалась с темы: сухую реляцию, то на восторженном клянчанье.

Поэтому, диктуя он то останавливался, вызывая неодобрение Анички, то забить только что продиктованную строку. О делах людей, ему незнакомых, было куда легче.

В третьей заметке описывался героический подвиг бойца Антонова. Прозвучавший он во втором батальоне N-ского полка. Боец Антонов увидел, что финский снайпер на сосне целился в старшего командира. Предупреждая командира, обстреливал его, загорючил своим телом, и финского снайпера поразил его в шею. Боец спас жизнь командиру, но сам тяжело ранен...

Столетов продиктовал пять заметок и улегся отдыхать.

От двадцати одного сороска пятьдесят два двадцати трех

Григорий лежал на полу, подстелив себе овчинный полушубок, еще бывший белым, положив под голову теплую кожей полевую сумку.

Валенки его стояли неподалеку от печурки, и виднелся пар, как идет от них пар.

равленные портянки сушились, све-
шь с валенок.

Григорий протянул ноги в шерстяных
в сторону печки. Через него дело
шагали наборщики. Он не обращал
того внимания и, ощущая блаженное
вытянувшись, закрыл глаза.

— Сейчас засну,— подумал он.— когда
потрескивание дров в печурке ста-
риваться с постукиванием пишу-
машинки.

— Медленно печатает,— подумал он.—
—таки хорошая девушка. И какая
ная. Позавчера во время авианалета
продолжала сидеть за своей машин-
Балт...
даже не вышла из дома...

разу же мысли Григория унеслись в
ка...

дно. Ночь. Наташа возвращается из
автотории.

сейчас она, наверное, сошла с трам-
торопится вдоль пустынного переул-
мой.

ет быть, она думает, что на столе
письмо от него».

то совсем близко раздался орудий-
ыстрел. Били наши противотанковые

ребезжала жестяная ложка в алюми-
кружке...

сейчас Наташа, раскрасневшаяся от
с дыханием немного прерывистым
тырех маршей парадной лестницы,
вилась на площадке.

тя в меховой сумочке, отыскивая
от французского замка.

йчас повеет теплом привычной квар-
Простое прикосновение к выключа-
на стене сразу же зальет коридор
ическим светом.

аша снимет и повесит на вешалку
ую черную шубу».

каких маскировочных халатов»,—
длся, не открывая глаз, Григорий.

подойдет к зеркалу... Из зеркала
на него карие глаза, блестящие,
и.

ей она сейчас думает? Может быть,
каким быстрым и бестолковым был
ощущения: всего полчаса вместе, да
подлах?

рное, сейчас, в эту самую секунду,
жятся спать и, наверное, думает о

ей она думает?

ни за что не представить Наташе
нату, полную сизого дыма махорки,

синюю лампу-молнию, от кото-
тенах перегибаются и машут ру-
ромные тени наборщиков. И эти

закрытые черной финской бумагой окна,
и винтовки, развешанные по стенам. И его
на полу, опрокинутого навзничь сном, в
блаженном тепле, после такого морозного
и наполненного дня, не похожего ни на
один день предыдущей жизни, и такого схо-
жего со вчерашним, позавчерашним; а
сколько их еще будет впереди!»

Но в эту минуту поток холодного возду-
ха обдал тело Григория, словно кто-то в
неотопленной комнате сорвал со спящего
теплое одеяло.

Григорий приоткрывает глаза и одновре-
менно слышит стук захлопывающейся две-
ри: это вошел с мороза какой-то коман-
дир. Кажется, прокурор Субботин! Сейчас
он расскажет что-нибудь занятное. Но ма-
до заснуть хоть немного, иначе завтра с
утра будет трудно вставать и днем после
еды станут слипаться веки.

Григорий поворачивается набок и так,
только одним ухом, слушает, о чем Суб-
ботин разговаривает с Литвиновым.

Военный прокурор Субботин заходил в
редакцию не только по делам,— хотя не-
редко приносил дельную заметку,— но еще
и для того, чтобы поговорить с газетчи-
ками.

И хотя он всегда критиковал газету и
даже придирался к отдельным статьям и
фразам и сомневался в правильности тех
или других фактов,— видно было, что он
газету любит и к газетчикам относится с
симпатией.

Этот пожилой невысокий человек с су-
хощавым лицом, на котором молодо блестят
залавшие голубые глаза, всегда рассказы-
вал очень занятные истории.

За тем, что люди говорили сами о себе,
он всегда умел увидеть, какие они на са-
мом деле, и показать им это так, что они
нисколько не обижались на него.

Субботин перед тем, как поздороваться
с Литвиновым, подошел к Ане, с трудом
разбравшей красноармейское письмо, на-
писанное карандашом и испещренное чер-
нильной правкой Литвинова.

— Что это за слово? — спросила она
прокурора.

Он взял листок из ее рук и поднес к
глазам.

— Многоуважаемые Соколы! — прочитал
он вслух. — Многоуважаемые... Соколы...
Странное словосочетание, но, я сказал бы,
душевное... Впрочем...

— Теперь понятно, — сказала Аня. —
Это письмо стрелковой роты к летчикам:
благодарность.

— Вот откомандирую завтра со мной
своего писателя, — сказал Субботин редак-

тору.— Для него будет интересное у меня дело...

— А для газеты?

— И для газеты, пожалуй, подойдет,— на минуту задумавшись, ответил прокурор и улыбнулся.— Понимаешь, получаю под-писанное должностным лицом сообщение о том, что хирурги полевого госпиталя зани-маются самым что ни на есть откровен-ным и низкопробным мародерством. Нашли на одном из чердаков в поселке на остро-ве, где стоит госпиталь, несколько сунду-ков с прекраснейшим дамским бельем — ночными там кружевными сорочками, пеньюарами — и забрали себе... Ну, я встревожился. Что за причина? Сознатель-ные люди, хирурги — я вот тебе на!

С утра пораньше выехал. Прибыл на остров. Прибыл, как водится, в тот самый момент, когда авианалет был. Самолет сни-жался, над самым островом сделал ви-раж — красные звезды на крыльях. Ну, в госпитале и вокруг все думали: наш само-лет из Петрозаводска пришел, привез гражданскую кровь для переливания ра-ненным.

Раненых, предназначенных для эвакуа-ции на аэроплане, на носилках уже вы-носили из палат, чтобы не задерживать машины. А это был финский гость. Потом-то все сообразили и удивлялись, как это сразу не поняли маскировку, — ну, а вна-чале все ж таки никто не разобрался. А он как саданет одну бомбу!... потом другую!.. Как ударит!.. Потом третью, фугасную... Дым столбом... Огонь... Люди бегут... Стрельба со всех сторон... Он свое дело сделал и улетел.

— Сбили его здесь, не ушел... На остро-ве сторел, — вставил печатник Величко, смачивая керосином тряпку для того, что-бы снять со вчерашнего набора краску.

— Да, сегодняшней не ушел... Наши «Софьи Борисовны» возвращались с бом-бежки и здесь его повстречали. Мы целло-лозу перестали резать, все повыскакива-ли, — оживился равнодушный Лисицын.

— Ну, полежав это, сколько полагают-ся в снегу, встал я и пришел к начальни-ку госпиталя Бровину. Он был сильно рас-строен. Одна из бомб угодила в палатку выздоравливающих.

Я хотел сразу идти в палатку, а Бровин не пускает:

— Нет, говорит, свободных халатов, а в шинели нельзя.

Я ему разъясняю, зачем приехал, а он на все мои слова подкакивает и говорит, что в записке, которую я получил, хоть и

писала ее какая-то жалкая душевно... — зас...
факты изложены верно.

— Только я сам на это мародерств... — Пока...
вал разрешение!...

— Да ведь за это по статье...

Но тут в комнату вошел старши... работ...
сург.

— Вот наш старший хирург, — г... дейст...
Бровин, — познакомьтесь, а это пр... ствни...
по нашу душу прибыл.

Мы познакомились, и я спраш... как...
врача:

— Скажите, правда, что хирурги... в п...
ли себе сундуки с дамским бельем? а пото...

Он как вспыхнет, как встанет с... за...
и таким это официальным голосом... бы...
рубает:

— Когда вас, гражданин прокуро... бы...
нат разрывной пулей и ко мне при...
и положат на операционный стол, т... тому...
вам, честное слово, что оденусь в ш... ка, н...
нацеплю все знаки различия, надену... тельн...

тушею и кобурю с наганом и тог... ее по...
таком виде буду оперировать вас!.. зльно,

И он сразу же хотел уйти из ком... страд...
но мы с Бровиным его удержали. похож...

Тут все недоразумение и выясн... тей. м...
Понимаешь, в палате очередь. Хирург... торий...
ботают, не покладая рук. Халаты... вспи...
ются страшно. Люди почти все в ра... ства...
Морозища такие, что о стирке даже...
но подумать, но все же стирают.

нехватает. А тут, как на счастье,... все...
два сундука с чистыми, из тончайше... льд...
лотна ночными дамскими сорочками... метов...
конечно, я это дело санкционировал... онде...
А потом облекли меня тоже в... лит...

рубашку с пуфами, оборками и кру... Субб...
ми прошивками. И пошел я в опер...
ную. Там хирург Щенгельников би...
и во время полета продолжал ра...
довел дело до конца и вышел на к...
посмотреть, где вражеский самолет.

уже давно, конечно, не было, но сл...
не простыл: знаешь такая светлая...
ватая, как облачко, полоска на...
небе.

— Работает он так уверенно, —...
жал Субботин.

Перед его глазами стоял живой...
тельный, невозмутимый и грубоват...
вид хирург.

Субботин на мгновение замолчал...
скивая слова для того, чтобы обр...
его; не найдя, продолжал:

— Понимаешь, седина у него у...
ловек он серьезный, в очках, а тут...
чах буфы и весь в кружевах, ну...
смех... А он на меня взглянул — я...
тоже показался ему расфуфыренным... на н...

— засмеялся... Вот какой случай за-
...ий.

— Пока вы тут говорили,— отозвался
Литвинов,— я уже заметку небольшую на-
писал о хирурге Щепетильникове, кото-
рый работает под неприятельскими бом-

И действительно, хотя с первого взгля-
да Литвинов производил впечатление че-
ловека, которому для того, чтобы произ-
вести какую-нибудь работу, сначала надо
было обдумать, обдумать, потом разло-
жить в порядке все инструменты, черте-
жи, а потом уже медленно и степенно при-
ступить к труду,— на самом же деле рабо-
та шла быстро, как бы с налету, на ключ-
ках бумаги, огрызками карандаша.

Было трудно разбирать его руку,
потому она относилась к нему слегка
как бы чувствуя свое превос-
ходство.

Щепетильница русского языка не раз хва-
тила ее перед всем классом за чистые,
красиво, без единой помарки, исписан-
ные тетради. Придирчивый редактор ей ка-
зался похожим на свой неразборчивый, ка-
призный, меняющийся почерк.

Григорий не слушал рассказа Субботина.
Он вспомнил сейчас историю своего
знакомства с ним.

Первые Григорий встретился с Суббо-
тиным восемь лет назад на скалистом ост-
рове Кильдин в Баренцовом море.

Субботин в то время был разъездным
корреспондентом ленинградской газеты.
Он был питерский рабочий, токарь по ме-
таллу. Субботин уже год работал разъезд-
ным судьей Мурманского округа.
Субботин с помощью своих знакомых
заплатил за проезд в заплечном брезентовом
рюкзаке он разъезжал по рабочим станов-
ищах лопарским стойбищам. В штормы
он не выходил в неделю незаходящего ясного
неба и в недели томительных бесконеч-
ных сумерек — на оленях, запряженных в
санях на попутных мотоботах — он яв-
лялся становища и на стойбища рассу-
женным, спокойным, справедливым оли-
гархом народного суда.

Субботин Григорий узнал о Севере
в людях много такого, что осталось
для него самым незамеченным во время лет-
них разъездов по Кольскому полуострову.

Субботин был призван летом в армию
как военный работник и вместе со свои-
ми товарищами пришел из Новгорода на фин-
скую границу.

Сейчас обо всем этом, вспоми-
ная штормового ветра, кренившие
за которым они вместе добиралась

к Мурманску, Григорий незаметно для себя
словно скатился в глубокий, утоляющий
усталость сон.

Он не слышит уже оружейной стрельбы
и не видит, как через него шагает Велич-
ко, как переругивается он с бойцом, во-
шедшим с мороза.

Боец просит смазать керосином затвор
винтовки, чтобы не отказывал на страш-
ном морозе.

Величко, бормоча, что, мол, на всех не
напасешься керосина, все же смазывает
затвор.

Красноармеец выходит снова в ночь на
мороз и в дверь, на мгновение открывшую-
ся, врываются потоки холодного воздуха.

Григорий спит и не слышит, как при-
ходит раскрасневшийся с мороза Сорокин,
как он, кряхтя, снимает пояс, противогаз,
полевую сумку.

— Вот что я написал, думаю — приго-
дится,— передает Сорокин несколько испи-
санных листков из большого блок-нота
редактору.

Литвинов кладет их на трехногий стол
перед собой.

— Сейчас, сейчас. Зисман, дам тебе в
набор,— говорит Литвинов, и Аничка са-
дится за машинку перестукивать двумя
пальцами заметки Сорокина.

Сорокин подходит к ней и становится у
нее за спиной, чтобы диктовать. Так вы-
ходит быстрее.

Вблизи раздался гул оружейного вы-
стрела, и Григорий проснулся.

Сразу же, подняв глаза и услышав гром-
кие голоса, он понял, где находится, и
сообразил, что проснулся он от того, что
Сорокин и Литвинов стали спорить очень
громко.

— Я убрал твои валенки от печки,
чтобы не произошло самовозгорания,—
сказал Величко, увидев, что Григорий от-
крыл глаза.

Величко любил щеголять учеными сло-
вами, он любил звучные термины типо-
графского дела, и все эти цидеро, шмуц-
титула, реалы, нонпарели пользовались тем
большим его уважением, чем затрудни-
тельней их было произносить свежему че-
ловечку.

Рядом с Григорием на полу примостил-
ся Субботин.

Ити к своей землянке ему надо было
бы с полкилометра (правда, там были на-
ры) и он сейчас спал здесь, сладко поса-
пывая.

Григорий приподнялся на локте, стараясь выкинуть в суть спора редактора с Сорокиным.

— Ну, разве не нелепо, — горячился Сорокин, — почему ты вычеркнул последний абзац?

Всегда улыбающийся, добродушный Сорокин был возмущен.

Литвинов старался говорить спокойно, но Столетов видел, что это спокойствие ему многого стоит.

Налец Литвинов видимо потерял терпение.

— Приказы командира не подлежат обсуждению! Здесь я начальник, это военная газета! Мы не на летучке, где-нибудь в Сызрани, а на фронте и готовим специальный номер, — сказал раздраженный Литвинов, и простуженный его голос показался Григорию еще более хриплым, чем днем.

Сорокину пришлось замолчать, но он все же что-то недовольно пробурчал под нос.

Литвинов взглянул на него, улыбнулся и деловито сказал, обращаясь к Григорию:

— Товарищ Столетов, сейчас будет передача по станции Коминтерн, — последние новости, ночной выпуск. Пойди к связистам и прими по радио телеграммы. И сводку. Самое главное — оперативную сводку штаба ЛВО. Только уж запятую в запятую. Понятно?

— Последние известия... ночной выпуск, значит, спал-то я меньше часа, — подумал Григорий.

— Есть принять «последние известия» — сказал он и стал наматывать на ногу просушенные портянки.

От двадцати трех ноль ноль до часу ноль ноль

Валенки были теплые, нагретые. Григорий вышел из домика:

По низкому темному небу бежали равные облака, готовые каждую секунду просыпаться нечислимыми снежными хлопьями. На несколько мгновений они притокривали луну — и тогда в неясном и неровном свете зыбились вокруг лохматые лапчатые ветви заснеженных елей, выступали вперед из толпы отдельные смелые сосны, и даже видны были на смятом снегу дороги следы танков. Но через секунду облако снова закрывало месяц, и тогда деревья отходили назад в строй, мохнатые лапы ветвей складывались, и лес обступал дорогу сплошной, неразделимой стеной, а следы проползших по снегу

тяжелых гусениц мгновенно заматывались словно сказочным поводом Бабы-Яги.

Где-то совсем близко раздался звонкий выстрел.

Внезапно из-за ствола ели выскочила фигура. Григорий рванулся в сторону и скинул автомат.

— Кто идет!

— Товарищ Столетов?! Это я, Платов! — торопливо сказал человек, смеялся. Затем, спохватившись, сам закусил себе рот ладонью.

Потянувшись к уху Григория, Платов горячо зашептал:

Я свою машину подальше отсюда спрятаю. Думаю, будет завтра дело. Слышишь, слышишь, как приблизилась!

И действительно, звуки перестрелки появились все ближе.

— Прямо к дороге рвутся, своим выстрелом Платов и добавил: — Вы слышите на радио? Ладно, я пойду с вами. Мы вернемся, — и он щелкнул затвором, сылая вперед патрон.

От его замусоленного полушубка шел перегаром бензина, тавотом, и как будто что уже никогда не отмыть ему не пропитавшиеся машинной грязью.

Григория всегда подкупала в какой-то избыток довольства жизнью, селю и радости, даже когда он ждался на что-нибудь или негодовал.

Когда появился Платов, чувство ностальгии и одиночества у Григория было.

— Вот здесь, по тропке, ближе к дистантам, — сказал Платов и свернул в рог в снег.

Как он разглядел в такой темноте, осталось его секретом.

— Ну, вот мы и пришли, — Платов и, приподняв плотный, неплотный на морозе брезентовый плед, в землянке.

Вслед за ним нырнул и Григорий. Электрический свет в землянке мгновенно ослепил вошедших.

Громкий знакомый московский возгласил:

— Слушайте ночной выпуск известий...

— Во-время пришли, — подмигнул приятельски Григорию Платов.

Григорий, торопясь, вытащил мешочек записную книжку. Гранаты мешали ему удобно примоститься кинутому ящиком, изображавшим стол.

Караган от нажима сломался.

— Хорошо, что я очинил с рен, — подумал Григорий и, дохнув

...принялся негнуздаться от мороза
...и записывать телеграммы.
...на жила обычной жизнью.
...шники перевыполняли планы,
...ники весело проводили зимние каш-
...лучший шахматист попал в цейтнот.
...штаба ЛВО сообщала, что на
...правлениях за эти сутки ничего су-
...ного не произошло.
...риий, торопясь, боясь сбиться, бо-
...тать от голоса диктора, старался
...все слово в слово...
...еще дописывал последнюю заметку.
...раздался торжественный звон часов
...ской башне Кремля...
...ственно и четко, словно возвещая
...то новую благую весть всему миру.
...чески отбивали они свои считанные

...тем возник из ночи, из тьмы, из
...Внешнего мира «Интернационал».
...имый оркестр вел победную мел-
...связанная со всей жизнью тыся-
...рассказанных воспоминаний и не-
...емых ассоциаций,— праздничная.
...ставляла усиленно биться все
...у на...
...ригорий в молчании, внезапно на-
...нем, увидел, как связисты, как все
...иеса здесь в землянке сосредото-
...внимательно, словно в первый раз
...слушали этот невидимый оркестр.
...иций музыку прямо в сердца.
...был голос родины.
...ригорий оглянулся и всем своим суще-
...понял, что то, что чувствовал он,
...тот все набившиеся в землянку

...от хотел что-то сказать, но в эту
...зазвенел телефон, и в землянке
...стало тихо.

...бята! Спокойствие. Ребята, трево-
...нуясь, сказал телефонист.—
...но всем жару! Занять свои
...Финский палет на штаб.

...нам надо идти в редакцию!—
...идея Григорий. И он вместе со
...стал выбираться из землянки.
...атов, пошли!— приказал он.

...ва они в ночном непроглядном, хо-
...тайнственном лесу.

...понятно было, откуда доносится
...Она, казалось, обступила со всех

...ружала лес.

...впереди шел Платов.

...ий увидел, как пад лесом в тем-
...ного неба врезалась быстрая зе-
...ста.

Это был финский сигнал.

И сразу же со всех сторон леса подня-
лись такие же зеленые и яркие ракеты и
попчались в разных направлениях.

На одно мгновение Григорий ошел.

Платов тоже стал и не двигался.

И тут Григорий не мог удержаться от
того, чтобы громко не засмеяться.

— Молодцы! Молодцы!— повторил он
несколько раз с восхищением.

Он понял, что все эти ракеты пуска-
лись нашими бойцами и предназначены
были для того, чтобы сбить с толку фин-
нов, привыкших слушаться сигналов ра-
кет.

— Как красиво!— подумал Григорий,
следа за тем, как рассыпается и угасает
ракета и снова проступают звезды; поду-
мал Григорий и испугался, не оставил ли
он записей телеграммы в землянке?!

Вот это было бы нелепо!

Он быстро сунул руку в карман.

Блок-нот на месте. Григорий все же
мысленно воспроизвел весь текст неболь-
шой оперативной сводки.

...Он не подумал о том, что этот же
самый энергичный голос, звучавший из
радиоаппарата, в ту же минуту, слушала
Наташа в постели, натянув до самого под-
бородка коричневое одеяло.

И, когда известия окончились,— она
выключила радио и, зажмурив глаза, на-
чала думать.

Ей стало страшно.

Она широко раскрыла глаза и предста-
вила себе, как Григорий, убитый или за-
мерзший, сейчас, ночью, лежит на холод-
ном снегу, уткнувшись головой в колена-
чатые корни старой ели, раскинув руки
по сторонам.

Она представила себе всю эту картину
с такой ясностью, что чуть не задохну-
лась.

Ей хотелось кричать, вскочить с по-
стели.

Но что она могла сделать? Чем можно
было помочь?!

И она вспомнила, как двенадцать лет
назад она проходила по комнате и внезап-
но остановилась, увидела, что он стоит
на пороге и смотрит на нее. В его синих
глазах светилась такая ясная, все напол-
няющая любовь, о которой она бы и не
могла рассказать словами. Она сразу в то
мгновение поняла, что это и есть счастье
и что она счастлива. Она сохраняла в
сердце своем эту минуту, этот взгляд в

комнате, где на обоях светилось апрельское солнце. И когда приходили трудные дни и тяжелые раздумья угнетали ее, достаточно было вспомнить об этом взгляде — и все становилось на свои места.

Но сейчас даже воспоминание об этом счастливом дне отодвигалось видением человека, распростертого у подножия ели, уронившего тозеленевшее лицо в снег...

...Григорий вместе со своим спутником, уже подходя к самой редакции, на дороге встретил комбрига.

Комбриг шел широкой, размашистой походкой.

— Здравствуй, товарищ! Видишь, наседают со всех сторон! Налет! Хотят окружить! — сказал он довольным тоном.

— Ну, а как на самом деле? — спросил Григорий.

— Ты думаешь, я с фронта сниму хоть одного человека для того, чтобы оборонять штабы?! Чорта с два!.. Самы своими силами отобьемся! Отобьемся — убежденно повторил комбриг. — Да и завтра к вечеру должен из тыла свежий полк подойти. Идет на всех парусах. Так на самый худой случай он с нас снимет это окаймление. Финны понимают, что мы готовим наступление, и налетом на штаб хотят сорвать, отвлечь силы. Только ни одного человека я с передней линии не сниму! Не ослаблю напора! Не дождутся они этого от меня. Ну, и вы тоже, ребята, смотрите! Номер у нас должен выйти ударный! Эх! люблю военную жизнь! — весело сказал комбриг и, не прощаясь, пошел дальше.

— Ну, все в порядке — сводка налицо! — сказал Григорий, входя в комнату редакции.

На пороге он чуть не столкнулся с Субботиным, который поспешал за комбригом.

От часу до трех

В комнате все были на ногах. Кто потуже затягивал пояс, прилаживая аммуницию, кто, не считая, сыпал патроны в подсумок, кто вставлял запалы и надевал рубашку на гранату. Все гранаты были разобраны.

— Вот и отлично, — сказал Литвинов, быстро пробежав глазами принесенную сводку.

Аня нерешительно спросила редактора:

— А противогаз можно оставить здесь?

— Пожалуй, что можно, — раздумывая, сказал Литвинов, — впрочем ты, можешь и не идти.

Аня непривычно было услышать ласковое слово.

— Нет, уж я вместе со всеми в залу она.

Повернувшись к Григорию, Литвинов добавил: — Мы все идем в оборону. Ты ватся. А вы с Зисманом останетесь. Тебе поручаю выправить последние бумаги и вычитать гранки. Зисман будет брать и править.

— Но!.. — хотел возразить Григорий.

— Какие «но»! — перебил Литвинов, завязывая тесемки ушанки у себя на ка. — Номер должен завтра выйти. Если бы то ни стало...

— Но ведь другие будут там, а...

— Товарищ лейтенант, извольте брать приказание. Литвинов был сух и официален.

— Есть, исполнять приказание, — ответил Григорий.

Все один за другим вышли из комнаты.

— Гриша, — сказал, уходя, Сорочинский. Гриша, может быть ты мне отдашь наган, все ж таки больше патронов. — Бери.

Они обменялись револьверами.

В комнате остались двое — Зисман и Столетов.

Маленький Зисман вставил в дырку битого окна сумку с противогазом. Холодного воздуха сразу прекратилась. Потом наборщик погасил две «Летучки», оставив только одну около себя.

— Вот здесь правь свои заметки, — показал Григорию на табурет рядом с бой.

— Вот пошли они, а мы остались здесь, — сказал Зисман, и Григорий первый раз заметил, какой невучий и тихий голос у этого худенького, маленького человека.

На самом деле он был, что называли, двуязычный...

Пока Зисман гасил лампы, Григорий таскал в наборной кассе два больших моугольных тюка с отбеленной ватой и, поставив их на ребро, усадил их межутке между ними и начал работать.

— Самая лучшая баррикада отсюда! — такими словами одобрил это решение Зисман и принялся за набор.

Григорию было немного неловко с товарищами от того, что он остался в тепле, в то время, когда все там, впереди огня. Впрочем, и он от этого

— дальше, чем в ста, полторастах
ты,

однако, относительно понятие тыла.
на линии огня блиндаж полко-
мандрального пункта почитается уже
всеми — тылом. А для людей свежих, прие-
из Петрозаводска или Ленингра-
ю, Ленинский корпуса — уже боевой фронт.

борону — что ж, я выполняю боевой приказ, —
анетеса Григорий, — и не моя вина, что
едние — его не так уж опасно».

ан бу — растянулся на полу и в таком
Григорий — принял вычитывать коррек-
Григорий — гранки.

л Л — Чиркай аккуратнее своим вечным
и у — предупредил Зисман, — много пра-
выйти — не успею. Да еще почерк твой по-
берешь!..

там, а — в записке двух связистов, кото-
вольте — написал Сорокин, говорилось о под-
был — младшего командира Федосеева.

ание, — Федосеев, чтобы отвлечь засаду против-
дать связистам возможность испра-
нию, пошел с ручным пулеметом в
и из — принял удар на себя. Маневр удал-
я, Сор — сам Федосеев был смертельно ра-
е отда — желая, чтобы «Дегтярев» достал
патров — приятелям, он из последних сил за-
его в снег.

ами. — Мы поклялись трижды отомстить
е — Зисмановцам за смерть своего боевого то-

д в ды — в записке была только мелкая
огазом. — торская правка. Следующая статья
ыратил — сапер-комсомольце Леониде Бал-
«Лету —

около —
зависись за командира взвода, — писал
заметк — Балтрамович обеспечил быст-
ет рядо — стройку моста. В другой раз его
работал сорок восемь часов без от-

мы — Бойцы выбились из сил. Леонид за-
Григорий — их своим комсомольским задором —
бучий — права через реку была устроена.

ого, ма — и уничтожил не один десяток вра-
мин и фугасов. Недавно взвод по-

то наз — очень важное и ответственное зада-
Белофинны всячески старались по-

д, Григо — саперам и, укрывшись в скали-
а больш — щель, не пускали близко сапе-

пной — Тогда комсомольцы Балтрамович,
о, усе — ский и боец Черепанов, дождав-

нал раб — ячи, полком добрались до цели, —
ада от — не выполнили. Тут они и были ра-
брил эт —
за наб — записке междупункта состоялось засе-
неполн — бюро ВЛКСМ. Раненый член бюро
и оста — Твердовский взял слово:

все там — Леонид я знаю как стойкого коман-
от это — как комсомольца, преданного делу

партии Ленина — Сталина, и предлагаю
дать ему рекомендацию в партию.

Потребовался комсомольский билет Бал-
трамовича. И когда его достали из кармана
гимнастерки, он оказался залитым кро-
вью».

Григорий читал эти строчки с волнени-
ем. Значит он жив! Жив Балтрамович!

«Очень занятно, — думал Григорий, —
что и Вася и я написали об одном чело-
веке, но совсем по-разному. Ладно; надо
будет объединить его заметку со своей».

И Григорий, к неудовольствию Зисмана,
принялся черкать гранку..

— Вот — бери! — п Григорий подал уз-
кую полоску бумаги Зисману. Тот уже
приступил к верстке второй полосы по
разметке, составленной редактором.

— Ну, так и есть, — недовольно сказал
Зисман. — Снова переборка. Нельзя ли
оставить, как было?

— Нет, нельзя.

Зисман стал шилом извлекать из стро-
ки литеры ненужного слова.

Теперь стрельба уже шла без перерыва.

— Как бы и к нам невзначай не за-
скочил финн, — протянул своим приятным
голосом Зисман. — А?

Но Григорий не слышал ни стрельбы,
ни этого вопроса: он вычитывал гранки.

Время шло для него незаметно.

Когда он со вздохом облегчения отложил
последний сырой оттиск, на крыльце раз-
дался шаг.

Григорий вскочил на ноги.

Зисман потянулся к винтовке...

В комнату вошел комбриг. Вслед за
ним — Субботин и еще несколько бойцов.

Комбриг вытер рукавом заиндевевшие
усы и, увидев Григория, как хозяин, ко-
торый, явля к себе домой, застаёт гостя,
сказал:

— А, товарищ лейтенант, как это кста-
ти, что вы здесь! Вот вам лыжники —

пять человек. Приказываю вам, возглавив
эту группу, пойти в тыл белофинской шай-
ке и оттуда произвести удар!.. Часам к
шести утра... Они такой штуки не выдер-

живают — ни удара с тыла, ни с фланга...
Очень чувствительны к этому! — И, переи-
дя на шопот, он добавил: — Я посылаю

несколько таких групп и на рассвете од-
новременно контратакую в лоб. — И ком-
бриг снова повысил голос: — Понятно?

— Понятно, — ответил Григорий.

Пройти с тыла и ударить!

Какая-то пустота образовалась около
сердца, как при быстром спуске в шахту.
Григорий громко повторил:

— Все понятно!

— Тогда выполняйте!— приказал командир и снял свой маскировочный халат.— Вот возьмите. Полушубок-то у вас побурел! Вы на снегу в своем полушубке, как муха в сметане!

— Товарищ лейтенант,— спросил Зисман.— Можно мне с вами тоже?

— Что, всю работу сделал? Номер-то должен завтра выйти,— и интонация его была так схожа с интонацией Литвинова, что Зисман удивился...

— Все сделал. Шапки надо еще заверстать,— но это делается в последнюю минуту... Это уже перед самым печатанием...

— Ладно, иди,— разрешил Григорий.— С собой брать только патроны и шанцевый инструмент.

Бойцы складывали тучей в угол лишнюю аммуницию, вещевые мешки.

Зисман быстро перезарядил винтовку, затем покрыл листом целлюлозы доску, на которой лежал уже готовый набор. На влажном листке отписка он прочитал «шпалку»:

«Гранатою, пулей, огнем и штыком
Врага мы настигнем, придавим,
добьем!»

Редакционные лыжи стояли у стены в холодных сенях.

— Все готовы?— спросил Григорий.

— Все, товарищ лейтенант,— вразнобой ответили бойцы. И на мгновение наступило молчание.

— Ну, двинулись,— сказал Субботин.

И сразу все зашевелились.

— Ну, айда! Пошли, что ли,— раздался голос.

И люди пошли к дверям.

— Как это просто они говорят,— мелькнула мысль у Григория,— словно не на страшно рискованное дело вызвались, а всей артелью идем дрова грузить или на сенокос двинулись.

— Пошли!— строго сказал он и, взяв в сенях уже заранее приготовленные лыжи, вышел на воздух.

— Словно пневматическая клешка в це-ху,— подумал он про неутомляющий стук пулемета, бившего где-то справа.

Он встал на лыжи, оттолкнулся двумя палками и покатился по наезженному следу. И только сзади один спешил и обгонял других, прокладывая параллельный след.

Григорий быстро сосчитал людей.

Снеживший был лишним.

— Может быть. приказ?— подумал Григорий и остановился, ожидая посланца.

Тот приблизился; не останавливаясь,

хотел идти дальше. Григорий тихо пул его.

— Пропуск!

— Сабля.

— Да это снова ты, Платов!

— Товарищ лейтенант!— обратился Платов.

— Что ты здесь гуляешь?

— Я? Гуляю?!— возмутился Платов.

По разрешению старшего политрука лица редактора, иду по самому делу.— И, переходя на доверительный тон, он добавил:

— Как же я так свое такси оставил?

Я пошел и забрал пробку радиатора пробку бензобака.

И Платов вытащил из кармана два таллические пробки.

— А вы куда?— спросил он.

— К финнам.

— Разрешите и мне с вами, товарищ лейтенант.

— Патроны есть?

— Больше сотни.

— Иди!

Группа двинулась дальше.

От трех до шести

Их было восемь человек — с двумя самолетами, несколькими винтовками, одним ручным пулеметом и тридцатью катанами.

— Немало!— решил Григорий, но, на ходу подсчитав ресурсы своего ряда.

У самых окон они встретили Литва и Сорокина.

— Все сделано! Осталось только тать,— доложил Григорий редактору.

— До свидания, Вася,— сказал им тем, пожав руку Сорокину.

— Ты, смотри, возвращайся, а то партия не доиграна.

— Все равно будет вечный шах!

— Ну, это бабушка на-двое сказала самодовольно улыбнулся Сорокин.

Пройдя несколько метров от сеней окон, Григорий сошел с лыж и по пояс провалился в снег. За ним следовали его бойцы.

Надо было лечь в снег и ползти в гущу леса. А это было не так-то

Григорий лег плашмя, и сразу же его осело в снег на четверть метра

того чтобы ползти, нужна была операция он хотел опереться руками, но руки

грузился в рыхлый снег.

И вдруг позани, справа, из окон нятых редакцией, раздалась стрельба

захотелось услышать если уж не голос, то хотя бы стрельбу.

И Григорий понимал, сколько усилий прилагает каждый из бойцов, чтобы сдерживать себя, чтобы не нажать на гашетку.

Где-то довольно близко заработал пулемет.

— Наш,— удовлетворенно отметил по звуку Григорий и еще раз взглянул на часы.

Было без четверти шесть.

— Так и есть...

Вдруг он увидел, как метрах в пятнадцати от него стоявший у дерева сугроб зашевелился и стал карабкаться на ствол ели.

— Вот тебе и сугроб!— подумал Григорий и, вскинув к плечу свой автомат, медленно прицелился, затем нажал курок.

Взбравшийся на ель сугроб рхнул...

Григорий увидел еще трех человек, которые метнулись и затем, прижав к деревьям, словно слились с ними.

Но тут уже не ему принадлежал первый выстрел.

Легкий пулемет, били из винтовок, из автоматов—вся группа вела огонь.

И справа и слева тоже слышалась стрельба.

— Другие действуют... Наши...

И темный, пустой и угрожающий лес наполнился движением, шорохами, стрельбой. Почти у самого своего уха Григорий услышал шипение приминаемого лыжами снега: рядом с ним проскочил уходящий к себе назад финн.

Он быстро шел, разбрасывая талками снег по сторонам.

Пока Григорий сообразил, в чем дело, лыжник уже скрылся за тесно растущими деревьями.

— Эх! упустил!—в досаде прошептал Григорий и выпустил вдогонку уходящему очередь.

— Уходят все ж таки. Комбриг был прав.— подумал Григорий и прислушался. Издалека теперь слышались выкрики и доносилось отдаленное:

— Ура!..

— Ура!—закричали позади Григория. «Это Зисман»,—узнал он голос наборщика.

Григорий, пригнувшись, на лыжах пошел к нему.

Рядом щелкнуло два сухих выстрела, и пули пролетели, ерывая кору с сосен.

Снова выстрелил Платов.

Григорий опустился рядом с пулеметчиком.

Откуда-то снизу занялись розовые светлы, и синеватый снег стал светлеть.

— Солнце встает,—шепнул Григорий, и пулеметчик, напряженно всматриваясь вперед.

— Теперь прочеши вершины!—заял Григорий.

Перед рассветом наступило затмение. Сорокин вдруг услышал в этой тишине какой-то птичий не то крик, не то попискивание. Как птица подзывала к себе другую. Сорокин слушался.

Не могло быть сомнения, это был птичий разговор.

— Птицы!—изумился Сорокин. Но до сих пор он не думал, что и зимой на снегу продолжается простая птичья жизнь.

— Интересно бы посмотреть на эту птичку,—подумал он, и на душе стало легче. Холодно... Стрельба вела себя как обычно — попискивает!

Но птица замолкла, так и не пописав.

Когда в глубине финского расположения послышалась стрельба, Литвинов отдал приказ:

— Огонь!

С минуты на минуту из окопов, ложенных справа, должны были выйти шoferы автобата, чтобы любовью помочь группкам, оперирующим в тылу финнов, завершить намеченную операцию.

Огонь газетчиков и шекарей как бы чичал дорогу автобатчикам.

Сорокин, вышустив все пять патрон своей обоймы, вдруг увидел перетянувшийся снежный сугроб.

Он, торопясь, стал вбивать новую обойму в магазин. Но один из патронов застрял в лазах и не хотел ли застрелить его дучесться на свое место.

Сорокин, разрывая шерстяную перчатку, срывая кожу на большом пальце, с силой вдавил патрон, преодолевая сопротивление пружиной, на которой задеденела снаряд. Но когда он дослал затвором патрон, взглянул вперед, белого бугра уже не было, словно он растворился в снегу, лопившем весь мир.

В это мгновение из окопов автобата раздался возглас:

— За Сталина, за родину—вперед!

И, не глядя ни на кого, подхватив этот возглас, Сорокин выскочил из окопа, ша ходу стреляя перед собой, проваливаясь по колено в снег.

не успел он пробежать и пяти шагов, как вымахнул руками, что-то крикнув, и пошел вперед; ноги его ввалились глубоко в снег, и он так, стоя, дышал, как бы пригибаясь к снегу, еще выдохнулся всем телом и замер без движения — уже навсегда.

От шести до восьми

Ирина Столетова подходила к домику редактора.

Как ясный, солнечный день, и яркий свет уютлял и без того воспаленные глаза.

Он было итти во весь рост, не пригибаясь к снегу.

Живы, здоровы, задание выполнено, и зима уже есть...

Утомленные, гуськом, но стояло ему лишь запеть, как сразу подхватили все. Ими владело такое трудное ощущение счастья!

Оттого, что под лыжами скрипел снег, оттого, что выполнили все, что ожидали товарищи, оттого, что можно будет подзаправиться горячей водой с янтарным маслом, оттого, что солнце и ты видишь его, — счастье то, что ты жив — и победитель.

И домик редакции, вот и крыльцо. Снега, у дощатой малиновой стенки под окошком с белыми резными наличниками, лежало тело, прикрытое валаткой.

Под брезента торчали валенки, на лавке было галоши.

Как и у меня, — подумал Столетов. Кто это? — Он, распахнув дверь, вошел в комнату.

Сон были сняты черные полотнища, хотя солнечный свет ложился на стены, но воздух был сырым от запаха дыма.

Григорий подошел к Литвинову, который держал полный номер с готовыми уже страницами и заголовками...

Можно печатать! — сказал он, кивнув.

Эть! — отозвался печатный, — краска разогрета. — И, сняв котелок с печки, пошел к печатной машине.

Вертите, ребята! — сказал он двум другим, и те, взявшись за колесо, привели машину в действие.

С машиной лежали ровно нарезанные листы целлюлозы.

Григорий и Аничка опускали в ведро с водой тряпку и этой тряпкой увлажняли поверхность листа целлюлозы.

Иначе — на сухом — краска не ложилась.

Каждый кусок целлюлозы нужно смачивать с двух сторон, и так больше тысячи листов.

Глаза у Анички были заплаканы; проводя влажной тряпкой по листу, она непрерывно шмыгала носом, и видно было, что работает она автоматически, думает о другом.

Рядом с Литвиновым стоял Пшеницын, сумка его была туго набита. Четверо суток он не был в редакции — ходил по льду к отдаленным передовым частям.

— Привет, — весело протянул ему руку Григорий. — Привет! Материалу много привез?

— На шесть полос потянет, — отозвался Пшеницын, проводя рукою по щетине, небритой несколько дней.

Этому двадцатидвухлетнему парню сейчас, казалось, было под сорок.

Пшеницын даже не взглянул на вошедшего Григория, продолжая начатый разговор с Литвиновым.

— Что это с тобой?.. — уже начал говорить Григорий, но сразу замер, прервав фразу на полуслове.

Он услышал, что говорил Пшеницын редактору.

— Будешь в газете отмечать смерть Сорокина? Ну хоть бы в траурную рамку возьми его подпись.

— Отметим, — тихо сказал Литвинов. — Какой отличный парень был! Какой работник! Душа. — И провел ладонью по лбу, по бровям, как бы разглаживая морщины.

По этому жесту легко было разгадать, когда он волнуется всерьез.

— Отметим! — и, отвернувшись от Пшеницына, он увидел, как в углу разговаривает Платов с Зисманом и еще с каким-то бойцом.

— Тем, кто сейчас не занят делом — приказываю спать! И немедленно... — Затем он снова повернулся к Пшеницыну и сказал:

— Я сам слышал, как он не раз повторял: «Пусть нам общим памятником будет построенный в боях социализм!»

Григорий стоял без слов, без движений. Маховое колесо машины равномерно вращалось, и куски целлюлозы, с отпечатанным на них текстом, выскатывали из машины один за другим.

Два бойца энергично вращали это колесо, увлеченные своей работой; им нравилось как ровно и мгновенно чистый картон делается листом газеты.

Пот жемчужинками проступал на их лицах, рты были полукруглы, обнажая ровные белые ряды зубов.

Григорий молча, желая что-то припомнить, что-то сообразить, стоял, прильнув спиной к стене, и глядел, как методически проводит тряпкой по листам заплаканная Аничка, и не говорил ни слова. Затем он выругался и начал заряжать автомат.

Сейчас больше всего на свете ему хотелось встретиться лицом к лицу с неприятельским солдатом, одним, двумя, тремя — безразлично, лишь бы можно было разрядить обойму и даже перейти в рукопашную. Только этим можно было бы хоть на секунду, хоть на немного приглушить острую душевную боль, возникшую мгновенно при словах о том, что убит Сорокин.

Дверь комнаты приоткрылась, впуская Субботина.

— Так вот! Есть одно место в машине, — сказал Субботин, ни к кому не обращаясь. — Может, подкинуть кого?

— Григорий, поезжай! Но возвращайся не позже завтрашнего вечера, — сказал Литвинов. — В машине и выспишься.

— Может быть, подождете четверть часа? — спросил Литвинов, — и тогда свеженький номер повезете!

Но Субботин торопился.

— Нет, ждать не буду, — сказал он и пошел к выходу.

На пороге он остановился:

— А нет ли хоть одного экземпляра? — спросил он.

— Пока односторонние только, — отозвался Литвинов. — Ну, да ладно, на попутном грузовике пошлем. Может, где и догонит вас.

Выйдя на крыльцо, Субботин увидел, как около труп, накрытого плащ-палаткой, из-под которой торчали чурбачки валенок, стоял Григорий.

Он уставился глазами на торчащие ноги, затем нагнулся и хотел приподнять брезент, чтобы последний раз взглянуть на лицо друга. Но брезент примерз и отдирался с трудом — от мороза он казался ломким.

И если ночью, когда Григорий латолкнулся на тело финского офицера, в голове мелькнуло, что ведь так, под деревом, уткнувшись лицом в снег, мог лежать он сам, а офицер подползал бы к нему, то сейчас не было и малейшей мысли о возможной смерти, а только обида на свое бессилье и злость.

Прокурор подошел к Григорию и жмил руку на его плечо.

— Пошли, что ли, — сказал он. — разорвет радиатор!

— Пошли...

И они быстро дойдя до автомобиля вли в него.

Субботин с силой захлопнул дверь.

— Ну, давай! — сказал он шоферу носом, круглолицему молодому человеку. И, когда машина тронулась с места, сказал:

— А винтовка где?

— На сидении за спиной. Так лодка ответил не оборачиваясь, водитель.

От восьми до десяти

Машину на ухабе подбросило, и Григорий ударился головой о верх.

Ушанка смягчила силу удара.

Гранаты, лежащие на полу, подпрыгнули.

— Да, так недолго и взорваться, — сказал Субботин и взял за локоть Столетова. — Хороший был парень Сорокин.

— Да... хороший... — неохотно ответил Столетов. — Беда! — тихо сказал он, через минуту.

— Что?

— Да, вот, лед на обшлагах решил обчистить забыл, в редакции оттаял, сейчас опять подмерзает, — ответил Григорий и начал соскребывать ледышки.

Субботин вытащил из кармана «Северной Пальмиры», закурил одну роску и другую сунул в рот водителю.

Кабина наполнилась едким и приторным дымом дорогих папирос.

— И еще я забыл записать фамилии бойцов, с которыми ночью в лес ходили. Где их теперь дознаешься? А о пуленепробиваемости я хотел редакцию написать!.. Какой рец!

— Ну, а теперь, пожалуй, забейте приказ своего начальника — выспаться в машине?

Нет, этого Григорий забыть не мог.

Покачивание рессор убаюкивало его, гущие по обеим сторонам заснеженные деревья, сквозь чашу которых пробивался солнечный луч, своим ритмом разием тоже навевали сон.

Мышцы как-то расслабли, голова прильнула к плечу, и Григорий заснул.

На ухабах, когда машину вместе с доками подбрасывало и голова его вытывалась с плеча на грудь, он на мгновение приоткрывал глаза и через занавес снова впадал в глубокий сон.

Суботкин сидел рядом и ласково глядел на него и думал о том, сколько замечательных ребят погибло и погибает из-за проклятого капитализма, и вспомнил четырнадцатого года, года, когда впервые встал за станок на Трубочном поле. Товарищей своих по гражданскому тылу вспоминал он. Какие это были люди! Нет, этого не забудешь никогда, — говорил он.

— Для тебя это тоже школа: только по-мужски, и можно выучиться и ненависти. Этого не забудешь, — тихо сказал он.

— Что? — спросил Григорий, мгновенно ожившись при звуке своего имени.

— Да нет, ничего, продолжай спать! — прокурор и, вытащив из-под спички, развернул ее и укутал колени Григория.

На следующее утро через полтора часа Григорий сидел в танкостов и, вытащив блокнот, начал писать рассказы о вчерашнем бое. Уже не было неловко перед бойцами, что он ушел из боевых подразделений в редакцию.

После того, как прощаясь с Суботкиным, который остался на полковом командном пункте, Григорий пошел дальше по дороге.

Идя шагов двести, он вдруг почувствовал томительную пустоту в желудке и понял, что ничего не ел со вчерашнего вечера. Тогда он вытащил из кармана кусок ржаного хлеба.

Хлеб был твердый и мерзлый.

Григорий раздумывал, что с ним делать, принялся ли сначала, нарушая все правила, за печенье.

Он сел тут рядом с ним останавливая танк. Приподняв крышечку люка вынул из кармана краснолицый, голубоглазый танкостов.

— Товарищ, — позвал он Григория и протянул ему кусок хлеба. — Дай мне свой хлеб, у меня он здесь живо отойдет, за улетами мой. Хлеб-то ведь у нас такой.

Григорий взял предложенный кусок и начал свой мерзлый комочек танкостову.

— Ближе ремонтники? — спросил он.

— А что?

— Да вот нужен инструмент на день, чтобы поправить типографскую машину. «Во имя Родины».

— Подсаживайся! Я туда и направлюсь, — ответил танкостов и обратно... — и танкостов по-

казал рукой на две пробойны, проделанные в броне машины снарядами противотанковой пушки.

— Я думаю, завтра будет горячее дело, — весело сказал он и заразительно засмеялся.

Танк остановился у брезентовых палаток, в которых помещались ремонтники.

У дороги в снегу высилась огромная цистерна с горючим.

Григорий соскочил с танка.

Ремонтники инструмента своего не хотели одолжить для газеты.

— Зачем? — сказал воентехник третьего ранга. — Я сам завтра с утра с двумя ремонтниками смотаю в типографию и все наладим за час другой. А то еще сгазовой задержка будет. А нельзя ли так, товарищ, наладить, чтобы она не к вечеру и не к обеду, а с утра уже у нас была?

И в эту минуту с вновь подошедшего танка прыгнул боец, держа в руках три экземпляра газеты.

— Вот, товарищ, свежий номерок! К наступлению! — торжественно сказал он, и все бросились к этому бойцу.

Из палатки ремонтников выбежало несколько перемазанных смазкой людей.

Каждый хотел первым получить еще пахнущий типографской краской листок.

— Такая бумага, — сказал один из бойцов, завладевший газетой, потрясая куском целлюлозы, — для нас еще лучше: на ветру не гнется.

— А ну, читай вслух сводку! — предложил воентехник.

И Григорий снова видел и слышал, с какой торжественностью и волнением в голосе читалась записанная им сводка.

Метрах в двадцати от группы бойцов, столпившихся вокруг газеты, с противным визгом разорвалась пущенная финским минометом мина.

Никто словно и не заметил этого. Только один красноармеец, стоящий поодаль и что-то жевавший, громко сказал:

— Может быть, перейдем подальше! А то тут мина!

И Григорий увидел, как сразу несколько человек обернулись и зашипили на него, замахали руками.

Волнуясь и радуясь, читал боец обступившим его товарищам заметку Сорокина.

«Нет такой силы, которая могла бы

остановить нас! Нет такой преграды, которая бы не пала под нашим ударом!» — читал он...

Усы чтеца задрожали, и пар от дыхания вырывался у него изо рта с каждым словом.

Иней оседал на ресницах слушающих, и каждый слушатель боялся пропустить слово из читаемого.

— Вот,— подумал Григорий, гордясь и радуясь.— Вот,— сказал он сам себе и

вспомнил:— Если бы Сорокин мог видеть, как читают его заметку. Как был рад!

И когда боец охрип от чтения в газете и газета пошла по рукам, Григорий стал записывать рассказы танкистов, которые привели свои машины на реку. Эпизоды вчерашнего боя.

Надо было готовить материал для следующего номера красноармейской газеты «Во имя Родины!»

фель
дня.
мост
на бе
лиц
и, по
жа
тону
сти.
ка л
подход
не на
выши
не
перед
в
упр
ива
что
ров.
из
м,
ал:
Прин
ты.
ини
но
од
ий
Него
сл
пол
о
гром
За
Г
из
ал!
вока
ре
сти
вом
бо

Ненависть

Рассказ

фельдфебеля Ленка всплыл около моста. Его заметил патруль, охранявший мост. Вскоре утопленник был вынесен на берег. Рыжие усы его покрылись белым порошком, усеянное коричневыми веснушками лицо, позеленело.

В жаркое июльское солнце, и по тонувшему медленно ползли большие мухи. Надо было бы накрыть лицо платком, но никто не хотел к нему подходить.

На дороге показался автомобиль. Выбежавшие, как на параде, в нем сидели немецкий офицера. Они смотрели перед собой. Шофер, щуплый, узкого лица, в непомерно большой военной форме, управлял машиной. Он остановил автомобиль в тени чахлой лавочки, чтобы солнце не беспокоило его глаза.

Из офицеров, полный, с большим животом, поднялся в машине и коротко сказал:

— Принести сюда труп.

Солдаты, крихтя, подняли тяжелое тело утопленника, поднесли к машине и нерешительно положили в придорожную пыль. Офицер брезгливо посмотрел на лежащий труп и сказал:

— Негодяи, они его утопили! Видите, след от веревки с грузилом.

Вполголоса бросил несколько слов шоферу, снова поднялся в машину и громко прокричал, как на параде: — За убийство нашего славного фельдфебеля Ленка расстрелять сто человек из местного населения. Начать вот с этих!

Он показал короткой мясистой рукой на солдат, которые стояли шагах в пяти от дороги и с молчаливым любопытством смотрели на происходившее, разбросав ногами пыль. Солдаты за-

мались. Ребятишки, не понимая, о чем идет речь, все так же смотрели на автомобиль и на лежавший в пыли труп.

Толстый офицер прокричал короткое ругательство, вытащил из светложелтой кожаной кобуры длинный пистолет и прицелился. Мальчонка лет восьми, в линялой ситцевой рубашке с большими темными заплатами, вскрикнул, взмахнул руками и упал. Рубашка его медленно стала окрашиваться в красный цвет.

Остальные ребятишки с плачем и криками бросились бежать. Офицеры поднялись в машине и открыли стрельбу. Они целились в спины бежавших детишек и хладнокровно подсчитывали:

— Айн...

— Цвай...

— Драй...

Дальше всех убежала одна девочка, маленькая, светловолосая. На спине ее, в такт бегу, прыгали упругие косички, перевязанные обрывками синего лоскута. Но вот упала и она.

Из маленького рабочего поселка, услышав стрельбу, уже высматывали женщины. К ним с винтовками наперевес бежали за фельдфебелем солдаты. Раздались ружейные залпы, женские крики, стоны раненых.

Скоро фельдфебель вернулся к машине и отрывисто доложил, поднеся руку к козырьку:

— Расстреляно двадцать семь человек, больше в поселке жителей нет. Мужчины куда-то ушли.

— Партизанят, бандиты! — сказал тучный офицер.

Патруль остался охранять мост, а машина с офицерами повернула и поехала обратно в город. Шофер еще больше смутулился, он вытянул вперед шею, словно ожидая удара сзади.

Автомобиль въехал в город. На улицах шли капитаны. Это был маленький польский городок с плохо замощенными мостовыми и высокими переходами на перекрестках, чтобы можно было перебраться через улицы в осеннюю грязь. Машину сильно подбрасывало на ухабах. Но офицеры сидели неподвижно, глаза их смотрели холодно и безразлично.

Автомобиль остановился у особняка, окруженного большим садом. Дом этот принадлежал раньше местному аптекарю. Но владелец давно уже был сослан на полевые работы в Германию, жену его взял к себе в служанки немецкий полковник, а в доме теперь помещалась комендатура.

Офицеры вышли из автомобиля, прошли в подъезд мимо часового с винтовкой, который мерно расхаживал по тротуару, тяжело ставя ноги в порыжелых сапогах с широкими короткими голенищами.

Вскоре в маленьком городке начались аресты. Арестованных привозили в комендатуру и расстреливали тут же в саду, у высокой каменной ограды, вдоль которой еще густо росли липовые, в нежных разводах, ирисы и белые махровые левкои. Писарь, парень с светлосерыми глазами и красным, облупившимся от солнца, носом, методично заносил в список одну за другой фамилии расстрелянных.

Полный офицер сидел у себя в кабинете за письменным столом. Он прислушивался к неровной трескотне ружейных выстрелов.

— Эти скоты узнают, как топить немецких солдат!— сказал он вошедшему в кабинет адъютанту.

Адъютант положил на стол какие-то бумаги.

— Расстреляно 99 человек!— отрывисто, по-военному доложил он и неожиданно улыбнулся.

Верхняя губа его с крохотными черными ушками приподнялась вверх, открыв мелкие крепкие зубы.

Полковник поднял голову, недоумевающе посмотрел на адъютанта и спросил безразличным тоном:

— Что, неужели в городе нет больше ни одного поляка?

— Там арестовали еще троих,— вкрадчиво сказал адъютант.

— И вы не знаете, что с ними делать?— спросил полковник, затаиваясь папирсозой и откидываясь на спинку кресла.— Расстреляйте всех троих. Не выпускать же их.

— Может быть, мы их давно уже расстреляли, — сказал адъютант, выжидательно глядя на полковника.— Пусть расскажут, ушли партизаны... Под дулом винтовки у них развяжутся языки.

— Попробуйте,— сказал полковник.— Делайте с ними, что хотите.

Адъютант щелкнул каблуками и вошел к двери.

— Постойте,— окликнул его полковник.— пойдём вместе.

Они вышли в сад. Над большой террасой, росшей перед балконом, мотались жужжали пчелы. Через ступеньки террасы муравьи проложили свою дорожку. Озабоченно бегали по ней.

Полковник сошел вниз, на посылке желтым песком дорожку.

Вдоль ограды лежали трупы убитых. Немецкие солдаты стояли, устало выливая на землю винтовки, воротники мундиров были расстелнуты. Увидев офицеров, солдаты подтянулись, взяли винтовки к ноге.

В самом конце сада, у куста цветущей князлы, стояли трое — девушка лет двадцати, с тоненькой голубой летней рубашечкой, захватывавшей волосы, старик в темной куртке и подросток в черном бумажном костюме.

— Родственники?— отрывисто спросил полковник.

— Нет,— поспешно ответил старик.

Глядя на арестованных безразличными глазами, полковник объяснил, что будут опущены, если расскажут, ушли партизаны.

Старик поправил белый шелковый шарф, заменявший ему галстук, застегнул на пуговицы своего потертого пиджака и быстро сказал:

— Я партизан не знаю. Я, пан офицер, про партизан ничего не слышал.

Полковник вопросительно посмотрел на адъютанта, потом перевел взгляд на подростка.

— Может быть, ты знаешь?— спросил он.

Подросток молчал, только губы задрожали.

Полковник махнул рукой и отступил в сторону. Двое солдат прицелились, выстрелили и эхо тотчас повалило их. Подросток присел, потом медленно встал.

— Ну, вспомнил, где прячутся партизаны?— повернулся полковник к старикам.

— Стреляйте!— ответил тот и по-старчески, махнул рукой.

вник вытянул свой длинный ре-
в и выстрелил в упор. Старик сразу
оживно только и ждал этого вы-
шка стояла молча, она быстро те-
в пальцах листик кизила.

Ну, теперь мы поговорим с тобой,—
но проговорил полковник.— Ты ви-
как мы постушаем с бунтарями?

ушка молчала, она только глубоко
ла воздух. Офицеры выжилиательно
ли па нее.

руг девушка еще глубже втянула
и зашела.

Замолчи!— заорал полковник, откры-
ушные стальные зубы.

девушка вряд ли слышала его. Она
старую песню варшавских рабочих,
польских революционеров, гордую
вянку». И голос ее плыл над тру-
расстрелянных, над цветущим саям
летал далеко за оградой.

ался нестройный залп.

совник круто повернулся и пошел в
атуру.

Это она пела?— спросил он, подни-
ча балкон.

Не знаю,— перешитительно ответил
нт.

града тяжело фырчал грузовик. Сол-
складывали на него расстрелянных.
утро полковник не пришел в коман-
ла, что господин офицер не прихо-
емой. А через несколько дней река
вила у моста тело немецкого офицера.
лежал на берегу, и никто не хотел

закреть покойнику глаза. Раздувшиеся
губы были открыты, и во рту тускло по-
блескивали крупные стальные зубы. Чет-
веро солдат из патруля стояли возле тру-
на, по лицам их медленно катился пот,
но они боялись его стереть.

Через несколько минут к берегу подъе-
хал автомобиль, свернувший польский
«Фиат». В нем сидели офицеры, они дер-
жались неподвижно и смотрели прямо пе-
ред собой. Когда автомобиль остановился,
один из них приподнялся, бросил быстрый
взгляд на утопленника и сказал слегка за-
дрожавшим голосом:

— Это полковник.

Фельдфебель из караула, охранявшего
мост, подошел к машине и вытянулся,
держа руку у козырька.

Адъютант открыл дверцу, чтобы выйти
из машины, но в это время раздался
взрыв, мост приподнялся вверх, разломил-
ся надвое в воздухе и рухнул в реку. Го-
рящие искры высоко взлетали и падали
на колонну автоцистерн, подъехавших
к переправе.

— Назад!— закричал адъютант.

Машина рванула, сделала крутой пово-
рот и, подняв облако пыли, помчалась по
дороге. Открытая дверца билась с размаха
в борт автомобиля. Офицеры сидели
ссутулившись, они боялись обернуться на-
зад, где слышались оглушительные залпы
от взрывающихся цистерн с бензином.
И только шофер сидел выпрямившись, и
теперь куртка из грубого зеленоватого
сукна не казалась на нем такой непомер-
но большой.

Пылающая земля

Рассказ

они шли в два ряда, и скрежет их
усениц неумолчно стоял в воздухе.
башен были открыты, из них вы-
звали распаренные, одурелые от жа-
нца немецких танкистов. Крутом про-
лась сожженная, покрытая пеплом
и, по которой еще кое-где пробегали
ые лагутики огня, притаившегося
пеплом.

танкистам говорили, что в России они
ут много хлеба и сала. Но эта чужая
я встретила их огнем. Огонь был
у. Он вылетал из едва заметных ку-
пиков и разносил броню танков,

откованную из самой лучшей крупянской
стали. Он со свистом низвергался с неба
и поражал машины, которые, казалось,
через любой ад могут дойти до самого
Урала. Он пылал по обеим сторонам до-
роги, уничтожая начавшие созревать хле-
ба. Чужая земля клочкотала огнем.

Танкисты были голодны. Они давно
оторвались от своих баз снабжения. При-
казы главного командования гнали их на
восток, на пополнение уже истрепанных
и уничтоженных частей. Главное командо-
вание предлагало им продовольствоваться
за счет местных крестьян. Но земля была

пуста, мертва, и только огонь ходил по ней полновластным хозяином.

Ожесточенно скрежетали гусеницы танков по жесткой глинистой дороге. Этот однотонный скрежет наполнял всю степь. Жарко пекло солнце; танкисты жадно пили теплую, противную воду из походных фляжек.

На большом придорожном камне сидела зеленая ящерица. Она грелась на солнце, и маленькие зоркие глаза ее были подернуты беловатой пленкой. Командир головного танка вытянул автоматический пистолет и прицелился. Пуля сухо цокнула по камню, выщербивла его. Ящерица скрылась.

Почти одновременно с выстрелом раздался сильный взрыв, головной танк завертелся на месте. И тотчас, словно по чьему-то неслышимому приказу, стали рваться мины под другими танками. Огонь жгил и под землей, — он взлетал вверх, разрывая днища танков, коверкая броню, срывая гусеницы.

Танкисты испуганно вываливались из машин, бросались в поле, и серый пепел оседал под их ногами, садился на ботинки.

Взрывы прекратились.

Раненых перевязали, влили им в рот спирту. Колонна двинулась дальше, только у придорожного камня остались четыре исковерканных машины с развороченной броней.

Танки подошли к железнодорожному перекату. Путь был взорван, причудливо загнутые рельсы вздымались кверху. Танкистам показалось, что в окне путевой будки мелькнула чья-то фигура. Из танка, шедшего вторым слева, выскочил дюжий солдат в расстегнутом мундире. Держа наперевес винтовку, он первым бросился в будку. За ним побежали еще несколько человек. Один из танков развернулся и направил на маленький домик орудия своих башен.

Вскоре солдаты выпля, подталкивая перед собой прикладами старуху и мальчонку лет четырех.

Мальчика, видно, разбудили, он противился кулаком глаза и с недоумением озирался. Старуха быстро наклонилась к его уху и что-то шепнула. Она держала мальчика за матерчатые помочи, поддерживавшие коротенькие синие штанишки.

Вперед вышел офицер, худой, с длинным, лошадиным лицом и маленькими глазами, скрытыми стеклами пенсне.

— Сейчас мы будем давать тебе порка, — сказал он старухе. — Говори, кто хлеб поджег?

— Люди подожгли, — ответила старуха. — Ушли от вас, вот всё и подожгли.

— Партизаны остались? — спросил офицер.

— Никого нет, — замотала головой старуха. — Все ушли. Только мы с внуком остались. Грех такой: пошли собираться в лес, вернулись — ан никого нет. Ну, куда я, старая, с ним пойду? И кто нас тронет, кому мы нужны? Добавила она и бросила на офицера стрый, испытующий взгляд, продолжая прижимать к себе внука.

Мальчик, переминавшийся с ноги на ногу, поднял вверх загорелое личико, в котором брови казались почти белыми от страха. Офицер сказал громким шепотом:

— Бабушка, ты им ничего не говори, они же фашисты.

Офицер неторопливо приподнял мундира, вытащил короткий, блестящий нож и ударил мальчика. Раздался протестный детский крик. Старуха не поняла, что произошло, она еще держала в своих сморщенных, жилистых руках внука, хотя ребенок бился у ее ног, хлебываясь от крика. Потом она кинулась вперед, упала на дорогу, закрывая бившегося в пыли мальчика. Офицер резко приказал солдатам:

— Добить их.

Раздалось несколько нестройных выстрелов.

Солдаты бросились в будку. Они вышли оттуда два небольших круглых халатика с ящиками, кастрюлю с супом. Один солдат, невысокий, с вороватыми глазами, вынес маленький медный самоварчик вытряхивая из него на ходу горящие угли. Он кинул самовар в танк и снова направился в будку.

Офицеры, собравшись в кружок, держали в руках найденные продукты. Они жадно ели холодный суп, прихлебывая водку из маленьких фляжек. Солдаты искоса смотрели на них завистливыми, голодными глазами.

Раздалась команда. Колонна снова двинулась в путь, и только у дороги неподвижно лежал мальчик в коротких синих штанишках и седая старуха, сбившемся на шею платке.

Близился вечер. Но и он не принес прохлады. В воздухе стоял тяжелый туман, и ветер пнал черный пепел от ревущих колосьев.

Колонна шла на восток, и над железной стеной стоял неумолчный лязг гусениц.

Неожиданно раздался пронзительный свет и почти одновременно глухой взрыв.

на стволу пламя, и головной танк верх-
подожженой словно был сделан из фанеры. Пики-
проде... бомбардировщик взмыл высоко
сделал новый заход, и два задних
овой тоже запылали. Послышались не-
звучные выстрелы, но бомбардировщик
события же далеко.

кого... высты высунулись из люков, глядя
тойду... уничтожительные машины. Они не успели
ужны... и закрыть люки, как над их
цера... возник бешеный рев моторов, по-
родо... танков застучали пули, и однове-
послышались глухие взрывы. Истре-
ного... неслись над танковой колонной, по-
чичко... ее свинцом и засыпая бомбами.

ельм... высты пытались свернуть в поле.
шины, окрашенные в защитный зе-
е гов... цвет, отчетливо выделялись на
черном фоне выгоревшей степи.

ли... расходовав весь запас патронов и
места... истребители ушли. Солдаты, успе-
пра... выпрыгнуть из машин, осторожно
не с... из придорожной канавки.
держ... вали пыль со своих зеленых
укад... иров. Среди бесформенных обломков
ног... стояли уцелевшие танки. Тяжело
кину... были раненые.

ая... осторожно обходя воронки, остатки ко-
лдер... двинулись в путь. Впереди шел
ной... танк; за ним, соблюдая большую
пози... следовали три пятерки. Это

выст... все, что осталось от колонны. Тяже-
лрохотали гусеницы, стонали раненые,
и вы... высокоом небе солдатам все время
хлеб... приближающийся рокот самолетов.
е суп... бочью колонна вошла в усадьбу. У око-
оват... росли высокие тенстые дубы, от
й сам... тянуло прохладой. У въезда стояли
ду... часовых с винтовками. Убедившись,
танк... это подошла своя колонна, они разре-
ли... танкистам въехать в аллею.

дел... машин вытащили раненых, перенес-
ели... в большой дом, где на сене, усти-
в по... шем полу, лежало уже несколько де-
рел... тов человек.

ами... В солдатской кухне, расположившейся в
ва... большом флигельке, солдатам выдали
оста... ной пшеницы. Это было все, что уда-
роте... захватить в совхозе.

ару... Командир колонны прошел к коменданту
пта. Тот угостил его ужином из кон-
вир... рованных продуктов.

пре... — Эти негодяи ничего не оставили!—
й за... ссадой проговорил он.— Весь скот
от... ли. Хорошо еще, что мы успели поту-
исл... амбары с зерном. А то бы и здесь
язг... стгорело!

гел... устопив свои фляги, они легли спать
походных кроватях. Заснули и солда-

ты—на стогах сена, на душистой траве.
Не спали только часовые, они мерно рас-
хаживали, крепко сжав в руках винтовки.
Ярко светила луна, в густой траве стре-
котали кузнечики, и лягушки на пруду
завели свою неторопливую песню.

Часовые дошли до конца аллеи, постоя-
ли здесь, глядя в пустынную степь, по-
вернули. Они не заметили, как следом за
ними, прячась за деревьями, двинулись
три тени. И только один из часовых успел
вскрикнуть, прежде чем большой садовни-
чий нож вошел ему глубоко под лопатку.

Солдаты спали, утомленные длинным
переходом и пережитым за день страхом.
Они не видели, как по скирдам соломы, по
стогам сена, по усадебным постройкам
взметнулись вверх огненные факелы.

Раздался оглушительный взрыв. Это
взлетела на воздух подожженная парти-
занам цистерна с бензином. Огненные
брызги обдали соседние цистерны, грузови-
ки с прожекторами и зенитными установ-
ками. Вслед за первой взлетела вторая
цистерна, третья.

Солдаты, разбуженные гулом взрывов,
бросились к своим танкам. Но те уже
тоже были объаты огнем,—маскировавшее
их сено горело, как порох. Раздалась но-
вые оглушительные взрывы, это рвались
в танках снаряды и баки с горючим.

Наверху огромных горящих стогов ме-
талась солдат. Они хотели броситься
вниз, но и там полыхал огонь.

Разбуженный взрывами и заревом по-
жара, на крыльцо выскочил командир ко-
лонны. Он был в одном белье, парти-
занская пуля сразу нашла его. Офицер
упал вниз лицом, длинные пальцы его
стребли дорожную пыль, пыль земли, ко-
торую так и не удалось ему завоевать.

Только два танка успели выбраться из
огня и ринуться в пруд. Следом за ними
кинулись в воду несколько солдат в тлею-
щих мундирах.

А за околницей в соженную степь ухо-
дили трое партизан. Двое из них были
вооружены винтовками, третий держал в
руке лишь кривой садовничий нож. Они
партизанили всего лишь первый день.
Еще вчера они работали конюхами в сов-
хозе. Все рабочие совхоза ушли с частями
Красной Армии, а эти трое вернулись,
чтобы уничтожить запасы зерна, соломы
и сена, которые не успели сгореть. И они
это выполнили.

Партизаны уходили в степь, озаряемые
заревом пожара, и никто не решался
броситься им вдогонку.

Поэт и война

Когда страна священная свобод,
Страна великих сталинских законов.
Подняв стальную руку миллионов,
Ударом встретила фашистский сброд,—
Восстала песня и живет.

Чтобы, лучу подобно, ярый гнев
Лик озарил прекрасной старой Праги
И пса кровавого, полны отваги,
Граждане свергли, вмиг помолодев,—
Воспрянул грозный мой напев.

Чтобы народ голландский, на полях
Ухаживавший мирно за цветами,
А ныне скованный цепями,
Их разорвал с оружием в руках,—
Звучит металл в моих словах.

Когда народ Германии родной
Поймет позор фашистского разгрома
И повернет назад орудий дула
И я пойду с ним вместе в правый бой,—
Стих знаменем взовется мой.

Я каюсь: никогда мне не постичь
Любви к напевам скорби и смиренья.
Чтоб наступил конец долготерпенью,
Раздался мой военный клич,
Раздался мой призыв к сраженью.

Перевод с немецкого НАТАЛИИ ВЕРЖЕЙСКОЙ

Машинист первого класса

О черк

«Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу...»

И. Сталин. Выступление по радио
от 3 июля 1941 г.

1. ПИСЬМО НОВОСИБИРЦЕВ

Первые дни нападения фашистов на нашу родину машинисты депо Новосибирск, первые последователи охватившую всю страну движения лунинцев, обратились с письмом к советским железнодорожникам.

Железнодорожный транспорт — родной тыл Красной Армии, — писали новосибирские машинисты. — Пробыл час, когда это письмо показало на деле. Железнодорожники уже не раз своим самоотверженным трудом помогали Красной Армии сокрушить врага. И в этот исторический момент в каждом бьется сердце патриота, готовое отдать всю свою энергию, знания и силы на защите отечества.

Мы должны мобилизовать все внутренние резервы. Эти резервы у нас поистине неисчерпаемы. Нет пределов творческой деятельности советских железнодорожников. Инициатива, проявляющаяся на транспорте лунинское движение принесет сейчас, в военное время, еще большую пользу делу обороны. Пусть это движение поможет разгромить взбесившихся фашистских псов.

Мы живем в военное время; лунинцы мобилизуют паровозную бригаду, как инициативное разделение красноармейцев.

Лунинское движение позволило сократить количество рабочих и высвободить резервы для Красной Армии.

Лунинское движение открыло огромные резервы экономии топлива, рабочего времени.

Новосибирские машинисты призвали расширить лунинское движение для скорейшей победы над врагом.

Кто же такие лунинцы?

2. НИКОЛАЙ ЛУНИН

Машина постепенно стирает различие между физическим и умственным трудом, но для того чтобы сделать хорошие машины, облегчить труд, необходимо усерднейше заботиться о развитии разума.

А. М. Горький. Из писем детям.

Это было в двух противоположных концах страны: в холодной, снежной Сибири и на юге Украины, где по бокам железнодорожного полотна уже распустились высокие тополя.

Паровоз серии «Э», или, как его ласкательно зовут машинисты, Эмка, отправлялся из депо Славянск. Медные и никелированные части локомотива блестели, словно каска пожарного. Но машинист продолжал надирать паровоз.

Он отправлялся в свой первый пробег по новым нормам. Товарищи отговаривали его:

— Брось, Петро! На этом участке у тебя ничего не выйдет. Сорвешься.

Кривonos отправился в путь. Отказавшись в своей работе от принципа «тише едешь, дальше будешь», он решил использовать все резервы паровоза.

Пламя, вскормленное опытной рукой, давало много пара. Кривонос открыл большой клапан, пар с огромной силой устремился в цилиндры.

На станцию Ясиноватую его поезд пришел на 55 минут раньше, чем было назначено новым расписанием.

В этот же день из депо Тайга на маленьком паровозе отправлялся в свой первый рейс молодой машинист Николай Лунин.

Он был на пять лет моложе Петра Кривоноса и только год тому назад окончил фабзауч и вступил в комсомол. Лунин ездил кочегаром, помощником машиниста. Но упорно добивался самостоятельной работы. Он хотел стать хозяином локомотива, машинистом. Светловолосый, румяный — он мог бы показаться мальчиком, если бы не широкие плечи и привычка говорить громко, которая выработалась от беспрерывного грохота на паровозе.

В депо Новосибирск Лунина уговаривали отказаться от мысли стать машинистом, так же, как Кривоноса в Славянске уговаривали не добиваться новых скоростей. Десять, двадцати годов нет, борода еще не растет, бриться рано, а Лунин — в машинисты!

Но он упрямо стоял на своем. Он пошел в комсомольский коллектив, доказал, что работает отлачно, звание помощника оправдывает с честью — значит, нет оснований мешать ему учиться дальше.

Лунин добился своего — его послали на курсы.

На курсах в Тайге Лунин получил звание отлачника.

В депо Новосибирск Николай Лунин вернулся квалифицированным машинистом, имеющим к тому же специальность слесаря.

Одновременно с Николаем Луниным право управления паровозом получил такой же, как он, юный комсомолец из фабзаучев, Геннадий Чирков. Так же, как Лунина, Чирков отлично изучил устройство паровоза и потому, в нарушение старых традиций, стал у правого окошка паровоза¹ безусым. Но теория теорией, а практических навыков Геннадию нехватало. Все давалось трудом, опытом. Простое, кажется, дело забросать топку углем, — но и тут получались конфузы. Будучи еще помощником, он взял как-то лопату угля, размахнулся, а лопата ударилась о край топки, и весь уголь просыпался на пол.

¹ У правого окошка паровоза стоит машинист, у левого — его помощник.

У машиниста-наставника, черной угольной пыли, свергнули белые зубы.

— Не горюй! — смеясь, сказал машинист. — Приедем в депо, затопим в ремонт, чтобы топку сделали по-новому. Тогда уголь будет попадать прямо в топку. Не просыплется.

О книге ремонта молодые машинисты слышали во всех наставленных словесей. В этом случае с топкой на шутиль, но, вообще говоря, у паровозов считалось так: раз машинист все равно записывает в книгу ремонта — чит, он хороший хозяин, по-настоящему заботится о своей машине, лечит ее.

Иначе относился к книге ремонта наставник Чирков. Получив квалификацию слесаря, он старался своими силами справиться с мелкими неполадками в машине.

Слесарному ремеслу Геннадий вместе с молодым кочегаром депо В. Сливаковым. Но Володя занятия слесарным станком бросил, не окончив. Вышло это так. В первые месяцы сорокового года исполнительный и ответственный в работе Сливаков начал выраженно своего наставника, «сказал». Не то, чтобы работа ему надоела, но было — у парня другие мысли. Чирков беспокоит. Старый машинист-наставник завел разговор начистоту и вызвал Володю на откровенность.

— Вы тут в депо справитесь и без меня, — сказал Володя. — А я хороший стрелок. Стреляю неплохо. В Финляндии мне пользы принесу. Отпустите. Не жайтесь.

Старик взял Володю за плечи, прижал к себе и крепко поцеловал. Потом отпустил, вытер руками щеки и сошел с паровоза.

Наутро Володе Сливакову выписали билет до Ленинграда. Там его зачислили в лыжно-комсомольский батальон.

Чирков продолжал один слесарничать, ремонтировать паровоз. Но делал он секретно, ибо нарушал все и всяческие правила и традиции. В депо действия Чиркова не одобряли.

Однажды, ведя паровоз по полю, Чирков стал внимательно прислушиваться к машине. Среди множества различных стуков движущегося механизма он начал еле заметные удары. Так дирекция улавливает в звуках оркестра фальшивую ноту.

Как только паровоз пришел на станцию, Чирков соскочил на землю и стал осматривать.

он обнаружил неполадку в важней-
металл паровоза — кривошип. Что
делать? Обычно в таких случаях
бежит, что есть духу к телефо-
нщику, звонит слесарей, а под поезд —
паровоз. Много хлопот создает
путях.

сам устранил неисправность и
своей в путь точно по графику.

Чирков услышал, что его поступ-
ки вызывают насмешки.

уже прошел слух о том, что есть
машинист, который давно поступает
так. Этот машинист добился квалифи-
кации слесаря 6-го разряда, почти весь
ремонт делает силами своей
бригады. Зовут его Николай Лунин. К нему
пришел Геннадий Чирков поведать о
всех подробностях.

Смеются? — спросил Лунин.

Смеются.

А ты?

А что я?! Я ничего.

Ничего — это плохо. И ты смейся.

тогда перестанут. Тоже, поду-
мал — белоруки, извозчики, недоросли.

был зол. Обычно молчаливый, он
говорил, когда дело касалось кровного —

говорил долго и горячо. Потом

дело, на комсомольских со-

в стеной газете — везде, где

он упорно и настойчиво до-

что все неполадки с машиной

устранять в самом зародыше, а не

прихода в депо. Тогда и ремонта

трате меньше. Ведь новые большие

обслуживают девять человек. По

меняются три бригады по три че-

— машинист, помощник и кочегар.

Да это же, черт возьми, целая

команда, — говорил Лунин. Один при-

делает одно, другой — другое,

— третье. И каждый в своем деле

профессор.

такая настойчивость, дала свои ре-

зультаты. Когда в Новосибирск прибыл с

новый паровоз «Феликс Дзержин-

ский» № 242, администрация депо решила

назначить его комсомольцем. Во главе брига-

депо паровоза стал Николай Лунин.

Машинистом¹ был назначен Геннадий

Чирков — третий машинист. Лунин

был молодым парнем, недавно вернувше-

м из армии, — Ваню Ласточкина. За не-

много годы работы юный Ласточкин успел

стать сначала отличником-колхозником, за-

тем отличником-кочегаром паровоза, отлич-

ным помощником машиниста, отличником

боевой и политической подготовки в Крас-

ной Армии и, наконец, отличником-машин-

истом.

Были в депо и более опытные машин-
исты. Но Лунинская бригада предъявляла
два основных требования: квалификация
слесаря и общая культура. — Без семилет-
ки не может быть стахановца в наши
дни, — говорил Лунин.

Помощниками машинистов назначили
Васю Шепталкина, Митю Галагуша и Колю
Цибизова, которому выходил срок стать
уже машинистом. Но и у него были пере-
рывы в работе, как у добровольца-лыжника
Володи Сливакова. Каждое лето Коля Ци-
бизов покидал депо. Он уезжал в летнее
училище и в три лета получил звание
пилота запаса. А в дни, когда пишутся
эти строчки, Коля Цибизов сдает уже эк-
замен на машиниста.

Кочегарами в лунинскую бригаду вошли:
Володя Сливаков, вернувшийся в Новоси-
бирск, когда безопасность города Ленина
и наших северо-западных границ была
обеспечена, Афанасий Гайворонский, при-
шедший на транспорт по мобилизации
комсомола, и Иван Алексеенко — колхоз-
ник из деревни Мошпино, что недалеко
от Новосибирска.

Незадолго до создания новой бригады —
Лунин принимали в кандидаты партии.
Выступая перед своими старшими товари-
щами — коммунистами, Лунин сказал:

— Меня тут спрашивали, обязуюсь ли
я работать по-стахановски. Другой работы
я себе не мыслю. Но мне еще хочется
добавить, что сейчас жизнь предъявляет
новые требования. Мало перевыполнять
нормы, надо овлаивать культуру. Без этого
на новых, сложных машинах далеко не
уедешь...

3. ТРУДНОСТИ

Я не упрям; но если я наметил
себе цель, я стремлюсь к ней так
же неуклонно, как стрелка компаса
к полюсу...

Джек Лондон.

Надвигалась зима. Тучи, грязные, слов-
но паровозный дым, покрывали небо. То
там, то тут у машинистов-лихачей оста-
навливались паровозы. Проедут «с ветер-
ком», а потом стоят зашнурованные, на-
гоняя пар.

А тут еще пошли бураны и метели.
Пути засыпало снегом, густой иней покры-

вал рельсы; колеса скользили, или, выражаясь по железнодорожному, буксовали.

Зима — самое трудное время для машиниста. Когда в Новосибирске надолго выпал снег и мороз стал сковывать движения не только людей, но и механизмов, лунинской идее пророчили гибель.

С тех пор, как комсомольская бригада получила паровоз ФД 1242 и Лунин взялся ремонтировать машину без помощи слесарей, его в депо почти не видели. И пошел слухок, что из новой идеи ничего не вышло, Лунин прячется и, как говорили в депо, «номер не удался».

В те дни Лунину приходилось сносить много обид. Один из деповских слесарей встретил его в техническом кабинете и без ехидства спросил:

— Ну, как, тезка? Давненько тебя не видно. Не к наркому ли ездил?

— А что? — спросил Лунин. В тоне товарища он уловил нотки неприязни.

— Да вот, ты дело большое задумал, — сказал слесарь, — сам всю работу обещался выполнять. А между прочим, другие машины стоят на промывке, только твоей не видать. Вот я и подумал: Николай наш профессором стал — может с ним нарком беседует, может, в Москву к себе вызвал.

Лунин рассмеялся. Он хохотал так громко и искренно, что слесарь замолчал, сказав только:

— Весел очень!

— Да ты же первый начал. Смешно это: безусого машиниста нарком вызывает в Москву. — Потом помолчал и сказал: — А насчет машины ты зря волнуешься. Она у нас ходит исправно. Потому нет нужды стоять в депо. На ходу все сразу чиним. Не запускаем. Ну, будь здоров...

Работать было тяжело. На морозе металл обжигал, как раскаленный застывала смазка, в тонких трубочках замерзала вода, у людей перехватывало дыхание. А многолетнего опыта работы, как у старых машинистов, у лунинцев не было. Приходилось изворачиваться. Лунин завел такое правило: когда паровоз задним ходом приближается к составу, обязательно открывать песочницу. Невелика идея, зато ощутим результат. Через несколько минут паровозу по этим же путям тянуть состав, а рельсы уже посыпаны песком, сцепление колес крепче.

Но был случай, когда и это не помогло. На рельсах, покрытых густым инеем, колеса врашались, не двигаясь с места. Состав вел Чирков. Он знал: случись что-нибудь подобное с любым из машинистов — в депо посетовали бы только на

погоду. А тут — обязательно засмеются фессоры, — скажут. — Мудруют, на грош!:

Машинист паровоза, как командир в войне, должен принимать решения. Чирков схватил несколько тряпок, вскочил на землю, снял с себя куртку и плотно привязал тряпки к паровозным трубам. Тряпки накрепко прижились к рельсам.

Все это было сделано в одну минуту. Возбравшись обратно в кабину, Чирков открыл пар, дав задний ход. Лocomotive задрожал, колеса сделали шаг. Сжалась буферные пружины, но в этот момент, когда машинист потянул за ручку, пружины расправились и подтолкнули паровоз. А тряпки, словно метлой, сдули иней с рельсов. Состав двинулся с места...

В те дни на линии было много неполадок. Лунин то и дело вызывал к себе диспетчера и сообщал, что у того-то паровоза машиниста неполадки.

Случилось так с машинистом «ФД» Степановым. В пути он обнаружил, что не работает инжектор¹. Степанов машинист неплохой, водить поезд умеет, а разбирался в машине плохо. Инжектор ему бросить поезд на перегоне. Степанов и другим дорогу закрыл.

Когда диспетчер сообщал Лунину о таких случаях, он обычно кончал разговор так:

— Ну, как, Николай Александрович? Больше диспетчер ничего не скажет. Да это же Лунин понимал, чего от него хитрить. — Понятно, — говорил он. — Возвращай паровоз к буксир.

Лунин не вызывал слесарей чинить паровоз, ездил дольше, чем положено, между двумя промывочными рейсами, выручал других машинистов, и все это за счет жизни лунинского метода не считал.

Однажды, когда лунинский паровоз машинист Ласточкин, потребовалось чинить колосниковую решетку...

Представьте себе, что вы топите обыкновенную голландскую печь. По инструкции, как полагается, десять-двенадцать поленьев, разожгли их, и в это самое время понадобилось сменить решетку, которой лежат горящие дрова. Но так, чтобы не погасить топку.

Задача — на первый взгляд — простая. Но...

У Ласточкина толка была разная, больше, чем в голландской...

¹ Инжектор — прибор, который служит для накачивания воды в котел.

...ободно мог въехать автомобиль
... голубоватым огнем горели
... Паровоз шел по колее, и,
... сорвать рейс, надо было сменить
... решетку, не отцепляясь от
...
... позвонил Лунину, который
... дома перед дежурством.

... график нельзя,— сказал
... — Сами справимся. Встречу в Ново-

... — спросил Ласточкин.

... — Лунин говорил, прижимая
... плечом, а руками тем временем
... сапоги.— Нужно—значит можно.

... Новосибирск он поспел
... как раз в тот момент, когда
... подводил состав к перрону.

... распределил всех по местам, а
... самую трудную часть работы.

... колосниковой решетки го-
... уголь перепребли в другую часть

... Лунин набрал полную лопату сы-
... и, раскрыв топку, забросал го-

... уголь. Из топки на него пахнуло
... одурающим запахом.

... отвернулся, глубоко вздохнул и
... Потом прыгнул на землю и,
... два бревна, вскарабкался с ними

... на паровоз. Ласточкин хотел ему
... Лунину

... — надо!— отрывисто сказал Лу-
... Давай ватник. Скорее.

... на Лунин уложил на дымящийся
... За это время Ласточкин снял ват-
... жак, стянул большие брезентовые

... и шарф. Он с тревогой смотрел
... на

... — усмехнулся Лунин.— Чего
... ?! Не я первый, не я последний.

... это люди и до меня и еще делать
... Давай!— Он взял из рук Ласточки-

... с трудом натянул его на свои
... плечи и коротко приказал:

... Воду!

... облил его водой. Брызги—
... обжигающие—шопали Лунину

... шею. От этого он поежился.
... воротник, потом навинтил на глаза

... кенку, одел на руки вторую пару
... и полез по двум бревнам в топку

...
... первое мгновение Лунину казалось,

... тело славил раскаленным кле-
... Он стиснул зубы и почувствовал,

... хрустит уголь. Закрыв глаза,
... лежа на дымящихся бревнах.

... колосник—тяжелую чугунную

— Только бы не потерять сознание.—
Эта мысль не покидала его ни на одно
мгновение. И еще:— Не сорвалась бы ру-
кавица. Сгорит рука...

Через сорок секунд Ласточкин сдирал
с Лунина дымящийся ватник, а сам Лунин
пил воду из большой жестяной кружки.

Испортившийся колосник был вынут из
топки и заменен новым.

Когда вышло время стоянке, паровоз
продолжал рейс.

По-прежнему локомотив Лунина не за-
ходил в депо. Весь мелкий ремонт делался
на ходу. Лунин внимательно изучал ма-
шину и приглядывается к ее повадкам.

Важная деталь паровоза—воздухопро-
вод. Тут на-слух, как это делают маши-
нисты с металлическими частями, трещи-
ну определить нельзя. Слух не помогает.
Утечка воздуха бывает бесшумной. Лунин
нашел выход из положения. Проверая
воздухопровод, он подносит факел к местам
соединения шланга и следит за пламенем.
Если пламя колеблется, извивается—
значит, воздух тянет; значит, есть непе-
правность. Тогда она устраняется тут же,
в самом зародыше.

И так во всем. Лунин не оставлял без
внимания даже мельчайших неполадок в
механизме паровоза.

Он выработал свои методы быстрого и
надежного осмотра всех деталей паровоза.

Принимая паровоз, Лунин точно знает,
что хорошо, что плохо в огромной машине,
наспитывающей не одну тысячу деталей.

Осмотр паровоза Лунин начинает с буд-
ки. Он проверяет многочисленные прибо-
ры, затем спускается и обходит машину
кругом, постукивая по ее железным су-
стам молотком на длинной рукоятке.
Это похоже на то, как врач выстукивает
больного.

У Лунина рассчитано каждое движение,
и потому ни одна минута не уходит зря.
Пока машинист проводит осмотр, помощни-
ки надравывают блестящие части, вытирают
тендер и колеса. Паровоз отправляется в
путь, сияя, как новый.

В депо с нетерпением ждали дня, когда
лунинский паровоз станет на промывку.
Кто-то даже вспомнил сибирское заводское
предание о кузнеце необычайной силы, по
имени Сорока. Старики рассказывают, что
кузнец этот одним ударом рельсу рубил,
гвозди в стену кулаком загонял, пятиду-
ловую болванку из руки в руку перебра-
сывал. Но вот вызвали кузнеца на пари,
что не сможет он своим тяжелым молотом
разбить стекло на карманных часах. Но
так разбить, чтобы часы не повредить,
стрелки не тронуть.

— Сделаю!— сказал кузнец.

Пожгли часы на наковальню, поднял кузнец двухпудовый молот, размахнулся, примерился и опустил его на часы.

Стекло разлетелось, а стрелки — даже секундная — продолжали двигаться. И стало вокруг так тихо, что слышно было, как тикают часы.

А кузнец свалился замертво. Горлом хлынула у него кровь. Как рассказывали старики, от необычайного напряжения у него перервались жилы.

— Так и с Николаем будет, — говорили про Лунина недоверчивые люди в депо. — Наездил-то он километров много, а как придет в депо — смотришь, машина-то вся едва держится. Тут, брат, не то что текущий ремонт на промывке; в завод паровоз посылать придется. Вот тебе и рекорд.

Приближался день, назначенный для промывки. В громадные ворота депо въезжали один за другим паровозы — грязные, засыпанные угольной пылью, словно шахтеры, входящие в баню. И так же, как шахтеры, которых нельзя узнать после душа и смены спецовки на обыкновенный пиджак, перерождались локомотивы после промывки.

В депо охлаждается котел паровоза, горячей водой промывается вся накопившаяся накипь и грязь. А в это время бригада слесарей устраняет все неисправности в машине, заменяет износившиеся детали.

В каждой строенной бригаде самый опытный машинист назначается старшим. Он должен не позже, чем за сутки до очередного промывочного ремонта, записать в специальную книгу все, что нужно исправить. Обычно таких записей ко дню промывки набиралось сорок-пятьдесят, а то и шестьдесят. У Лунина — шел слух по депо — книга чистая. Ни одной записи нет. И срок стать на промывку истек давно.

Чем-то кончится эта затея?..

Паровоз входил в депо. Под крышей его длинный корпус казался еще больше.

Мастер цеха протянул руку за книгой ремонта. Человек десять машинистов с любопытством вылаживали из-за его спины.

Лунин, не торопясь, достал новенькую книгу.

— Ну?! — нетерпеливо сказал мастер.

Лунин раскрыл книгу и, отвинтив головку самопишущей ручки, записал:

1. Промыть паровоз.

Потом пожул на мокрые строчки и, улыбувшись, посмотрел на мастера.

— И это все? — спросил мастер. Он

думал, что Лунин запишет по мере десять-пятнадцать пунктов. Меньше не могло быть.

— Нет, что вы?! — Лунин взял ручку и снова склонился над книгой. Главное-то я позабыл! — Он перешел синими чернилами всю страницу буквой зет, как это делают в документах, и поставил внизу подпись: машинист Н. Лунин.

4. УЧЕБА

Сотня тысячу осилит, если вождя совет.

Шота Руставели

Предсказания деповских машинистов сбылись: машина Лунина не надорвалась, и сам Лунин чувствовал себя отлаженным.

В депо, как только паровоз остыл, сразу же по сигналу Лунина заняло свое место. Помощник машиниста имеет большой слесарный опыт. Он ставит его на самый ответственный станок — ремонтировать паровую арматуру. Чирков ремонтирует краны, веерные рычаги — то, что машинисты называют арматурой.

Лунин руководит и помогает там, где возникают трудности. А трудностей в эти дни было много.

Нужно было сменить огромную пружину. К Лунину подошел помощник. Он нагнулся к самому старшему машинисту и прошептал:

— Запищаемся!

— Где? — спросил Лунин.

Помощник протянул руку к пружине. — Такая чертяка. Ну, как к ней дойти?

Как менять спиральную пружину, Лунин не знал. Но спросить совета у старшего не хотелось. Решил сделать сам. Переднюю часть паровоза подняли на домкрате. Это оказалось самой трудной работы. Но и потом пружина пружинилась немало хлопот.

На смену пружины ушло два с половиной часа.

Когда работа была окончена, к Лунину подошел старший мастер слесарного цеха.

— Сменил? — спросил мастер.

— Сменил!

— А теперь гляди. — И мастер показал, как нужно правильно производить замену спиральной пружины без подъема паровоза на домкрате.

Лунин стоял смущенный.

— Да-да, не додумались, — сказал

— то и я говорю, — старый мастер
— Молодой ты, очень горячий.
бы так не поступил. Нет, старик
но сделал бы.

— А что старик?! Если не знаешь, где
дверь не открыты. Хотя бы и

не про то, — сказал слесарь. —
не форсил бы. Спросить не грех.
бы к кому из опытных и спросил.
работать надо. Один другого под-
должен. Понял?

— Понял тогда Лунина. Вечером в
когда он ехал в библиотеку, мо-
парничка — очевидно, студент, —
со скамейки, уступая место. Лунин
но сел. Уж очень болели ноги.

— Парничка сказал:
— Лунина?

— Да. Только не могу вспомнить вас.
Парничка улыбнулся.

— Не вспомните. Мы не знакомы.
о вас в газетах и видел снимок.
— Стали?

— Нет, ничего. Мы меняемся на рабо-
ту назавтра в поездку, идет домой

остановкой Лунина протянул свое-
му знакомому руку.

— Будьте здоровы.
Желаю успеха, товарищ Лунина...

В библиотеке Лунина взял книги по ре-
паровоза и «Вопросы ленинизма»

Лунину предстояло выступать на
паровозников Томской дороги...

Лунина записывал:
ликвидировали голод в области
и создали широчайшую техниче-

скую базу во всех отраслях деятельности
наших людей первоклас-

сней техникой. Это очень хорошо. Но это
и далеко недостаточно. Чтобы

технику в движение и использо-
до дна, нужны люди, овладевшие

ей, нужны кадры, способные освоить
эту технику по всем пра-

кискусства. Техника без людей,
техники, — мертва»¹.

Лунина, в свободное от поездки вре-
мя пошел в деповскую лаборато-

рию, где беспокоил расход топлива.

— Знаете, что поразило меня сегодня
всего, — сказал Лунина, обращаясь

к работающей лабораторией. — Я прочел
что ученый Менделеев нерацио-

альное использование топлива называл:
«ассигнациями». Странное слово.

— Сталин. Речь в кремлевском
зале при выпуске академиков Красной
Армии 4 мая 1935 г.

Я взял словарь и оказалось: ассигнация —
так в старое время называли бумажные
деньги. Занятно.

— Да, товарищ Лунина. Занятно. А знае-
те, что больше всего поразило сегодня
меня?

— Что?

— Ваш приход. Вы — первый маши-
нист, который сам, по своей инициативе,
пришел к нам за советом. До сих пор
над нами подтрунивали. Машинисты счи-
тали: вода — это так просто, что, каза-
лось и слов для объяснения подобрать
нельзя. Химики называют ее аш два о,
врачи — аква. А мы заявили, что вода,
которую получают машинисты, — это
сырье. Над ней надо еще поработать, что-
бы обратить в питательную жидкость для
паровозных котлов.

— Я понимаю вас, — сказал Лунина. —
Вот, если можно, объясните мне причины
звешаемости углей, а потом я бы очень
хотел увидеть анализ котловой воды...

Лунина ходил по всем цехам и отделам
огромного депо. По вечерам, когда спадали
струи фонтана, который украшает огром-
ный цех, где ремонтируются паровозы,
Лунина заходил к бухгалтеру проверить ли-
цевой счет своего паровоза.

Лунина всегда носит с собой небольшой
блок-нот. Сюда он записывает все, что
нужно запомнить, выяснить, заучить.
У бухгалтера Лунина записал слова: «саль-
до», «дебет», «кредит» и значение этих
слов.

— Вот, — сказал однажды Лунину бух-
галтер. — Говорят, что цифры — самые
скучные показатели. Но бывают приятные
цифры. Смотрите, вашему паровозу пола-
галось пробежать до ремонта 38 тысяч
километров, а он пробежал 62 тысячи. За
это время вы должны были промыть
его 15 раз, а промывали только 9. Вы
съэкономили за семь месяцев работы
23 379 рублей и 94 копейки.

— Так, — Лунина списал цифру эконо-
мии в свой блок-нот. — Говоря по ваше-
му — сальдо в нашу пользу.

— Выходит так. Четверть этой суммы
вы получите премией. — Бухгалтер улыб-
нулся. Ему было приятно, что маши-
нист освоил сложную бухгалтерскую тер-
минологию. Хотелось сделать Лунину
еще что-нибудь приятное. И вдруг бухгал-
тер вспомнил: из Москвы пришла бумаж-
ка, что для Томской дороги отгружают
новую паровозную арматуру.

— Николай Александрович, — сказал
бухгалтер, — а я вам сюрпризик пригото-
вил. Смотрите. — Он достал из ящика бу-

мажку об арматуре и помахивал ею в воздухе.— Смотрите — фары новые, обтекаемые, ручки никелевые, плафончики. Красота!

— Да, действительно, красота.— Лунин прочел бумажку и перевернул ее назнанку.— А сколько стоит?

— Что?

— Ну, скажем, плафончик.

Бухгалтер порылся в бумагах и назвал цифру.

— Не пойдет,— сказал Лунин.— Дорого. Это раньше хватало, что дают. Теперь не то. Хозяйствовать надо. Понимаете?..

От промывки к промывке работать становилось легче. Теперь уже над лунинцами не смеялись. Наоборот, каждый, кто мог помочь им советом и опытом, делал это с радостью. Не было, например, у лунинцев специалиста по ремонту автотормозов. И опытный слесарь-автоматчик Бояркин взялся научить их своему искусству.

Теперь паровоз Лунина промывался в три часа. Все остальное время от промывки до промывки машина была в работе.

5. ПОБЕДА

Ни один ленивец не достиг глубокой старости; все достижения ее вели очень деятельный образ жизни.

Академик Богомолец.

Зима в тот год выдалась лютая даже для Сибири. Некоторые машинисты не выдерживали заданных скоростей, упустили пар, опаздывали. Лунинский паровоз работал строго по графику. Во всех уголках нашей страны были уже последователи Лунина — лунинцы. Они писали зачинателю славного движения в Новосибирск. И Лунин понимал, что теперь его работа ответственна вдвойне. Сорвись он, не выдержки обещанного — будет скомпрометирован не только он, не только его восемь товарищей по бригаде паровоза ФД, но и сотни последователей в Тбилиси и Мурманске, Ашхабаде и Минске.

Зима усложняла работу на паровозе. Лунин выдумывал различные приспособления. Он завел, например, порядок, по которому смазку закладывают, как только остановится паровоз и трущиеся части механизма еще не успели остыть. От этого смазка распределялась лучше.

Десятки мелких приспособлений применяет Лунин. Песок в песочницу и воду в котел он набирает обязательно через спе-

циальные сетки. В результате паровоза не попадают камешки, как это делают другие машинисты, а водяной котел не загрязняется мусором.

Антинакипин — главное лекарство от болезней паровозного котла. Машинисты никак не могут к нему привыкнуть. Антинакипин — дело непростое и появившаяся вместе с ним на паровозных баках паровоза:

«Вода отравлена! Пить нельзя!»

Были случаи, когда от паровоза антинакипина у некоторых машинистов паровозы работали хуже. В этих случаях противники новшества были рады считать новый метод очистки котлов. Лунин сделал по-другому. Он несколько раз ходил в лабораторию, испытывал антинакипины в разных условиях и, наконец, стал применять их, соблюдая правила: хранил антинакипины в прохладном месте — в тепле, и перед тем как заливать в бак, перемешивал или взбалтывал, как микстуру. И результат оказался таким, как и предполагалось. Котел паровоза не зарастал накипью, и теперь машинистам не было ставить еще реже на паровозе.

«Человеческая жизнь свихнулась на полдороге, и старость наша есть старость, которую нужно лечить, как всякую болезнь». Так писал академик Богомолец в своей книге «Продление жизни».

Не знаем, читал ли эту книгу Лунин, но он высказывал, применительно к паровозам, те же мысли о продлении жизни паровозных деталей и всего локомотива. И не только высказывал, но и добивался этого.

Лунин был очень занят. Он много времени проводил у паровоза, много работал. Теперь все удавалось ему быстрее и лучше. От этого было весело, прибавлялись новые силы, и все чаще и чаще приходилось ему слышать одну и ту же фразу:

— Да вы, Лунин, совсем юноша. Нельзя дать даже ваших двадцать лет.

Лунин добился длительной работы паровоза без ремонта, без захода в депо. Ведь легче предупредить болезнь, чем ее лечить. Лунинская машина ФД была на путях. Но пути перед паровозом всегда были открыты.

«Обидно,— писал в газете Лунин, — когда видишь, что здоровый паровоз, исправные вагоны с грузом, ждут наши фабрики и заводы, стоят без движения на станции. Тысячи паровозов, вагонов, поездов, наперекор метелям и морозам, с большой скоростью ве-

это было преграждает тебе путь».

«Зеленой улицы» — это особая область, казалось имеющая отношения к паровозникам. Машинист — хозяин «Зеленой улицы» называют водители локомотивов этот путь, когда далеко впереди горят огни светофоров. А если доперекрестка — машинист ни при чем. Это дело диспетчера.

«Я думал Николай Лунин. Он до бесперебойной работы паровоза, а стал добиваться «Зеленой улицы». Там нашлись маловеры и скептики, они говорили:

«Новых врагов наживает Лунин... с диспетчером ссорится».

«Первое время у Лунина с диспетчерскими происходили по телефону такие разговоры:

«Диспетчер? У аппарата машинист тут не...»

«Диспетчер. Перегон свободен, а светофор заперт. Состав простаивает. Знаю. У меня свои расчеты. Скорый есть в запасе».

«А я раньше дойду».

«Не учите!»

«Звала мембрана. Диспетчер резко вынул телефон».

«Лунин не сдавался. Он выбрал себе чтобы несколько раз зайти к знаменитому диспетчеру, присмотреться к его работе, постичь то, что железнодорожники называют — «черной магией».

«Теперь Лунин участвовал на совещаниях по движению и со своим делом доказывал, что по тем же условиям можно пропускать больше составов».

«Лунин изменение диспетчеров к Лунину изменил. — Ему не кричали теперь в трубку диспетчера: — Машинист! Полтора разрешите! А, выслушав, обдумывали предложение и, убедившись в целесообразности, соглашались».

«Лунин пошла на Томской железной дороге дружба паровозников и движенцев».

«Лунин стала газета железнодорожников паровозов».

«Паровоз вышел из депо к поезду, новая сила разыгрывался буря. Но обыкновенно, связался по телефону».

«Семь слов — норма разговора диспетчера».

«Тот кратко рассказал о тяжелом положении на участке, о том, что машинисты опаздывают по перегонам, а некоторые допустили остановки в пути».

«А в Болотной не хватает паровозов. Как бы не создать пробку...»

«Лунин заверил диспетчера, что проведет состав быстро и так же быстро вернется. И он, как всегда, сдержал слово. Ни встречный ветер, ни обжигающий мороз не помешали машинисту вести поезд со скоростью, превышающей норму на 5 километров в час. Исправный, хорошо изученный паровоз повиновался воле Лунина в любую погоду».

«В Болотной полагается на экипировку локомотива 3 часа. Но Лунин знал, что нечем вывозить состав на запас. И потому вместе с помощником Цибизовым так организовал труд бригады, что через 1 час 58 минут повел поезд в Новосибирск. В этот морозный, буранный день паровоз пробежал 504 километра, превысив все нормы».

«В морозный январь 1941 года положение на участке Новосибирск — Болотная, по которому ездил Лунин, было тяжелым. Лунин вел паровоз в последний перед промывкой рейс. Когда он принимал у бригады паровоз, на перроне стояло несколько железнодорожников и в числе их его недавний друг, слесарь Николай».

«Закончив осмотр машины, Лунин поднялся в будку машиниста. Николай запустил руку под шинель в большой карман комбинезона, достал гаечный ключ и протянул его наверх Лунину».

«На, Коля, возьми. Твой зазубрился».

«Обойдусь», — сказал Лунин. Но слесарь не опускал руку. Ключ пришлось взять. Он был меченый — собственный ключ старого слесаря...»

«Машина тронула состав. Лунин на мгновение повернулся. К нему были обращены глаза всех, стоявших на перроне. Смотрели так, что не могло быть сомнений в их чувствах».

«Слесарь Николай поднял руку и закричал:

«— Счастливо, Коля! Счастливо!»

«И все замахали руками».

«Лунин хотел переложить гаечный ключ из кармана в ящик, но ключ упал на пол кабины. Руки слушались плохо».

«Что это, — подумал Лунин. — Когда надо мной смеялись, не волновался, а теперь, когда признали, руки дрожат. — Он тряхнул головой, как делал всегда, когда хотел взять себя в руки, высунулся в

окошко и внимательным взглядом пробежал по всему длинному составу.

Потом взглянул на помощников. Когда кочегар нажимал рычаг, заслонка тонкой раскалывалась на-двое, озаряя ярким светом кабину.

Машина набирала ход, предельно напрягая свои стальные мускулы. Ветер со снегом слепил глаза, мороз обжигал лицо. На перегонах Лунин смело открывал большой клапан, пар с силой устремлялся в цилиндры, машина неслась вперед.

Лунин напрягал слух. Не сдает ли какая-нибудь деталь, не шипит ли, уходя севоз трещину, пар, не стучат ли зубья шестеренок.

Вместе с ним — быстро и четко — работали помощники, выполняя все его приказания, хотя ни одного слова в пути сказано не было. Лунина понимали по взгляду, по движению руки.

— Скорее, — сам себя торопил Лунин. — Скорее! Минута опоздания испортит все. Нам не простят...

В Болотной Лунина вызвали к телефону. Из Новосибирска ему передали, что на его имя получена телеграмма из Москвы.

Лунин попросил немедленно прочесть ему телеграмму по телефону. Ладонью левой руки он закрыл ухо, чтобы не мешал посторонний шум. Другой рукой крепко прижал трубку и слушал, стараясь не пропустить ничего из того, что ему читали:

«Старшему машинисту депо Новосибирск Томской дороги Николаю Александровичу Лунину, — прочли в трубку.

— Отмечая вашу ценную, замечательную инициативу по увеличению объема служебного ремонта паровоза, выполняемого силами паровозной бригады, и сокращению до минимума количества записываемых пунктов ремонта паровоза на промывках, НКПС своим приказом от 28/1—41 г. наградил вас значком «Почетному железнодорожнику» и передает вам юбилейный 3000-й паровоз серии «ФД», выпущенный Ворошиловградским паровозостроительным заводом.

Уверен, что в дальнейшей своей работе на новом паровозе вы добьетесь новых успехов. Продолжайте овладевать техникой своего дела, передавайте свой опыт другим машинистам, по-большевистски преодолевайте трудности зимы.

Примите большевистский привет и пожелания дальнейших успехов.

Народный комиссар путей сообщения Л. Каганович».

Лунин шел домой. Ему хотелось, но было неловко: прохожие обмание. Но когда увидел свой дом побежал...

6. ПО ЗЕЛЕННОЙ УЛИЦЕ

В конце декабря 40-го года поместила редакционную статью. написано: «Сила лунинского движения в его массовости. Уже около паровозных бригад переняли на...» И не только машинисты, автомашин, трактористы, летчики самых различных профессий, свой труд, науку и доверенные машины, — называли себя лунинцами были правы в этом. Ибо основа ского движения — в любви к науке, к машине. Есть старая пословица: «Хочешь быть люби!» Она как нельзя более определении движения лунинцев. цы любят машину, и машина верго, отлично служит им.

Не было, кажется, ни одной нашей стране, которая бы не простом новосибирском машинистае Лушине.

Из Москвы приехала специальна да кинохроника снимать фильм лае Лушине. Режиссер Небылицкий вечером прямо с вокзала, с чем аппаратами, поехал знакомиться ным. Когда прошло первое которое всегда вызывает Лунина

— Знаете, ваш метод ухода в возом напомнил мне метод оплаты врачей китайцами в древности. К пациенты оплачивали своего врача были здоровы. Но как только заб переставали платить до выздор Китайские лекари неплохо заботили профилактике. Так и вы поступае шим паровозом.

Лунин смеялся. Но когда зашла киносъемке, он решительно, иск без рисовки заявил, что картина показать работу всей строенной паровоза ФД, в которой он — толь пий машинист.

Лунин скромн. Он почти ник говорит — я, но по большей части — понимая, что один человек не мож нять большое дело без помощи кол

Ранней весной Лунин вместе бригадой выехал в Ворошиловград чить новый паровоз. Путь лежал Москву. Лунин тщательно готов

ездке. Работа по-новому выдвинула
обратных вопросов.

дом, активисте Лунин и его бригаду принял
Л. М. Каганович и наградил их
почетного железнодорожника, а
еще и серебряными часами.

на обратном пути Лунин «обживал»
паровоз ФД-3000. В кабине машин-
ью, где он пристроил умывальник с зерка-
двигателем аккуратно разложил инструмент,
о семье и приладил арматуру.

опыт на станции Лиски, неподалеку от Воро-
сты. Состав, который вел новым
гички — Лунин, хотели прицепить паровоз,
й, Лунин. Впереди был крутой подъем,
ные паровоз полагался тут всем со-
инцам. Лунин наотрез отказался взять
нова второго паровоза.

к тому самостоятельно повел состав, и с
ая латинский паровозники в Лисках раз и на-
любимый отказались от толкача.

е умение же году Лунину еще раз дове-
нцев. Жить в Москве — на активе НКПС.
а вернувшись впервые увидел Петра Кривоно-
Лунин вспомнил о своей мечте рабо-
той газетно-кривоносовски, и ему стало ра-
не писателю. Вот пришло время, и они оба —
инисте Лиски одного совещания. Он расска-
всем лучшим людям транспорта о
альной работе.

льм о том мышло так, что первым заговорил
идкий Петр Кривонос. В своем выступлении
немодалека от стахановцев, ставший начальни-
сья с дороги, сказал:

удивительный считаю, что лунинский метод дол-
Лунин сделать революцию в нашем паровоз-
сказал: «Мне. Машинист, работая по-лунински,
ода забота о паровозе в полном смысле механиком.
платы Лунина является одним из самых
и. Кривонос, самых больших вкладов в сокро-
врача. Кривонос стахановских методов на же-
о забора в железнодорожном транспорте.

здоровья и работоспособности.

упасть не больше чем через месяц после совеща-
ства НКПС началась война. И бук-
ашла война в первые же часы военных дей-
секретаря оказалась подготовка лунинцев.

тна в одном из перегонов внезапно напав-
ной бомбардировочные самолеты повредили путь.
только что тягли советские истребители, и над
этим дороги завязался воздушный бой.

никогда не считал, что лунинский метод дол-

части —

е мож-

коллек-

сте го-

овград

нежал

готово

На этом участке находился путевой об-
ходчик Семенчук. Он бросился к повреж-
денному пути и оградил его сигналами.
Затем, не ожидая прибытия путевой
бригады, путеобходчик-лунинец принялся
ремонттировать путь. Вскоре подоспели пу-
тейцы, и дорога была восстановлена. По
ней пошли составы, груженные снаря-
дами для фронта.

На другом участке фронта машинист
Тумка вел поезд на высокой, кривоносов-
ской скорости. Недалеко от станции на-
значения Тумка услышал гул моторов. Над
поездом вдруг появился вражеский само-
лет, который длинными пулеметными оче-
редями обстреливал поезд. Пули во многих
местах изрешетили паровоз. Но машинист-
лунинец Тумка отлично знал механизмы
своего локомотива. Он исправил все мел-
кие повреждения, не сбавляя хода поезда.
Даже получив ранение в голову, машинист
Тумка не оставил поста.

Приведя состав на станцию, Тумка вни-
мательно осмотрел механизмы. Исправить
все повреждения оказалось под силу ма-
шинисту-лунинцу.

Жены станционных работников сделали
машинисту перевязку, и он повел поезд
вперед, во-время доставив его на станцию
назначения. Отказавшись там от отдыха,
машинист-лунинец немедленно повел в
обратный путь другой поезд, который тоже
доставил точно по графику.

Много можно было бы привести подоб-
ных примеров.

Лунинцы — патриоты родины. В первые
дни войны Николай Лунин обратился с
письмом к своим товарищам-железнодорож-
никам.

«Я — машинист, — писал Лунин. — Мне
страна доверила водить поезда. И еще
быстрее, еще аккуратнее, чем прежде, я
буду доставлять маршруты, груженные
углем, металлом, грозным советским ору-
жием. Мой паровоз и моя бригада готовы
к любому рейсу и на любое расстояние.
Если партия Ленина-Сталина и советское
правительство пошлют меня на броне-
поезд, я поведу его уверенно, смело, точно,
и грозные пушки будут метко разить
врага».

Тупой фашист, соображай, куда задумал лезть

На бомбовозах и пешком,
Крутя бандитской рожкей.—
Фашистский вор полез с мешком
За украинской рожью.

Тупой фашист, соображай,
Куда задумал лезть.
У нас не только урожай —
У нас и пушки есть.

С Баку фашист не сводит глаз,
Ощерился со зла.
Встает горою весь Кавказ
За нефтепромысла.

Он вздумал нефтью завладеть,
Но мы сбиваем спесь —
У нас в стране не только нефть,
У нас и танки есть.

Заводами дымится даль —
Война зовет к труду —
Страна переплавляет в сталь
Уральскую руду.

Решила подлая орда
На нашу шею сесть —
У нас не только есть руда —
У нас и бомбы есть.

Богата русская земля,
Сокровищ в ней запас —
Пластами щедрого угля
Ворочает Донбасс.

И смерть врагу, когда встает
За Родину и честь
Ее разгневанный народ —
У нас танкист,
У нас пилот,
У нас герой есть.

Ш П И К

Маленькая драма

Милый воскресный день. Отец, мать и ребенок сидят за обедом. Входит девушка.

ДЕВУШКА. Господин и госпожа Климбч знают, дома ли господ?

ЖЕНА (бурчит). Нет.

Девушка выходит.

ЖЕНА. Ты бы лучше сам подошел к телефону. Они ведь знают, что мы еще не

Ж. Почему это мы не ушли?

ЖЕНА. Потому что идет дождь.

Ж. Это не причина.

ЖЕНА. Да и куда бы мы могли уйти? Это покажется странным.

Ж. Ну, мало ли куда.

ЖЕНА. Почему ж мы тогда не идем?

Ж. А куда бы нам, например, пойти?

ЖЕНА. Если бы хоть дождя не было!

Ж. А куда бы мы пошли, если бы не было?

ЖЕНА. Раньше, бывало, хоть со знакомыми встретишься.

Пауза.

ЖЕНА. Это нехорошо, что ты не подошел к телефону. Теперь они знают, что мы хотим их принимать.

Ж. Ну, а если и знают, так что же?

ЖЕНА. Но ведь гадко, что мы начали говорить им именно теперь, когда все их знают.

Ж. Мы их не избегаем.

ЖЕНА. Почему ж им тогда не притти?

Ж. Потому что мне досмерти скучно сидеть с Климбчем.

ЖЕНА. Раньше ты с ним не скучал.

Ж. Раньше! Не раздражай меня своим вечным «раньше»!

ЖЕНА. Во всяком случае, раньше ты незнакомился бы с ним оттого толь-

ко, что школьная инспекция возбудила против него дело.

МУЖ. То-есть, ты хочешь сказать, что я трус?

Пауза.

МУЖ. Что ж, пожалуйста, позвони им и скажи, что мы вернулись сию минуту, из-за дождя.

Жена продолжает сидеть.

ЖЕНА (обращаясь к мальчику). Клаус-Генрих, брось радио.

Мальчик берет газету.

МУЖ. Сегодняшний дождь, конечно, — катастрофа, но, право, нельзя жить в стране, в которой дождь, — катастрофа.

ЖЕНА. Ты думаешь, очень умно бросаться такими словами?

МУЖ. В своих четырех стенах я волен говорить что угодно. Я не позволю себе затыкать рот в собственном доме...

Девушка вносит чашки для кофе. Покуда она в комнате, все молчат.

МУЖ. Разве мы обязательно должны держать в услужении дочь квартального?

ЖЕНА. Мы, кажется, достаточно говорили об этом, и последний раз ты сказала, что здесь есть свои преимущества.

МУЖ. Послушать тебя, — чего только я не говорил! Нехватает еще, чтобы ты передала все твоей матери. То-то заварится каша!

ЖЕНА. О чем я говорю с моей матерью...

Девушка приносит кофе. Разговор снова прерывается.

ЖЕНА. Оставьте, Эрн! Можете идти. Я сама все сделаю.

ДЕВУШКА. Спасибо, сударыня.
МАЛЬЧИК (поднимая голову от газеты). Разве все священники это делают, папа?

МУЖ. Что они делают?

МАЛЬЧИК. То, что написано здесь.

МУЖ. Да что ты читаешь?

Он вырывает газету у сына из рук.

МАЛЬЧИК. Но наш группенфюрер позволил нам читать все, что написано в этой газете.

МУЖ. Ваш группенфюрер для меня еще не закон. Что тебе можно читать и чего нельзя, — решаю я.

ЖЕНА. Вот тебе пятьдесят пфеннигов, Клаус-Генрих, ступай купи себе чего-нибудь.

МАЛЬЧИК. Но, ведь, дождь.

Он нерешительно топчется возле окна.

МУЖ. Если эти отчеты о процессах духовенства не прекратятся, я вообще откажусь от нашей газеты.

ЖЕНА. А какую ты выищешь? Ведь отчеты печатаются всюду.

МУЖ. Раз все газеты печатают такое свинство, я вообще перестану их читать. И я буду тогда ровно столько же знать о мировых событиях, сколько теперь.

ЖЕНА. Нам всегда что-нибудь да не подходит. И наконец, нам это все равно, мы ведь лютеране.

МУЖ. Но народу-то не все равно! Он не может больше подумать о ризнице без того, чтобы не вспомнить эту пакость.

ЖЕНА. Что же они могут поделать, раз такие вещи существуют?

МУЖ. Поделать! Пускай бы они на себя оборотились. В их коричневом доме тоже, говорят, не очень-то чисто.

ЖЕНА. Но, ведь, это только признак оздоровления нашего народа.

МУЖ. Оздоровление? Хорошенькое оздоровление! Если это здоровье, я предпочитаю болезнь.

ЖЕНА. Карл, давай не ссориться. Раньше...

МУЖ. Вот этого я только и ждал. «Раньше»! Я раньше не позволял и теперь не позволю отравлять воображение моего ребенка.

ЖЕНА. А где он?

МУЖ. Да я почем знаю?

ЖЕНА. Но ты видел, как он ушел?

МУЖ. Нет.

ЖЕНА. Не понимаю, куда он мог деться (зовет). Клаус-Генрих!

Она выбегает из комнаты. Слышно, как она зовет мальчика. Возвращается

ЖЕНА. Да, он ушел.

МУЖ. Что же здесь такого?

ЖЕНА. Но ведь дождь льет ведра!

МУЖ. Но зачем так нервничать, мальчик куда-то вышел?

ЖЕНА. О чем мы сейчас говорим?

МУЖ. Какое это имеет отношение к уходу?

ЖЕНА. Ты очень несдержан в последнее время.

МУЖ. Положим, я не несдержан последнее время, но если я даже не несдержан, причем здесь то, что мальчик ушел?

ЖЕНА. Ведь ты же знаешь, что всегда подслушивают.

МУЖ. И?..

ЖЕНА. И... что, если он станет читать? Ты знаешь, что им все время вбивают в голову. От гитлеровской пропаганды прямо требуют, чтобы они доносили на нас. Это страшно, до чего незаметно они работают. МУЖ. Челуха!

ЖЕНА. Ты не заметил, когда он ушел?

МУЖ. Он довольно долго стоял у двери.

ЖЕНА. Интересно, что именно он хотел сказать.

МУЖ. Но ведь он знает, что ждет его в лагере, если на него донести.

ЖЕНА. А мальчик, о котором рассказывали Шмюльксы? Отец его, кажется, был с их пор в лагере? Если бы хоть кто-нибудь знал, как долго он был в комнате?

МУЖ. Сплошная челуха!

Он выбегает в другую комнату и громко зовет мальчика.

ЖЕНА. Нет, я не могу поверить, чтобы он так прямо пойдет и заявит. Он не может так.

МУЖ. Не пошел ли он к кому-нибудь из школьных товарищей?

ЖЕНА. Тогда только к Мумерману. Я сейчас позвоню.

Она звонит по телефону.

МУЖ. Это все ложная тревога.

ЖЕНА (в телефон). С вами говорит Мумерман. Клаус-Генрих у вас? Нет, это предать себе не могу, куда мог деться мальчик. Скажите, госпожа Мумерман, что — клуб гитлеровской молодежи в воскресенье днем? Да? Большое спасибо. Я позвоню туда (вешает трубку).

Оба сидят молча.

Что же он мог слышать?

А. Ты говорил о газете. Но вот о первом доме ты напрасно так говорил. Ты так националистски настроен.

Да что такого я сказал про коммунистический дом?

А. А ты припомни: что там не все

Ведь нельзя же истолковать мои слова как выпад. Не все чисто или — как ты смеялся — не совсем чисто, а это

и весьма значительная. Это — народное выражение, взятое.

из обиходного языка, и означает только, что даже там не всегда, не

при всех обстоятельствах идет. ведь так, как хотелось бы руководству.

я высказал это только как предположение, явствует из того, что я совершенно сознательно, как я отчетливо сейчас припоминаю, сформулировал свою

в чрезвычайно смягченной форме, как я сказал «якобы»; именно якобы там

не все вполне благополучно. Якобы благополучно, а не «неблагополучно»!

Я могу сказать, что там неблагополучно, но меня нет решительно никаких данных для этого. Где люди, там и недостат-

ки больше я ни на что не намекал, да и только лишь очень слегка, а кроме того —

корреспондент, при известных обстоятельствах выступил по этому вопросу с несколько более резкой критикой.

А. Я просто не понимаю тебя. Совершенно ты зачем так говоришь?

Я вовсе не считаю нужным так говорить с тобой. Но я не понимаю, зачем ты звонишь повсюду, если в раздражении меня и сорвется что-нибудь с языка?

Ведь мы же с тобой у себя дома! Ты же не смеется, я далек от того, чтобы упреждать тебя в легкомысленном распространении слухов о собственном муже, и я ни

как ты не думаю, что наш мальчик специально затеял что-нибудь про своего отца. Но, к сожалению, между поступком и сознанием проступка —

большая разница.

А. Да перестань же, наконец. Держи язык за зубами. Я и так без дела ломаю себе голову, конца именно

сказал, что невозможно жить в Гитлеровской Германии: до или после коричне-

вого дома?

А. Этого я вообще не говорил.

А. Право, ты ведешь себя так, точно — полиция. Меня терзает только, что

не слышать мальчик?

МУЖ. Гитлеровская Германия — это, вообще, не из моего словаря.

ЖЕНА. А квартальный? А что газеты все врут? Мальчик никогда не слышит ничего положительного. Это, вообще, вредно для молодого существа. Это только разлагает... Конечно, мальчик неспособен прямо взять да донести.

МУЖ. Он мстителен.

ЖЕНА. Да за что ему мстить-то?

МУЖ. Чорт его знает. Причина всегда найдется. Вот я отнял у него лягушку.

ЖЕНА. Да ведь это было неделю назад. Да он и забыл об этом. И я только-что дала ему пятьдесят пфеннигов. Он получает все, что захочет.

МУЖ. Да, и это взятка.

ЖЕНА. То-есть, как это?

МУЖ. Они сразу решат, что мы нарочно его подкупаем, чтобы он держал язык за зубами.

ЖЕНА. Ну, как ты думаешь, что они могут тебе сделать?

МУЖ. Все. Здесь нет предела. Господи боже! Вот будь после этого учителем. Воспитателем юношества. Я испытываю перед ним ужас.

ЖЕНА. Но против тебя, ведь, нет никаких улик?

МУЖ. Против всех есть улики. Все под подозрением. Совершенно достаточно подозрения, что человек подозрителен.

ЖЕНА. Но ведь ребенок — не настоящий свидетель. Ребенок сам не понимает, что болтает.

МУЖ. Это по-твоему. Да с каких это пор они нуждаются в свидетелях? Для чего бы то ни было?

ЖЕНА. Давай решим, что ты имел в виду. Мы скажем, что он просто ложно понял тебя.

МУЖ. Да, что я говорил? Я даже припомнить сейчас не могу. Всею виной этот проклятый дождь. Он нагоняет хапдру. Право, я последний из всех, кто стал бы умалять духовный подъем, переживаемый сейчас германской нацией. Ведь еще в конце 1932 года я предсказывал все, случившееся потом.

ЖЕНА. Карл, у нас нет сейчас времени рассуждать. Мы должны сообразить все, в точности и немедленно. Нельзя терять ни минуты. Значит, сначала про коричневый дом и про свинство.

МУЖ. Но ведь я же ни слова не говорил о свинстве.

ЖЕНА. Ты сказал, газета полна свинства, и ты откажешься от подписки.

МУЖ. Ну, хорошо, газета, но не коричневый дом!

ЖЕНА. А мы скажем так. Ты презираешь это свинство в ризнице и считаешь весьма вероятным, что именно те люди, которые находятся сейчас под судом, в свое время распространяли чудовищные небыллицы про коричневый дом и про то, что там не все чисто. И лучше бы они смотрели сами за собой. И ты сказал мальчику, чтобы он оставил радио и взял газету, так как считаешь, что молодежь Третьей империи должна иметь ясное представление об окружающем.

МУЖ. Это все не поможет.

ЖЕНА. Карл, не вешай головы. Ты должен быть сильным, как требует фюрер...

МУЖ. Я не могу предстать перед судом, когда моя собственная плоть и кровь свидетельствует против меня.

ЖЕНА. Не принимай так этого к сердцу.

МУЖ. Я встречался с Климбчем. Это было очень легкомысленно.

ЖЕНА. Но ведь с ним ничего еще не случилось.

МУЖ. Да, но ему прозит следствие.

ЖЕНА. Если бы все, кому угрожало следствие, сразу приходило в отчаяние...

МУЖ. Тебе кажется, что кварталный имеет что-нибудь против нас?

ЖЕНА. То-есть, если его станут спрашивать? Но ведь недавно ко дню рождения он получил коробку сигар, и чаевые к Новому году мы тоже дали не маленькие!

МУЖ. Гауфсы, что напротив, дали пятнадцать марок.

ЖЕНА. Да, но они еще в тридцать втором читали «Форвертс» и даже в мае тридцать третьего вывесили черно-бело-красный флаг.

Звонит телефон.

МУЖ. Телефон?

ЖЕНА. Подойти?

МУЖ. Не знаю.

ЖЕНА. Кто бы это мог звонить?

МУЖ. погоди. Если еще раз позвонит, тогда подойдешь.

Идут. Телефон молчит.

МУЖ. Нет, это не жизнь.

ЖЕНА. Карл!

МУЖ. Ты родила мне Иуду! Вот он сидит за столом и ест суп, который мы ему даем, и мотает на ус все, что говорят его родители. Шлик этакий!

ЖЕНА. Не говори так.

Пауза.

ЖЕНА. Как ты думаешь, — можешь притоптаться?

МУЖ. Ты думаешь, они сейчас идут?

ЖЕНА. Возможно.

МУЖ. Не надеть ли мне жеман крест?

ЖЕНА. На всякий случай, Карл.

Он достает крест и дрожащими руками прикрепляет его к лацкану пиджака.

ЖЕНА. Но ведь в школе у тебя порядок?

МУЖ. Почему я знаю? Я готов ко всему, чему и как они только хотят. Чему они хотят учить? Если бы я только знал! Почему я знаю, каким, по моему мнению, был Бисмарк. Ведь так издадут новые учебники! Не дашь ли девушке еще десять марок? Она только и подслушивает.

ЖЕНА. (кивает). А портрет Гитлера повесить ли нам его над твоим письменным столом? Это как-то внушает уважение.

МУЖ. Хорошо. Повесь.

Жена снимает портрет со стены.

МУЖ. Да, а если мальчик скажет, что мы его специально перевесили? Это служит доказательством нашей вшивости.

Жена вешает портрет на прежнее место.

МУЖ. Кажется отворили дверь?

ЖЕНА. Я ничего не слышала.

МУЖ. Нет, отворили!

ЖЕНА. Карл!

Она обнимает его.

МУЖ. Не теряй самообладания. Мне немного беля.

Дверь в комнату приоткрывается. Муж и жена стоят рядом, окаменев в углу комнаты. Дверь отворяется, и в комнату входит мальчик со стаканчиком мороженого в руках. Пауза.

МАЛЬЧИК. Что с вами?

ЖЕНА. Где ты был?

Ребенок показывает мороженое.

ЖЕНА. Ты только купил мороженое?

МАЛЬЧИК. А что же еще? Ясно.

Он, облизываясь, проходит через комнату. Родители восторженно и восторженно смотрят ему вслед.

МУЖ. Ты думаешь, он говорит?

Жена пожимает плечами.

Мудрые руки

О черк

«Хирургия есть искусство, и как таковое она больше всего требует творчества и менее всего мирится с шаблоном».

В. Вересаев. «Записки врача»

Галаган открыл глаза.
— Очнулся!

Кто-то в белом халате наклонился над Молодое женское лицо, блеснули

«ив!» — подумал Галаган удивленно. Вместе с сознанием вернулась боль. Она зеленело грызла правую ногу, нудным том подступала к сердцу.

Он вдруг затревожился. Как там? Вспомнить возникло снежное поле... Теснота ряды противотанковых пирамид... Точное заграждение на опушке леса... Обойти белофиннов и выбить из лес... Обойти белофиннов... обойти».

Глушительный грохот. Вырванные с вековые сосны высоко взметнулись в воздух и, как соломинки, закрутились в вихре. Потом ударило в ногу. Он очнулся. Кто-то подхватил его сзади. И в следующую секунду обожгло лоб, параннуло и залило кровью глаза. Его подняли и понесли. И, собирая в тугой узел бешеные мысли, он успел сделать распоряжения, передать командование и вернуться к своему ранению комиссару. Потом перевязывали, он почти не чувствовал боли, только усталость... Он следил за тем, что мог.

— На полковой пункт! — сказал кто-то. Но он ничего не помнит.

Он куда-то исчезло. Дни и ночи слились в непрерывную цепь напряженных дел. Из операционной в сортировочную, в палатку, в палатку тяжело ра-

ннейших. Выезды на консультацию в другие госпитали. Работа с врачами и сестрами. Профессор Гориневская всюду послевавала, неутомимая, вся собранная, всегда приветливая и мягкая. Сегодня она ушла из операционной после трех суток непрерывной работы. Все ответственные операции были сделаны. Смена, освеженная сном на местах.

Валентина Валентиновна раздевалась. Долго возилась с валенками. Они как будто приросли к ногам, особенно к левой.

— Позвольте, я помогу, — попросила Сапожникова.

— Нет, спасибо... Просто нога отекла. Вот, готово.

— А! Какой отек! — встревожилась Сапожникова. — Еще бы, трое суток без сна на ногах.

— Ничего вы, Леночка, не смыслите в медицине. Это у меня от злости ноги пухнут.

— От злости?!

— Ну да, от злости! — сонные глаза ее смешливо щурились.

— Электричество то и дело портится. Рентген еще не привезли. Вот и злишься, а от злости ноги... — она вытянулась под серым байковым одеялом и замолчала. Сапожникова постояла немного, прислушалась. Ничего. Дыхание ровное. И вышла из палатки.

Майора Галагана доставили в госпиталь ночью. Он был без сознания. Дивизионный врач в сопроводительной записке настаивал на немедленной эвакуации в тыл.

Утром Сапожникова докладывала Гориневской:

— Я оставила его на свой страх. В таком состоянии эвакуировать нельзя. Я сделала ему переливание крови.

И опять кто-то возился над его расprostертым на столе телом.

— Молодец, молодец! — ободряюще говорил женский голос. — Все в порядке, и нога цела будет.

— Врачебная этика! — с усталым безразличием подумал Галаган. — Всегда утешают.

Но в больших, очень светлых глазах женщины что-то напомнило ему родной дом, жену... мать... Мягкая марля легла на лицо. Обуряющий противный запах...

— Считайте.

Майор Галаган послушно считал:

— Один... два... три...

— Считайте...

Он пересиливал дурман.

— Пять... шесть...

И снова куда-то проваливался.

В этот день у Валентины Валентиновны все не ладилось. Как только Галагана принесли в операционную и Гориневская начала обрабатывать рану, внезапно погасло электричество. Пришлось продолжать операцию при керосиновой лампе. Потом выскользнул из рук пинцет.

— Дайте другой, — сказала она сестре.

Когда подали пинцет и операция была закончена, не оказалось стерильной простыни.

Госпиталь еще не успел развернуться. Приходилось работать с неопытными сестрами, только что приехавшими из глубокого тыла. Рентгеновский кабинет и бригада сработавшегося с профессором Гориневской медицинского персонала застряла где-то на дороге, загруженной боевыми частями.

С тяжелым чувством Валентина Валентиновна вышла на воздух. Сквозь морозный туман, в той стороне, где был Выборг, полыхали пожары. Грузовые машины подвозили к госпиталю новую партию раненых.

Подшел молоденький шофер.

— Как здоровье майора Галагана? Мения бойцы просили узнать. Нога цела будет?

— Трудно сказать пока, — ответила Гориневская уклончиво, — примем все меры.

— Знали бы вы, командир какой! Спасите его нам, товарищ профессор!

Где-то тихо тикают часы. Кровь стучит в висках. Галаган с раскрытыми веками. Нет, часы, настенные и тикают уютно, по-домашнему. На тумбочке около его койки еловый шарик в фарфоровой вазе. Мерещится? Нет, от температуры... Где уж тут фарфоровые вазы! Несколько километров... и ветер стучит в сплошное оконце круглой. Брезентовые стены натянуты паруса. А в палатке тепло. В воздухе тонкий смолистый запах хвои. Пахнет о весне, о лесе... Он струится по ветки в фарфоровой вазе. Знаете ли, не бред? Чтобы убедиться, Галаган протянул рукой к ветке, и от неосторожного движения притихшая, было, боль возобновилась в ноге.

Надо думать о чем-нибудь другом, легче терпеть. Это знал уже девятилетний красноармеец Галаган, раненый во время гражданской войны в ту же ногу.

Почему ее не отняли сразу, в госпитале? Он был тогда без памяти. Но здесь узнал от сестер, что сначала ампутировать немедленно... боленство врачей. А главный решил подождать, что скажет профессор Гориневская.

— Ну, как дела? — над ним наклонилась женщина, маленькая, пожилая. — Гага зудит? Это еще что! Благодать. А вот на Халхин Голе... Там комаров спасения нет. Делаешь операцию, а комар сядет больному на нос. Тот жалуется зудит! Отгонишь, а комар с носа перелетит на щеку, — тут только поспевай. И комария не ждет, и комаров отгонять комаров на нос больному чесать. Беда!

Галаган усмехнулся. Шутливые как будто ужимались боль. И пока ждали, говорила, ее легкие быстрые руки перевязывали рану. Он не чувствовал косновения пальцев.

Где он видел эти большие, очень большие глаза? Старался припомнить и вспомнил. Вдруг лицо ее стало строже. Она перелистывала какую-то запись на листке бумаги, поданном сестрой.

— Температура! — догадался Галаган, тоже омрачился.

— Мамка-профессор, поди сюда, — с соседней койки слышал бас.

— Так это она, профессор Гориневская, о которой ходят легенды среди бойцов? «Мамка-профессор!»

— Поправь ногу, мамка-профессор.

— Да что профессора беспокоит, вмешивается сестра. — И я могу вмешиваться.

сы. П...
и с...
ы, б...
о-дом...
елова...
я? Н...
фарф...
... и...
нде к...
атянут...
В на...
пах в...
итея...
Знач...
агап...
остор...
ль на...

ет, уж оставь, сестрица: так не
ь. У Валентины Валентиновны ру-
нная.
евская осторожно передвигает за-
аную ногу, поправляет подушку у
раненого, который жалуется, что
неудобно, терпеливо и ласково вто-
т что-то третьему.

Иди сюда, профессор!
ет, ко мне.
Мостой около меня!
Расскажи что-нибудь. Ты вот давеча
столжовала, где у человека печенка,
пезенка. И мне расскажи.

а Боре Наплавкову сказали, что по-
дется отнять, он отвернулся и за-
глаза. Валентина Валентиновна мяг-
глаживала его русые волосы.
Что о ноге горевать. Боря. Голову
надо.

А может не надо? — Он посмотрел
прозрачными, посветлевшими гла-
— Хорош защитник родины! Без но-
Потом, помолчав, спросил:

Кто-нибудь из нашей части здесь
скажи легко раненного бойца. пря-
Дот взяли? — по-деловому коротко
лся к нему Боря.
Взяли!

тенант Наплавков вздохнул и под-
себе под щеку руку Валентины Ва-
новны, снова закрыл глаза.
Делайте со мной, что хотите. Вам

да Борю унесли в операционную.
Галаган долго смотрел ему в след.
доставили в госпиталь почти одно-
но, и характер ранения был тот же,
же упорно, несмотря на все приня-
ры, развивалась анаэробная инфек-
Принесут из операционной Наплав-
несут Галагана — и тоже отнимут
пература все поднималась. Станови-
гушно, тревожно.

мные волны осаждали палатку, уда-
в брезентовые стены равномерно и
ивно. И вдруг со всех сторон хлы-
вода. Раненые вскакивали и звали на
агап рванулся, но кто-то крепко дер-
го за руку.

шка в белой косынке вынула у него
льнички термометр, спрятала в фут-
все сразу успокоилось. В раскален-
красна железной печке мирно потре-

скивали дрова. Белые халаты сновали
между койками. Пахло лекарствами и
на тумбочке зеленая ветка в фарфоровой
вазе скромно напоминала о весне. И опять
грохот ширбоя... Где-то совсем близко.

— А температура-то ползет! И что с га-
зовыми возиться! Науку перехитрить хо-
тим... В девяносто девяти процентах ампу-
тировать надо.

Галаган узнал усталый голос дежурного
врача, но глаз не открывал. Ему хотелось
последовать, что он еще скажет.

— А она все копается в операционной,
без малого два часа. Ох, уж эти мне жен-
щины-хирурги!

Девушка в белой косынке возражала
сдержанно и тихо. Галаган не расслышал
слов.

— Много вы понимаете! — прикрикнул
на нее дежурный. — Настоящему хирургу
двенадцать минут достаточно, чтобы оття-
пать ногу. А ваша Гориневская только му-
чает больного.

— Пропал! — тоскливо подумал Гала-
ган. — Нога распухла и посинела... Если
начнется общее заражение... пропал... и
ампутировать будет поздно. Верно, он прав,
этот врач. Все-таки мужчина. Отнимать
так отнимать! Один конец. И зачем она
только тянет!

Что с ними будет, с женой и матерью,
когда узнают! Мать поцеловала его тогда
и отвернулась, чтобы скрыть слезы. А же-
на... какая молодчина! Она даже улыба-
лась. Только в глазах...

Двое санитаров подошли к койке.
— Уже? — забеспокоился Галаган. —
А Наплавков?

— Да нет же, на рентген. Кабинет
привезли, — улыбнулась сестра, и закутала
его в меховое одеяло.

— Валентина Валентиновна...
Она не слышала. Подошла к Наплавко-
ву, поправила подушку, что-то шепнула
ему, и на измученном лице наметилась
бледная улыбка.

Как она раскраснелась. Женщина... по-
жилая, слабая... У нее, верис, сил нехва-
тает...

Галаган тревожно следил за всеми ее
движениями. Вот... сейчас... Сейчас подой-
дет к нему...

— Валентина Валентиновна... — у него
пересохло во рту... Валентина Валенти-
новна... вы мне сегодня не делайте опера-
цию... ведь вы устали...

Она посмотрела на него, удивленная.

— Устала? — и вдруг молодо расхохоталась. — Что ему приходит в голову! Да мы еще посмотрим, — может быть, вовсе не будем делать операцию. Ну-ка дайте снимок.

Она внимательно разглядывала полупрозрачную пленку, которую незадолго до этого принесли из рентгеновского кабинета.

— Конечно, не будем. — И показала сестре темное пятно на снимке.

— Вот он где, осколок. Собирайте его...

— В операционную? — всловошился Галаган.

— Успокойся, голубчик, — переходя на ласковое «ты», сказала Гориневская. — Надо почистить рану. Только и всего. Вот она где твоя инфекция сидит, видишь? — и показала ему снимок.

Значит, опять операционный стол, противный дурмящий запах, опять провал куда-то, откуда, может быть, не вернешься.

Сняли бинты. Гориневской подали пинцет.

— Как?! Без наркоза?

— Ну-ну не волнуйся. Немного потерпи, одну минуту. Так для тебя же лучше.

Галаган стиснул зубы. Сверлящая боль пронизала все его существо от раненой головы до сердца и вдруг отпустила.

— Вот твоя шинель, видишь?

Клочок сукна, пропитанный кровью, повис на конце пинцета.

— Погоди, погоди, голубчик! Погоди, милый.

Боль снова впиалась в рану.

— А ну-ка, расскажи, что это, от снаряда или от мины?

Галаган взглянул на осколок, зажатый в пинцете.

— Мина. Снаряд от миномета.

— Все. Галаган. Будь покоен. Нога цела останется. Из строя ты не уйдешь.

Блаженное успокоение охватывает тело, как теплая ванна. Потом сон — глубокий, тихий, без сновидений и бреда.

Галаган просыпался ненадолго, его кормили, потом опять засыпал.

Это было на вторые или третьи сутки.

Он теперь плохо разбирался во времени. После перевязки Гориневская сказала:

— Сегодня, голубчик, полетишь; в Ленинград.

— Как? Уже? Значит нога останется... — И вдруг лицо его жалобно, как у ребенка, сморщилось.

— А как же я без вас?

— Ничего, теперь и без меня будет, — усмехнулась Гориневская. — том напишешь мне. Ведь напишешь?

— Профессор, к нам!

— Нет к нам, к нам!

Все, кто уже был на ногах, бегом к ней навстречу в коридор. Она в палату.

— Ну как, Боря, поправляешься?

Лейтенант Наплавков протянул вперед и схватил ее за платье.

— Валентина Валентиновна! Здесь же это?... В Ленинграде? Когда ли? — Он дремал. Проснулся от коридоре. Может быть, это только жение сна? — Не уходите, Валентина Валентиновна.

— А я и не собираюсь. — Она вольствием смотрела на его порозовевшее округлившееся лицо. — Хорошо тебе Наплавков вздохнул.

— Мировой госпиталь. По последнему слову техники. Только мне бы лучше в лесу, в палатке. Верно.

Объемистая книга скользнула по полу и со стуком упала на пол. Гориневская нагнулась, прочла, удивленная: «Острый травматологии». Ее труд?

— Откуда это у тебя?

— А вот достал! — Он с забавной гордостью посмотрел на нее. — таю.

Майор Галаган терпеливо ждал так хотелось, чтобы она скорее закончила боялся, что не успеет рассказать ей отзовут, помешают. Лучше под конец да всех обойдет. Только бы не забыть упустить чего-нибудь: во-первых, попал от врача за то, что он от перевязки в первый вечер в Ленинграде. Ну и что же особенного мысленно оправдывался он перед Валентиновной. Температура мальная, самочувствие хорошее — мучать лишней перевязкой? Он да смеемся, вспомнив выражение лица когда сняли бинты и рана оказалась рошем состоянии.

— Кто делал перевязку?

— Профессор Гориневская.

— Сама? Да-а. Ну тогда конечно. Теперь конец — раны зарубцева ногу сфотографировали, как образ гической обработки. Вот про это быть. А еще?

Гориневская уже подходила к его
он потянулся к ней, хотел что-то
и не смог, не находил слов.
вот и увиделись! — тепло улыба-
на. — Я уже справлялась о вас.
шлось лучше, чем можно было

кан молчал, судорожно стиснув ее

бу, ну, ну, — сказала она. — Ты у ме-
на и в поддом, Галатан, к осени в строю

А он так и не сумел ничего
ей... даже о том, что жена хо-
благодарить за спасение
ни... В последний раз мелькнула в

неввысокая фигура в белом халате
полотняная шапочка на седующих

ам письмо.
ессор Гориневская только что вер-
из дома отдыха, не успела даже
нальто. Стопка писем, повесток, при-
льных билетов, накопившихся в ее

ви, лежала на письменном столе.
заложенного костяным ножом объе-
тома травматологии.

Валентина Валентиновна бегло просмо-
вестки и, отодвинув в сторону
распечатала только что получен-

Валентина Валентинов-
не могу найти слов, как вас побла-
за то, что Вы сделали для меня
моего ранения в районе Халхин

спиталь Томсак-Булак.
Вашей мудрой умелой руки я стал
ным человеком. Я родную мать

потому что она дала мне жизнь,
ла и воспитала. А Вы для меня
мать, потому что Ваша рука вер-

к жизни.
посылаю два фотоснимка для того,
Вы посмотрели на Вашу работу.

снимков до ранения, другой после
ратуры.
до свидания.

И. Жирохов.
28 мая 1940 г.

ессор Гориневская долго и внима-
рассматривала фотографии. На од-
них был изображен летчик-бурят.

он же, только с двумя тонкими,
метельными шрамами на щеке и на

было летом 1939 года. Летчик
расшился при неудачной посадке.

лица у него была сплошная крова-

вая рана. Одна щека сорвана, нос свернут
на сторону, кожа головы скальпирована.
Уцелели только глаза. Товарищи немед-
ленно доставили Жирохова на самолете в
госпиталь.

Четыре часа работала Валентина Вален-
тиновна вместе с доцентом Скунджиной,
чтобы восстановить пострадавшему разби-
тое лицо. Сделали пластическую операцию,
наложили швы.

На другой день обе пришли навестить
больного и остались довольны результа-
ми. Только приплюснутая форма носа не
удовлетворяла Валентину Валентиновну.

— Нос такой был и раньше, — заметил
больной успокоительно.

Через несколько дней профессору Гори-
невской пришлось уехать в Читту. Раненый
оставался в надежных руках. И все же
Валентина Валентиновна тревожилась.
Что, если, несмотря на дренажи, рана нач-
нет гноиться? С новой остротой возникла
тревога, мучившая ее столько лет назад,
когда она только начинала применять так
называемую «первичную пластику», т. е.
делать пластическую операцию немедлен-
но вслед за ранением.

Это было в 1925 г. Валентина Вален-
тиновна, заведывавшая в то время хирурги-
ческим отделением лечебно-протезного
института, уделяла особенное внимание
борьбе с промышленным травматизмом, и
мысль о первичной пластике упорно ее
занимала. В институт то и дело поступали
для повторных операций инвалиды войны,
еще молодые, но уже потерявшие трудо-
способность люди, с деформированными не-
сгибающимися руками и ногами, скрючен-
ными пальцами, в которых нервы были
ущемлены рубцами. Что если бы этим
изувеченным людям была бы сразу оказа-
на рациональная травматологическая по-
мощь! Сколько полноценных работников
получила бы страна. Опыт первичной пла-
стики представился сам собой. Рабочий
Гознака Николаец, принимая из ремонта
ротационную машину, попал рукой в ше-
стерню. Его привезли в институт с огром-
ной рваной раной на внутренней стороне
локтевого сгиба. Мускулы были развороче-
ны, лоскутья кожи висели по краям.

Незадолго до несчастного случая с Ни-
колаецом в институт прислали рабочего
из провинции со старым ранением такого
же типа. Рука была деформирована. Кожа
стянута рубцами. Новая операция дала
некоторое улучшение, но достигнуть мол-
ного восстановления движений все-таки не
удалось. Этот случай заставил Горинев-
скую решиться на первый опыт. Рана

печатника Николаева после первичной обработки была покрыта лоскутом кожи, взятым с живота, и зашита.

Вернувшись домой, Гориневская долго не могла успокоиться. Не слишком ли много она взяла на себя? Что, если эта смелая операция окончится неудачей? Если образуется нагноение? Если... Да мало ли что может случиться!

Она рылась в своей библиотеке, перелистывала объемистые томы на немецком, французском, английском языках, искала поддержки в чужом опыте — и не находила.

Книжка небольшого формата в сером картонном переплете попала ей под руку. Вересаев, «Записки врача».

Валентина Валентиновна с улыбкой пробежала глазами полузабытые страницы. Они воскрешали в памяти юность, студенческие годы, бурные споры о врачебной этике. В то далекое время это была настольная книга почти для каждого врача и настоящее откровение для студентов-медиков. На странице, резко очерченной карандашом, Гориневская остановилась. Любопытно, какая мысль привлекла ее внимание в те далекие годы. «Хирургия есть искусство, и как таковое — она больше всего требует творчества и менее всего мирится с шаблоном», — читала Валентина Валентиновна. — «Где шаблон, там ошибок нет; где творчество, там каждую минуту возможна ошибка. Долгим путем таких ошибок и промахов и вырабатывается мастер».

Она перелистала несколько страниц и нашла новое очеркнутое карандашом место: «Путем этого постоянного и непрерывного риска, блуждая в темноте и отрекаясь от своих заблуждений, медицина и добыла большинство из того, чем она теперь по праву гордится. Не было бы риска — не было бы и прогресса. Это свидетельствует вся история врачебной науки».

В эту ночь Валентина Валентиновна спала спокойно. Наутро она побежала в институт раньше обычного. Оперированный печатник чувствовал себя хорошо. Температура не повышалась. Все же первые пять дней Гориневская была в тревоге. Она боялась нагноения и по нескольку раз в день навещала больного. Но приживание новой кожи проходило отлично. Через месяц двигательные способности начали восстанавливаться, а через два они вернулись полностью. Сотни аналогичных операций прошли через руки профессора Гориневской и ее ассистентов за последующие

годы. Но они производились в тяжелых условиях, и оперированные все же умирали, ходились под ее непосредственным наблюдением в течение дня.

Врач, приехавший из госпиталя в Булак в Читту, успокоил ее.

— Ваш летчик поправляется.

И теперь, почти год спустя, она показала эти две фотографии.

В декабре 1940 года, когда летчик, награжденный орденом Знамени, приехал за получением в Москву, профессор Гориневская приехала в хирургическом обществе изумительный случай полного излечения разбитого лица.

— Здравствуйте Елена Марковна! Саложникова остановилась.

— Не узнаете?

Она старалась припомнить. Моего крепкотелый, с зубастой улыбкой.

— Не узнаете, вижу!

И вдруг сквозь жизнерадостные проступили черты умирающего — тупые скулы, потухший взгляд.

— Зайцев! — вскрикнула она. — поправился же! Ни за что не узнаю дела?

— Ого-го! — весело захохотала Саложникова. — С осени опять в армию. Идите к чорту! Мне Валентину Зайцеву новеньку повидать бы.

— Ее сейчас нет в институте. В Наркомздрав. И не скоро вернется. ходите завтра, Зайцев.

Радостная улыбка потускнела и пошла.

— Уехала. Ну да ладно. Передайте пока записку.

Саложникова взяла записку, доверила Зайцеву вслед, пока он не вышел в конце коридора.

Кто бы мог поверить, что он так выживет. Он был ранен в крестец. Гранаты проникли глубже, в кишечник. В левом госпитале этого не распознали, только на третьей сутке, когда он в Терноки, Гориневская определила тонит, уже запущенный. После Зайцева долго выхаживали, хотя было мало. Воспаление брюшины того редко выздоравливают. температура, сильное истощение в результате общей инфекции, — все это околоушных желез.

в последний вечер после обхода, глядя на все еще бледное, землистое лицо, Сапожникова и поняв, что на утро Зайцева не станет.

— Нельзя ли все-таки так сделать, чтобы он остался жив,— застенчиво сказал Зайцев. Когда его положили на операционный стол.

Сделанная операция, тщательный медицинский уход и теплая женская забота отстояли жизнь. Сестры возились с ним, как с маленькими, как с маленькими ребятами. В промежутках между дежурствами они готовили для них лакомые домашние блюда. К концу месяца младший по возрасту Павел Зайцев перешел из разряда безнадежных в разряд поправляющихся.

Михаил Лихолап звонил из санатория в Големельском. Просил Гориневскую приехать навестить его. А она не могла. Там были большие в институте Склифасовских больницы ее безотрывно в Москве. Было очень досадно. Чувство связи с теми, кого ей удалось спасти от смерти, оставалось навсегда. Михаил Лихолап был особенно дорог Гориневской. Он оправдал ее лозунг: «Безнадежные».

Он был на дивизионном пункте в район Големельского. Она обходила тяжело раненых. В самом углу палатки лежал безнадziejный,— сказал сопровождавший ее врач.— Мы не сможем спасти его в покое.

Она и действительно оказался безнадziejным. Часть черепа сорвана. Одна половина тела парализована.

Валентина Валентиновна подумала с минуту. А все-таки... надо попробовать спасти его. Какое-то время сделали переливание крови, удалили осколки из раны.

Через несколько часов спустя Валентина Валентиновна сделала «безнадziejному» третью операцию. Все врачи дивизионного пункта собрались в операционной.

На другой день, когда профессор Гориневская пришла навестить Лихолапа, лицо его уже осмысленное выражение. Он владеет еще речью, но уже соображения парализовал.

Ничего, ничего, будешь ходить и говорить все будет в порядке,— подбадривала Валентина Валентиновна.

Перед отъездом в Читту профессор Гориневская пришла в последний раз на своего раненого и попрощаться с ним.

Он забеспокоился, стал тянуться к ней, заплакал.

И Валентина Валентиновна и сестры были поражены. Значит, он понял, что она уезжает? Значит его умственные способности восстановлены?

Через несколько дней после отъезда профессора Гориневской в Читту туда эвакуировали и Михаила Лихолапа. Они снова встретились. Обрадованный юноша знаками просил Валентину Валентиновну оставить ему адрес.

А месяц спустя она получила от него телеграмму: «Разговариваю. Правая нога работает нормально, правая рука частично. С приветом Михаил Лихолап».

В самом конце аллеи, между двумя рядами белой акации в цвету, синело море.

По контрасту в памяти возникает другое море, застывшее, окованное льдами. Финский залив. Под сумрачным северным небом короткий зимний день незаметно переходит в ночь. Из операционной в сортировочную, из сортировочной в перевязочную, в шоктовую палатку, в палатки тяжело раненых, потом опять в операционную. День, ночь. День, ночь.

Настал, однако, день, неизвестно который по счету, когда явилась возможность отдохнуть. Поток раненых схлынул. Все необходимые операции сделаны. Больные рассортированы по специальным палаткам. Спать! Спать! Напряжение последних дней сменилось невыразимой усталостью. Сон, насильственно оттопяемый в течение стольких часов, теперь валит с ног на ходу. Валентина Валентиновна вяло натягивает на себя полушубок, нахлобучивает плем. Но выйдя за дверь госпитали, внезапно останавливается, удивленная. Солнце! Щедрые, янтарно-желтые потоки пронизывают звонкий от мороза воздух, переливаются радужными самоцветами в пушистых седицах хвои.

После нескончаемых декабрьских сумерек, когда день трудно отличить от ночи,— солнце. Сон куда-то отодвинулся. Валентина Валентиновна вспомнила, что залив в нескольких шагах. Ее потянуло к морю. Невиданное, изумительное зрелище! Накануне был шторм, и вздыбленные валы, оледенев, застыли в стремительном своем взлете. Лежящие торосы, теснясь и ослепительно сверкая в изломах, громоздятся друг на друга. И над этой окованной льдами бурей закат полыхает албым, фиолетовым, оранжевым пламенем.

Услышав голоса, Валентина Валентиновна оглянулась. Оказывается, она не одна здесь. Вся смена высыпала вслед за ней

к заливу — врачи, сестры, дружинницы. У всех на измученных усталостью лицах восхищенно блестят глаза.

Полчаса спустя, когда закат погас, возвращались притихшие и как будто еще до сна освеженные. В сумерках уныло торчали почерневшие трубы сожженных белофиннами строений.

Отчего так радостно вспоминать это тяжелое время? Отчего образы людей из этого недавнего прошлого так близки сердцу?

В едином стремлении обеспечить своей стране победу объединились старое и молодое поколение научных работников.

Известные деятели науки профессора Бурденко, Ахутин, Вейсброд, Банайтис, Энтин, Куприянов отдали Красной Армии все свои силы и время, свои знания и опыт. Молодые специалисты — Фраткин, Сбарш, Зимина, Поссе и многие, многие другие самоотверженно, без передышки работали на передовых позициях.

Саложникова и Колпакова — аспирантки института Склифасовского, не зная отдыха, забывая о сне и пище, выхаживали тяжело больных и тщательным уходом спасли многие жизни.

А лекпом Надежда Спасова! На линии огня она перевязывала раны бойцов, и только будучи трижды ранена сама — вышла из строя.

А батальный врач Африканова, которая с песней повела за собой оробевших было санитаров собирать под огнем раненых.

А студентки-медики, вносящие в суровые фронтовые будни свою бодрую готовность на всякий труд, свою неутомимую молодость.

А бесчисленная армия сестер и дружинниц, создававших вокруг раненых в их брезентовых палатках тепло и уют домашнего очага, атмосферу родной семьи!

Как радостно было вновь встречаться с некоторыми из этих людей.

Тени становились длиннее, небо золотистей. Пронзительней запахи моря и земли. Двое военных шли по забрызганной солнечными пятнами аллее. Они оглядывались, как будто кого-то искали, потом, увидев Гориневскую, бросились к ней.

— Валентина Валентиновна!

— Мы слышали, что вы здесь, и...

— Майор Галаган? — она с трудом узнавала его, так он окреп и загорел.

Другой, совсем юный, схватил ее руку, прижал к груди. Губы его задрожали. Рес-

ницы часто заморгали. Вскликивая о своей несдержанности, он отшатнулся и бросился прочь по аллее.

— Кто это? — спросила Гориневская.

— Неужели не помните? Ведь лейтенант Бак. Он о вас без воли говорить не может, ведь вы его опередили и вот он совсем здоров, а вы...

— Верно, у него все гладко и оправдывалась Гориневская. — Мои удачных всегда меньше думаем. Мои пальцы на руках: дороги все дорожки, чувствуешь только тот, который бегает.

— Мне так трудно, Валентина Валентиновна, и я не умею выразить... Нет слов...

Галаган говорил медленно, с остановками, как будто вслушиваясь в саму себя и преодолевая какое-то внутреннее препятствие.

— Ведь я ваш вечный должник. Если бы не вы, меня не было бы в этом свете. Он протянул ей фотографию. — Помните мы тогда снимались, в...

Галаган, Саложников, Колпакова — сама, Гориневская; на обороте —

«Всеми уважаемой Валентине Гориневской в знак большой Вашей дружбы от бойцов и командиров Красной Армии. Ваше большое от глубины сердца спасибо. Вам и за мое возвращение «с той»»

Г а л а г а н П

— Хотел бы я быть на вашем месте, говорил он, пока она рассматривала снимок. — Хотел бы я знать, что вы чувствуете, когда спасаете человеческую жизнь.

Гориневская тепло улыбнулась и улыбается взрослые вопросам детских детей.

— А вы что чувствуете, майор, когда выполняете боевое задание? — спросила она.

В санатории зазвенел гонг.

Юный артиллерист вынырнул из аллеи. Вид у него был смущенный. Гориневская поднялась ему навстречу.

— Идемте чай пить, лейтенант. Спешите, зовут.

Юноша просиял.

— Валентина Валентиновна! Вы узнали меня? Вы меня помните?

— Ну, конечно, помню, слышала Гориневская. — Идемте, идемте в столовую. Надо поправляться, крепнуть, набраться сил. Ведь нам с вами еще предстоит работать и, может быть, очень с...

«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые,—
Его призвали Всеблагие
Как собеседника на пир».

Когда-то так сказал поэт,
Обозревая даль столетий.
А в наши дни на всей планете
Горит войны кровавый свет.

И в грозный для отчизны час,
Когда она, в упорстве яром,
Крушит своим стальным ударом
Врага, напавшего на нас,

Когда людей советских рать
Идет на подвиг благородный,
Чтоб край цветущий и свободный
От орд фашистских отстоять,—

Я вспоминаю эти строки
И постигаю их до дна:
Счастлив, кто в этот миг жестокий
С тобой, великая страна!

Месяц в фашистской Германии

I. В БЕРЛИН

Мы вылетели в Берлин 22 августа 1940 года. Летели на немецком самолете.

Путешествие было не из приятных. На посадках самолет, прежде чем приземлиться, долго виражил, ложась то на одно, то на другое крыло, причем земля стеной вырастала то справа, то слева, и пассажиры говорили, что вот, мол, всех хороших немецких летчиков забрали на войну, а в «Люфтваза» взяли какие-то ломовые извозчики.

У Белостока советский военный самолет посадил нашу пассажирскую машину на военный аэродром, так как немцы залетели куда-то, куда не полагается. Летчики отварились объясняться к коменданту, приказав нам, пассажирам, не топкидать своих мест, не выходить и не выглядывать. Тут мы впервые познакомились с немецким официальным языком. Когда вы в Германии имеете дело с официальной властью — хотя бы самой маленькой: таможенным чиновником, шурманом, почтовиком, — вы непрерывно чувствуете себя незаслуженно оскорбленным, так как тон и содержание речи призваны дать вам почувствовать все ваше бессилие и ничтожность перед представителем власти.

Берлин встретил нас мелким противным дождем. Вчера, в Москве, было жарко, а здесь — сегодня — пронизывающая осенняя сырость, сумрак, туман. На знаменитом аэродроме «Темпельсхоф» нас погрузили в большой красный автобус, весь оклеенный пестрыми рекламными продуктовыми выдываемыми по карточкам, и пронитавный удупающим запахом дешевых сигар. Этот запах преследует здесь человека повсюду, во всех общественных мес-

тах, от вокзала до метро включит. Через 10—15 минут нас высадили в центре города у помещения бюро шестивий, откуда нам предстояло добраться по месту назначения самостоятельно. Первым ощущением было, что все окружающее, — ненастоящее, не настоящее себе представляли Берлин. Ненастоящим казалось прежде всего то, что город почти беззвучен. В центре европейской столицы почти полностью отсутствует движение городского транспорта. Автобусов и трамваев не видно совсем, не слышишь звонков, даже громкой речи, а потому шарканье ног прохожих слышится отчетливо, как у нас, в Москве, где и ночью. Необычно казалось нам также, что улица узкая, а все дома разны и разнокалиберны. Пестрые выписанные вычурным готическим шрифтом, невероятно разноцветные и в костюмы женщин — как это немцам безвкусно, если не сказать убого. Германия — страна высокой техники, а эта техника — где хорошие машины, где движение, шум большого пейзажного города?

Но вот в конце улицы появилась большая бесшумная автомашина. Услышавшись своих скороспелых выводов, мы с нетерпением взираю на это загадочное чудо, при ближайшем рассмотрении оказывается обыкновенным московским автобусом, посланным за нами из Торлота. На нем мы проезжаем по началу, но уже темнеет улицам: и везде ослепительная тишина; позже, к вечеру, полная пустота. Люди с приближением темноты скрываются в домах, нигде ни огней, затемненные абсолютно, нет ни лампочек, ни огней светофоров, погружен в глубочайший мрак, — и неподвижность.

II. ЭРЗАЦ

ний вид Берлина и Лейпцига го-
о жестоком военном напряжении.
забиты войсками. Вообще эти
узко утилитарные, по-казенному
ивые, для нас необычны. Мы при-
к тому, что общественные соору-
— вокзалы, магазины, станции
— это наиболее красивые и бога-
тства наших городов. Когда на бер-
лах или лейпцигском вокзалах вспо-
шь прекрасные живые пальмы,
лющие зал ожидания Киевского вок-
архитектуру Ленинского вокзала
Камышинского речного порта, ясно чув-
шь, насколько даже во внешнем ярка
остна наша жизнь.

Германии роскоши дворцы, остав-
от кайзерских времен, и в особен-
частные особляки крупных капита-
в. Театры же, вокзалы и метро —
ено метро! — более чем скромны.
иский метрополитен построен около
лет тому назад. В наши дни его
станции, низкие, выложенные по-
вышим баньным кафелем, и деревянные
желтые прокуренные, облепленные
ими рекламными вагоны имеют жалкий
Вокзал современной Германии — это
ное законченное годами злания, архи-
ра и внутренняя отделка которого ви-
не претендуют на красоту. Асфальти-
ные шолы, обнаженное железное
крытие, потемневшие голые стены,
ый запах дезинфекции и дешового
ую производит унылое впечатление.
чки с надписями «берегите ванны из-
от воров!» — говорят о том, что
ациональная честность немецкого наро-
ильно поколеблена. В магазинах нас
предждают, чтобы вы не клали су-
на прилавок, а в Лейпциге из ком-
одной из наших сотрудниц что-то
новые туфли на деревянной под-
и несколько марок деньгами. Прав-
в, а за мелкую даже кражу, совершенную
ичное в 8 часов вечера, здесь рубят голову:
ени, это не останавливает людей, дове-
всех до крайней нищеты.

Германия нищает, разоряемая войной.
том наглядно свидетельствует пора-
ная пустота улиц столицы. Лучшие
шины либо стоят в гаражах, так
частным лицам бензин не отпускает-
все, либо забраны на войну. Такси
имеете право брать лишь от вокзала
имея на руках удостоверение о том,
езете больного. Большая часть тех
тих таксомоторов, что мне удалось

видеть на улицах Берлина и Лейпцига, —
старомодные и непомерно высокие, дре-
безжащие на ходу квадратные личики.
Машины, циркулирующие по городу, — это
в основном малолитражные трехколесные
грузовички, выкрашенные в красный и
желтый цвета, издающие совершенно не-
вероятный треск и удручающую вонь
скверного бензина. Они появляются глав-
ным образом ранними утрами, чтобы раз-
везти скудные запасы продуктов по мага-
зинам.

В первый же день пребывания в Гер-
мании меня удивило то обстоятельство,
что лицо и шея каждого третьего-четвер-
того из встречаемых были украшены пла-
стырями. Пластыри прикрывают нарывы,
вызванные регулярным недоеданием. Про-
дуктовые магазины Берлина пусты. Все
пермировано жесточайшим образом. До-
стать что-либо помимо карточек невоз-
можно. Но не все то, что обозначено в
карточке, можно получить на деле. Пола-
гается, например, по одному яйцу на че-
ловека в неделю, но, властями заявлено,
что яйцо (так я сказано «яйцо») они
гарантировать не могут. Поэтому немед-
ленно по извещении о том, что «выдают
яйцо», у магазина выстраивается очередь.
Крупы не видно нигде, сахар дается едва-
ли не раз в квартал какими то минималь-
ными дозами, конфет широто нет, и
многочисленные магазинчики с заманчивой
вывеской «Шоколад» заперты на замок.

Эрзацы — заменители играют немалую
роль в питании: отдающее химикалиями
немецкое мороженное песьедобно: бог весть
из чего изготавливается выдающийся в
счет хлебной нормы «гебек» (пирожное и
печенье), но есть этот «гебек» свише
сил человеческих. Булги — серые, м-
тально сохнут, присутствие кукурузы в
муке несомненно. Пиво — суррогат, ко-
фе — суррогат, табак — тоже суррогат.

Чего, как вам кажется с первого
взгляда, не коснулась война — это мага-
зинов конфекциона, мебели, посуды, обув-
ных. Но покупателей в этих магазинах
нет. Есть люди, которые ходят, смотрят,
прицениваются, но никто ничего не по-
купает. Попробуйте воспользоваться этим
и купить пару чулок, галстук или, хотя
бы, носовой платок. Немедленно же у вас
спросят: «А ваши пункты?» — Дело в
том, что каждому немцу выдано сначала
войны «сто пунктов» — сто талонов на
покупку ширтоваров, и за каждый пу-
стяк — катушку ниток, лифчик, даже
тряпку для стирания пыли — берут не-
сколько таких «пунктов». Немудрено, что

уже в конце сентября мне довелось видеть на улицах фашистской столицы женщин с красными от холода голыми ногами — женщин, не имеющих больше ни одной пары чулок. Но предположим, что у вас еще сохранились драгоценные пункты и вы, просмотрев себе среди множества выставленных в витринах обувного магазина моделей одну, хотите ее купить. Этой модели в магазине не оказывается; вы выбираете другую — тоже нет; третью, четвертую — наконец, какую-нибудь! Тогда у вас спрашивают ваш «вид на покупку». Но «вид на покупку» туфель в современной Германии труднее получить, чем «вид на жительство» на луне. Человек, нуждающийся в паре новой обуви, должен подать в районное карточное бюро заявление, а затем ждать... обыска. В неизвестный день и час к заявителю на дом придет специальная комиссия и, если она обнаружит в квартире хотя бы одну пару обуви, годную к носке, заявителю будет отказано. В случае же счастливого исхода, т. е., если человек действительно бос, ему в обмен на две пары изношенной обуви дадут «вид на покупку» одной новой. Но, увы, и тут «счастливица» ждет разочарование — ему уготован картонный «эрсц» вместо подметки. Говорят, что прежде честные немцы предупреждали покупателей о дефектах своих товаров; мне довелось даже купить поясик со штампом «фирма не отвечает за прочность окраски», — теперь же эта торговая щепетильность отходит в область преданий — великолепно подделанный эрсц обнаружит себя лишь после второго-третьего дождя, а дожди в Берлине весьма часты. В сентябре прошлого года журналы и рекламы Берлина призывали граждан к патриотическому акту — ношению клеенчатой обуви на деревянной подметке. Но теперь — увы! — и эта обувь нормирована.

В современной Германии вещи роковым образом подводят человека, ибо все они — педоброкачественный эрсц: сладкое оказывается кислым, пицца не насыщает, шерсть не греет, так как она, равно как и шелк, производится из дерева.

— О настоящей шерсти или шелке мы и думать забыли, — говорит продавщица в ответ на просьбу показать чисто шерстяное платье.

— Из чего же сделана ваша кофточка?

— Из зеленого леса, — отвечает она.

Я иду по улице. У лотка с овощами единственный ненормированным это время года продуктом питания стоит длинная очередь хозяек, скупящих «etwas kriegen» — что-нибудь лучше. И вот опять у меня вошло в голову ощущение, что очередь ненормированных. Силюсь понять, откуда, чем вызвано это ощущение? И, наконец, осознаю: оно не имеет. Стоят несколько десятков человек и молчат, все до одного молчат. И немцы в фашистской Германии тоже помалкивают: молчат в трамваях, на метро, парикмахерских. Даже в бомбоубежищах редко развязываются языки, да и то говорят между собой лишь одни и те же, видимо, хорошо знакомые люди. Немногие разговоры ведутся в основном к следующему: где, кого и как бомбили, что дали и какой сделал «гешефт» (последнее читается особенно комично в стране, где не нормировано), кто и на ком же заработал, какая хозяйка умеет хорошо готовить, какая неряшлива и нерадива к своим детям и т. п. Общественного мотива в разговорах вы не услышите. В Германии человек живет один. Особенно сильно ощущается разобщенность людей во время бомбежки. Раздается сигнал тревоги (а тревога бывала в эти дни в Берлине и Лейпциге едва ли не каждый день), если хозяин вашего пансиона пожелает передать о вашей безопасности, то он стравит стрелы и постучит в вашу дверь и вы сразу смените сверхлюбезный топ, пекущийся о своем гешефте торговца на лютый официальный, прокричит: «Аларм! На выход!» Если же хозяин ваш и его прекратят, половина втулки с домработницей (а в берлинском нашем пансионе бывало частенько), вы предоставляете собственной участи. Вы можете не бежать через двор под редким, но сильным дождем осколков от зенитных батарей, — ваша судьба никому не интересна. Правда, говорят, в германских городах существуют полицейские патрули, обязанные ходить во время бомбежек по домам и штрафовать лиц, укравшихся от посещения бомбоубежища. Увидеть воочию хотя бы одного полицейского мне ни разу не удалось. Обходчики боятся бомб и прячутся. Проверять выходят лишь после окончания бомбоубежища, расположенных в основном в неглубоких подвалах с

Н... окнами, с протянутыми под
шам... трубами водопровода и канали-
еще... здоровые и сильные люди зани-
гана... лучших местах. Никто не заботится
вы... вьших, детях, стариках. Направляясь
удь... обуежище, многие несут с собой
озн... нны и чемоданчики с вещами. Одна
сто... очень хорошо одетая женщина
вано... являлась в свой «дуфтшучра-
оч... гибаясь под тяжестью своего иму-
Воль... Она несла добрую дюжину плать-
Воль... меховое пальто в одной руке и че-
бо... пальто были предусмотрительно
их, ... на деревянные плечики. Дама хо-
Дак... не только спастись, но и сохранить
вы... туалеты не смятыми. Произнеся
у... «мо-орген» (хорошенькое «утро»
оно... часа почп!), она торжественно ве-
ры... плечики на гвоздь, садилась и
т... начинала грызть несъедобный
дук... прованный гебек, и так из ночи в
днее... И пижому это не казалось смеш-
де... — наоборот, многие стали следовать
жен... примеру. «Каждый за себя» — вот ло-
гото... немецкого обывателя, прочно вколо-
а к... в его голову за годы фашистского
в... Работавших и организованных лю-
ни... фашисты сумели разъединить, разоб-
по... и развратить так, что понятие
во... в Германии перестало существо-
т...

Берл... доноса столь велик в фашист-
ный... городах, что граждане выключают
по... установку, когда немецкими же
ти, т... станциями передается музыка. «Луч-
рь и... надо,— говорит домохозяйка, вы-
пеку... вилку из штепселя,— соседи
а... подумать, что мы веселимся, и дом-
и... На всякий случай мы слушаем
пре... официальные сообщения».

И... «verboten» — «запрещено» — одно из
рас... распространенных слов в Герма-
тав... Немцев не только отъединили друг
не... от друга, их отделили также и от госу-
е, ... , которое неизменно стоит перед
и, ... гражданами под знаком «Verbo-
тны... запрета. Всякая инициатива в
не... запрета. Всякая инициатива в
не... не успевает подавляться.
Советской Россия,— сказал мне од-
про... профессор-химик со свастикой в
шке, ... беседа со мной на Лейпциг-
бо... выставке о советской культуре,—
уж... страшную ошибку. Я был у вас
жн... : у вас поощряют таланты и рас-
то... индивидуальность и инициативу. Это
не... вредно для государства. Если вы
прия... иметь сильное государство, та-
сле... нужно нивелировать, а народ
ных... к подчинению и труду без фан-

тазий и рассуждений». Надо сказать, что
фашистам удалось отучить своих граждан
фантазировать и рассуждать вслух. Твор-
ческую мысль народа фашисты загнали в
эмиграцию и в подполье. Зато, вместе с
подавлением инициативы, отпала и ма-
лейшая тень общественного интереса к
делам государства. Вы просматриваете
лячку массовых иллюстрированных жур-
налов. Первая и большая часть любого
журнала посвящена войне и всяческой
фашистской пропаганде: «Ну, кто же это
читает! — говорят немецкие фрау, пы-
таясь руководить чтением иностранки, —
интересное в конце». В конце же почти
каждого массового журнала — страничка
моды и великосветский рассказ об успе-
хах хорошенькой и работающей продавщи-
цы, выходящей замуж за хозяина уни-
вермага.

IV. ИМЕНЕМ «ФЮРЕРА»

Портреты «Фюрера» в красках и в
графике, в рост и по плечи выставлены
везде, витрины магазинов и киосков
неизменно украшает «Майн кампф», рос-
кошно изданная, снабженная елико воз-
можно идеализированным изображением
дегенеративного лика автора. Но —
странно, — содержание этой книги весьма
мало известно рядовому немцу. Она замк-
нута в тот круг равнодушия, который
включает в себе, все, относящееся к
официальной жизни государства.

— Хейль Гитлер, — мямлит прсстаре-
лый чиновник в телефонную трубку. — Это
ты, Пауль? Мы хотели с тобой пойти в
кино, но для нашего ревматизма полез-
нее было бы посидеть дома. Ты тоже так
думаешь? Ну-ну. Доктор советует припар-
ки. Хейль Гитлер. — И вешает трубку.

Особенно комично выглядит переписка
ортодоксальных немецких коммерсантов,
стремящихся засвидетельствовать свою
лояльность к существующему строю
даже в официальном торговом документе:

«Герр Шмидт!

Фирма «Розенказе» и К^о предупреж-
дает Вас в последний раз, что, если Вы
не погасите Вашу задолженность по сче-
там фирмы в трехдневный срок, дело о
взыскании с Вас этой задолженности будет
передано в суд.

Хейль Гитлер.

Ганс Розенказе».

Но даже средние лавочники начинают
высказывать все больше и больше недо-

вольства политической фигуре, ибо круг лиц, которым удается наживаться на войне, строго ограничен немногочисленными владельцами крупных военных предприятий или главными поставщиками армии. Значительная же часть владельцев средних и мелких предприятий — на грани разорения вследствие нормирования продуктов питания и товаров, отсутствия сырья и рабочих рук. Огромные военные налоги отнимают у торговцев, домовладельцев и т. п. около половины всех доходов. «Хозяева» ворчат, что война их разоряет, что жить стало невозможно, а Гитлера исподтишка называют маньяком и некультурным человеком.

Говорят, что раньше под балконом дома, в котором, по преданию, живет Гитлер (на самом деле он живет в подземном убежище), постоянно толкалась кучка торговцев, вопившая приветствия фюреру в чаевьи явления его народу. Говорят, будто раньше иногда он, действительно, появлялся. Никто не стоит больше под балконом, да и сам Гитлер, равно как и его соратники, предпочитают показываться «благодарному народу» в кино, а не в натуре. Очевидно, фюрер опасается, что «верноподданнические» чувства народа смогут принять опасный для фашистских заправил оборот. Обработанный и разоренный материально и духовно немецкий народ идет в бой, оставляя за собой тыл, изголодавшийся, разоренный недоверием и страхом и жаждущий лишь одного — мира.

V. «ЕВРЕЯМ ЗАПРЕЩЕНО»

В Берлине происходит еврейский погром. Как это делается? Погром производится представителями государственной власти так же, как и все «общественные» дела. Приходит шуцман в белых перчатках и разбивает окно магазина, принадлежащего еврею. Толпа стоит в стороне и молча смотрит, по современному немецкому обыкновению никак не проявляя своего отношения к происходящему. Погром совершен. Символизирующий «гнев народных масс» шуцман удаляется. В квартиру обреченного еврея входят штурмовики, и о том страшном, что они там творят, народ говорит лишь шепотом. «Еврейского вопроса у нас по сути дела уже нет, — спокойно рассказывает мне крупный немецкий фабрикант, один из посетителей еврейского павильона в Лейпциге. — Множество евреев пра-

вительство объявило государственным изменниками, и их уничтожили в лагерях. Часть выселяют за границу. Остаток остался, но они тыне воды, ниже да к тому же их так мало, что о них не стоит говорить».

Чудовищное, возмутительное дело — померного уничтожения целого поколения давшего не одно великое имя немецкой культуре, проводится фашистскими властями аккуратно и методично, с помощью бюрократически-полицейскими методами. Немецкий народ, сам являющийся жертвой фашистских узурпаторов, если и знает об этом тусном преступлении, то молчит и терпит травлю, как впрочем терпит он голод, холода, вавые войны и многое, многое другое.

На фоне величественной, заботливо ухоженной зелени многочисленных городских бульваров яркими пятнами выделяются желтые скамейки. Они стоят где-нибудь в конце аллеи. Только на этих скамейках имеют право сидеть евреи. Желтый цвет скамейки — это клятва, которую еврей клянется на каждом шагу, как только войдет в магазин. В окнах магазинов рядом с витринами висят вывески с черным билетиком, украшенным нешафированной свастикой и возвещающим, что магазин — «член рабочего фронта». На вывеске изменно наклеена стандартная белая афиша, гласящая: «Евреям и от 16 до 17 часов». Это значит, что еврей имеет право покупать в магазине только в один определенный час. Немецкий обыватель не решится войти в магазин в этот сакраментальный час, его могут обвинить в том, что он помогает евреям, а это небезопасно.

На многих магазинах висят афиши с надписью: «Евреи нежелательны», а в театры — «Евреям запрещено». Еврейским детям запрещено играть с немецкими детьми. Евреям запрещено ходить в бомбоубежище: «Зачем? — душно говорит все тот же фабрикант, чем больше их убьют, тем лучше».

Совершенно такое же, впрочем, отношение проявляют фашистские лидеры ко всем «не немцам».

«Мой муж едет в Париж в командировку, — весело шепчет нарядная женщина. — Я так рада, я боялась, что вам не достанется — армия разберет все оттуда все-все везут вещи, и даже простой солдат на свое жалованье может купить себе обувь!»

«Полякам в нашей части Польские такой писк, — говорит жена круп-

своей соседке по бомбоубежи-
— что они просто вымрут сами собой,
года. Позвольте им только расхло-
и они заполняют все!»

VI. ДУХОВНАЯ НИЩЕТА

в первый месяц пребывания в фа-
Германии начинаешь ощущать
тяжелую атмосферу духовной
Науку, искусство фашистские
уничтожили, загнали в подполье,
графика. Весь быт straps организо-
таким образом, чтобы лишить народ
самостоятельно мыслить,
углубляться в изучение произведе-
искусства, памятников старины
Все до одной библиотеки, книж-
магазины и т. п. открыты лишь в те
когда открыты и все прочие учре-
и предприятия. Таким образом,
вы работаете, вы раз и навсегда
возможности не только пойти в
теку или читальню, но даже по-
как кушать нужную вам книгу. Насту-
воскресенье — тут то, казалось бы,
в читальню, в книжный магазин,
это невозможно. В воскресенье
все, кроме некоторых музеев.
булочная открывается всего на пол-
часа. Если вы хотите осмотреть
с экскурсией, то путешествие бу-
томительно-длинным, ибо вас поса-
узкую старомодную линейку, увен-
балдахном из красного бархата
той бахромой, который должен за-
вас от дождя и солнца; линейка
напряжена парой тощих лошадей, и
сама не извлечена из музея; она
тащется по улицам,
гидом является кучер. Куда бы
попали, какую бы достопримеча-
ни осматривали — картинную
дворец Вильгельма или спор-
стадион, — вам не дадут изучить
объект, который вы избрали. Экскур-
и сторож музея — едино суть. Сто-
группу посетителей в поме-
выдаст каждому билет стоимостью
рейхмарку (в Германии всё
— государственное) и заперт
заставит таким образом новую
экскурсантов ждать в прихожей
улице. Затем вам предложат на-
обувь войлочные шлепанцы
не портить безукоризненно патер-
(аркет) и поведут по музею таким
что у вас дух захватит. По пути
скороговоркой сообщает вам: вещь
только-то, такого-то века, получе-

на оттуда-то. О том, чтобы задержаться
и рассмотреть интересующий вас экспо-
нат, не может быть и речи. «Быстро,
быстро! — кричит сторож противным офи-
циальным тоном, — милостивая государы-
ня, вперед, вы задерживаете!»

Однажды вы, пожертвовав обедом, идете
в книжный магазин; вы хотите получить
новинки художественной литературы.
Увы, достаточно одного взгляда на кра-
сочные обложки книг, как вам становится
предельно ясно, что читать здесь нечего.
Современные фашистские «писатели» соз-
дают либо омерзительную фашистско-
шовинистическую страпню на тему «За
что борется немецкий солдат», или «Ис-
ковное коварство Англии», либо «велико-
светские» романы о некоей продавщице
Мицци или Женни, ловко поймавшей вы-
годного жениха. И то и другое настолько
низкопробно, что невозможно решить, что
же, в конце концов, хуже. При всем
этом стоимость книг и размер денежного
залога в библиотеке столь велики, что
для рядового трудящегося чтение — недо-
ступная роскошь. Немудрено поэтому, что
книга не играет никакой роли в быту
среднего немецкого гражданина.

Не лучше обстоит дело со зрелищами.
Театры и концерты весьма дороги. Толь-
ко один театр в Берлине ставит класси-
ческие пьесы. Только два театра (один
оперный и один драматический) имеют то,
что можно назвать актерским ансамблем.
Остальные — а их довольно много — дер-
жат в своем составе лишь одну «звезду»,
которой кое-как подыгрывает жалкая груп-
па, напоминающая средний любительский
драмкружок. В репертуаре театров — то
же, что и в художественной литературе:
прубая агитка и «великосветская» мело-
драма или комедия.

В немецкое кино я шла с большим
любопытством. Разочарование мое было
столь же велико, сколь длинна пропра-
ма киносеанса. В Германии в кино прихо-
дят провести вечерок.

В киножурнале обязательно показыва-
ются Гитлер-Геринг и К^о в самых чув-
ствительных ситуациях: возлагающими
венки на могилу неизвестного солдата,
принимающими парады и т. д. и т. п.
Однако энтузиазма у зрителя их появле-
ние на экране не вызывает. Наполовину
пустой зал безмолвствует, внимая душе-
раздирающему скрежету патристической,
отечественного производства, музыки.

Но вот доходит дело и до искусства.
Начинается кинокомедия — и Мицци, зна-
комая нам добродетельная продавщица, в

течение бесконечно тянущихся метров, выходит замуж за настоящего графа, ловко до поры до времени скрывающего свое высокое происхождение под ливреей собственного лакея.

Наибольшим успехом у публики пользуется так называемый «криминаль-фильм», т. е. уголовный фильм. Так упорно называют люди агитационные кинокартины за их неизменно шпионский сюжет. Но каков бы ни был сюжет фильма, какую бы эпоху он ни изображал, к какому бы жанру ни принадлежал — все кинокартины роднит одна общая для них черта: в немецком фашистском фильме не играют, а позируют. Позируют кинозвезды, показываясь в профиль и в анфас, демонстрируя роскошно-обнаженную спину и длинную плоскую фигуру. Позируют манекены различных форм конфекциона, что указывается в тексте фильма. Мне довелось видеть один из лучших «Криминаль-фильмов» под ходячим заголовком «Враг подделушивает». Все, что совершается в этом фильме, происходит сверхъестественным, непостижимым разуму человеческому, путем. Англичане организуют шпионскую группу с центром в ателье мод (повод для демонстрации конфекциона); диверсанты проникают на завод. Здесь схема проста: хозяйка завода и рабочие (с рабочими Гитлер сильно и безуспешно заигрывает) остаются верными «трону», служащие продаются в диверсанты. Головоломные длительные погони с бегством шпиона через фабричную трубу и сексуальные сцены в ателье мод составляют ядро фильма. С экрана обильно сыплются ругательства. Фашистский маразм захватил и изобразительное искусство современной Германии. Триа темы господствуют в нем: основная — это скульптура и портреты, изображающие военных «арийских» деятелей всех времен. Они мертвы, мертвы по самому замыслу, ибо черты лиц полководцев, королей и т. п. отражают лишь высшие, с фашистской точки зрения, доблести — отсутствие рефлексии да и заодно всякой мысли вообще.

Множество картин и статуй фашистских художников изображают обнаженное тело, оно рабски скопировано с натуры, принципиально и демонстративно лишено каких бы то ни было окрестностей.

Если в изображении обнаженной натуры господствует грубый натурализм, то пейзаж почти символичен. Пейзаж пишется в мутных лиловых и зеленых тонах. Сумрачный, лишенный живых, солнечных

красок, он как-бы передает ту невыносимую тоску и уныние, которые царят в фашистской Германии.

VII. ЛЮДИ И ВОЙНА

Я была в фашистской Германии сразу после разгрома и падения Франции.

Официозная печать ликовала. Главные заголовки в газетах, фотографии в широковегательных ура-патристических статьи о прошедших победах и грядущей агрессии на Англию пазойливо падали в глаза, гитлеровские истерические речи передавались по радио. Убийственная, маршевая музыка раздирала уши.

На одной из площадей Лейпцига организована выставка трофеев. На этой площади наскоро возведен деревянный вилон, внутри которого электролампы висят все одни и тот же примитивный виновный мотив. Вокруг павильона выставлено несколько заржавленных пулеметов и повешены аккуратно заключенные в волоочные сетки остатки двух-трех немецких самолетов. Народ толпится перед «трофеев», с почтительным и унылым любопытством разглядывая привезенные на видимость орудия смерти. Время от времени из павильона показывается группа израненных офицеров. Это сто предмет приёма оград. Но оград не бывает, и, потоптавшись на деревянных досках пеньках лавильона, военные скрытно возглаголют. Вообще немцы падки на воинственные жесты лица. Я видела, как на разводе каменного заграждения неизвестного солдата в Берлине все взрослые люди бежали вперед за солдатом, шедшим караулом. Они с восхищением трудились на жирных белых лошадях, в белых мундирах ехали роскошные кирасиры в белых и белых мундирах. За конными, пешими маршировали старинного марша, исполняемого в медленном темпе, журавлиным парадным шагом. Пешеходами шли солдаты, а сбоку маршировали восторга и четко отбивая шаг маршировал пузатенький средних размеров человек. Когда же дело касается какой-либо конкретной войны, картина все меняется: лица людей вытягиваются, в глазах появляются уныние и страх, они думают в России, — неоднократно мне вопросы посетители Лейпцига: «Как вы думаете, скоро ли окончится война? Как вы думаете, победим или англичане?» «Скорее всего это кончится?» А были такие чудачки, которые спрашивали: «Как вы думаете, когда начнется наш решительный наступление на британский остров?»

ительница после длительной беседы
нагнулась к моему уху и дове-
ло шепнула: «Ангриф был назначен
танцу, но фюрер верит в приметы,
поэтому он отложил наступление на суб-
бли понедельник». Немцы в ясную
уверяли себя и других, что с ан-
ждут тумана, а в туман — что
ясной погоды. «Не может быть, что-
и пришлось провести еще одну зиму
тоянии войны!» — восклицают изго-
нившиеся люди. «К осени война должна
ться!» «Неужели нам предстоит
ую зиму мерзнуть и голодать?!».
шая, голодная и холодная зима
ла по себе страшную память.

отря на высокую входную плату
ить бесплатную демонстрацию па-
а хотя бы в течение одного дня фа-
не власти нам не позволили). Со-
ий павильон с утра и до поздней но-
воднялся посетителями. Люди умо-
продать им советские книги, чего мы
ели права делать и не делали, но
все же исчезали — их брали тайком,
было никакой возможности их охра-
ныли. Многие, в том числе студенты, при-
едевали на выставку ежедневно — работать
шим специальным научным посо-
дья.

Вокруг иллюстрированных изданий
Р стояли толпы людей. Рабочие,
ы, интеллигенты рассматривали
с блестящими глазами и восхищен-
возгласами. Рекламные брошюры
ста расхватывали в мгновение ока —
то заготовлено бесчисленное множе-
в — все же их хватило лишь на пер-
а работы павильона. Всякий раз,
ценник сотрудник какого-либо отдела пытал-
ей, чтобы отнести к своим читам пачку бро-
то немедленно окружала толпа, и
и, чтобы расхватывали на ходу, так что
то к отделу сотрудник неизменно при-
шат с пустыми руками.

сотрудников советского павильона,
ко засыпали тысячами вопросов на
но и останавливали на улице.

то сказать, что фашистские власти
все от них зависящее, чтобы вос-
твовать проникновению народа,
стали рабочим и служащим, в наш па-
тно. Высокая входная плата, часы
ны выставки, совпадающие с часа-
ны предприятий и учреждений, и,
пресса — все было приведено в

ствующее действие. Помещение, ко-
е отведено нам, состояло из ряда
дущих комнаток, где не представля-
ьным как следует разместить
е. Зато итальянскому павильону,

по дружбе, отвели целый этаж. Этаж этот,
скажем прямо, был весьма малопривлека-
телен и пустоват. Он не пользовался по-
пулярностью, несмотря на все усилия
экспонентов, притащивших на выставку
все — от дешевого дрянного ситца до ис-
кусственных цветов, — и фашистской
прессе, трубившей на всех перекрестках,
что «Итальянский павильон безусловно за-
нимает на выставке первое место после
германского».

И вопреки всему этому широкая публи-
ка непрерывным потоком шла именно в
павильон, именно в советский павильон. Даже
когда мы уже свернули работу и были за-
няты унаковкой вещей, к нам приходили
рабочие и служащие, чтобы хоть одним
глазком взглянуть на советских людей.

«Я прошу вас, скажите мне правду об
СССР, — волнуясь говорит бледная воско-
вой бледностью женщина, с отчаянием гля-
дя на запакованные ящики с нашими
экспонатами. — Я так рвалась в ваш па-
вильон, я работаю здесь, наверху, в отделе
конфекциона, но нас, служащих выставки,
администрация сюда не пускала; а теперь
я свободна, и уже поздно! Дайте мне хоть
взглянуть на советскую книгу — ведь там
написана правда. О вашей выставке рас-
сказывают чудеса. Народ, создавший такую
выставку, такие вещи, такие книги, дол-
жен быть сильным и правдивым!»

«В связи с войной рабочие стали очень
плохо работать. — Извиняется перед нами
директор декоративной фирмы, взявшей на
себя установку оформления нашего па-
вильона. — Мы никак не можем их заста-
вить трудиться как следует! Если бы вы
только могли видеть как они старались,
как чисто работали раньше!»

Прохожие на центральных улицах горо-
дов Германии обычно тщательно одеты и
имеют что пазывается весьма приличный
вид. Тем резче контраст с людьми — при-
зраками появляющимися на улицах в пять
часов утра с мусорными тачками. Это стар-
рики и старухи, облаченные в лишние
всякого цвета и формы одеяния. Тем резче
контраст с теми рабочими и мелкими
служащими, которые обслуживают выстав-
ки, музеи, городской транспорт, магазины.
Если эти люди улыбаются (в особенности
это относится к рабочим), улыбка открыв-
ает испорченные, искропавшиеся зубы.
Худоба этих людей устрашает. Когда я
смотрела на продавщицу бутербродов и
«кока-кола», развозившую свой товар в

изящной бесшумной повозке по залам выставки, у меня все время было такое чувство, что нужно броситься к ней и подхватить ее, так как она вот сейчас, немедленно, упадет. Она была так невероятно худа, такой надтреснутый и слабый был у нее голос, что издали, когда она кричала «бутерброды, кока-кола!», казалось, кто-то слабый отчаянно зовет на помощь. Но она, как и все немки, была чисто одета и приветливо улыбалась ярко накрашенными губами. Изнемогая от голода, она не имела права съесть ни одного бутерброда, так как, чтобы получить бутерброд, нужно отдать соответствующие талоны продовольственной карточки. Лишенные веры в правоту своего дела, подавленные фашистским террором, разъединенные страхом допросов, люди влачат жалкое и безрадостное существование. Понятно, что ни о каком трудовом энтузиазме не может быть и речи, да фашисты на это и не рассчитывают. Трудовой энтузиазм Гитлер пытается заменить принудительными и концлагерями. Все дети с восьмилетнего возраста были летом 1940 года в принудительном порядке отправлены в деревню на уборку урожая (и, несмотря на это, в конце сентября мне довелось видеть необработанные поля и вымокшие дочерна под бесконечными дождями свопы). Все юноши немедленно по окончании средней школы направляются в трудовые лагеря для несения тяжелой работы — рытья каналов, постройке дорог и т. п., девушки — в батрачки в деревню. И это, последнее, не мера военного времени, а норма воспитания молодежи. Все лица побочных профессий — швеи, сапожники, прачки, и т. п. — забраны на военные заводы, где они работают за грошевую плату, будучи поставлены в те же условия, что и отбывающие на заводах

наказание уголовники. Мужчины, не имеющие права носить оружие, — под ружьем и без хватки квалифицированных рабочих — не может дать себя чувствовать весьма силно. Поэтому фашистские заправила вынуждены прибегнуть к замене мужчин у станков агрегатов женщинами. Но принудительная работа человека повысить свою квалификацию так-то просто. И женщины не хотят работать мужскими профессиями, несмотря на то, что Гитлер обещал им уравнять зарплате с мужчинами... после войны не сумеется, гитлеровским лживым пропагандистам не верит, и основной мерой наказания является тюрьма. Современная Германия представляет собою огромный лагерь принудительных работ.

И даже разобщенные, запуганные фашистским террором, люди начинают бороться.

Утомленные напряженнейшей работой, не выспавшиеся после продолжительной бомбежки, ранним промозглым утром появляемся на выставке. «Что, не выспались? — приветствуют нас рабочие и служащие. — Ничего, привыкайте. У нас в Германии, спать не полагается. Вы должны привыкнуть? Тоже должны привыкнуть? У нас, в Германии, полагается только работать, а кушать и спать запрещается. Хорошие шутки мы слышали от рабочих выставки постоянно. «С голоду-то ты не выработаешь, — говорят они, — сколько хочешь старайся — паск все один».

«В связи с войной рабочие не имеют права ботать» — стандартная фраза, которую выслушивают перед вами мелкие и крупные торговые хозяева магазинов и предприятий, которые не имеют хорошего обслуживания, за отвратительное качество продукции, за отсутствие необходимых предметов обихода. Вы думаете, ведь война окончится

На фронтах отечественной войны

(Боевые эпизоды)

1. ВПЕРЕД, ЗА НАШУ ПОБЕДУ!

рассвете летчиками-истребителя эвской
ильи вернулись с боевого дежурства.
патрулировали в воздухе, оберегая
землю, нашу родину, готовые каждое
ние ринуться на врага. Один за дру-
«истреблени» садились на зеленое поле
тома, а тут на смену взлетали в воз-
другие стальные птицы — грозные и
ительные.

апа летчиков находилась в палатках.
как обычно, было включено. И вот
говорило тихим, знакомым, спокой-
твердым голосом.

овым услышал голос Сталина летчик
ев. Он предупредил всех остальных,
ально в несколько секунд летчи-
народ мобильный — собрался возле
руктора. Они стояли полукругом и
с великим волнением и вниманием
ли речь своего друга и учителя,
вождя, который в эти историче-
минуты говорил с народом, с армией,
вая всех и каждого подняться на
ту отечества, отстаивать каждую пядь
своей земли, драться до последней кап-
лови за наши города и села, прояв-
елость, инициативу и сметку, свой-
ные нашему народу.

инские слова падали на благодат-
очуву. Люди непоколебимой воли, от-
еи и храбрые летчики слушали речь
дателя Государственного Комитета
ны товарища Сталина как призыв и
каз, который надо выполнить, — от-
е свои силы на разгром врага, для

гда Сталин закончил свое выступ-
на летном поле наступила тишина.
шь, эти мужественные люди, заслу-

шав речь вождя, мысленно говорили се-
бе — что надо сделать, как лучше отве-
тить на призыв вождя.

— Ответ может быть только один, —
негромко, страстно сказал летчик Гвоз-
дев, — бить врага, громить фашистскую га-
дину, ползущую по нашей земле. Бить его
на земле, в воздухе, бить бомбой, снаря-
дом, пулей, штыком. Товарищи! Это к нам
обратился наш друг, наш родной Сталин.
Над родиной нависла опасность. Сплотимся
же вокруг партии Ленина — Сталина, во-
круг Советского правительства и дадим
клятву — все силы на разгром врага! Впе-
ред, за нашу победу!

На летном поле выстроились готовые к
взлету машины. Батальонный комиссар
Матвеев направился к летчикам, несшим
боевое дежурство. Он подошел к первому
с краю самолету и сказал капитану Фили-
монову:

— В 6 час. 30 мин. выступал вождь
народов товарищ Сталин. Наш лозунг —
все силы — на разгром врага! Вперед, за
нашу победу!

Затаив дыхание, выслушали бойцы зе-
нитной батареи младшего лейтенанта Сим-
ченко сообщение политрука о выступлении
по радио товарища Сталина. Они дали
клятву бить врага еще более точно, еще
более метко. Через несколько минут пред-
ставился случай подтвердить эту клятву
на деле.

— Германский самолет с запада, — до-
ложил дальномерщик Дьяченко.

Прячась меж облаков на высоте 2 400
метров, шел фашистский бомбардировщик.

— Уничтожим и этого гада! — сказал
красноармеец Рева.

На пути врага появилась огневая завеса. Фашист заметался, но меткие зенитчики не выпускали его из сферы огня. Тогда враг пустился на хитрость: он перешел в пику. Но тут как раз и настигли его четыре залпа. Огонь был настолько точно рассчитан, что самолет врезался в самый центр разрывов. Был сбит и другой фашистский самолет.

Так боевыми делами отвечают зенитчики на призыв любимого Сталина.

Рота занимает оборону на широком фронте. Ее огневые точки расположены в массиве заболоченного леса. Вот пулеметный блиндаж ефрейтора Домашкина и красноармейца Осечкина. Справа виднеется соседний окоп. Все подготовлено для отпора врагу.

Когда солдатские мундиры замелькали у самой проволоки, Домашкин открыл из пулемета шквальный огонь. Осечкин вел стрельбу из винтовки. Передние ряды фашистов дрогнули. Несколько солдат повисло на проволоке, остальные откатились назад. Три раза отбивал Домашкин яростные атаки на свою огневую точку.

Видя, что в открытом бою не сломить упорства советских воинов, враг прибегнул к другому способу. Он решил выжечь лес и кустарник на передовых позициях, чтобы оголить местность и выкурить наши подразделения из блиндажей. Посыпались десятки зажигательных снарядов и мин. Кругом вспыхивали деревья. Начался пожар. Языки пламени все ближе подбирались к блиндажу Домашкина, окружая его со всех сторон. Все вокруг заволочло дымом. Пользуясь этим, немцы подошли к огневой точке совсем близко и сосредоточились для броска.

«Нужно что-то предпринять, — думал Домашкин. — Отойти назад? Ни за что. Погибать в огне тоже бессмысленно. Что же делать? И ефрейтор принял дерзкое решение: прорваться сквозь горящий лес и торф навстречу врагу, подобраться к нему вплотную, маскируясь дымом, расстроить внезапным огнем ряды немцев и отбросить их.

— Отбиваться будем до последнего патрона. Назад ни шагу, — предупредил ефрейтор бойца.

Два боевых товарища выскочили из укрытия, миновали горящий участок и залегли, когда увидели мелькнувшие сквозь дым фигуры фашистских солдат. Этот маневр заметили два красноармейца

с соседней огневой точки. Поняв Домашкина, они поспешили ему на помощь.

На группу немцев неожиданно обрушился откуда-то с близкого расстояния тальный и фланговый огонь из пулемета и винтовки. Немцы залегли, упрятав лопы во влажный мох.

— Не стреляйте! — кричал кто-то из них на русском языке.

— Бросай оружие! — крикнул в ответ ефрейтор Домашкин.

Передний солдат, оставив на земле винтовку, медленно выпрямился. Его примеру последовали остальные. Домашкин сделал несколько шагов вперед. В облаке дыма появилось просвет, и это позволило сосчитать пленных. Их было всего семь. Немцы, увидев в свою очередь, что красноармейцев всего-навсего четверо, зашевелились. Три немца, что были впереди, опустились на землю, схватились за винтовки и попытались назад. Наши солдаты не спускали глаз с противника. Эта уловка была сразу замечена. Третьим пленным выстрела — и фашисты остались лежать на месте.

— Руки вверх! — скомандовал тот же ефрейтор.

Последним нехотя повиновался фашистский офицер.

— Вперед, шагом марш!

Но один немец украдкой схватил в руку кинжал, другой опустил руку в карман, намереваясь вытащить револьвер. В этот момент еще два выстрела, и оба гитлеровца замертво рухнули наземь.

— Кто попытается сопротивляться, тот будет уничтожен, — предупредил ефрейтор.

Двадцать два немца были направлены под конвоем в тыл роты.

Подразделение Ковальчука, наступая на врага, встретило ожесточенное сопротивление. Непрерывный огонь противника позволял приблизиться к его позициям. Тогда Ковальчук выдвинул вперед младшего командира с ручным пулеметом, делая вид, что отходит. В то время пулеметчик сдерживал напор врага. Подразделение вышло на фланг и выстрелами атаковало взвод немцев. Двадцать шесть солдат сдались в плен.

В одном из боев немцы стали отходить на село В., чтобы поменять отходившего подразделения на новый рубеж. Из дворов села находились красноармейцы Чернов. Он охранял боеприпасы. Ему было

не уходите до тех пор, пока
пасы не будут вывезены. Немцы
к Чернову с двух сторон. Уже
слышны их провокационные вы-
явления.
— Русский! Сдавайся, живым оста-
тся!

Чернова было два пулемета. Он уста-
вил их и стрелял не переставая, он по-
очередь за очередью.

В течение минут шел бой. Чернов, выбиваясь
из сил, задерживал продвижение целой
команды немцев, он яростно бил то из одного,
то из другого пулемета, как бы не замечал
их. Пулеметный дуль, свистевших над головой.
Он отошел только тогда, когда боепри-
пасы были вывезены полностью.

Было тихо. Немцы двигались по направлению к вы-
ступу. Вокруг не умолкала артиллерийская
батарея. Пулеметы пришлось установить
наши. Сильным огнем противника. Федоренко
отвечал спокойно и уверенно. Он рас-
считал. Три пулемета, подготовил огневые по-
становки, объяснил бойцам задачу. Впереди
идеала наша пехота. Наблюдая за
ходом боя, Федоренко отдавал четкие
команды. Первый номер Юрий немного за-
держался. Получались слишком длинные
очереди. Федоренко приказал стрелять ко-
роткими очередями. Он видел, как немцы,
идя навстречу лицом к лицу с нашей пехо-
той, двигались все более неуверенно. Их
стрельба расстраивалась.

Горящие фашистские душонки не вы-
держивали открытого боя с бесстрашными
нашими пехотинцами.

Первые номера Юрий и Халтурин, при-
слушавшись к уверенному голосу своего
командира, точно выполняли его команды.
Тот голос Федоренко умолк. Юрий по-
шел к тому месту, где находился коман-

дир. Вы ранены, товарищ командир! —
крикнул он и стал перевязывать рану. —
Перенесу к повозке, там не такой
огонь.

Молодое лицо Юрия снова услышал твер-
дый и уверенный голос своего командира:
— Немедленно возвращайтесь к своему
пулемету и продолжайте огонь, а я
иду сам.

Халтурин хотел уговорить Федоренко, но тот
неумолим, он лишь попросил:
— Перезарядите мне винтовку и заря-
жайте гранаты!

Юрий выполнил желание командира и
бросился на свое место.

Пулеметы продолжали вести огонь.

Бой усилился, Федоренко стал пере-
ползать по канаве.

Он заметил группу немцев. Они перехо-
дили дорогу. Федоренко лежал в высокой
траве. Он увидел, как один солдат прице-
лился из автомата в нашего красноармей-
ца. Прежде чем выстрелил враг, раздался
выстрел Федоренко. Немец упал, и авто-
мат вылетел из его рук. Федоренко про-
должал переползать. Так он дополз до ло-
щины. Но вот под самым ухом застрочил
автомат. Сквозь кустарник Федоренко уви-
дел трех немецких солдат. Они шли на не-
го. Думать было некогда. Они уже были
совсем рядом. Федоренко выхватил из-за
пояса заряженную гранату и швырнул ее
в фашистов. Граната разорвалась. Когда
дым рассеялся Федоренко увидел трупы
немецких солдат.

Силы начали покидать раненого. Кровь
просочилась сквозь повязку, и теперь се-
трудно было удержать. Бой продолжался.
В наступившей на миг тишине Федоренко
услышал несколько коротких очередей
станкового пулемета. Сердце забилось от
радости. Он уверен был, что это ведут
огонь бойцы. Так оно и было. Добравшись
до своих, он узнал, что пулеметчики и на
этот раз держались твердо.

2. СМЕЛЫЕ СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ

Он родился накануне Великой Октябрь-
ской революции. Ему 24 года. Жизнь его
началась вместе с рождением нового, со-
ветского мира.

«Юнкере» встретил Жукова ливнем
граспрущих дулей.

«Только бы не промазать! Только бы не
промазать!» — взволнованно повторял про
себя Жуков, — ведь он впервые видел
так близко от себя заклятого врага. Это
был бронированный «Юнкере».

Лев Толстой в «Севастопольских расска-
зах» писал, что иногда, в критические
моменты, дело решает не превосходство в
материальных средствах борьбы, а сила
духа. Вот эта сила воле была в Михаиле Жу-
кове, и он смело ринулся на врага. Жуков
ударил по «Юнкерсу» из всех пулеметов. Он
бил по бронированной кабине — в голову
врага, по бронированным бакам. Он видел,
как на металлической обшивке забелели
полосы от его дулей, и враг вдруг резко пе-
решел в пикирование, стараясь уйти от
губительного огня. Это была победа: огром-
ный, бронированный бомбардировщик улет-
ел в во все стороны от советского
истребителя.

В следующее утро вблизи аэродрома появилось уже восемь «Юнкерсов». Их тотчас же окружили наши истребители. И, как всегда, избегая открытого боя, фашистские летчики бросились наутек.

Михаил Жуков попался за ними. Фашисты в страхе стали сбрасывать бомбы куда попало. Волной близкого взрыва машину Жукова подкинуло кверху, но он продолжал преследовать врага по пятам. Чуть впереди летел командир звена Горбачевский — летчик, не знающий страха. Слева мчался храбрый лейтенант Федоренко. Весело сражаться бок о бок с такими друзьями!

Фашистские бомбардировщики бросились в облака. Истребители — за ними. Один из «Юнкерсов» начал пикировать. Михаил Жуков стал его преследовать, осыпая пулеметными очередями.

Стремительно, неотвратно надвигалась земля. Глубокое озеро раздвинуло берега, словно раскрывая пасть свою, чтобы поглотить приближавшегося врага. «Юнкерс» нарахнулся было в сторону, уходя от смерти, но Жуков своими пулеметами прижал его к озеру и бомбардировщик, потеряв управление, брызнулся в воду.

Вскипело озеро, всколыхнулось. Над водой поднялся фонтан, потом черный дым — мелькнул хвост врага, и над фашистским самолетом навсегда сомкнулись советские воды.

Майор Груздев рассказывает о летчиках своей эскадрильи.

При первой же встрече с врагом летчики уверенно начали бой. Старший лейтенант Чуносков, храбрый воздушный боец, безупречно владеющий искусством высшего пилотажа, настиг германскую машину «Дернье-17» и с короткой дистанции открыл по ней огонь. Охваченный пламенем самолет повалился на землю. Другой наш летчик, капитан Бахчивадзе, вогнал вражескую машину в болото.

Смелый удар сталинских соколов заставил врага изменить тактику. Теперь прежде чем предпринять полет, немцы стали высылать разведывательные самолеты. Машины эти действовали преимущественно в одиночку, реже парами.

Наши люди поставили перед собой задачу — парализовать действия вражеских разведчиков и при первой же возможности сбить машину, причем сделать это «аккуратно», не пооредив ее, взяв экипаж живым. Эту задачу блестяще выполнил старший лейтенант М. Чуносков. Он ата-

ковал врага со встречного курса, точив всю силу пулеметного огня в торе. Чуносков бил метко — ему удалось сповредить и поджечь мотор, после чего вражеская машина заметно убавила скорость, и ее удалось поймать. Пользуясь этим, Чуносков вогнал врага и не прекращал огня до тех пор, пока неприятельская машина не вспыхнула на нашей земле.

Захват вражеского самолета-разведчика и его экипажа помог нам уточнить многие детали, относящиеся к организации германской воздушной разведки.

Если сравнить поведение в бою наших летчиков и вражеских, секрет прелесть действия становится ясным. Действия наших летчиков исполнены не только искусством, но и великой храбрости, истинной самоотверженности. Наши воздушные бойцы бьют противника в лоб, открывая огонь с коротких дистанций. Однажды навалившись на вражескую машину, не выпускают его до тех пор, пока не уничтожат.

Неудивительно, что в минуту смертельной опасности фашистский летчик часто предпочитает одним желанием — как бы уйти от боя. Советским летчикам, для взаимопомощи в бою всегда была свойственна взаимная ответственность. Неужели фашисты, спасая собственную шкуру, оставляли на произвол судьбы своих спутников. Зная это, наши летчики даже в встречах с превосходящими силами стараются расколоть строй противника, потом истреблять вражеские машины в одиночку. В нашей части особенно удавался этот маневр капитану Бахчивадзе. Так было и 7 июля. Возвращаясь с выполнения очередного задания, советский летчик встретил два самолета «М-110». Капитан уверенно пошел в атаку и с первого же удара отколол вражескую машину от другой. Он продолжал доводить ее, пока не поджечь. Покончив с одной машиной, Бахчивадзе устремился к другой и нанес ей смертельный удар.

— Капитан Антоненко — чудесный разец нашего командира.

Так говорят о нем и командир одной части Герой Советского Союза Романенко, и летчики — друзья Антоненко, не раз видавшие его в схватках с врагами, и моторист его самолета. Ворогов, особенно хорошо знающего своего командира — умелого, опытного воздушного бойца, награжденного орденом Ленина и медалью «За отвагу»...

...они слышали на аэродроме говорят о нем: — Он в воздухе перехитрит самого чорта. Он способен в воздушном бою стрелять, как в наземном тире: сначала сбить, а потом стрелку-радисту, а затем летчика. ...Счет сбитых фашистских самолетов продолжается.

ме, здесь уже знали об успехе. Машину окружили летчики, техники и мотористы.

— Не надо поздравлений — это только начало, — предупредил Антоенко товарищей.

...Счет сбитых фашистских самолетов продолжается.

3. ОТВАГА И МУЖЕСТВО ТАНКИСТОВ

Старшему политруку Тихонову в штабе дали приказ: выехать в район К. и организовать ликвидацию диверсантов. Тихонов понимал, что в этот момент нельзя было оторвать от фронта ни одного подразделения, и выехал один. Из местного населения он создал отряды, вооружил и отправил в леса. Через несколько дней диверсантская банда была целиком выловлена.

Тихонов готовился выехать в штаб. Вдруг застучал аппарат Морзе. Принимающий окликнул Тихонова. Перед глазами лежала обычная телеграфная лента. Два человека впились в нее глазами.

«Я, Петров, передаю из О..., — говорили значки на ленте, — ворвались танки немцев, самолеты, подтягивается пехота».

Аппарат стучал и стучал:

«Вижу из огня марширующих немцев, стрельба на улице. ...Фашисты подходят к телеграфу...»

Связь прервалась. Наступила минута молчания. Было ясно, что произошло. Телеграфист и Тихонов сняли фуражки и почтили память героя-связиста. Он свято выполнял свой долг перед родиной, до последней минуты жизни оставаясь на посту...

Надо действовать. Тихонов вспомнил об эсэковском соединении и помчался туда. Захват немцами станции О. замыкал это соединение в кольцо.

Тихонов донес все, что знал. Ясно, отходить сейчас нельзя.

На передовые позиции через кусты и канавы пробирались три человека — это были местные жители. Они пришли сообщить, что в местечке находится враг, у него тысяча человек пехоты, три танка, много артиллерии, минометов и целый транспорт автомашин, друженых боеприпасами.

Еще ожесточеннее и сильнее начали бить наши артиллеристы.

Вдали белел одинокий каменный дом. Пристально смотрел туда в бинокль старший политрук Тихонов. Совсем близко начали рваться снаряды. «Должно быть, от-

...ранее... Антоненко обедал, когда по-... немецкий самолет. Моторист Воро-... встретил своего командира с приго-... парашютом, помог занять место... бою... Самолет Антоненко почти вме-... дежурным звеном, взмыл в воздух... набрав высоту, он, казалось, по-... совершенно в противоположную сто-... цели. Но это был точный расчет. ... мог лететь фашистский бомбарди-... протоптывая, преследуемый советскими истре-... Конечнo, на свою базу.

... врага... Антоненко хорошо знал финские аэро-... предоставленные теперь фашист-... захватчикам. Ясно, что он пойдет на С.

... у сер... лет с такой скоростью, что вряд ли... могут догнать дежурные истреби-

... уйте... Значит, надо идти на перехват. ... залив, а за ним — вражеский берег.

... Неужели прозевал? — думал Антонен-... Неужели хищник ушел безнака-

... куру, ... вот впереди показался уже знако-... «Юнкерса-88». Вражеский са-... шел чуть выше Антоненко и, не по-... ная об опасности, подворачивал бли-... верно держа курс на свой аэро-... Внизу еще блестел залив.

... Внизу еще блестел залив. ... будет твоя могила», — подумал... Антоненко, заходя на врага.

... Антоненко, заходя на врага. ... изменно сокращается расстояние. Вот... становится метров 300. Ясно видны два... «Юнкерса». Антоненко нажал газет-... мента. Одна... вторая... третья оче-

... Противник включил хвостовую пуш-... тут же захлебнулся.

... стрелком покончено», — решил Ан-... и как бы в подтверждение этой... самолет врага, дав форсированный... шел на снижение. Целиться стало

... не уйдешь!» — и Антоненко дал... при очереди. В ту же минуту са-... врага опустил нос и задымился. ... черного дыма он валился до са-... ты.

... так, — вслух произнес Антонен-... следив это падение.

... он приземлился на своем аэродро-

туда. Проследим», — решил Тихонов и стал наблюдать еще внимательнее.

Предположение его оправдалось. Через некоторое время он докладывал артиллеристам, что в белом доме стоит вражеское орудие. Двумя снарядами советские артиллеристы снесли дом. Орудие замолчало.

Удар батареи был настолько чувствителен, что немцы стали отходить со своих позиций. Тем временем в наступление двинулся третий батальон под командованием капитана Кузьмина.

Шел третий час боя. Появились раненые, были убитые.

Наша артиллерия открыла интенсивный огонь из всех орудий. Немцы дрогнули. Бойцы батальона, которым командовал политрук Колганов, увидя улетающих фашистов, поднялись во весь рост и бросились их преследовать.

Первым в местечко вошел сержант Коновалов. В стороне горел одинокий крестьянский дом. В канаве, лицом вниз, лежала проколотая немцами штыком в спину женщина.

Немцы решили укрепиться в зданиях местечка. Они строчили из пулеметов с чердаков, били из винтовок через окна. Коновалов бежал вдоль улицы и одну за другой бросал в окна гранаты. В центре села горел разбитый нашей артиллерией немецкий транспорт. 100 груженых машин вывели из строя наши артиллеристы.

Так вырвалось соединение из окружения. И вырвалось не просто, а дав три боя, выгнав немцев из ряда населенных пунктов и нанеся противнику большие потери.

Батарея яростно сопротивлялась натиску фашистских танков. Стреляя в упор прямой наводкой, храбрые артиллеристы одну за другой выводили из строя машины врага. Тракторист Федонин еще успевал подвозить снаряды на своем «Комсомольце».

Наконец нападающие танки были полностью уничтожены, но положение оставалось серьезным. Вражеская пехота, шедшая за танками, охватывала в кольцо огневую позицию батареи, осыпала ее пулями. Батарея несла потери, и некоторые орудия вынуждены были замолчать.

В это время на огневую позицию подоспел Федонин. Увидев, что батарее грозит большая опасность, он смело повел свой трактор вперед, на врага. Это явилось полной неожиданностью для фашистов. Немецкие солдаты и офицеры были ошеломлены дерзостью тракториста. А Федонин

направил свою мощную машину прямо на залегнувшую фашистскую группу и начал вить врагов гусеницами. Вокруг него сыпались пули, неподалеку рвались снаряды, но он был поглощен одной мыслью — подручить из беды родную батарею.

Двадцать фашистов нашли свою смерть под тяжелыми гусеницами федониного «Комсомольца». Остальные дрогнули и начали разбегаться. Отважный тракторист получил три ранения, он остался убитым, но продолжал борьбу.

Федонин только тогда покинул свой боевой пост на тракторе, когда подошло подкрепление отогнало противника. Батарея была спасена.

Разведка донесла, что впереди — до пятидесяти вражеских танков, пехоты, легкая и тяжелая артиллерия. Танковый батальон старшего лейтенанта Юнацкого вместе с батальоном пехоты был выделен для прикрытия района. Юнацкому надлежало сосредоточиться с соединением. Командир танкового батальона вывел свои танки вместе с пехотой на рубеж прикрытия. Передовые вражеские части были уничтожены, и на организацию обороны оставалось мало времени. Все же Юнацкий успел сделать все необходимое, чтобы обеспечить должный отпор врагу.

Задача батальона Юнацкого заключалась в том, чтобы, несмотря ни на что, как можно дольше сдерживать противника, обеспечивая время для выхода главных сил в район сосредоточения. Эта задача была известна всем бойцам и командирам, и каждый делал все, что мог, не считая сил. Самоотверженные танкисты маневрировали, успевая уничтожать вражеские машины, давить в концентративотанковые орудия и расстреливать зенитных пулеметов фашистские дивизионы. Пехота энергично помогала танкистам.

На поле боя уже горели два десятка вражеских танков. Наши танкисты не должны были вести огонь. Машину Юнацкого, хотя пробил снаряд, внутри вслыхнуло на него. Юнацкий пересел в танк младшего лейтенанта Сидорова. Иссякли бронированные снаряды. Тогда механик-водитель Чирков просил разрешения взять снаряды из седнем танке. Он вылез из машины и огнем пробрался к соседнему танку, вынул снаряды. Вновь загремели выстрелы, поражая вражеские машины.

— Остался один снаряд.
— Заряжайте, — приказал Юнацкий.

к нему обратился младший сержант

Разрешите еще доставить снарядов. Обращая внимания на опасность, Сидоренко Чаясу, принес восемь снарядов из соседнего танка.

Батальон достиг своей цели. Илья и понесенные потери окупил. Задача была выполнена. Соединение заняло свой район.

4. БАЛТИЙЦЫ И ЧЕРНОМОРЦЫ

Сидоренко вместе с другими шел на выполнение ответственной боевой задачи. Никогда раньше, успешный исход операции решался скоростью корабля. Все должно было работать на полную мощность.

Сидоренко задерживался возле каждого артиллерийского машиниста Свемороху и лейтенанта Николаева, их устные сообщения о желании вступить в ряды коммунистической партии, сообщал бойцам соединения в дни операции.

Сидоренко вывел корабль на рассвет. А им предстояло провести свою вахту весь день, а может и вторую ночь.

Сидоренко с аварийной группы принесли сюриканы с маслом, обошли всех с кружками горячей воды, налили котельных машин, окатили их из шлангов. И те стояли у пылающих форсунок, а Сидоренко глядел в глаза с факелов соломенного цвета штурманов.

Сидоренко бойцов непрерывно сбегали. Эта цель — соленые струйки пота, людей клоунов, мучила жажда. Но все они с твердой твердостью переносили и жар, и невероятно высокую температуру.

Сидоренко вечером к лодке подошел катер. Приняла почта. С разных концов страны приехали сюда дорогие сердцу письма отцы, сыновья, дочери, матери танкисты, девушки. Теплые, нежные призывы Юрия, хорошие, бодрящие пожелания!

Сидоренко прочитывают вслух, так уж младшему на подводной лодке. Радость одобрения захватывается и умножает общую радость. Так читаются письма в единой семье.

Сидоренко лейтенанту т. Столбову пишу танку Марья Филипповна. Она делит своими сокровенными мыслями.

Сидоренко ржусь тем, что ты передовой боец передовой позиции. Я знаю, что мой Юрия стоит на страже родины и отражает

удар подлого и гнусного врага. У меня сейчас только одна мечта, одно желание: всем своим существом я хочу, чтобы вы скорее показали этим гадам, на что способны советские моряки. Вот и сынок наш Игорь шепчет мне: скажи папе, пусть он будет героем и что я тоже буду бить фашистов. О нас, пожалуйста, не беспокойся. О нас позаботится страна. Я решила пойти на свой завод. Для родины, для победы над врагом я с радостью перенесу любые испытания».

«Мессершмитты» набрасываются на советские бомбардировщики, как дворянские изловачки: твистуют своими пулеметами, и снова в облака. Вот один фашистский истребитель воровски подкрадывается сзади под машину летчика Гарбузова. Надо помочь Гарбузову.

Воздушный снайпер орденоседец Беляев берет фашиста на мушкет и обрушивает на него свинцовый ливень. Фашистский истребитель сперва прячется в облаках, а потом снова сбрасывается уже под самолет самого Беляева.

«Хитри, хитри, гад, — думает Беляев, — не уйти тебе от меня!»

Стервятник, наткнувшись на шквальный огонь, свечой тянется кверху. Его догоняет длинная меткая очередь из пулемета Беляева и распарывает истребителя брюхо. Он камнем летит вниз.

Выручая друзей, коммунист Иван Беляев сосредоточивает свой огонь на одном из фашистов. Снайперская очередь решает бесславно судьбу еще одного воздушного разбойника. Скутанный пламенем, он идет в последнее пикирование и врезается в землю. Два других истребителя не выдерживают огня и спешат удрать.

Но что это? Сзади идущий бомбардировщик горит.

«Подожгли, преды! — думает Иван Беляев. — Ведь ты мой лучший друг Леша Кабанов».

Подбитый смелый сокол, выжимая последние силы из мотора своего самолета, устремляет горящий бомбардировщик на ближайшего стервятника. Горящей бесформенной массой обе машины падают на землю.

Этот героический подвиг Кабанова вдохновляет остальных летчиков — месть за смерть боевого товарища. Удесатерились силы славных соколов.

Пять «Мессершмиттов» рухнули на землю, туда, где дымятся бесформенные

груды немецкой моторизованной части, несовершенные пушки, грузовики.

Выполнив задание, сталинские соколы вернулись на родной аэродром.

— В бою погиб мой лучший друг Кабанов. За кровь и смерть наших боевых товарищей я клянусь промочь и уничтожить фашистскую мразь до тех пор, пока руки мои могут управлять пулеметом, а глаза видят врага! — залвил воздушный снайпер — коммунист Иван Белаев.

Пулеметчик Бологов писал письмо брату: «Ты не можешь представить, как это хорошо плавать в море в жестокие штормы, учиться воевать и побеждать в бою. Здесь по-настоящему проверяешь свою волю, мужество и стойкость. Море рождает настоящих героев. Я тебе серьезно говорю. Вспомни Ушакова, Сенявина, Макарова, Нахимова — ведь это все моряки! Великий Суворов, и тот говорил, что он бы согласился служить мичманом при Ушакове.

Отец наш сражался в трех войнах. Он нам часто рассказывал, как бил немцев в гражданскую войну. Он и умер от ран. Отец наказал нам идти и защищать родину до последней капли крови. Иди, брат, во флот, просись на Черное море. Николай служит на Балтике, Иван и я — на Севере, и будет наша семья краснофлотская, и будем мы крошить врага везде и всюду!

Горячий привет, твой брат Александр».

Пулеметчики Бологов и Абанин, командиры орудий Филатов и Щетинин застыли у механизмов, готовые немедленно открыть огонь. Они выжидательно смотрят на управляющего огнем лейтенанта Алексеева.

Разведчики обошли корабль и исчезли вдали. Бологов переглянулся с Абаниным — вернутся мерзавцы!

Фашистские стервятники не заставили себя долго ждать. Девять пикирующих бомбардировщиков с выключенными моторами бесшумно подкрадывались к небольшому кораблю. Но сигнальщиков не обманешь — коварного врага заметили вовремя.

— Огонь! — скандовал лейтенант Алексеев.

Корабль закрылся огневой завесой. Вражеские самолеты разошлись в разные стороны. Один из них стал заходить в шкель. Снаряды и трассирующие пули кучно ложились вокруг него.

— Пять влево! — приказал Александр. Сокрушительный орудийный залп накрыл пулеметную палубу — фашистский бомбардировщик задымил и, рассыпавшись частями, грохнулся в залив.

— Почин сделан! — отметил Бологов про себя.

Он сам только-что видел, как немецкие пули — его и Абанина — скрестились в фюзеляже сбитого бомбардировщика, а разрывы снарядов — самым пропеллером — дело рук артиллеристов Филатова и Щетинина.

Героически дрались пулеметчики. Сжав ручки своего пулемета, стоял Бологов, защищая своего командира, своих товарищей, свой корабль от наседающего врага. У пулемета гудела куча расстрелянных лент. Вспыхнула му стервятнику Бологов прострочил палубу и заставил отступать от корабля вражеские самолеты.

Пуля попала Бологову в ногу. Он присел на корточки и в этот момент встретил самолет, входящий в залив.

Вторая пуля ударила в руку — стрелять стало труднее. Бологову приходилось бороться со стальными нипками, пронизывающими пулю. Но пулемет продолжал разить врага. Только когда три пули впились в ствол, Бологов упал.

В то же мгновение ручки пулемета схватил рулевой Холод. Он успел стрелять только одну меткую очередь — снарядом разбило пулемет.

Абанин, ведя непрерывный огонь, увидел, но почувствовал молчание.

— Гады!

Длинными пулеметными очередями вместе с Щетининым отражал атаку врага. Раненый в руки Абанин выпустил ручки пулемета — подхватил краснофлотец Щелкунов.

Бой кончился. Моряки победили врага.

В госпитале лежат раненые. Старший лейтенант Ившин, командир Абанин и Бологов целы. Только-что от товарищей пришел толстый пакет — подарки, письма.

Разговаривать нельзя. Александр Бологов привстал, дотянулся до карандаша, стал писать: «Друг мой, Яшунин, тебе из госпиталя. Жив, но не поднимайся. Меня очень поранило в бою. Чил десять ран, но скоро поправлюсь. снова — к своему пулемету. Я отдам тебе каждую каплю крови убитых и товарищей. Больше не могу писать. Привет!»

Ленин о защите социалистического отечества

дуровые и грозные, полные величия и героической воли войны советского народа с кровавыми фашистскими полчищами, неунывающими на его родину, честь и свои дни невиданной еще в мире, взумившей все страны, мобилизации сил миллионного народа,— в эти дни мы знаем, как могучее и действенное оружие борьбы и победы, ленинские указания о защите советского отечества.

Славный путь прошла наша родина за последние десятилетия. Мы стали мощнейшей индустриальной державой с самым высоким в мире уровнем социалистического типа. Наша страна имеет великую Красную Армию, вооруженную по последнему слову техники, владеющую всеми современными стратегиями и тактиками, вызывающую своей храбростью во всех странах свободу во всем мире.

Сколько пророческие слова Ленина, сказанные им в марте 1918 года после окончания навазванного нам разбойнико-германского империализма тяжелого и кровавого мира:

«Мы вынуждены были подписать «Тильзитский» мир. Не надо самообманов. Надо мужеством глядеть прямо в лицо некоей жестокой горькой правде. Надо извлечь из этого целиком, до дна, всю ту пропасть, которая ждет нас, расчленения, порабощения, в которую нас теперь столкнут немцы, если мы не пойдем к ним, тем более к каравану закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная потребность добиться во что бы то ни стало, чтобы Русь перестала быть убогой, беспомощной, чтобы она стала в полноте слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все

уже достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция,— чтобы создать действительно могучую и обильную Русь...» (Соч., т. XXII, стр. 376):

Советская Русь действительно стала могучей и обильной. Она отстояла свои границы от многочисленных нападений. Русский народ в союзе с украинским и другими братскими народами социалистических республик не дал хищному зверю — германским завоевателям — долго держаться на советской земле. Враг был изгнан с позором. Такая же участь постигла всех, кто пытался померяться силами с нашей родиной, надеть на освобожденные народы ярмо рабства.

Мощь советской страны почувствовал немецкий фашизм в первые же дни своего вероломного нападения на СССР. Еще более сокрушительные удары героической Красной Армии, армии «могучей и обильной Руси» обрушатся на фашистские головы и приведут фашизм к позорной и бесславной гибели.

Неузнаваемо изменился облик страны за 21 год, отделяющий нас от окончания войны 1918—1920 года, но ленинские указания этого периода целиком сохраняют свою актуальность и действенность, звучат как наказ и боевая директива партии и народу в современной обстановке.

В своих статьях, речах, выступлениях, обращениях к рабочим и Красной Армии, Ленин учит искусству победы над врагом. Он открыл пути к этой победе, показал, как расставить силы, как объединить усп-

для всей страны — фронта и тыла, многочисленных народов республики, армии, заводов, фабрик, государственного аппарата, сельского хозяйства для подготовки решающего удара, для окончательного и полного уничтожения противника.

Высшим долгом каждого гражданина Советского государства является защита родины от напавших на нее врагов. Эта мысль проходит красной нитью в ленинских работах.

VII съезд большевистской партии, одобравший заключение брестского мира вопреки сопротивлению заклятых врагов партии и государства — троцкистов и «левых коммунистов», в то же время отметил в резолюции Ленина, как основную задачу партии, «принятие самых энергичных и решительных мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян, для подготовки масс к самоотверженной защите социалистического отечества, для организации Красной армии, для всеобщего военного обучения населения». (История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), краткий курс, стр. 209.) На следующий день после принятия решения о заключении мира с Германией Ленин в статье «Несчастный мир» писал:

«Невыносимо тяжелы условия мира. А все же история возьмет свое...

За работу организации, организации и организации. Будущее, несмотря ни на какие испытания — за нами». (Соч., т. XXII, стр. 288.)

В статье «Главная задача наших дней», написанной 11 марта 1918 года, Ленин призывал «не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической». (Соч., т. XXII, стр. 376—377.)

Об огромном значении организованности и сплоченности всех сил для победы над врагом говорил Ленин в своей речи на всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства:

«Мы знаем, что только сознательность рабочих, их объединенность, полная сплоченность профсоюзов является такой силой, которая давала блестящие победы

нашей Красной армии...» (Соч., т. XXII, стр. 253.)

Особенно остро и решительно ставил вопрос об организованности и дисциплине в самой Красной Армии, считая это условием необходимым для победы.

В «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» он писал:

«Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии, не поддерживает ее, не поддерживает порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник, тот сторонник врагов революции, того надо истреблять беспощадно.

С крепкой Красной армией мы выдержим. Без крепкой армии мы — не выдержим. Без жертва Колчака, Деникина, Врангеля не выдержим».

Именно организованность, дисциплина, социалистический порядок дали советской республике преодолеть огромные трудности и неслыханные задачи, одержать победу в тяжелой и кровопролитной борьбе с многочисленными, прекрасно вооруженными врагами в отечественной войне 1918—1920 годов.

Организованность, дисциплина, социалистический порядок были важнейшими условиями успешного осуществления пятилетнего плана.

Величайшая организованность, дисциплина, настоящий революционный порядок на фронте и в тылу, считавшийся в заводском цехе, на колхозном участке, на любом участке фронта и труда, обеспечивал нашу победу в отечественной войне над озверелым фашизмом.

Мыслью о необходимости величайшей организованности и собранности в борьбе с гитлеровскими бандами пропитано историческое выступление Сталина по радио 3 июля 1941 года.

Сталинский призыв к советским гражданам перестроить всю работу на новый лад, не знающий пощады, это и есть призыв к максимальной организованности и дисциплине.

Когда белогвардейцы и интервенты жали целостности и независимости советской республики, Ленин требовал от всех, всю энергию, все внимание направлять на интересы государственных организаций, на интересы фронта, подчинять все интересы организации победы над врагом.

«...раз дело дошло до войны, — в 1920 году, — то все должно быть подчинено интересам войны, вся деятельность

страны должна быть подчинена ни малейшее колебание на этот счет недопустимо... нужно помнить, что наше упущение, невнимание нередко может стоить десятки тысяч лишних смертей лучших товарищей, наших молодых поколений рабочих и крестьян, наших коммунистов, которые, как и всегда, в первых рядах борющихся». (Соч., т. XXV, стр. 261.)

Ленин считает, что в войне должна участвовать вся страна. В письме ЦК (большевиков) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» он пишет, что «Все коммунисты прежде всего и больше всего, все сочувствующие и честные рабочие и крестьяне, все рабочие работники должны подтянуться по-военному, перевесть максимум своей работы, своих предприятий и забот на непосредственные задачи войны, на быстрое отстранение нашествия Деникина, сокращая, перестраивая, в подчинение этой задаче свою остальную деятельность. Украинская республика осаждена врагом. Она должна быть единым военным фронтом. Мы должны бороться не на словах, а на деле». (Избр. произв., т. II, 3-е изд., стр. 454.)

В том же письме Ленин, называя советскую республику осажденной крепостью, считает необходимым «поголовно переселить население для войны, кооперировать работу в прямом смысле, кооперировать всякого рода подсобную для войны деятельность» (там же, стр. 454).

В своей знаменитой уже речи на всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства 29 апреля 1920 года Ленин говорил:

«Было бы нам желательно скорее приступить и как можно развернуть мирное строительство, но война навязана, мы должны все интересы этой войны для достижения наиболее успешных для нас и для нас результатов». (Соч., т. XXV, стр. 452.)

Ленин указывает, что для победы над Деникиным требуется «нейтральный подъем энергии, требуется «рабочий революционный». (Избр. произв., т. II, 3-е изд., стр. 455.)

В тезисах ЦК РКП(б) в связи с походом на восточный фронт» (11 апреля 1920 г.) Ленин считал необходимым в оккупированных местностях «осуществить мобилизацию и вооружение всех членов профес-

сиональных союзов, а в случае недостатка оружия, поголовную мобилизацию их для всяческих видов помощи Красной армии, для замены выбывающих из строя и т. п.».

Он призвал другие города последовать примеру Покровска, где профессиональные союзы постановили немедленно мобилизовать 50 процентов своих членов.

Ленин постоянно напоминает трудящимся об их священном долге помогать во всем Красной Армии, заботиться о ней.

«...помогать Красной Армии всем, чем только может помочь каждый,— таков первый, основной и главнейший долг всякого сознательного рабочего и крестьянина, не желающего колчаковщины» (Избр. произв., т. II, 3-е изд., стр. 457.)

В 1919 году, когда Деникин взял Курск и наступал на Орел, когда, по выражению Ленина, «никогда еще не был враг так близко от Москвы», вождь партии призвал рабочий класс последовать примеру петроградцев, которые начали успешную мобилизацию и отправку лучших работников на Южный фронт.

«Товарищи рабочие! Возьмитесь все за новую работу по примеру петроградских товарищей! Больше сил на деятельность в войске, больше почина и смелости, больше соревнования, чтобы сравняться с петроградцами, и победа будет за трудящимися, помещичья и капиталистическая контр-революция будет добита». (Соч., т. XXIV, стр. 474.)

В речи, обращенной к мобилизованным рабочим от 16 октября 1919 года, Ленин, отмечая опасность, угрожающую стране в связи с взятием Орла Деникиным, и угрозу Юденича Питеру, призывает грудью стать на защиту завоеваний революции:

«Но мы смотрим на эту опасность и боремся с нею, как всегда: мы обращаемся к сознательному пролетариату и трудовому крестьянству с призывом стать грудью на защиту своих завоеваний».

Положение чрезвычайно тяжелое. Но мы не отчаиваемся, ибо знаем, что всякий раз, как создается трудное положение для Советской Республики, рабочие проявляют чудеса храбрости, своим примером ободряют и воодушевляют войска и ведут их к новым победам». (Соч., т. XXIV, стр. 487.)

Рабочий класс, трудящиеся действительно проявили чудеса храбрости. Несмотря на голод и разруху, на величайшие страдания, они, следуя призыву Ленина, мо-

билизовали все силы и возможности и разгромили Деникина, Колчака, Юденича. Враг оказался не в состоянии, несмотря на свое огромное военно-техническое преимущество, устоять перед советским народом и его молодой, родившейся и закалявшейся в огне войны, Красной Армией. Определяя цели отечественной войны с германским фашизмом и пути к победе над ним, товарищ Сталин в своем выступлении от 3 июля 1941 года ставит во всей широте вопросы помощи Красной Армии со стороны всего народа. Он указывает:

«Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная армия, Красный флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявить смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить успешное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и важными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону». (Сталин, выступление по радио 3 июля 1941 г.)

Вопросам укрепления тыла, как важнейшего фактора победы, Ленин уделял исключительное внимание.

Участие тыла в войне, его помощь фронту проявляются в разнообразных формах.

Четкая, бесперебойная, оперативная работа государственного советского аппарата, его способность, уметь быстро, как этого требует военная обстановка, откли-

каться на нужды фронта — одна из основных форм.

В ряде статей Ленин пишет о том, какие требования предъявляет война государственному аппарату, как он должен перестроиться в связи с войной.

«...Мы будем глупцами или простаками, если перед грозным нашествием Деникина не сумеем перестроить рядов так, чтобы все, не без чего нам необходимо, приостановить и прекратить».

Ленин предупреждает, что эту стройку государственных учреждений сделать без паники и организационных суеверий.

А в другом месте Ленин, указывая, что надо все больше и больше усиливать мобилизацию старых членов партии на фронтную работу, в то же время подчеркивает, что «вместе с тем, и в целях достижения успеха на войне надо упростить, упрощать, освежать наш государственный аппарат управления». (Соч., т. XXV, стр. 493.)

Все, таким образом, должно служить делу победы. Ибо нет более благородного стремления, чем стремление разгромить врага, нет более возвышенной цели — освободить родину от вторжения в ее пределы полчищ неприятеля, отчужденных и поработанных.

Ленин писал:

«Поэтому еще раз, — все для победы! Пусть ни одно собрание, ни одно совещание не пройдет без того, чтобы при первом обсуждении на первом месте не стоял вопрос: все ли мы сделали, чтобы выиграть войну, достаточно ли напряжены наши силы, достаточно ли помощи отправлено на фронт? Ему все жертвы, ему все трудности, ему все лишения, ему все лишения, отбросив все колебания. И, достигнув доточив все силы и принеся все жертвы, мы, несомненно, победим и на этом» (Соч., т. XXV, стр. 261.)

Ленинские слова, сказанные им еще в 1918 году, чем 20 лет назад, вдохновляют нас и сегодня, в дни отечественной войны, в дни, когда оружием до зубов коварным врагом уже испытал силу нашей непобедимой Красной Армии, силу ее сокрушительных контр-ударов, силу ее могущественной авиации и мощных механизированных соединений. План молниеносного наступления на СССР провалился. За первые дни войны истреблены лучшие силы вражеского неприятеля. Его потери за это время составляют не меньше миллиона человек, раненых и взятых в плен. Нет

в том, что и дальнейшие по-
врага сломить сопротивление Кра-
Армии, прорвать ее железную ли-
бероны, потерпят поражение и закон-
большим крахом гитлеровской клики.

страна сильна морально-полити-
единством советского народа.
— сила, которая способна сокрушить
— пути всех врагов. Морально-по-
— единство советского народа —
— единства тыла и фронта, залог успе-
— великой народной мобилизации для
— врага.

риц Сталин так оценивает значе-
— в войне:

одна армия в мире не может побе-
— речь идет, конечно, о длительной и
— (победе) без устойчивого тыла.
— фронта — первое дело, ибо он, и
— он, питает фронт не только всеми
— довольствия, но и людьми — бой-
— настроениями и идеями».

риц Сталин говорит:

— такое армия без крепкого тыла?

Самые большие армии, самые во-
— янные армии разваливались и пре-
— вались в прах без крепкого тыла, без
— и сочувствия со стороны тыла,
— стороны трудящегося населения».

— Красной Армии обеспечена
— поддержка со стороны огромного
— тыла. Рабочий класс, колхозы,
— интеллигенция, перестроив-
— на военный лад, мобилизовали свои
— для того, чтобы фронт был всем
— и ни в чем не нуждался.

— и дочери советского народа гото-
— любую минуту пойти на фронт, что-
— оружием в руках нещадно бить гит-
— мракобесов и головорезов.

— тысяч трудящихся вступили в
— народного ополчения. Миллионы хо-
— добровольцами в Красную Ар-
— Не волнующая ли это картина неви-
— в мире единства фронта и тыла?
— коварный враг, бессильный расстро-
— то железное, нерушимое единство,
— стая исподтишка, ловко маскируясь,
— и вероломством ослабить наш
— вредить, пакостить. Он засылает дя-
— тов и шпионов, переодевая их в
— миллионеров и красноармейцев,
— выведать расположение наших за-
— воинских частей, получить сведения
— оборонных мероприятиях.

— никогда, в настоящее время тре-
— величайшая настороженность и

бдительность, чтобы врага, как бы он ис-
кусно ни маскировался, в какие бы щели
и норы он не залезал, — разоблачить,
уничтожить.

В своем выступлении по радио товарищ
Сталин сказал:

«Мы должны организовать беспощадную
борьбу со всякими дезорганизаторами ты-
ла, дезертирами, паникерами, распро-
странителями слухов, уничтожать шпионов,
диверсантов, вражеских парашютистов,
оказывая во всем этом быстрое содей-
ствие нашим истребительным батальонам.
Нужно иметь в виду, что враг коварен,
хитер, опытен в обмане и распростране-
нии ложных слухов. Надо учитывать все
это и не поддаваться на провокации. Ну-
жно немедленно предавать суду Военно-
го Трибунала всех тех, кто своим пани-
керством и трусостью мешают делу обо-
роны, невзирая на лица».

Б революционной бдительности, к вы-
слеживанию и поимке шпионов, провокато-
ров призывали Ленин и Дзержинский со-
ветский народ в мае 1919 года.

«Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петро-
град с очевидностью доказало, что во всей
прифронтной полосе, в каждом крупном
городе у белых есть широкая организация
шпионажа, предательства, взрыва мостов,
устройства восстаний в тылу, убийства
коммунистов и выдающихся членов рабо-
чих организаций.

Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и
провести самым строгим образом ряд мер
по выслеживанию шпионов и белых заго-
ворщиков и по поимке их.

Железнодорожные работники и полити-
ческие работники во всех без изъятия во-
инских частях в особенности обязаны
удвоить предосторожности.

Все сознательные рабочие и крестьяне
должны встать трудью на защиту совет-
ской власти, должны подняться на борь-
бу с шпионами и белогвардейскими пре-
дателями. Каждый пусть будет на сторо-
жевом посту — в непрерывной, по-воен-
ному организованной связи с комитетами
партии, с Ч. Б., с надежнейшими и опыт-
нейшими товарищами из советских работ-
ников. (Избр. пропов., т. II, 3-е изд., стр.
414.)

Об этом же Ленин писал в письме ЦК
РКП (большевиков) «Все на борьбу с Де-
никиным!»

«Особенностью денкинской армии, —
говорится здесь, — является обилие офи-

царства и казачества. Это тот элемент, который, не имея за собой массовой силы, чрезвычайно способен на быстрые налеты, на авантюры, на отчаянные предприятия, в целях сеяния паники, в целях разрушения ради разрушения.

В борьбе против такого врага необходима военная дисциплина и великая бдительность, доведенная до высших пределов. Прозевать или растеряться — значит потерять все. Каждый ответственный или советский работник должен учесть это.

Военная дисциплина и в военном и во всяком деле! Военная бдительность и строгость, неуклонность в принятии всех мер предосторожности!»

В том же письме Ленин предлагает вести беспощадную борьбу с изменниками, выступающими в разной форме против советской власти, ибо каждое послабление в этом деле угрожает жизни десятков тысяч рабочих и крестьян.

Военная дисциплина и военная бдительность, доведенные до высоких пределов, — то, к чему призывал Ленин, — и в настоящей войне является таким же оружием победы, как танки, самолеты и другие средства военного вооружения на фронте. Военная дисциплина и военная бдительность — это то оружие, без которого победа над коварным врагом немислима.

Ленин безгранично верил в силу рабочего класса, крестьянства, в силу трудящихся. Он всегда был глубоко убежден в готовности советского народа идти на любые жертвы для победы над врагами революции и родины.

С какой любовью и восхищением он говорил о «великом почине» железнодорожников Московско-Казанской железной дороги, организовавших «коммунистические субботники», в ответ на призыв ЦК партии дать отпор Колчаку, наступавшему весной 1919 года на Восточном фронте.

«Если голодные, усталые и измученные московские железнодорожники, как специалисты рабочие, так и чернорабочие, могли во имя победы над Колчаком и вплоть до полной над ним победы завестись «коммунистические субботники», работать бесplatно по несколько часов в неделю и развивать при этом невиданную, во много раз более высокую, чем обычно, производительность труда, то это доказывает, что многое и многое еще можно сделать». (Избр. произведения, т. II, 3-е изд., стр. 455.)

В другом месте Ленин называет то, что «рабочие, перенесшие в последние мучения голода, холода, разрушения, не только сохраняют волю и твердость духа, всю преданность Советской власти, всю энергию самопожертвования, героизма, но и берут на себя, несмотря на всю свою неподготовленность и неопытность, бремя управления государственным кораблем!»

Таковыми чудесами полна история пролетарской революции». (Соч., т. I, стр. 491.)

Безграничной верой в неиссякаемые силы народов Советского Союза пропитано выступление по радио товарища Сталина. Оно дышит уверенностью в том, что немцы дадут палачам-фашистам топтать своими грязными сапогами священную советскую землю.

«Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на борьбу с напавшим врагом. Поднимутся миллионы массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны организовать такое народное ополчение, подвигаться к борьбе всех трудящихся, чтобы мужественно и с отвагой защищать свою свободу, свою советскую родину — в нашей отечественной войне с германским фашизмом». (Соч., т. I, стр. 493.)

Ленин говорил, что «побеждает не тот, у кого больше резервов, а тот, у кого больше источников силы, больше выдержки, больше воли, больше веры в родную толщу». (Сочинения, т. I, стр. 493.)

Резервы нашего двухсотмиллионного советского народа, опирающегося на поддержку всех демократических стран, на чувство всех угнетенных фашизмом, на все прогрессивное человечество, неисчислимы.

Советский народ уничтожит фашистскую гадину. На священной советской земле озаряемой солнцем Сталинской Конституции, дикие фашистские орды найдут могилу.

Фашизм будет раздавлен и уничтожен. Фашизм будет стерт с лица земли.

Пламенный борец с фашизмом

«Фашизм — отрицание культуры, проповедь войны, крик обессилевшего о желаниии быть сильным».

«Фашизм... является организацией отбора наиболее гнусных мерзавцев и подлецов для порабощения всех остальных людей».

М. Горький

в поэме М. Горького «Девушка и товарищ Сталин» товарищ Сталин отозвался: «Эта девушка сильнее, чем «Фауст» Гете (любовь побеждает смерть)».

В этих немногих скупых словах товарища Сталина определен весь смысл деятельности Горького, как борца и проповедника того подлинного гуманизма, о котором Алексей Максимович сам как нельзя лучше сказал: «В наши дни перед властью грозно встал исторический и научно обоснованный, подлинно общечеловеческий, марксовский гуманизм Маркса-Ленина — гуманизм, цель которого — освобождение трудового народа всех рас и наций...»

Писатель, отдавший всю свою чудесную жизнь, свой гигантский труд, свой гений, на освобождение трудового народа всех рас и наций — был могучим борцом профашизма. Фашистские людоеды и злобесы боялись разящего слова Горького оно звучало во всем мире и призывало всех честных людей «ненавидеть одиночавших, неизлечимых дегенератов — вырождков человечества, эту безответственную международную шайку преступников, которые наверное посягают натравить свой «народ» и на государство строящегося социализма».

Фашизм, — писал Горький, — по сути является организацией отбора наиболее гнусных мерзавцев и подлецов для порабощения всех остальных людей... названные мерзавцы и подлецы... являются расширением и укреплением

наглого и откровенного деспотизма, небывалого по бесчеловечию порабощения трудового народа. Термины «подлецы» и «мерзавцы» я употребляю только потому, что не нахожу более сильных».

Горькому принадлежала руководящая роль в идейной борьбе прогрессивной интеллигенции с фашизмом. Писатель, чье имя было овеяно мировой славой, был одним из крупнейших организаторов антифашистского фронта. За Горьким следовали передовые деятели науки, искусства и литературы Запада, сплотиваясь и объединяясь в отряд борцов против фашизма.

В статье «О «солдатских идеях», написанной в 1932 году, т. е. еще до прихода к власти Гитлера, писатель ставит вопрос о происхождении «идей» фашизма. Горький доказывает, что эти «солдатские идеи» далеко не новы, истоки их можно проследить в книгах Генриха Трейчке и Фридриха Ницше. «Проводником этих идей является Бенито Муссолини. В статье, написанной им для «Итальянской энциклопедии», он пользуется всеми установками душевно-больного Ницше, его проповедью «любви к дальнему», презрительно отрицает идею братства народов и социального равенства человеческих единиц, отрицает, конечно, и права большинства на власть... Муссолини приветствует и восхваляет войну»...

С неподражаемым, разящим сарказмом Горький разоблачает претензии итальянского фашизма на власть Рима над миром и истерические выкрики Гитлера о том,

что фашизм «вознесет народ Германии над всем человечеством».

Великий писатель показывает, что все эти «мечты», истерические крики — это «судороги одичавшего, издыхающего», вставшего в агонию «смертельно больного». Горький приводит примеры «садищеского бесчеловечной» политики «на феодальный лад», дает анализ не только фашистских идей, но рассматривает и «практику» современных людоедов, замечая при этом: «Перечислять факты противно, да и память отказывается загружаться грязью». «Теория» и практика фашизма с изумительной силой и меткостью определены Горьким в таких словах: «Отравляющий «дух» этого хищного материализма жирных двуногих пауков ныне уже не прикрывается истрепанными лохмотьями религии, философии. Фашизм и расовая теория — цинически обнаженная проповедь вооруженного грабежа». («О культурах»).

Практика «воинствующего фашизма» состоит в «наглешем разбое», в развязывании войны, в «циническом истреблении» пролетариата и всех прогрессивных элементов современного общества.

Великий писатель спрашивает, откуда фашизм черпает свои «кадры», где находятся его резервы? И отвечает: «Фашизм — это... мобилизация юных потомков алкоголиков и сифилитиков, мобилизация истерических детей, пострадавших от впечатлений войны 1914—1918 гг. ... Психика этих подростков характеризуется фактами такого рода: в Германии в первых числах текущего мая в г. Эссене «Гейнц Христен, подросток 14 лет, убил своего приятеля, Фрица Валькенгорста, мальчика 13 лет. Убийца хладнокровно рассказал, что вырыл для своего приятеля заранее могилу, бросил его туда живым и держал его лицом в песке до тех пор, пока Валькенгорст не задохся. Убийство он мотивировал тем, что очень хотел овладеть принадлежавшей Валькенгорсту формой гитлеровского ударника».

Но за этой армией мелких убийц стоят те, чью волю они исполняют. Это — «выродки истории — банкиры, фабриканты, помещики, лавочники». Горький дал их обобщающую характеристику: «идолопоклонник частной собственности, существо, изуродованное ненасытной жадностью, завистью, бессмысленной страстью к накоплению денег и вещей, существо человекоподобное, но все более теряющее даже и физическое сходство с нормальным человеком».

Горький, воистину народный писатель, безгранично был предан родине: в творчестве, во всей деятельности неразрывно были связаны род и родина. И благородным национальностью гордости проникнуты лучшие его творения. Чудесные поэмы народных героев и героинь, чудесные рассказы родины написаны Горьким:

«Я вижу русский народ исключительным, фантастически талантливым, своеобразным. Я думаю, что когда этот удивительный народ отлучается от всего, что его тяготит и путает его, когда он работает с полным сознанием культуры... весь мир связующего, значительного — он будет жить сказочно героической жизнью и многому научит этот иший, и обезумевший от преступления мир».

Творчество, общественно-политическая деятельность Горького насыщены теплым патриотизмом, о котором Ленин: «Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками тысячелетиями...»

Этот — подлинный патриотизм против народа и против национального, против классового угнетения. Этот подлинный патриотизм неразрывно связан с идеями равенства народов.

Горький был пламенным проповедником идей пролетарского интернационализма. Еще в 1912 году он писал: «Должны мы, социалисты, люди искренно верующие, что весь мир может и будет жить своей жизнью, — должны ли мы допустить, чтобы жадные и глупые люди способствовали развитию расовой вражды, которая не может встать на пути социализма — национальной и крепкой стеною?»

А в предсмертные годы с испепеляющим гневом и сарказмом он обрушился на расовую «теорию» фашизма. Нет, не для Горького, ничего более гнусного, более духовно убогого и страшного, чем «расовое безумие». «Фашизм и расовая теория — писал Горький — цинически, обнаженная проповедь вооруженного грабежа. Вот он, «дух» современной буржуазной «культуры», отвратительный, интеллигентный дух. И мы видим, что честные интеллигенты, боясь задохнуться в нем, бегут из страны...» Этому позорному, тупому духу гниения и одичания, этому глупому отрицанию культуры противопоставил мыслитель Горького идеология Ленина, реально и мудро осуществленная вождем пролетариата Сталиным.

пат,— говорит Горький,— доказал
что в его пестроплеменной стране
племени и расы совершенно равны в
на жизнь, на труд, на развитие
культуры».

эту прекрасную страну — родину
трудящихся, Горький призывал бе-
защитять.

мы живем в счастливой стране,— пи-
сатель говорил,— где есть кого любить и ува-
жать. У нас любовь к человеку должна
рождаться — и возникает — из чувства
уважения пред его творческой энергией,
из взаимного уважения людей к их без-
условной, трудовой коллективной силе,
из уважения к социалистическим формам жиз-
ни, к любви к партии, которая является
ядром трудового народа всей страны и
ядром пролетариев всех стран!»

Горький преклонялся пред доблестью
Красной Армии, его последним заветным
делом было — написать книгу о крас-
ном командире. Он призывал народ наш к
бдительности, призывал быть готовым дать
свой отпор врагу. Великий писатель говорил:

«Рабочий класс и крестьянство должны
быть бдительными, помня, что уже один раз мо-
жет прийти сила Красной армии победоносно
на нашу голову... будучи безоружной.
Сила, разутая, раздетой и руководимой
и товарищами, не очень знакомыми с
искусством военных действий. Теперь у
нас есть Красная армия, армия бойцов,
один из которых хорошо знает, за что
он идет драться... «Каждый боец, кото-
рый идет драться, должен совершенно ясно и точно знать,
кто он борется, кто его действительно
враг, будет знать, что враг этот об-
стоятельствами истории на гибель, и что гибель
— начало счастья трудящихся всей
страны» («Ураган, старый мир разрушаю-
щий»).

«Наше оружие,— добавлял Горь-
кий,— не только в руках бойцов умной,
блестящей Красной армии, оно в мудром,
гениальном для всего мира учении
Ленина и Сталина, оно в грандиозной работе
по созданию и накоплению трудовой и боевой
силы, необходимой для нашей самоза-
щиты».

Горький был патриотом и борцом за равенство на-
шего народа, гуманистом и борцом, призывав-
шим «быть на страже», быть сильными,
бдительными с оружием в руках защищать
наши величайшие завоевания народа в величай-
шие революции — таким предстает
перед нами Горький — друг Ленина и
друг Сталина. Вся его лучезарная деятель-
ность направлена против поработителей
нашего человечества, вся его деятель-

ность революционера и «мастера культу-
ры» разоблачает, сокрушает гнуснейших
из насильников, омерзительных варваров
современности — людоедов-фашистов.

Десятки пламенных воззваний, обра-
щенных к писателям, ученым, рабочим, к
женщинам, играли и по сей день играют
огромную роль во всенародной мировой
борьбе против фашизма. В этой борьбе
участвует и немецкий народ, и к нему
неизменно обращался с горячим словом
привета и ободрения Горький. Он неот-
разимо-убедительно показал чудовищность
преступлений фашистов.

Фашисты, писал Горький, «не могут
жить, не организуя массового истребления
народов, они — профессиональные убийцы
рабочих масс. Известно, что мы, люди Сою-
за Социалистических Советов, мешаем
жить группе всемирных грабителей и
убийц и что они очень хотели бы ча-
стью — уничтожить нас, частью — обра-
тить в рабство».

Так предупреждал Горький об опасности
фашистского нападения. Он знал и могу-
чим своим словом возгласил: «Рабоче-
крестьянская масса Союза Советов не хо-
чет воевать, она хочет создать государ-
ство равных. Но в случае нападения на нее
она будет защищаться вся, как одно це-
лое, и победит, потому что на нее рабо-
тает история» («Ответ интеллигенту»).

Алексей Максимович говорил: «Я тоже
пойду рядовым бойцом в его армию. Пой-
ду не потому, что — знаю, именно она по-
бедит,— а потому, что великое, справед-
ливое дело рабочего класса Союза Советов
— это мое законное дело, мой долг».

Личным примером жизни, исполненной
мужества борьбы и труда, и светлыми
образами своих творений, и десятками
пламенных воззваний,— Горький боролся
со смертельным врагом своей родины и
всего прогрессивного человечества.

Гуманизм пролетариата — писал Горь-
кий — требует неугасимой ненависти... к
фашистам, палачам и предателям рабочего
класса, ненависти «ко всем, кто живет на
страданиях сотен миллионов людей».

Горький выразил священную ненависть
к фашизму, которую носит в своем сердце
каждый советский патриот, каждый
честный человек.

В наши дни великой отечественной осво-
бодительной войны против фашизма ве-
ликие мгили Горького, его горячее, живое,
ясное, доходчивое слово — непобедимое ору-
жие в борьбе с взбесившимся в последнем
смертельном прыжке кровавым хищником.

Каннибалы

Фашизм и культура — понятия несовместимые. Фашизм — это отрицание культуры, ее антипод. Фашисты этого и не скрывают. Более того, «национал-социализм», который столько же походит на социализм, сколько, по выражению Спинозы, обыкновенная собака походит на созвездие Пса, — афиширует свою ненависть к культуре, свое полное и безграничное презрение к ней. Уже стало «классическим» изречением Ганса Йоста, нынешнего председателя германской «камеры культуры», что само слово культура заставляет его хвататься за револьвер. Йосту вторит наци-журналист фон Энгельбрехтен в «Дейче прессе», органе всегерманского союза печати. В привычном стиле громилы он говорит: «Нам наплевать (wir pfeifen) на всякую культуру, как бы она ни была стара, если она не отвечает нашим требованиям; нам наплевать на всякие духовные ценности, если они не дают нам в руки оружие для борьбы; мы смеемся над всем этим мертвым хламом и ненужным балластом, мы издеваемся над ее представителями, называем их чернильными кули и идем своей дорогой».

«Своей дорогой!» Дорогой фашистского изверства!

Геринг изрек: «Наши вожди вырастают из земли и крови, им не нужна никакая культура и никакая наука». «Пусть нас называют варварами! Мы не хотим культуры!» — беснуется один из «столпов» философии фашизма, Эрнст Крпк. «Интеллигенция — это отбросы нации», — заявил «сам» Гитлер.

Откуда эта лютая, нестремимая ненависть фашизма к культуре? Это не только ненависть и презрение невежд к недосягаемым для них духовным ценностям, — это ненависть и ярость, порожденные ди-

ким страхом перед человеческой мыслью, перед свободой творческого гения, перед тем, что может возникнуть от творческого развешья в прах весь гигантский комплекс сконденсированного идотизма, порожденного фашистской теорией. Это ненависть и ярость, порожденные страхом перед умом, порожденные глупостью и злобой.

Здесь глупость и злоба, сцепяясь.

По улицам бегали блудно (Гейне)

Когда, преодолевая в себе чувственность, знакомишься с трудами фашистских «теоретиков» и практиков, тебе кажется, что замечаешь, — это их страх перед силой разума, перед интеллектом.

«Интеллект — это главная опасность на пути формирования характера», — пишет Геббельс в своем автобиографическом мани «Микаэль». Георг Узадель, фашистский «педагог», призывает к «преследованию интеллигентской бестии».

Бывший министр просвещения Русткицкий рассказывает учителям:

«Вы должны вырвать гуманизм из школы. Чем умнее становится юноша, тем меньше он способен на него полагаться».

Фашизм сознательно «удрачняет» умное, рациональное зерно во всех науках и дисциплинах, выдвигая на первый план непознаваемое, иррациональное, культивирует бред мистики и оккультизма.

Не случайно гитлеровская Германия воднена «колдовской» литературой. Там процветают всякие мастера черной и белой магии, колдуны, астрологи, знахарь, «хирологи» и тому подобный шарлатаны, нашедшие столь плодотворную почву в стране, где «отменены законы естественных наук», если только они не служат делу национальных войн.

фашизма — ученый в облачении
вика, с повадками и кругозором
вика. Фашистский профессор Аль-
Феймлер, благословляя костер, на
сжигались великие произведения
тского гения, вслух возмечтал о
типа ученого типом солдата».
может быть страшнее для фашизма,
объективная сила подлинной науки,
каменя на камне не оставляет от
его бредовых концепций о расах, о
крови, почвы и тому подобном. Ро-
т, автор одной из самых поганых
фашизма «Мпф XX века», говорит:
час по горло хватит нервозной суе-
медных десятилетий. Чутье говори-
т, что эпоха интеллектуализма, как
я, претендовавшего на культурную
ность, лежит на смертном одре. По-
от теоретического материализма в
и искусстве можно считать внут-
завершенным; маятник качнулся
обратную сторону — в сторону те-
и, оккультизма».

В другом месте тот же беснующийся
«желе», происходящий, говоря сло-
(Гейне) Горького, из породы «дураков в ко-
набекрень и со свинцовыми мозга-
д черепом», толкует о непознавае-
мира. «Осознание жизни — ошибка,
жизнь алогична».

«Очевидно, что общего может быть у фа-
и логики?»

«Логика с ее аппаратом правиль-
мышления — смертельный враг фа-
ного иррационализма, фашистских
фикаций».

«В корне алогична, лишена эле-
ного научного смысла основа на-
расовая теория. Отвратительней-
из научных фальсификаций, расовая
породила необозримую литературу
мании, столь же многословную, сколь
яркую».

«Оно, до невыносимости противно
идея, сквозь джунгли всех этни-
во все расистских блудодеев от биологии
и на истории, колыхаться в навозе, столь
оально и сильно подбираемом фашистами на му-
оккультуры свалке истории, куда сброшено
Герман-
турой. Грязная ложь и беспардон-
мастера фальсификация заменяют всякий эле-
астральный научный анализ. Всей своре
у позорских «исследователей» приказано:
плодотворить превосходство германской или
ны этой расы над всеми остальными ра-
делу — народами мира. Как это доказы-
— несущественно; как и мн пу-

тями приходит исследователь к этой
«истине» — безразлично. Была бы достигну-
та цель. Вот почему в этой дикой меша-
нине различных расовых теорий можно
найти какие угодно концепции, но все
сводится к одному знаменателю: «превос-
ходству германской расы».

Вопреки неопровержимой истине, бес-
спорно установленной крупнейшими уче-
ными-естествоиспытателями, об абсолютной
ненаучности, нереальности понятия
чистой расы в условиях оживленного исто-
рического сожительства народов, фашист-
ские теоретики, по-обезьяньи копируя та-
ких мракобесов XIX столетия, как поло-
умный Гобино, как Ляпуж и им подобные,
строят свои бредовые «теории» о разных
расах, создают табель о рангах, где
германской — или нордической — расе неиз-
менно отводится первое и недостижимое
место.

Фашистские убудочные «исследова-
тели» приклеивают славянским народам яр-
лык «Untermenschen» — получеловека.
В немецкой печати не раз появлялись сооб-
щения о том, что столько то «польских
получеловеков приговорены к казни».

В пухлой и графоманской книге Гитле-
ра «Майн кампф» мы встречаем заявления
о том, что «немцы — раса, славяне — мас-
са рабов, и нужно, чтобы иерархия господ
поработила массу рабов», о том, что «не-
обходимо всеми средствами остановить
плодовитость славян». Гитлер даже уточ-
няет: «перед нами, говорит он, встает
обязанность уменьшить чуждое население,
как и обязанность методически содейство-
вать росту численности германского насе-
ления. Нужно разработать технику сокра-
щения чуждого населения». Эта «техника»
известна; она состоит из испытанных
средств фашистского бандитизма — физи-
ческого истребления покоренных им сла-
вянских народов.

Вся эта «теория» лонадобилась фашист-
ским людоедам, чтобы подвести «научную
базу» под гитлеровскую программу «гос-
подства над миром», изложенную с ци-
ничной откровенностью все в той же
книжке «Майн Кампф». «Если мы хотим
создать нашу великую германскую импе-
рию, мы должны прежде всего вытеснить
и истребить славянские народы — рус-
ских, поляков, чехов, словаков, болгар,
украинцев, белоруссов. Нет никаких при-
чин не сделать этого».

Деление на различные расы сопровож-
дается перечислением всевозможных их

признаков. Сколько «теоретиков», столько различных видов этих признаков.

Впрочем, с внешними признаками получился конфуз. Считалось непреложным, что белокурость — главный внешний признак северной расы, расы господ. Вспомним хотя бы «белокурую бестию» Ницше, духовного отца современных людоедов от расизма. Увы, некоторые из больших и малых фюреров никак не подходили под признак белокурости, и прежде всего отнюдь не белокурый Гитлер. Но расизм — на то и расизм, чтобы без труда преодолевать подобные затруднения. И Ганс Гюнтер, «великий магистр» ордена шарлатанов от расизма, в одном из своих бесчисленных сочинений — «Северная идея» — заявляет, что «белокурая теория» не обязательна. Еще бы! «Часто, — говорит Гюнтер, — противник пользуется ею для злорадных шуток». Гюнтер явно намекает на черноволового Гитлера.

Во всей этой психопатологии, конечно, «есть своя система».

Если «низшие», по фашистской «теории» обезьяноподобные или животноподобные расы от природы своей рождены быть рабами, а раса господ — «Герренфольк» — призвана господствовать, то остается лишь осуществить это «естественное право» и рабов по призванию сделать рабами по положению. Они возражают? Тем хуже для них; они должны быть покорены мечом расы господ. «Северная раса призвана к господству, — пишет фашистский философ Макс Вундт, — остическая (восточная) — к подчинению». Ибо великие идеи о равенстве людей и рас, о человечности и мире между народами, по зоологическим концепциям фашизма, «противоречат всем законам природы и нравственности».

«Нет слов, чтобы выразить, до чего все это нищенски гнусно, как это бессмысленно и противно», — скажем вслед за Горьким. Гнусность, возведенная на пьедестал государственной доктрины, на вышку «великой и непреложной истины», оказывается в руках банды преступников, узурпировавших власть над германским народом, «идеологическим» обоснованием неслыханного в истории политического бандитизма, «оправданием» разбойничьих войн против малых и больших народов.

Но значит ли, что в разряд «высшей», северной «расы господ» зачисляется германский народ? Отнюдь нет. Для фашистской верхушки германский народ — это трамплин к власти и могуществу. Фашистский лигатуратор Ганс Фрейер выразился однажды в том смысле, что народ —

это «всякий сброд», опираясь на «политический гений строит блестящее господство». С такой же наглостью Гитлер говорит, что «понимание масс — это не чуждо, их разум скуден». Фашисты трясут зады своего кумира Освальда Глера, назвавшего немецкие народы «расой, немецких рабочих, «выродками» вместо подлинной расы выходящей». По констатировать только злобу и мстительность».

Так, исполненный презрения к своему своему взятым им народным массам, фашизм более суживает понятие расы господ, ничивая ее фашистской «элитой», в которой, видите ли, только и сохранилась чистая кровь арийских прабабок и прадедов. Нет недостатка в «трудах», пытающихся доказать, что неимущие и глупые — это дурной наследственностью, и что это не позволяет им равняться по верности. Если по фашистским «теориям» способность человека определяется его принадлежностью к «элитной» или «рабской» расе, то остается лишь перенести в область человеческих взаимоотношений «своетоварческие» принципы. Тогда круг будет завершен.

С этим связан вопрос об отношении фашизма к женщине. В одной из программ рейсхенландских фанфаронад Гитлер заявил, что решил «навсегда» покончить с патриархальным пониманием равноправия мужчины и женщины. Он добавил, что «движущей силой мужского является разум, а движущей силой женской — чувство», из чего следует, что женщина — это «семья, дети, постель, кухня». Антифашист писатель Эрнст Метко сказал однажды: «Идеал нацистского социализма: женщина — в стойле». Фридрих Федер, комментатор программы нацистских идеологов, один из «теоретиков» фашизма, заявил, что «женщина должна быть женой и жандкой нации и рожать ей солдат». Другой фашистский «мыслитель», — умереть за отечество — дело женщины — «отдать себя преставлению солдата для этого отечества». Между тем было замечено, что среди образованных слоев населения рождаемость падает, чем среди необразованных. И «Германский медицинский еженедельник» заявил, что «величайшей биологической опасностью для германского народа является бедность образования, на котором, главным образом, покоятся и факт сокращения деторождения».

Если удел германской женщины — это ставить пушечное мясо для германского

то перед «расой господ» фашизм
особо «возвышенную» задачу —
производства породистых представите-
льнейшей германской расы. Один из глашатаев
этого человеководства, Вальтер Дар-
р (ветеринар по образованию (деталь, не
интересна) и министр земледелия
в нацистской Германии, без обиняков го-
ворит: «Подобно тому, как мы возродили
старую ганноверскую лошадь, отбирая
лучших жеребцов и кобыл, мы возро-
дим северного германца путем обяза-
тельного скрещивания в течение ряда по-
колений»).

Ветеринар с лошадиным взглядом
его не ограничивается общими кон-
татами: в своей книжонке под названием
«Знать крови и почвы» Дарре пред-
лагает отобрать лучших производителей и
оплодотворительниц, создать в разных пунк-
тах Германии специальные случные пунк-
ты, которые он называет «племенными
дворами», во главе этих дворов поставить
лучших «оплодотворителей природы», которые и будут
выполнять вверенным им человеческим
делом — по рецептам, кои подробно
описаны в его книге. Подобно тому, как
делают это в конюшнях, так и в случных
дворах будут работать те же Вальтером Дарре.

Вот что может, — все это или что иное,
или прожекты маньяка или психопата
на сексуальной почве? Конечно, не исключено и даже
вероятно: маниакальность и патологич-
ность мышления и действий многих фа-
шистских вожаков несомненна, а противо-
поставленные пороки и разнужданность
нацистской клики достаточно хорошо из-
вестны. Но вместе с тем, все это что-
то, несомненно, неистощимое для морально
здоровых людей свинство слу-
жит предметом обсуждения, изучения и
осуждения германской печатью, германски-
язычными учеными. «Ученый» евгенист Ленц
даже, что «идея Дарре злорада,
но можно пожелать ей практическо-
го осуществления в национальном движе-
нии».

Известие всех этих «проектов» один
за другим в фашистских «улучшателях по-
роды» профессор Томалла из министерства
внутренних дел, предлагает ввести специ-
альные смешанные трудовые лагеря для
молодежи в расовом отношении молодого
пола, как средство повышения
качества и улучшения породы.

Конечно, недалеко и до призна-
ния целесообразности узаконения полига-
мией, которой требует Розенберг, утверж-
дая, что «борьба христианства против
идеи имела немедленным следствием

приостановление политического и военного
развития германской расы...»
Какие ужасающие глубины морального
развития германской расы...»
одичания! В какую бездну пытаются фа-
шисты столкнуть и Германию, и все чело-
вечество, над которым они собираются
воздвигнуть свое поганое знамя с дьяволь-
ской эмблемой свастики, чтобы, говоря их
же словами, «превратить весь культурный
мир в дым и пепел!»

Человеководство и случные пункты для
разведения и улучшения арийской поро-
ды — это одна часть программы; ей сопут-
ствует и вторая: мы говорим о той прак-
тике чудовищных насилий над «неарийца-
ми», над народами побежденных стран, ко-
торая уже столько раз потрясала и про-
должает потрясать сердца людей. Ибо то,
что обрушилось на миллионы и миллионы
«неарийцев», и в частности на евреев,
как в самой Германии, так и особенно в
оккупированных ею странах, — от тетро-
коребергских законов до массовой стерили-
зации и физического истребления сотен
тысяч людей — беспримерно по своей лю-
той, кровавой жестокости.

В гитлеровской Германии лишь то имеет
право на признание и существование, что
отмечено гнусной печатью расизма. Это
относится к истории и праву, психологии
и экономике, литературе и физике.

Расизм совершает одну за другой чужо-
вищные фальсификации, чтобы доказать
своей основной тезис: история челове-
чества — это... история борьбы высших рас
против низших, последовательные этапы к
установлению власти германской расы гос-
под над расами рабов. Некоторые историки
и философы старой формации почтитель-
нейше просят у вооружившихся дубиной
историков Третьей империи пощадить из
старого то, что можно. Ганс Менцель на
страницах журнала «Кантштудийен» выра-
жает робкую надежду, что для классиче-
ской немецкой философии будет отведено
«какое-то место» в новой истории герман-
ской культуры. Осмелев, он пишет: «Надо
надеяться, что немецкий народ не захочет
вычеркнуть лучшие времена своей духов-
ной культурной истории, что своим судьей
он предпочтет избрать Гете, а не «бело-
курого зверя» Шпенглера».

Эта надежда была высказана еще, так
сказать, на заре пребывания фашистов у
власти. Священная простота почтенного
кантианца!

Нет, именно белокурая (по Гюнтеру —
и черная) бестия пинет теперь в Герма-
нии историю германской культуры. Одной
из таких бестий является Фрик, — не то

министр внутренних дел, щеголяющий в историках, не то историк в роли охранника. Некоторое время тому назад Фрик опубликовал «основные линии обучения истории в школе». Вот они, эти фриковские «линии»:

Первой ступенью служит изучение истории, которая является «весьма важной национальной наукой», способной «противостоять существующей до сих пор недооценке стелени культурного уровня наших германских прародичей». Далее, красной нитью через все изучение доисторической эпохи и истории человечества вплоть до наших дней должно, по Фрику, проходить «утверждение безусловного превосходства германской расы», «которая на всех этапах человеческой истории была наиболее ценным спасающим элементом в человечестве».

В области древней истории «студенты должны усвоить судьбы северных индусов, мидян, персов и хеттитов», «родственных немцам по крови», но погибших в результате «массового заражения чужерасовой кровью». Что касается истории Греции, — утверждает Фрик, — то она рассматривается как борьба двух «расовых душ»: европейской — аполлоновской и азиатской — дионисовской. Розенберг видит в истории Греции, как и во всей всемирной истории, борьбу «мужского» и «женского» начал. И это называется — историческая наука! В отношении Рима — продолжает Фрик — «у нас сродство только с патрициями, а не с плебеями», ибо «борьба патрицев с плебеями была прежде всего борьбой расовой». Историческая же миссия германского народа заключалась в том, чтобы «вливать в вырождавшуюся от расового смешения римскую империю свежую нордическую кровь». Этот исторический вздор должен «оправдать» притязания Германии на континентальную Европу, как изложение средневековой истории — притязания Германии на восточные земли. В истории средневековья, — читаем мы в тех же директивных «основных линиях», — следует акцентировать на том, что земли по Висле и до Двины и далее были «исконными германскими землями». Так обосновывается «право» фашистских разбойников на территорию великого Советского Союза. «Мы начинаем там, — кликушествует Гитлер, — где закончили 600 лет назад» (при этом Гитлер предпочитает умолчать о причинах, вынудивших немецких восточных царей «закончить» свой марш на восток, — о сокрушительных ударах, нанесенных русским народом наглому и злобному вра-

гу-чужеземцу. — И. Э.). Когда, говоря о новых территориях в Европе, мы в первую очередь думаем о восточных и подвластных ей окраинах».

То, что зовется в Германии историей, есть не что иное, как отвратительная взлопаченная фальсификация, по сравнению с истинными детскими шалостями кажутся извращениями исторической правды, которую мы находим в работах тех или иных реакционных историков.

Возьмем другую дисциплину — историю. Из-за чего фашистско-расистская концепция истории? Ответ мы находим в одной из книг Ганса Франка, германского министра культуры (как кричаще несовместимы эти два понятия: «германская» и «культура»!): «Существует только одно истинное право — это жизненное право Германии».

Отсюда и толкование основ международного права, которое, по откровенному признанию Геббельса, «наряду с гуманизмом и культурой — для нас пустое слово». Из фашистских чиновников, мюнхенского «гаулейтера» Вагнер, не обинуясь выкрикивает: «Мы не нарушаем договоров; но даже если мы это делаем, мы не признаем за другими права осуждать нас. То, что мы объявляем справедливым, остается справедливым навсегда».

Ясно, что подобные «правовые» нормы достаточно эластичны, чтобы объявить любой разбой — как в области внутренней так и внешней политики — актом истинной справедливости.

С помощью той же универсальной лжи и проповедской взломщины и карательники Третьей империи орудуют в культурных областях знания и культуры.

Литература — это не Лессинг, не Гете и не Гете, — проповедуют фашистской Какой в них, в самом деле, прок? На самом деле, в сических идеалах Лессинга не воспитались, не выросли летчики, который, после того как дрогнув, стал поливать свинцом детей Шиллера ненавидел тиранов: в своем вводе в «Дон Карлосе» маркиз Понс де Лейтана износит перед королем Филиппом IV древнюю речь и требует свободы мысли и слова, а зрители в театре смеются и аплодируют этим словам аплодисментами. Шиллера! Старый Гете — не слышал ли сто лет высокого он мнения о человеке, не пытался ли человек, не слишком ли пытался человек Фауст? В сторону Гете!

Иное дело — Ганс Гейнц Эверс, немецкий автор «сатанинских» романов, который так чих, как клоака. Вот, например, роман Эверса о Хорсте Весселе, первом фашисте об этом сутенере, знамени фашизма?

ков, именем которого еще в го-
ществовавшие захвату власти,
в коричневых рубашках громили
организации, убивали лучших лю-
плечах этого босяка-сутенера
взошел на фашистский Парнас
главой «Союза немецких ни-

Лессинга, но да здравствует Хин-
один из «достославнейших» дра-
Третьей империи. Его пьеса
за Иоланты» — одна из «знаме-
» в репертуаре фашистского
в ней по ходу действия на сцене
самая что ни на есть поро-
свинья. В другой пьесе Хинриха
прокричит петух» по ходу действия
петухи. Эти скотоводческие и пти-
ские пьесы призваны воспевать
с природой», с «мать-сырой зем-
этом это — та самая трижды апро-
ная национал-социалистическая
тия, которую даже такой унифи-
но-благомыслящий журнал, как
«Литератур», вынужден был в сердцах
по поводу «сеплошной спекуляцией на поня-
наем родины, чистоты крови, расы и

), что
ся фашистский роман, фашистская пьеса
ей своей природе — мистификация,
вовсе не может не быть ею. Фашизм и
объяснение — понятия, взаимно одно другое
и взаимоисключающие.

актом фашистская драматургия усиленно за-
на своей историей. Инфляция историче-
версалитет пьес! Но как она стряпается, эта
и историческая драмодельщина? Если
ют в пьесах Эрвин Гвидо Кольбенхайер
и. Это шествия Генриха IV в Каноссу,
синт, в пьесе кричащее искажение фактов и
от фашистской перспективы считается зако-
проп? В пьесе, коль скоро пьеса дает какой-
не возмущающий, лишний аргумент нацистам в их
горой выете с католицизмом. «Историче-
ском жанре пьеса Кюсса «Видувинд» является
раном и в роде апофеоза древне-германских
книз Пана, Фрея, Торра и прочих персо-
нипов древнегерманской Вальгаллы, — в
ды унаследованных в Германии языческих
смерт

анта.
ни живы эти «исторические» пье-
стократ фальшивее и живее фа-
оведе, пьесы о сегодняшней германской
пытан
туры отвергает реализм, как
Энергичный фашистский предрассудок». Там, где до-
романы, там и такие фикции, как «раса», «миф
пример, «нордический героизм» или «бело-
первой истории», — о каком реализме может
ни фашистский? Фашисты боятся правды, они

«отменяют» стеснительный реализм: куда
проще жульнически лгать о том, как жи-
вет средний немец наших дней в Герма-
нии.

Наконец, подавляющая масса книг фа-
шистской литературы — это нагло отбро-
шенная аполлогия разбойничьих захватов и
бездарно-крикливое возвеличение «расы
господ».

В Германии хватает еще борзописцев,
готовых творить в этом именно духе и
направлении. А что до читателя, то его
мнение мало кого интересует в той фа-
шистской казарме, что зовется ныне Гер-
манией. Именно Геббельсу — главе ведом-
ства по распространению лжи, именуемого
министерством пропаганды, — принадлежит
инициатива по ликвидации критики, как
литературной дисциплины. «Мы пыта-
лись, — говорил Геббельс, — вернуть кри-
тику на путь положительной критики ис-
кусства, но все наши попытки оказались
безрезультатными. Наконец, наступил мо-
мент, когда мы оказались вынужденными
ликвидировать это нетерпимое положение
вещей и решили без колебаний запретить
критику во всех видах искусств и литера-
туры, заменив ненужную и разлагающую
критику подробным описанием художе-
ственных произведений».

Та же расистская психопатология гос-
подствует в вопросах искусства.

К несчастью для германского народа и
его искусства, Гитлер когда-то «интере-
совался» вопросами архитектуры. Так вот,
опираясь на столь «солидный» теоретиче-
ский и практический багаж, фюрер не
упускает случая, чтобы излагать свои
искусствоведческие «концепции», столь же
безумные, как и прочие фашистские бред-
ни. С той невыносимой слезливостью, кото-
рая характеризует отуманенного славосло-
вными выскочку, Гитлер признает только
за собой и за своей гвардией право «су-
дить о том, что такое искусство и что
искусством не является. В речи, произне-
сенной на одном из очередных нюрнберг-
ских балаганов, именованных съездами
нацистов, Гитлер говорил, что «искусство
доступно только отдельным расам», разу-
меется, высшим, нордическим расам. «Но
и в недрах этих рас, — добавил он, — лишь
весьма немногим, благополучно избран-
ным» доступно его понимание. Гитлер
яростно обрушился на представителей ре-
ализма в искусстве, изображающих соци-
альную нужду, ужасы войны. Пичего так
не страшится фашизм, как правды, — в
жизни, в искусстве, в литературе. На-
сквозь пронизанный ложью, нацизм хвата-

ет за глотку все, что способно разоблачить перед народными массами эту творимую им тотальную ложь. Поэтому фашизм и боится реализма в искусстве, и Гитлер в той же речи, говоря о современных художниках и скульпторах, изображающих правду жизни, ставит вопрос о плоскости, имеющей к искусству несколько своеобразное отношение. Одно из двух: либо крамольные художники действовали «со злым умыслом», — но тогда ими надлежит заинтересоваться министру полиции; либо под влиянием «наследственных дефектов зрения», — но в таком случае это относится к ведомству министерства внутренних дел, на предмет установления физической неполноценности, — со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая стерилизацию.

Тема современного официального германского искусства — это, конечно, в первую очередь мнимые или до фантастических размеров раздутые успехи германского оружия в прошлом, изображение «расово-полноценных особей» — особенно в скульптуре, — с гипертрофированными бицепсами «чисто арийских» атлетов, образцы производителей и производительниц для случайных человеководческих пунктов в духе Вильгельма Дарре. Германская музыка — по словам фашистского музыковеда Рабабе — призвана всеми своими силами стараться украшать «военноспособность, столь мощно проникающую в германскую жизнь». А с другой стороны — какая сатанинская остревенелость в борьбе против подлинных произведений искусства! Всё, мало мальски отмеченное печатью таланта и честных исканий в искусстве, — выброшено за борт, уничтожено, оплевано, смешано с грязью. Тысячи и тысячи художников, писателей, музыкантов — лучшие представители германской культуры — либо замучены, как Оссецкий, либо доведены до самоубийства, либо изгнаны за пределы страны.

И не только мастера передового искусства и литературы, противостоящие фашизму, но любой художник, не сумевший доказать чистоту арийской крови своей прабабушки, подвергается остракизму, изгоняются из «культуркамеры», иначе говоря — обрекается на профессиональную смерть — Berufstod; он становится Berufsleiche — профессиональным трупом (оба эти слова принадлежат к числу филологических новинка Третьей империи). Но профессиональная смерть — это значит голодная смерть...

Дикая фантазия Гитлера или Геббельса подсказала им однажды мысль собрать на-

грабленные в частных картинных галереях или изъятые из государственных лекций произведения искусства, и выставляющие «расовому восприятию» германскому и экспонировать их для всеобщего обозрения. Так несколько лет тому назад в Берлине возникла выставка под кричащим названием «Вырождающееся искусство» в ряду с произведениями, которые не пользовались признанием зрителя, и этой единственной в своем роде выставке были представлены такие великие мастера, как талантливейший Ловренц, как Макс Либерман, родоначальник германского импрессионизма, на протяжении десятков лет по справедливости считавшийся в первом ряду мастеров германского искусства; здесь были выставлены также работы Кольвиц, яркие памфлеты-рисунки Гросса.

Действительность зло посмеялась над химерической фантазией Геббельса и Гитлера: они все-таки плохо знают немецкий язык и немецкий характер, имени которого имеют наглость выкрикивать и говорить! В то время как выставка национальных художников Германии в пускующейся в Берлин выставке «вырождающееся искусство» привлекала многие тысячи посетителей. Они шли сюда не только из любопытства и не только из желания раз запечатлеть в памяти то, что исчезнет и, быть может, навсегда не повторится — публика знала, что от корня уничтожения искусства можно всего ожидать, — в этом посещении выставки сотнями людей проявился некий легальный протест. Затем обернулась против ее инициативы и выставку поторопились закрыть.

Уничтожающую характеристику фашистскому «искусству» (если это слово можно применить к тому, что стряпают гитлеровские барабанщики, маляры и борзописцы) несколько лет назад молодой талантливый немецкий художник Гейнц Кивиц, в открытом письме, опубликованном в Берлине, написал:

«Берлинская выставка в Доме искусств на Кенигсплац объявлена господином Шветцер-Мельниром, этим «правительственным уполномоченным по отношению художественных форм», директором. Не испрашивая на то моего согласия, организаторы выставки экспонировали некоторые из моих работ. Часть унаследованной германской берлинской выставки уделила мне много внимания в ходе «рассмотрения искусства», заменив, ныне, как известно, художественную

Меня объявляют одним из первых
«новоевропейцев» «новой Германии».

Вот, в связи с этим я констатирую:
в январе 1937 года я эмигрировал из
Германии. Я не желаю быть признанным
тем, кто сегодня управляет Германией,
кто сегодня господствует над Европой.
Господствует искусство в казармы, кто
использует ее сапогом невежд. Все про-
исходит во мне, когда я вижу, как насп-
рашивают искусство, как веселенькими, кра-
сивыми, героическими рисунками ста-
ют прикрывать уродливую рожу войны.

Если фашистские газеты вынуждены
признать, что я, как художник, близок на-
роду, то в этом я вижу не похвалу себе,
наоборот, это признание полного банкротства репрессив-
ной политики, которая преследует
художественных мастеров, гонит их вон из
Германии и возносит на щит потрафивших
этим диким диктаторам художников.

Из протеста против насилия над
искусством возникло подлинно великое
германское искусство от Рименшнейдера
до Шиллеровского «Дон Карлоса» до
Гюго и Барлаха. Мое национальное
искусство роднит меня с Нольде и Барлахом,
из которых такую дикую кампанию
«Шварце кор», чьи произведения
берутся из галлерей, чьи выставки
закрыты гестапо, ибо эти художники
и честно продолжают традиции,
идущие своими корнями к Альбрехту
Дюреру и Маттиасу Грюневальду.

Возмущение германского искусства стоял
в сердце Тальман Рименшнейдер, сердце
его билось в унисон с сердцем вос-
ставших крестьян; богатые тираны под-
вергали его таким жестоким пыткам, что
в последние дни своей жизни он больше не мог
писать в руках резец.

Вильгельм Лембрук в 1914 году отка-
зался служить милитаристам, преемники
его сегодня объявляют тотальную вой-
ну свободному искусству. Чем иным может
быть подлинное германское искусство
в фашистскую пляску смерти, как не
внимательным разоблачением этого возрож-
того варварства? Они лихорадочно
искали в своей картотеке в надежде найти
какого-нибудь жалкий талантливо и — не
нашли. Они готовы дорого заплатить,
но очевидно, что гениев можно купить
только точно так же, как они покупают
картины и роскошные авто. Подлинное

искусство вырастает из утверждения жиз-
ни, из любви к человеку, из плодотворного
развития. Искусство враждебно тирании.
Смерть, ненависть, нужда — таковы «цен-
ности» фашизма. Наци прокламировали
принцип фюрерства; они истребляют сво-
боду мысли; народ они объявляют безмолв-
ной толпой — лишенной прав и имеющей
только обязанности.

Но искусство связано с народом. И по-
длинный художник будет признан той
Германией, о которой мечтали величайшие
германские художники, — Германией на-
родной, республиканской, подлинно демо-
кратической. Ибо это будет означать для
нас свободу мысли, свободу творчества,
свободу искусства».

В одном из своих памфлетов Фейхтван-
гер писал:

«Мне кажется, что вся грандиозная
ложь национал-социалистской пропаган-
ды и библии фюрера будет в конце концов
возбуждать только смех. Я вспоминаю ри-
сунков в юмористическом журнале. Малень-
кая собачка стоит над огромной лужей;
надпись гласит: «Неужели я все это
сделала?» В таком роде, мне кажется, бу-
дет картина «Третьей империи», которая
останется в истории. Царствование фа-
шистов будет увековечено в литературе
стилем не Гейне, а Аристофана, и от
фашистского царства не останется ничего,
кроме смеха».

События показали, что этому смеху бу-
дущего Аристофана должен был пред-
шествовать период таких фашистских ужа-
сов, равных которым не найти в прошлом
всего человеческого рода.

Но из отвращения и ненависти, которое
вызвал к себе фашизм, родилось и могу-
щее, неодолимое движение народов против
него. Вероломное нападение на Советский
Союз повело к сплочению всего передового
человечества в непримиримой, беспощадной
борьбе против фашистской чумы и ее
коричневых носителей. В огне и буре
складывается вокруг могущественной коа-
лиции народов СССР и Великобритании
единый фронт народов всех стран мира.
И нет в природе той силы, которая могла
бы снасти фашизм от неминуемой, неиз-
бежной гибели, от испепеляющего гнева
человечества.

Германский народ под игом фашизма

Германский народ — первый из народов, поработенных кровавым немецким фашизмом. Он первый испытал на себе чудовищное насилие и варварство фашистской клики.

Придя к власти, фашисты прежде всего обрушились на демократические свободы, созданные и завоеванные немецким народом в многолетней жестокой борьбе. Сотни тысяч борцов за интересы рабочего класса, за дело германского народа, были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Даже по сильно преуменьшенным данным самого гестапо, к началу второй империалистической войны в фашистских застенках томилось 436 тысяч 598 человек. За годы войны число так называемых «неблагонадежных» значительно возросло. Среди заключенных в тюрьмах люди разных слоев трудового населения и всех возрастов, — от 15-летнего юноши до седовласого семидесятилетнего старика. А сколько сотен тысяч борцов погибли от злодейской руки фашизма без всякого «суда»! Только в первый год прихода Гитлера к власти было расстреляно больше 3 000 рабочих, крестьян и интеллигентов. Лучшие представители германского народа, бежавшие из фашистских застенков, изгнанные из родной страны, в многочисленных публицистических работах, в художественных произведениях изображали чудовищные зверства фашизма.

Не только произведения художников, но и обычные простые рассказы людей, подвергавшихся пыткам в фашистских тюрьмах и концентрационных лагерях, вызывают глубокое чувство ненависти к капитулянтам современного средневековья. Марта Датт, дочь бывшего американского посла в Германии, в книге «Мои годы в Германии»¹ приводит многочисленные

факты зверских пыток и садизма в фашистских тюрьмах и концентрационных лагерях. По своей жестокости, коварству и низости эти пытки превосходят все, что имело место во времена инквизиции. Вот некоторые из приведенных автором фактов.

У одного молодого, талантливого поэта нашли экземпляр Жоричневой поэмы о гитлеровском терроре, случайно запертой на его квартире приятелем. Писателя медленно арестовали. Несмотря на полную невинность, его жестоко били по спине палькой с набитыми на ней заржавленными гвоздями. Ноги в результате охулились, началась гангрена.

Арестованных студентов, подозреваемых в хранении подпольной антифашистской литературы, ежедневно избивали по спине, пока кожа и мясо не рассекались, кости и все тело не превращались в сплошную рану. Открытые и глубокие раны палачи заливали бутылками бензином. Однажды часовые из штурмовиков, удивившись своей жестокостью и утопая в садизме, отметили мелом на полу камерной двери длину ступни студента, который не двигаясь, на протяжении двух недель стоял на месте. Стогло ему хоть бы что, а ступню сдвинуть погу, студента безжалостно избивали. Ступни и ноги его после этого настолько распухли, что он лишился возможности ходить. Однако и эти пытки оказались двуногим зверям недостаточными. «Когда я пытался споконечья вешать на задаваемые охраной вопросы, рассказываю заключенный, — мне в лицо вливали горячую воду. Я решил больше не отвечать на вопросы. Взбешенные такой пассивностью фашисты начали бросать мне в рот горячую воду, талкивать в горло горячие пашпосы, вставлять в уши горячие свечки. Сто часовые насильно ставили за

¹ M. Datt — May Years in Germany, N.-Y. 1939 г.

изма

тизма

итра

одят

инк

ных

вого

ево

йно

Писат

я на

ли в

ржав

ощу

оодоз

гифа

ивал

ассе

свра

коленц, заставляли их открывать
мочились им в рот.
еще один из многочисленных при-
ужасляющего извержения и садизма.
анного старика-поэта заставили
ночью раздеться до гола. Затем
на глазах у всех опаливали его
костяное, обильно покрытое воло-
тело. Когда вопли от испытываемой
стали невыносимыми, фашистские
облили старика ведром мочи,
потушить огонь.

привели лишь некоторые факты фа-
ших зверств и насилия над заклю-
н, о которых рассказывает Марта
Фашисты подвергают насилию п
тому террору не только заключенных
змах и концентрационных лагерях.
ния, — пишет Марта Датт. — верну-
тем временам одиночания, когда са-
примитивные и свирепые челове-
инстинкты стали законом страны».

таких условиях, разумеется, нет ме-
гальному рабочему движению. Боясь
видя рабочий класс, фашисты не
разрушили профессиональные сою-
и все другие общественные проле-
е организации, которые в какой-ли-
способствовали улучшению быта
х. Они разрушили многочисленные кас-
страховые общества, в которых рабо-
тели своих представителей, и таже
ительскую кооперацию. Они лишили
его самых элементарных демократи-
х прав: свободы слова, собраний, пе-
стачек, всех прав на условия чело-
ской жизни.

то свободных классовых профсоюз-
шны создали так называемый еди-
трудовой фронт». Членами этой при-
ельной организации, в которую фа-
насиленно загоняют рабочих, состоят
предприниматели. Все чиновники
ого фронта» назначаются сверху
стекой бандитской кликой. Рабочие не
лишены права выборов своих пред-
телей, но и обжалования гнусных
об чиновников.

ных капиталов фашисты назва-
орерам предприятия». Рабочие им
ны беспрекословно подчиняться. И не-
ельно, что в этих условиях насилия
ого бесправия порабощенный гер-
й рабочий подвергается чудовищной
таци. Выдвинутый фашистами еще
е 1935 года лозунг «Пушки вместо
бы проведен в жизнь путем рез-
кращения питания рабочих, край-
усиления интенсивности труда и
нения заработной платы. Еще до

широкого развертывания программы бешено-
вооружения, в 1936 году, реальная
заработная плата рабочих была значитель-
но ниже нищенского уровня 1932 года.

В 1936 году в германской промышлен-
ности было занято на 4 миллиона 700
тысяч человек больше, чем в 1932 году.
Продолжительность рабочего дня и особен-
но интенсивность труда рабочего резко
возросли. Между тем, общая сумма выпла-
ченной рабочим заработной платы повыси-
лась в 1936 году по сравнению с 1932 го-
дом всего лишь на 9 процентов. Таким
образом, фашисты, утверждая, что они
дали работу безработным, фактически за-
ставили 5 миллионов человек работать дар-
ом. Если учесть, что за это время индек-
стоимости жизни и различные вычеты из
зарплаты значительно повысились, то по-
лучается, что фактически реальная зар-
ботная плата занятого рабочего снизилась
даже по сравнению с годом самого глубо-
кого экономического кризиса.

Чтобы скрыть от рабочих настоящее по-
ложение вещей, фашисты применяют чрез-
вычайно сложную, запутанную тарифика-
цию заработной платы. Тарифные ставки
для рабочих одинаковой профессии и ква-
лификации различны в зависимости от
района, пола, возраста рабочих и так да-
лее. Заработная плата почти 9-миллионной
армии работающих женщин на 30—40
процентов ниже заработной платы муж-
чин. То же относится к заработной плате
молодежи. Официальные данные тариф-
ных ставок, опубликованные в 1940 году,
показывают, что рабочие одинаковой ква-
лификации и профессии, но различного
возраста, получают разную заработную
плату. Рабочий областного центра часто
получает на 15—25-процентов больше
заработной платы рабочего, живущего в
провинции. Раньше это мотивировалось
тем, что в меньших городах были более
низкие цены на товары. Теперь, когда
фашисты унифицировали цены на более
высоком уровне, разрыв в ставках зар-
платы еще больше увеличился.

Наряду со снижением заработной платы
фашисты чудовищно повысили интенсив-
ность труда рабочих. В апреле 1936 года
«Франкфуртер Цейтунг» писала: «Чтобы
дать продукцию, превышающую продукцию
1932 года на 64 процента, необходимо
было всего лишь на 24 процента рабочих
больше, чем в 1932 г.». Но и после этого,
когда интенсивность труда рабочих, исто-
щенных недоеданием, была доведена, как
это казалось, до крайних пределов, вновь
было выдвинуто предложение о необходи-

мости дальнейшего сокращения рабочей силы на основе повышения интенсивности труда. Руководитель хозяйственной политики фашистской партии Бернард Келлер в 1936 году опубликовал ряд статей, в которых он требовал дальнейшего повышения интенсивности труда рабочих. А Гитлер в том же году в Нюрнберге заявил: «В национал-социалистском понимании народного хозяйства повышение заработной платы было бы безумием». Разумеется, что после этого заявления германская буржуазия еще больше повысила интенсивность труда, снизив и без того пищенскую заработную плату рабочих. Чудовищная эксплуатация и прямой грабег рабочих привели к тому, что еще до войны большинство германского пролетариата систематически недоедало. Интенсификация труда при систематическом недоедании разрушила здоровье рабочих и привела к огромному росту заболеваний и смертности. За 5 лет гитлеровского режима смертность среди населения в целом возросла на 10 процентов, а среди рабочих и служащих — на 31,7 процента.

Ежегодно в фашистской Германии умирало на 80 тысяч человек больше, чем до прихода фашистов к власти. Резко возросло также число несчастных случаев и заболеваний. Чрезвычайно выросло число несчастных случаев на производстве. Полтора миллиона человек болело в 1939 году в Германии туберкулезом. Число нервных и психически больных за 5 лет возросло почти в 2 раза. Особенно велик рост заболеваемости среди детей и молодежи. Детские болезни: дифтерия, скарлатина, детский паралич — увеличились за это время на 60 процентов. Рахитом болело почти 90 процентов всех детей. О состоянии здоровья молодежи свидетельствует тот факт, что, по данным призывных пунктов, в 1935 и 1936 годах было признано годными к военной службе 75 процентов, а в 1938 году только 55 процентов всех призывников. Публикуя многие из вышеприведенных данных, доктор Мартин Гамперт, главный врач берлинской клиники, бежавший в США, пишет: «Увеличение смертности, огромный рост заболеваний, уголовной преступности, алкоголизма, венерических, различных эпидемических заболеваний, резко сниженная работоспособность — таковы достижения фашизма за первые шесть лет его диктатуры».

Лихорадочные темпы роста вооружений и, наконец, вступление Германии в войну привели к дальнейшему неслыханному закабалению рабочего класса. Была введена

трудовая повинность для мужской, а также для женской молодежи. В июне 1938 года трудовая повинность была распространена на все население Германии от 16 до 60 лет. Практически же это коснулось только трудящихся масс. Представители богатых классов — если это не люди «женской расы»: поляки, чехи, норвежцы и т. д. — в лучшем случае привлекаются к «руководству». Таким образом, притупительный характер труда, его милитаризация достигли крайних пределов.

Чем ближе становились сроки развязки второй мировой войны, тем быстрее надвигался организованный фашистами голод германского народа. Продовольственные ресурсы страны сокращались. Предприятия легкой промышленности закрывались, во-первых из-за отсутствия сырья и, во-вторых, в связи с переводом рабочих на военные заказы. С первого же дня войны было введено жесткое нормирование продовольствия и предметов первой необходимости. Нормы выдачи мяса, жиров, сахара и так далее установлены в сентябре 1939 года и так или иначе наполнину меньше, чем в 1937 году. За время войны рационы сахара и жиров были вновь дважды сокращены. Вместе с тем, еще задолго до войны, резко снизилось качество пищевых продуктов.

Уже с ноября 1937 года при выпечке хлеба к ржаной муке применялась пшеничная мука, а к пшеничной — ржаная и картофельная мука, значит, ухудшившие питательные свойства хлеба и увеличившие число желудочно-кишечных заболеваний. Отсутствие необходимых витаминов для скота ухудшило также качество мяса и молочных продуктов.

Буржуазия имеет возможность, при отсутствии нормированных продуктов, покупать по высоким ценам пищу, дичь, фрукты и мясо, другое. Низкооплачиваемые категории рабочих, — а таких в Германии большинство — часто не имеют средств даже на хлеб, чтобы купить полагающуюся им зерные пайки. Но и те «счастливые» фашисты, которые приобретают полуголодные продукты, не могут восстановить свои силы после изнуряющего труда. Неудивительно, что среди большинства иностранцев, побывавших в Германии последнее время в Германии, можно услышать: «В рабочих кварталах редко встретишь здорового человека. У большинства женщин, детей этих кварталов лица измученные, землистые лица. Они истощены непосильным трудом, истощены от постоянного недоедания и бессонницы».

Особенно тяжела участь германских трудящихся женщин, составляющих большинство всех германских рабочих и служащих.

да фашистов к власти женщины играли большую роль на производстве, а также в общественной и политической жизни страны. Около миллиона женщин были членами профсоюзов. В профсоюзах текстильщиков, переплетчиков, табачников женщины составляли от 55 до 80 процентов общего числа членов. Гитлер считал женщин не только всякого права участия в общественной жизни, но даже права свободного выбора профессии. По отношению к женщине вообще и женщине-работнице в частности с особенной силой проявлялась вся реакционность, гнучность и лицемерие фашизма.

Целью сокращения числа зарегистрированных безработных фашисты после прихода к власти стали пропагандировать необходимость возвращения женщины к «домашнему очагу». В 1933 и в последующие годы были изданы декреты, «поощряющие» уход женщин с производства. Однако взгляд на женщину вполне соответствовал тому общему духу мракобесия, который так характерен для всей идеологии фашизма. Но когда спрос на рабочую силу для военной промышленности возрос, фашисты для увеличения эксплуатировать дешевую рабочую силу женщин взяли верх над «принципами». Число работающих по разным специальностям сильно возросло, превысив в 1937 году 8 миллионов человек. Но это не улучшило их правового положения. Единственное право, которое фашисты оставили женщине, — это право на материнский, изнуряющий труд и значительно ниже заработную плату по сравнению с мужчиной. «В фашистской Германии, — пишет М. Датт, — женщины отбывают на несколько столетий назад. Это и понятно, когда женщины продавались и гордились, как скот, за свое тело и поборность».

Даже школа и беспроблемная также жизнь молодежи в фашистской Германии. Германские фашисты выработали систему чудовищной эксплуатации молодежи и позднейшие ее бесправия. Рабочая молодежь, главным образом, заполняет ряды полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих. Их заработная плата на 25—50 процентов ниже заработной платы соответствующих категорий взрослых рабочих. Каждый тысячу молодых рабочих еще задолго до начала трудовой повинности. Не получая никаких заработных плат, кроме откровенно ложного питания из всевозможных суррогатов, молодежь обязана была выполнять тяжелые работы по строительству

стратегических дорог, осушению болот и так далее. В этих же лагерях молодежь проходила свирепую военную муштру. Разумеется, военное воспитание проводилось в духе расистской «теории». Та же часть молодежи, которая не была «организована» в трудовых лагерях, должна была в течение года отбывать трудовую повинность в деревне. Эта чрезвычайно тяжелая даровая работа в помещичьих и кулацких хозяйствах также сопровождалась военной муштрой и прохождением курса «теории» фашистских мракобесов.

Это было распространено и на молодых женщин. Еще в мае 1938 года Геринг издал специальное распоряжение, согласно которому женщины от 17 до 25 лет, даже в тех случаях, когда они работают на производстве или в учреждениях, обязаны в течение года отбыть бесплатную трудовую повинность в деревне. Кроме этого, значительная часть трудящейся женской молодежи должна под видом «ученичества» два года работать бесплатно в качестве домашней прислуги у богатей, после чего выдвигается удостоверение «обученной прислуги». На это далеко не заканчивается день издевательств фашистов над молодежью. Это лишь прелюдия дальнейшего порабощения германской молодежи.

Рабский даровый труд молодежи, который начинается с 15—17-летнего возраста, не только приносит фашистам огромные прибыли, но и дает им возможность воспитывать в молодежи дух покорности и тупоумия. Затем уже на этой «удобренной» почве фашистские изверги продолжают культивировать среди молодежи звериные инстинкты шовинизма, насилия и людоедства. Огромную роль в этом отношении призваны играть фашистские молодежные организации. Организация «гитлеровской молодежи» состоит из четырех основных частей: 1) «юный народ» — мальчики 10—14 лет, 2) собственно «гитлеровская молодежь» — подростки и юноши в возрасте 14—18 лет, 3) «юные девочки» — в возрасте 10—15 лет и 4) «союз германских девушек» — в возрасте 15—21 года.

Вся организация построена по типу военных соединений. Она делится на корпус, дивизион, бригады, батальоны и так далее, во главе которых стоят офицеры различных рангов. Все руководящие посты этих организаций, как и командные должности в армии, представляются лишь самым реакционным и шовинистическим элементам. В молодежных организациях существует строжайшая дисциплина, беспрекословное повиновение и подчинение

«руководителям», которые назначаются сверху. В этих военизированных молодежных организациях широко применяется тезис Гитлера о том, что солдат должен молчать, не только когда с ним поступают несправедливо, но молчаливо переносить несправедливости.

В таком же духе построена вся система образования — от начальной до высшей школы. С самых малых лет фашисты отравляют душу ребенка ядом шовинизма и расового безумия. По заявлению министра внутренних дел Фриха, «расовое государство должно основывать всю свою систему образования не на том, чтобы набивать головы конкретными знаниями, а на верности фашистскому режиму и Гитлеру». Из школы должны выйти хорошие солдаты и будущие офицеры, а не профессора — так фашисты формулируют назначение школы. И неудивительно, что учебные планы не только начальной и средней школы, но и высших учебных заведений загружены военными дисциплинами и всяким хламом фашистского мракобесия. Известный американский антифашист Роберт Бреди в книге «Дух и структура германского фашизма» (The spirit and structure of German Fascism, London, 1937 г.) приводит программу преподавания в фашистских университетах новейшей истории, все содержание которой направлено на воспитание в студенте зверского шовинизма и человеконенавистничества. Каждая из десяти тем этой программы заключает в себе какое-либо обвинение против «не арийцев».

Презрение к знанию и науке, ненависть к мышлению — такова основа всей системы фашистского воспитания. Фашисты вынуждены были сохранить школы, университеты, вузы только потому, что в век современной техники без них не обойтись, и потому что без науки и техники немислима современная война.

Однако число студентов в высших учебных заведениях Германии резко сократилось. Официальные данные 1937 года о численности студентов по сравнению с 1923 годом рисуют следующую картину:

	1923 г.	1937 г.
Университеты	85 324	43 034 ¹
Технические институты	26 640	9 554 ¹
Горные »	882	182
Коммерческие высшие школы	3 911	1 352
Музыкальные школы	3 756	1 637

¹ 1937/38 г.

Резко снизился также образовательный уровень не только средней, но и начальной школы. «Целью нашего университета является не объективное изучение науки, а только военная наука», — заявил ректор Франкфуртского университета, — является не объективная наука, а только военная наука.

Начальная и высшая школа, латентно-рабочее образование, рабского труда, всеобщее образование фашистские молодежные и профессиональные организации — растлевают молодежь, которая призвана насаждать невежество, лживость, культивировать зверство, все это делается с целью слепое подчинение фашистскому режиму. Самостоятельное мышление разбивается как величайшее преступление, подрывающее основы кровавой фашистской диктатуры.

Но Гитлер знает, что германский народ, который на протяжении всей истории являлся носителем культуры, народ, который дал человечеству величайшие достижения — Маркса и Энгельса, нельзя пустить в бездну невежества и мрака. Поэтому ему огромную роль в подавлении свободной мысли играет в фашистской Германии террор и шпионаж. Кстати сказать, сам Гитлер, который свою политическую карьеру начал в качестве члена рабочих собраний Мюнхена, имеет в этой части огромный опыт. Придя к власти, он покрыл всю страну густой сетью шпионских организаций. В книге «Гитлер и его жизнь» (Hitler caels this London, 1939) автор приводит ряд представителей различных групп немецкого населения, в котором они жалеют о своем на невыносимый шпионаж. Молодой немецкий рабочий пишет: «За каждым военным движением шпионят. Гестапо знает, что мы едим, кто к нам приходит». Но самое ужасное, это то, что мы вынуждены говорить не то, что мы думаем. Мы уже так привыкли врать, что иногда трудно самого себя проконтролировать, когда врешь и когда говоришь правду».

Один видный германский профессор рассказывает: «Каждый член фашистской партии или молодежной организации должен быть шпионом. Поэтому с тех пор, как мой сын вступил в фашистскую организацию, в доме нет ни одной спокойной минуты. Мы боимся в его присутствии и в присутствии его друзей выражать свое мнение. Когда у нас бывают гости, они втайне проронить неосторожное слово».

В неизмеримо худших условиях в Германии миллионы военнопленных рабочих, насильно доставляемых в Германию, да из оккупированных германских земель

татами стран. В Германии в начале 1941 года работало 2—2,5 млн. военнопленных и иностранных рабочих. Среди них — военнопленных, которые к тому времени составляли около одного миллиона человек, остальные — иностранцы. Эта огромная армия рабочих не только является источником громадных прибылей германских предпринимателей, но и огромной наживы для немецких чиновников. Рабочие-военнопленные не получают никакой заработной платы за свой неслабый тяжелый труд. Команданты и прочая фашистская администрация лагерей получают за каждого военнопленного 60 процентов тарифной ставки немецкого рабочего. Тяжелое, безрадостное положение военнопленных трудно описать. Они продаются и покупаются, горят рабочий скот. Изнуренными, голыми, в лохмотьях в лохмотьях их возят на самых тяжелых и опасных работах. Не называя лучше положение иностранных рабочих, насильно доставляемых в Германию из завоеванных Гитлером стран — Польши, Франции, Норвегии, Бельгии, Дании, Чехословакии и так далее.

Несмотря на огромный недостаток рабочей силы, который еще в 1940 году привел к известному сокращению военной продукции, фашисты используют на фабриках и заводах весьма незначительный процент иностранных рабочих. Большинство из них направляется на дорожное строительство, на очистку городов от развалин после бомбардировок и прочее.

Особенно тяжела участь польских рабочих в Германии. Кроме 300 тысяч польских военнопленных, в Германии работает около миллиона польских рабочих. По сообщению «Нейе Цурхер Цейтунг» от 1/IV 1941 г. все польские рабочие обязаны носить отличительные знаки (клеймо желтого цвета величиной в 5 сантиметров в ширину с буквой «П» посередине). Вся переписка немцев с польскими рабочими официально запрещена.

В условиях неслабых лишений, бедности и беспримерных издевательств, организованные шпионскими организациями германскими властями живут в Германии рабочие других стран.

В отношении разорения и обнищания своего крестьянства фашисты германское крестьянство. Когда Гитлер шел к власти, он обещал крестьянам безвозмездное отчуждение помещичьей земли, освобождение от государственной кабалы, прекращение принудительной продажи имущества за неуплату налогов, а сельскохозяйственным рабочим была обещана высокая заработная

плата. При помощи гнусной демагогии Гитлеру удалось в первое время повести за собой значительную часть разоренного длительного послевоенным экономическим кризисом германского крестьянства.

Но как только фашисты захватили власть, от этих обещаний не осталось даже следа. Крестьяне не получили ни одного га помещичьей земли. Фашистский министр земледелия Дарре с типичной откровенностью заявил: «Я не затрону,— это я говорю в полном согласии с рейхсканцлером,— никакого землевладения, каким бы большим оно ни было... Я даже не затрону крупного землевладения, обремененного долгами».

И действительно, фашисты не только не тронули помещичью землю, но и предоставили помещикам и кулакам широкие права дальнейшего угнетения трудящихся масс города и деревни. Уже в 1933 году помещики и кулаки были освобождены от уплаты жестоко эксплуатируемым сельскохозяйственным рабочим страхования по безработице. На этой «маленькой операции» они выиграли 40 миллионов марок. Но это был лишь первый незначительный подарок фашистского государства юнкерско-помещичьим хозяйствам. Вслед за этим последовали законы об обязательной трудовой повинности молодежи исылке безработных рабочих на сельскохозяйственные работы. В результате помещичьи и кулацкие хозяйства получили даровую рабочую силу, кроме того — добавочный подарок в 35 миллионов марок; в качестве доплаты государства к расходам на этих так называемых «сельских помощников». Крупнейшим помещикам и кулакам Восточной Пруссии фашисты роздали в виде «восточной помощи» 213 миллионов марок.

Мы привели лишь отдельные примеры, убедительно говорящие о характере фашистской аграрной политики. Наиболее ярко эта политика неслабых разорения крестьянства и усиления мощи юнкеров-помещиков выступает при рассмотрении вопроса о том, кто владеет землей в фашистской Германии.

По данным переписи 1939 года, после 6 лет пребывания Гитлера у власти 34 тысячи крупных помещиков имели 15 миллионов 700 тысяч га земли. В то же время свыше 5 миллионов мелких крестьянских хозяйств имеют всего лишь 4 миллиона 100 тысяч га земли. Мелкие и мельчайшие хозяйства, составляющие около 80 процентов всех хозяйств, имеют всего лишь 9,5 процентов земельной площади. Иначе говоря, 34 тысячи крупных

хозяйств помещиков и капиталистов имеют почти в 4 раза больше земли, чем 5 миллионов мелких крестьянских хозяйств. Крупнейшие землевладельцы — небольшая кучка германских принцев, баронов, графов, индустриальных королей — сосредоточила в своих руках более 2,5 миллионов га земли. Так, например, друг Гитлера, принц Гессенский, владеет 7 тысячами га земли; граф Отто фон дер Шуленберг — 15 тысячами га; герцог фон Кобург Гота — 10 тысячами га. Три крупнейших индустриальных короля — Крупп, Борзиг и Сименс являются владельцами более 12 тысяч га земли. Так в действительности выглядит аграрная политика фашистов, проводимая ими исключительно в интересах юнкеров-помещиков.

Фашисты не только не дали крестьянам ни одного клочка земли, а, наоборот, отдали тысячи крестьянских хозяйств на разграбление банкирам и спекулянтам. За один лишь 1934 год были принудительно проданы с аукциона за неуплату долгов 2 270 крестьянских хозяйств. Фашисты сами цинично заявляли, что это есть «продолжающийся процесс выкорчевывания тех хозяйств, которые слишком обременены долгами и хозяева которых недееспособны».

Немногом лучше положение тех миллионов крестьян, хозяйства которых еще не разорены до тла. Еще задолго до войны каждая крестьянская семья находилась под полным контролем фашистской бюрократической машины. Сейчас этот контроль неизмеримо усилился. Помимо широкой сети наемных шпионов, в каждой деревне имеются специально выделенные фашистские уполномоченные из среды кулаков и помещиков. Эти уполномоченные не только следят за политической «благонадежностью» крестьян, но и за тем, чтобы крестьянин не скрыл от фашистских властей сельскохозяйственные продукты. В подворную карточку, которые фашисты ввели еще в 1937 году, заносятся не только основные сельскохозяйственные продукты, но буквально каждая курица, каждое снесенное яйцо, каждый стакан молока. Весь урожай, включая солому и сено, все мясные и молочные продукты принудительно изымаются. Резать скот и птицу запрещено.

Для семьи крестьянина устанавливается голодная норма потребления. За стакан молока, за каждое яйцо, крестьянин оставляет для большого рта, он привлекается к самому суровому наказанию. Недаром еще в феврале 1933 года даже Гитлер вынужден был заявить, что множество крестьянок от истощения «буквально валятся с ног». В мае 1933 года фюреры каждой деревни были наделены особыми правами. Местный фюрер имеет право, по единоличному усмотрению, изъять имущество крестьян, принудить их и членов их семей работать в государственном хозяйстве, запретить крестьянину покидать свой двор или место работы.

Дикому произволу подвергаются и в фашистской Германии сельскохозяйственные рабочие. Их профсоюзы разогнаны. Работая на фашистский аппарат, помещики и кулаки беспрерывно снижают заработную плату батраков, ухудшают и без того скудное их питание, жилищные условия. Кулаки и помещики нередко подвергают своих наемных рабов телесным наказаниям и грубо вмешиваются в их личную жизнь. Неудивительно, что, несмотря на суровые наказания за самовольное оставление деревни, крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, гонимые нищетой и голодом, бегут из деревни в город. Даже по фашистским данным, с 1933 до 1939 года убыль сельского населения составила уже 1,5 миллионов человек.

Фашисты превратили многомиллионное германское крестьянство в подневольных, голодных рабов. Фашистская диктатура, как вампир, высасывает каплю за каплю крови германского крестьянина. «Священная арийская кровь» германских крестьян, которую Гитлер лживо воспринимает в момент прихода к власти, понадобится ему лишь для того, чтобы проливать ее реками в разбойничьих захватнических войнах.

Голодом и нуждой, тюрьмами и концентрационными лагерями, разбойничьей войной против свободных народов фашизм уничтожает германский народ. Фашисты опозорили страну, давшую миру великих гениев человечества: Маркса и Энгельса, Гете и Шиллера, Вагнера и Гейне.

Суд истории не будет милостив к тому, кто поднял в качестве символа советского средневекового плаху и топор.

Танковая война

Мы знаем наши советские танки, гордимся ими, мы любим наших танкистов, восхищаемся их героическими действиями. В мощных колоннах движущихся вперед символизируется современная Красная Армия, оснащенная лучшими образцами новейшей военной техники. Вид танкового класса Красной Армии невольно вызывает впечатление грозной силы — современной индустриальной вооруженной силы. Бойцы сражаются на первоклассных боевых машинах, отвечающих всем требованиям тактики.

История современных войн подтверждает возросшее значение танка. Без танков теперь можно так же мало представить себе, как без артиллерии и без авиации. Но и этой оценки недостаточно: танки претендуют на особую, исключительную роль среди прочих военно-технических средств. Правильное суждение по этому поводу имеет чрезвычайно важное значение для тактики и оперативного искусства. Чтобы прийти к такому суждению, необходимо ясно представить себе при помощи этой важнейшей современной боевой машины.

Сила, вооружение, гусеница, движимая сила, — таковы ее внешние признаки. Скорость, огонь, вездеходность, подвижность — так можно выразить эти признаки в технических терминах.

Танк имеет свой маленький гарнизон, а в необходимости перевозит и целую роту бойцов; танк может иметь свою собственную радио (радиостанцию), т. е. быть средством связи на поле боя. Многие рьяные поклонники танка говорят, что эта машина способна делать все, что угодно. Чтобы подчеркнуть его самостоятельность, танк называли сухопутным самолетом, а соединения танков — назем-

Прежние армии имели три основных рода войск: пехоту, артиллерию, конницу. Танк вбирает в себя свойства всех трех родов войск: это средство ближнего боя, т. е. боя, который ведет пехота, причем наступательный характер его сочетается с защищенностью от огня противника; это — самодвижущаяся артиллерия, выдвинутая непосредственно на поле боя; подвижность роднит танковые соединения с конницей. И опять-таки самое главное — в сочетании этих свойств в одной машине. Отсюда не следует вывод, что танк, как универсальное боевое средство, призван заменить все другие роды войск и сделать их ненужными.

Если стремиться к созданию действительно универсальной боевой машины, то танк следовало иметь однотипным. Этого, конечно, нет и быть не может. Разнообразие типов танков уже воскрешает деление на роды войск. Не вдаваясь в детали, можно установить три основных категории: обычный гусеничный танк — средний или легкий, это по преимуществу средство ближнего боя, обладающее в то же время высокой подвижностью; тяжелый танк является носителем мощных танковых орудий, а броня его дает защиту от осколков и даже отчасти от снарядов; быстроходный танк — в машине этого типа главным образом преследуется подвижность, скорость движения. Одни танки приближаются по своим свойствам к пехоте — моторизованной и защищенной; другие — к артиллерии; третьи — к коннице. Очевидно, что это надо понимать условно; по сути здесь — новые, своеобразные разновидности военно-технических средств и боевых сил. Важно то, что дифференциация идет еще дальше: наряду с танком существуют бронеавтомобиль, механизированное орудие и другие мотомехсредства, под которыми понимаются все вообще боевые

машины и самодвижущиеся орудия. Дальше идет моторизованная пехота, автотранспорт для перевозки войск и орудий, мотоциклетные части.

Новый род войск — мотомехсилы — имеет на вооружении машины разных типов. Например, германская бронетанковая дивизия состоит из разведывательной группы на бронемашинах и мотоциклах, танковой бригады, стрелковой бригады на трехосных вседорожных машинах, моторизованного противотанкового батальона, механизированного артиллерийского полка, зенитного дивизиона и т. д.

Таким образом, даже в собственно танковых соединениях есть вполне отчетливая дифференциация, показывающая необходимость других родов войск для полноты действия самих же танков. Современные войска состоят из пехоты с артиллерией (это — главная масса вооруженных сил), мотомехсоединений и моторизованных дивизий, авиации. Моторизованные дивизии имеют автотранспорт в своем штатном составе. Но и вообще оперативные перевозки пехоты совершаются, как правило, посредством автотранспорта (железные дороги, понятно, сохраняют все свое значение).

Чрезвычайно важно правильно представить отношение мотомехсил и авиации. Танк и самолет — машины, движимые посредством бензинового мотора, — вошли на массовое вооружение армий примерно в одно и то же время. Это не случайно. В эпоху бурного развития воздушного оружия в составе наземных войск неизбежно должен был появиться и танк, броня которого прикрывает от осколков фугасных бомб. Танк до некоторой степени восполняет разрыв между скоростями воздушных и наземных вооруженных сил. Некоторые типы танков дают максимальные скорости — около 120 км в час и даже больше. Высокие скорости танка позволяют ему совершать изумительные прыжки, перекрывая даже небольшие речки.

Теперь мы можем перейти к выяснению понятия «танковой войны». После всего сказанного возникает вопрос, существует ли вообще танковая война? В чистом виде, исключая необходимость других родов войск, танковой войны быть не может. Война остается борьбой всей совокупности вооруженных сил с неприятелем. Тем не менее танковая война существует, существует в том же смысле, как например, воздушная война. Прежде всего при этом имеются в виду боевые действия и операции танковых масс против таких же масс противника; в широком значении слова

сюда относятся вообще все боевые действия танков.

Понятие о танковой войне, таким образом, относительно. Как бы ни велики были масштабы танковых сражений, они или поздно на сцену должна выступить пехота. Это кажется странным: ведь танк обладает всеми возможностями для самостоятельного передвижения и боя. Однако надо учесть, что боевые действия танка не только из одного движения, маневра, бой требует также занятия местности, укрепления, бой ведется также относительно определенных позиций. Какие бы маневры ни совершали войска, рано или поздно они должны закрепиться, хотя бы временно, на местности. Танк, как движущаяся машина, превосходно разрешает все боевые задачи, требующие движения, но не может оставаться на месте. Поэтому он неизбежно, — он теряет главную свою силу. Если остановка длительная, следовательно, например, с поломкой, танком овладеть даже и не вооруженные войска. Танк — наступательное боевое средство, в обороне он все равно используется как активная сила. Но даже на отдыхе танки должны охраняться пехотой. При обороне же определенной позиции, если она ведется путем маневра, танк, конечно, нужен; он должен быть надежно укрыт от пехоты. Хотя вседорожность танка велика, она ниже, чем у пешотинца: без помощи пехоты и артиллерии танк не может одолеть противотанковых препятствий и т. д. Танк вооружается пулеметом или пушкой иногда большого калибра, но все же не такую массу орудий целесообразно вносить в броню. Артиллерия ведет огонь с артиллерийских позиций, которые далеко не всегда необходимо укрывать. Танковая артиллерия — это подвижные огневые средства преимущественно для целей ближнего боя. Огонь на дальние дистанции ведется соответственно артиллерией. Итак, танки не являются димом и неизбежно требуют содействия пехоты и артиллерии, которое рано или поздно должно вступить в силу.

При всем том роль танков в войне теперь возросла, что не может быть объяснено просто вспомогательным их значением. Боевые действия танков приобрели все более и более значительное значение для исхода операций и сражений. Танковая и воздушная война придают современной войне особую окраску, изменяют характер войны, создают новую эпоху в способах ведения ее. Танки — новая стадия развития вовсе не сводятся к театров войны огромных масс пехоты.

высокой скорости. Напротив, мотомехсилы и танки именно потому и получили столь большое значение, что они придают основной массе войск исключительную силу, и делают перед нею совершенно новые возможности в тактическом и оперативном отношении.

Для войны современной эпохи характеризуются вовлечением в них многих крупных театров; образованием мощных коалиций, которые способны к длительной и напряженной борьбе; мобилизацией всех резервов воюющих сторон для целей войны; применением на поля сражения миллионов солдат и офицеров; невиданным возрастанием вооруженных сил как в смысле количества, так и многообразия их: расцветом театров военных действий. Войны, которые охватывают целые континенты и обширные морские пространства. Все это создает трудности, о которых не имели представления в прошлых войнах. — Трудности эти касаются и в области тактики, и оперативного искусства, и стратегии.

Трудности со всей резкостью сказались в войне 1914—1918 гг. Маневренные операции огромными массами войск оказались особенно труднее, чем раньше; техника боя в атаке изобилием появившаяся на полях сражений, во много раз повысила требования к пехоте, но она же увеличила силу воздействия со стороны противника и сделала маневр крупных войсковых соединений. Армии обнаружили тенденцию к переходу на фронты, которые протянулись теперь на тысячи километров. И атака пехоты все усиливалась по мере развития мобилизации людских и материальных ресурсов коалиций. Возникла потребность в новой войне.

Характер военной техники, естественно, в этот период самым образом изменился. Это было особенно заметно в артиллерийской технике: первоначально в вооружение, в котором исключительными важными оказались пулеметы, и артиллерия всех видов и типов. В дальнейшем очень важно отметить, что артиллерия воспользовалась для своего боя и первыми достижениями мотомехсилы. На западном фронте уже с начала первой мировой войны все шире применялся автотранспорт для перевозки масс пехоты и артиллерии. Подвижное фронтовое движение происходит широким маневрированием стратегическими резервами, и это дает возможность быстрой переброски их в район, где противник предпринимает попытку прорыва. Наступающая пехота, конечно, также мог быстро сосредото-

чить свои силы, но ему прежде всего было нужно преодолеть разросшуюся в глубину систему полевых укреплений. На поле сражения пехоте могла помочь лишь артиллерия, но она отставала по мере продвижения атакующей массы вперед. Артиллерия обороны оказывалась в более выгодном положении, и с помощью ее подброшенные автотранспортом резервы останавливали наступление. Тактический прорыв удавался, но развить его в оперативный наступающая сторона не успевала. Война выдвигала требование: создать такие военно-технические средства, которые позволили бы повысить темп наступления. И вот появился танк.

Существует изречение, что автомобиль спас Верден в 1916 году, все подкрепления, вооружение и боеприпасы, материальное имущество и продовольствие подвозились французами к Вердену исключительно автотранспортом (железнодорожной дорогой в районе Вердена пользоваться было невозможно). Немцы постились в бесплодных атаках. Изрытое воронками поле сражения у Вердена стихийно требовало танка. Не случайно танки были первый раз пущены в дело в сентябре 1916 года в следующем же сражении на Сомме. Первые танки были изготовлены в Англии, и англичане впервые применили их на поле боя. Танков было мало, они были тихоходны и страдали болезнями «младенческого» периода. Но когда эта неуклюжая на вид машина впервые появилась перед немецкой пехотой, она произвела потрясающий эффект. До конца войны немцы так и не излечились от «танкового ужаса».

С невероятной ловкостью двигался танк; карабкаясь, он повергивался на изрытой и засыпанной препятствиями местности, где и люди-то передвигались с трудом. Он рвал, вернее поджимал под себя проволоку, перешагивал через окопы, находил и уничтожал главного врага пехоты, вовсе не опасного танку, — пулеметы.

В ноябре 1917 года произошла первая танковая битва при Камбрэ; Впрочем название это условно, ибо у немцев танков не было. Артиллерия отсутствовала, несколько сот танков двинулись в атаку, сопровождаемые пехотой. Прорыв был достигнут, но реализовать его не удалось. Танки, показавшие себя превосходно как тактическое оружие, не отвечали, не имея необходимой скорости, требованиям оперативной подвижности; да и в конструктивном отношении они были еще не совершенны.

Но последние сражения 1918 г. союзники выиграли все же благодаря танкам.

Новейшая эволюция танка состояла в устранении недостатков, обнаружившихся в 1917—1918 гг. Общее направление этой эволюции состояло в том, что танк, наряду с тактической подвижностью (на поле боя), приобрел и оперативную подвижность. Это означало повышение скорости движения и способности к передвижениям на расстоянии сотен километров. Принципиально конструкция машины осталась той же: гусеничный двигатель, обеспечивающий вездеходность танка; гусеница — как бы бесконечная дорога, по которой машина свободно движется на своих катках. Благодаря многочисленным улучшениям удалось достигнуть несравненно большей выносливости гусеницы, значительного облегчения конструкций и повышения быстроты движения, при более крепкой броне и лучшем вооружении.

Танк стал не только тактическим средством, но и средством оперативного маневра. Современные гусеничные танки дают скорости до 50 и даже более километров в час; нормальная скорость — около 35 км в час. Тяжелые танки имеют, понятно, меньшую скорость. Однако для оперативных перебросок танков есть свои пределы. Очевидно, что чем больше расстояние, тем больше сказывается невыгодность гусеничного двигателя по отношению к колесному. Гусеница обеспечивает вездеходность, но при простом транспортировании на очень большие расстояния она изнашивается быстрее и не может дать такой скорости движения, как колесо. Вот почему пришли к мысли о постройке колесно-гусеничных танков, образцом которых служит американский танк Кристи, способный давать скорости на колесах нормально около 70 км/час., максимально — до 120 км/час.

Новые конструкции танков позволили использовать их как средство оперативного маневра. Этим достигалась возможность не только тактического прорыва, но и развития его в оперативный прорыв. Важнейшее препятствие на пути превращения позиционной войны в маневренную оказывалось, таким образом, снятым. В самом деле, танки, участвующие в прорыве фронта, теперь получили возможность непрерывно продолжать свое движение вглубь, наступать в глубокий тыл или фланговыми ударами сметать фронт противника.

Это — большой шаг вперед по сравнению с периодом войны 1914—1918 гг., но

лишь начало развития новых форм ведения боя и операций современной войны. Немецкое фашистское руководство, в котором поспешило в своей ставке на развитие танкового мотомехсил. Нечистая совесть, обычная для преступников чрезмерная тщательность заставили его искать прорывных и судорожно-торопливых решений. Танки, мол, — чудесный ключ, открывающий все тайны войны. Главный фашистский «механизатор» Гудеран выступил с претенциозной теорией, согласно которой танки являются единственной «ударной силой» армии. Танки надлежит применять в виде единой массы, которая обеспечивает сокрушительность и молниеносность маневра. Старая идея «Камп» — развооруженных сил противника одним ударом — выступает в новейшей мотомехсил в упрощенной форме.

В качестве подтверждения фашистской пропаганды на все лады рекламировались итоги кампании на западе в мае — июне 1940 г. Несколько тысяч танков ринулись через Маас и в течение нескольких дней не только осуществили полный прорыв фронта, но и обеспечили разделение союзников на две группы, каждая из которых была разбита затем порознь. Немецкие фашисты старались зря. Действительный ход событий слишком хорошо теперь известен и нимало не подтверждает нового чуда на Маасе.

Совершенно бесспорно, что мотомехсилы дают возможность осуществить прорыв, для чего прежде не хватало нужных средств. У обороны также появились новые возможности. Нелепо вообще считать оборону обеспеченной наличием какого-либо технического средства, так как танк, средством быстро овладевает и прорывает оборону. Состязание средств наступления обороны с появлением мотомехсил велось на новой, высшей базе. В 1940 г. немцы столкнулись с обороной, которая опровергала ошибочную доктрину — о неэффективности фашистской агентуры в Европе. Франция, — доктрина, отрицающая значение мотомехсил. Во французской армии было около 2 000 танков, а в том резервов — и того больше, и танки были скорее пережитком старой войны, чем современным механическим оружием. Бой танковых масс происходил в южной Бельгии, но с весьма быстротечной, при невыгодных для союзников условиях. Подавляющая масса немецких танков легла в плен, неуклюжие, плохо управляемые, д

робкой боязнь смелых решений
моторизованные и танковые
которые, повидимому, и развер-
то не успели в боевой порядок.
войне собственно говорить
можно так же мало, как и о тан-
войне в сражениях 1917—1918 гг.,
временными танками обладала толь-
страна.

дуэские моторизованные дивизии и
видимо, были атакованы в Бельгии
еще. В связи с этим необходимо
важного вопроса о маршах мото-
и моторизованных колонн,
совершается по дорогам и характе-
особыми трудностями. Колонны
и автомашин вытягиваются в длин-
нату, которая днем очень заметна и
со стороны авиации. Скорость
такой колонны, конечно, мень-
отдельных машин. При форсиро-
марше мотомехсоединение может
100—120 км в сутки, т. е. вдвое
чем конница: на колесах (колес-
ничные танки) до 200 км в сутки.

вступлении мотомехсилы разверты-
в порядок, наиболее соответствую-
становке. Темп движения, есте-
ственно, снижается, если учесть ведение
преодоление преград, обходные ма-
и т. д. Однако, строй танков обла-
дательней гибкостью, и разделение на
важные эшелоны, а если нуж-
облегчение на группы (дивизии рас-
ются по-бригадно, отдельными пол-
батальонами), позволяют значитель-
вать в общем темпе наступления.
по обстоятельствам, вперед мо-
гнуться авангард — разведыватель-
ния, либо тяжелые танки прорыва,
первый эшелон, составляющий удар-
группу из танков разного типа: нако-
танковые группы по 200—300 ма-
неудержимо стремящихся вперед.
состоит, в сохранении высокого
наступления, с быстрым преодоле-
чагов сопротивления противника,
нем неприятельских резервов,
ых пунктов, штабов, артиллерийских
ий пехоты, танков резерва и т. п.
и третьи эшелоны довершают
сил противника и его тыловых
чем вся масса продолжает непре-
движение вперед по указанным ей
ниям.

наступление из Люксембурга
1940 года, мотомехсилы во вто-
ловине дня 13 мая форсировали

Маас, а 20 мая передовые силы достигли
Абевилля на побережье, что составляет
около 400 км. Решающим было наступле-
ние на участке между Маасом и Амьен-
ном — примерно около 200 км, который
был пройден дней за пять.

Но эта эффектная картина стреми-
тельного движения мотомехсил к морю не
дает все же действительной картины ма-
невра. В самом деле, что случилось бы,
если бы все ограничилось маршем мото-
мехчастей? В лучшем случае они встали
бы у моря. На самом деле маневр был
выигран тем, что мотомехсилы проложили
путь массам пехоты, которые проникли в
глубину прорыва и закрепили его края.
Удалось же это благодаря тому, что обо-
рона не предприняла своевременно контр-
атак, а громадное численное превосход-
ство позволило немцам выполнить опера-
цию без серьезных затруднений. В конце
вонцов при перевесе в силах прорыв могла
осуществить пехота с артиллерией даже
и без танков (конечно, не так быстро).

Танковые сражения в их настоящей
форме, без прикрас и ложных эффектов,
произошли в первые недели вероломного
нападения немецких фашистов на
СССР. Тщетно преступная гитлеровская
шайка пыталась достигнуть молниеносного
окончания войны путем прорыва танко-
вой массы нашего фронта на Минском на-
правлении. Фашистский маневр был сор-
ван тем, что Красная Армия вогнала клин
между немецкими мотомехсилами и сле-
дующей за ними пехотой. Прорыва фронта
фашистам осуществить не удалось, и вся
картина грандиозного сражения, завязав-
шегося на гигантском фронте, длина кото-
рого достигла 3 000 км, приняла совсем
иной вид. От планов сосредоточения всей
массы танков на одном направлении
пришлось быстро отказаться, и германские
мотомехсилы оказались рассредоточенны-
ми по разным направлениям. Силу напора
фашистских танков преуменьшать было бы
неправильно, но важно, что они исполь-
зуются немецко-фашистским руководством
вовсе не так, как намечалось и как хваст-
ливо возвещалось в пышных «теориях»,
согласно которым в массивовании танков
в одном кулаке заключался чудесный ре-
цепт для быстрого и нестратимого сокращения
всех противников фашистской Гер-
мании. Авантюристический характер глав-
ного маневра, на котором базировалась
истерическая идея молниеносной войны,
вскрылся теперь с полной очевидностью.
Конечно, он был бы неплох, если бы на

войне не существовало противника и можно было бы беспрепятственно проводить операции по схемам, разработанным в гитлеровском замке.

Пробивная сила танковых масс очень велика, но она относительна: все зависит от того, какова сила противодействия, которую встречают танки. Первые же три недели войны против Советского Союза показали, что фашистские танки натолкнулись на такую мощь, которую они преодолеть бессильны. Пользуясь преимуществом, полученным в результате преступной агрессии, вероломного нападения, фашисты захватили некоторые районы советской территории. Но их продвижение резко замедлилось, как только в дело вступили главные силы Красной Армии, располагающие мощными мотомехсредствами, авиацией, всеми средствами современной военной техники.

Происходящее на гигантском фронте сражения является первым в истории по количеству участвующих в нем танков. Разыгрались бои танковых масс, в которых участвовало одновременно до 4 000 танков. Это — танковые сражения, о которых раньше высказывались лишь смелые гипотезы и рисовались фантастические картины. Все, что происходило до того, все операции, которые велись прежде с участием танков,— все это бледный эскиз титанической борьбы со вводом в бой сотен и тысяч бронированных боевых машин, развернувшейся на необъятном пространстве от Черного до Балтийского моря. Танк на танк — это не то, совсем не то, что увеселительная прогулка к берегам Ламанша в мае 1940 года. Война выступает ныне в своем суровом облике, и прозная правда поля сражения уже пришла в трепет и смятение трусливую гитлеровскую банду.

Триумфальное шествие фашистских танков на восток оказалось гитлеровским бредом: огнем и сталью были встречены бронированные чудяща на советской земле. Война, которая развернулась на восточном театре мировой войны,— это жестокая битва на уничтожение врага, непрерывный беспощадный бой, который не кончится, пока останется хоть один фашистский танк, хоть один вражеский солдат на священной советской земле. Молниеносное «решение», которого искали фашистские воики, можно взять лишь в бою, а первые же бои на востоке заставили выбросить схемы в сорную корзину. С ужасом, ненавистью и страхом взирают ныне фашистские глава-

ри на грозный пламень войны. И первый шаг их преступной рукой на восток — классные

Фашистские танки уничтожаются. Красная Армия простая на войне вещь оказалась. Танки на открытии для тушоголовых расстреляли. Танки столь грозных в войне с женщинами. Танки детьми. Да, танки уничтожаются. Танки с не уничтожаются танками же, с артиллерией, артиллерией, нашими пикирующими войн. Артиллерийскими, героическими. Артиллерией, артиллерией, артиллерией. Артиллерией, артиллерией, артиллерией.

Танковое подразделение старшего лейтенанта Юнацкого вступило в бой с танками; ожесточенными танками. Вскоре же полтора танка; старшего лейтенанта Юнацкого были уничтожены. В бою было повреждено оружие на танках у старшего лейтенанта. Доблестный старший лейтенант Юнацкий перевернул фашистский танк. Сколько других вражеских машин было уничтожено. Советские танки прорвали фронт врага и разгромили фашистскую артиллерию.

Крупные танковые силы фашистской армии наступавшие на правый фланг советской армии. Когда фашистские танки попали под ураганный огонь нашей артиллерии и вынуждены были отступить, оставив на поле сражения 70 разбитых танков.

Командир подразделения пикирующих танков артиллерийский капитан Воронин бомбардировщик расположившуюся у опушки танковую колонну противника. Одновременно атаки фашистских танков, наши бомбардировщики, перевернули танки, уничтожили десятки танков. Оставшиеся танки ушли прочь, преследуемые бомбардировщиками. Ни один наш самолет не был сбит противником.

Советские танкисты, артиллеристы, пехотинцы дружными, напряженными усилиями уничтожают фашистские танки. В бою, продолжавшемся несколько дней, уничтожило 50 вражеских танков. Противотанковая батарея, которой командует товарищ Утепин, в одном бою уничтожила 8 танков врага. Бойцы артиллерийского подразделения уничтожили 6 танков врага. Наши герои-пехотинцы устраивают засады для танков, забрасывают их бутылками с зажигательной смесью и зажженным фитилем. Фашистские танки уничтожаются. Танки уничтожаются танками, артиллерией, пехотой, которые бросаются под гусеницы.

За первые три недели войны на восточном театре мировой войны уничтожено 3 000 фашистских танков.

Фашисты не достигли при этом никакого решительного результата. Главные силы фашистской шайки мечтали сокрушить

гигантский фронт, защищенный массными вооруженными силами Армии, прорвать фронт, разделить наши силы, посеять танками панику. Но то, что удалось на западе, оказалось на востоке ребяческой с негодными средствами.

огромные пространства восточного фронта; гигантская протяженность фронта; расстояния, измеряемые сотнями километров; миллионные массы войск; немалые еще количества разнообразной техники; ожесточенные грандиозные сражения; стальная решимость советского народа вести борьбу до конца. — Такие условия войны на востоке, если столкнулось немецко-фашистское войско. Германские мотомехсилы разбиты все больше и больше на этих пространствах. В отдельных случаях они прорываются, конечно, местными прорывами, но в стратегическом отношении это не дает никакого результата. Борьба уже явно перешла в ту фазу, когда вообще какие бы то ни было положительные результаты могут быть достигнуты лишь действием крупных войсковых масс. В сражение ввязались массы артиллерии, авиации — все средства современной войны.

Советские мотомехчасти наносят удары противника, как и следующей за ними пехоте, сокрушительные контрудары. Прорываю и клинья, которые пытается сделать враг в наш фронт, атакуя его силы танками, и т. д. Действия советских мотомехсил характеризуются исключительной решительностью, свойственной этому роду войск. Фашисты применяют свои мотомехсилы все в том же плане — оперативного прорыва.

Советские пехотные и танковые части наступление около села Ш. Началось после артподготовки и отражалось на нашем эскадронном соединении, которое после упорной обороны отошло на километра. Из 300 немецких танков удалось прорваться. Однако они отрезаны от пехоты, атакованы нашими танками и полностью уничтожены. Затем наша танковая колонна обрушилась на неприятельскую пехоту и разгромила ее.

Так гибнет, вместе с разворотенным нашим огнем вражескими танками, и фашистская схема молниеносных побед. Танковая масса способна наносить мощные удары и развить прорыв в глубину, но победа-то достигается лишь искусным взаимодействием всех родов войск.

Фашистские танки истребляются, они также изнашиваются. Расстояния не те, что на западе, и гусеницы немецких танков теряют свои зубья на крешкой советской земле. Мотомехсилы имеют тыл — опять простая, но скверная для фашистов истина. Танки пожирают огромные количества бензина, а с бензином плохо дело в фашистской Германии. Танки требуют ремонта, запасных частей, непрерывного подвоза из тыла новых машин. Чем меньше остается надежд на быстрые успехи, тем острее встречаются проблемы тыла. Эти проблемы неразрешимы для фашистской Германии. Ближайший тыл ее зарвавшихся войск — в разрушенном состоянии, он охватывается огнем партизанской войны. На западе все более активным становится второй фронт: немецким вооруженным силам приходится все больше распыляться на необозримых пространствах, где ведется война всех цивилизованных народов против фашистских преступников.

Фашистские танки, дикие фашистские орды пока еще шатаются святою землю нашей великой родины. Весь советский народ поднялся и ведет отечественную войну против пассивников, нагло поправших завоевания свободы и человеческой культуры. Народ уничтожает фашистские танки: их жгут партизаны, топорами рубят жерла их орудий, шлюющих огнем на нашу землю. Танки не дали победы Гитлеру. Позорный конец кровавого авантюриста неизбежен.

Наши советские танки, так доблестно и героически начавшие священную борьбу против фашистов, еще впереди новые славные страницы в историю великих деяний Красной Армии. Советские мотомехсилы — мощное и грозное оружие, великолепное средство смелого оперативного маневра — своими сокрушительными ударами выполнит до конца свой долг в великой освободительной войне народов СССР против фашизма.

С. ДУРЫЛИН

Героическая поэзия

(К 100-летию со дня смерти М. Ю. Лермонтова)

Столетняя годовщина со дня смерти Лермонтова совпадает с началом великой борьбы, которую родина поэта ведет с врагом, ополчившимся на ее «вольность, честь и мир».

Но как ни сурово-настоятельны требования военного времени, предъявляемые каждому из соотечественников Лермонтова, как ни поглощены войною наши мысль, чувство и труд, — даже и в шуме битв, еще небывалых в истории, даже и при ежедневных известиях о невиданном в истории героизме миллионов бойцов, отстаивающих независимость своей страны, не глохнет имя Лермонтова, не умолкает память о нем. Напротив, в гугме воинской тревоги, при грозном зареве войны имя Лермонтова озаряется еще более ярким светом, смысл его творчества раскрывается с несравненной ясностью и глубиной.

В годину грозного исторического испытания, переживаемого русским народом, с особой силой обнаруживается правда тех немногих слов, которыми Лермонтов, еще в ранней юности, определил себя как поэта и человека:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Лермонтов — великий самобытный поэт, кровно связанный с сердцем и волей своего народа. Кто, живя тревогою наших дней, испытывая в своем сердце горячий прилив любви к родине, перечитал в наши дни «Бородино», «Валерик», «Казачью колыбельную песню», «Родиону», тот почувствовал, что Лермонтов отвечает на эту нашу

любовь и тревогу своею любовью к своей верою в ее великие народные силы, — отвечает так горячо, страстно и так сердечно, как только может чувствовать «избранник... с русскою душой».

Лермонтов потому так близок к героическим дням всенародной обороны — был он героическим поэтом, основан его творчества — это жажда героического подвига.

В своей поэтической автобиографии написанной сто десять лет тому юноша Лермонтов сделал замечательное признание:

Так жизнь скучна, когда борешься...
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

В этих словах заключена лучшая, высшая характеристика основного творческого устремления Лермонтова к деянию, к борьбе, к подвигу. Поэт-юноша убежден в том, что единственно достойная человека жизнь, исполненная непрерывной борьбой за высшие цели человеческого бытия — за достоинство человека, за независимость родины, за свободу и счастье родины. Бессмертие героя — это, по Лермонтову, вечная жизнь в блаженной памяти народа.

Пафосом борьбы исполнены все поэмы и стихи Лермонтова, и сам певца и поэта всегда был и для Лермонтова равнозначущ с образом борца.

Изначально для Лермонтова стихотворение «Песня барда» (1830), мало обращавшее на себя внимание и читателей и исследователей.

Поэма-поэт рисует в нем Русь в самое трудное для нее время: в эпоху татарского нашествия, когда удельные князья, истощив силы в борьбе с княжествами в междоусобной вражде, оказались покорными данниками татар. Вся русская земля превратилась в завоеванную пустыню, дружины бойцов разбиты и легли костыми. И лишь один человек — народный певец — находит в себе силы вернуться из чужбины на кровопролитную родину, чтобы своей песней подтолкнуть князя на войну с татарами: долг поэта — взывать к борьбе. Певец терпит поражение, в отчаянии повергает он на землю свои кости, но он до конца исполнил свой долг: был последним борцом за родную землю.

Важнейший образ певца-бойца Лермонтов создал в поэме «Последний сын вольности» (1830), сюжет которой также взят из древней истории — из эпохи пришествия варягов, подчинивших своей властью славянские племена Новгорода. Старший сын князя борется с варягами своими песнями — гневными, призывными, боевыми.

Чей белает стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новгорода.
Завтра будете рабами вы!..

Тридцать юношей собираются —
Месть в душе, в глазах отчаянье —
Ночи мгла спустилась па холмы,
Полный месяц встал — и юноши
В спящий стан врагов явлются!

На щиты склонясь, варяги снят,
Луч луны играет по кудрям. —
Вот струею потекла их кровь,
Гибнет враг!..

Слова Ингелота пробуждают сердца, в те времена еще не уснула любовь к родине, и он призывает на борьбу с князем Рюриком, старшим сыном варягов — за честь и вольность родины:

«Ужель мы только будем петь,
Иль с безнадежьем немым
На стыд отечества глядеть,
«Друзья мои? — спросил Вахим. —
Клянусь, великий Чернобог,
И в первый и последний раз:
Не буду у варяжских ног. —
Иль он, иль я: один из нас
Падет! в пример другим падет!..»

В одном из центральных произведений зрелой поры — в известном стихотворении «Поэт» Лермонтов уподобляет действие поэзии действию княжата и вечаемого колокола. Есть глубокий смысл в этом сочетании: Лермонтов берет образ княжата, оружия кавказских народов в их борьбе за свою независимость, и образ вечаемого колокола — символ «вольности славянской».

В этом сочетании отразилось характерное для Лермонтова неразрывное, чудесное соединение истинного патриотизма, любви к родной стране и столь же искреннего, глубокого сочувствия к нерусским угнетенным народам в их борьбе за национальную независимость.

Лермонтов с покоряющим восторгом говорит о героическом поэте:

Твой стих, как божий дух, носился над толпой

И, отзыв мыслей благородных,
Звучал как колокол на башне вечаевой
Во дни торжеств и бед народных.

Образ вечаемого колокола взят Лермонтовым из исторических преданий о вольных русских городах — Новгороде и Пскове, которые в героической борьбе отстаивали и отстаивали свою свободу от нападения немецких рыцарей, от войск шведского короля.

Для поэзии Лермонтова характерно и другое сочетание — органическое, неразрывное слияние любви к свободе и любви к родине.

Лермонтов не отделил своей судьбы от судьбы родной страны, и неукротимое его свободолюбие сливалось со стремлением бороться за свободу родины.

Подобно поэтам-декабристам, Лермонтов в прошлом искал высоких примеров героической любви к родине.

В 1830 году Лермонтов написал «Балладу» — стихотворение, несправедливо обойденное вниманием читателей и критиков, но заслуживающее самого пристального изучения. Приведу его целиком:

В избушке позднего порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полоскою
На небе зарево горит...
И люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! пль сердцем
чуешь,

Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.

Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

«Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

«Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум,— и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось!» — восклицает он,
«Свершилось! торжествуя, прокля-
тый!..»

Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертию бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!»

Стихотворение это замечательно по единству своего героического устремления. «Отец» — русский крестьянин эпохи нашествия татар — возвращается домой с поля битвы, чтобы умереть «кровавой смертию бойца». Его жена, «славянка юная», только что радовавшаяся тому, что младенец «не в силах понять опасности своей», не приходит в отчаянье от гибели мужа, от неудачи русских в сражении с татарами, — напротив, и эта неудача, и гибель мужа поднимают в ней силы на героическую высоту: она завещает мечь маленькому сыну:

Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!

К героическому образу матери, воспитывающей сына-бойца, Лермонтов вернулся впоследствии в гениальной «Казачьей колыбельной песне».

С приведенной «Балладой» связан у Лермонтова замысел трагедии о Мстиславе Черном. Сюжет трагедии взят из той же мрачной поры татарского ига. В первоначальном наброске читаем:

«Имя героя¹ Мстислав — (Всеволод).
Черный прозвание от его задумчивости —

его сестра — Ольга. — Мстислав (IV), он молился на кургане, чтоб не поглотили его восточными, безное имя России. — Поместить в трагедию всю печальную, о любви или что за пылью пылит; Ольга молодая, виновная в татар гел — поет ее; входит брат ее — еще те паломник. — Все сначала укоряют Мстислав в равнодушии к бедствиям, но на своем ибо он молчит, — (каким образом Мстислав. Он израненный лежит в крови, и не, хозяйка-крестьянка баюкает ребенка песнью: Что за пыль пылит... — (Ольга) дит муж ее израненный). — Юный Мстислав и Василий утонул в крови во время битвы с татарской армией. Лермонтов, всячески желая приблизиться к своему трагедию к исторической действительности, вложил в уста «хорошей и действенной крестьянки, баюкающей ребенка», которую он отомстил народную песню, сложенную в татарском языке по от татарщины:

Что в поле за пыль пылит?

Что за пыль пылит, столбом пылит.

Злы татары вья полон делят:

То тому, то сему по добру коняют.

А как зятю теща доставалася,

Он заставил ее три дела делати.

А первое дело гусей пасти,

А второе дело бел кужель прясти,

А третье дело дитя качати.

«И я глазами гусей пасу,

И я ручиьками бел кужель прясти,

И я ножичками дитя качаю;

Ты баю-баю, мило дитятко,

Ты по батюшке злой татарченке,

А по матушке родной внученке,

У меня ведь есть приметочка,

На белой груди что копейчка.

Как услышала моя доченька,

Закридалася, заметалася:

Ты родная моя матушка!

Ах ты что давно не сказала,

Ты возьми мои золоты ключи,

Отнирай мои кованы ларцы,

И бери казны, сколько надобно,

Жемчугу да злата-серебра!

Ах, ты, милое моя дитятко!

Мне не надобно твоей золотой,

Отпусти меня на святую Русь,

Не слышать здесь петля перья,

Не слышать звону колоколы,

Выписал ли Лермонтов эту песню героическую по своему трагизму народную, или из сборника, или записал со слов какой-нибудь пензенской крестьянки (песня эта в это время была как колыбельная и в XIX веке)

IV), она была нужна поэту, чтобы поэзия, захватывающими словами передать всю непередаваемую горечь неволею глубины страдания русского народа и татарским игом.

Лице героя трагедии Мстислава Чернышова Лермонтов хотел изобразить печальным за свою родину, поднимающего меч мести и мщения. По замыслу Лермонтова, Мстислав, непримиримому врагу татар, противопоставлена его сестра Ольга, принимающая любовь татарского мурзы. Мстиславу приходится бороться даже в семье — в семье с примиренческим отношением к поработителям; все, что Лермонтов успел занести на бумагу о характере и действиях Мстислава, свидетельствует о том, что стержнем его чувств и идей поэт избрал глубокую непримиримость по отношению к врагу родины. Мстислав — человек героической воли, и она направлена всецело на борьбу с врагом.

Мстислав становится во главе заговора против татар: «Он клянется им: не позволят напасть на стан татар, коп прикладываясь опять, чтобы грабить».

Мстислав и его товарищи надеялись, что «Россия пойдет их примеру». Мстислав спрашивает сестру, «готова ли она все пожертвовать отечеству». Сестра признается, любит татарина. Он «выносит этот позор», говорит ей сильно, какая она предательница, и заставляет ее согласиться. На будущую ночь она его (мурзу) приглашает и тогда его убьет; это сигнал кровопролития.

Заговор русских против татар не удается; мурза из слов Ольги «догадывается» о заговоре; в прошедшей схватке Мстислав убивает мурзу, но победа остается татарами: «русских перерезали».

Несмотря на историческую действительность, Лермонтов не мог закончить трагедию победой русских над татарами: победа эта была в более позднюю эпоху, в конце столетия. И все же конец трагедии не лишен веры в освобождение родины: Мстислав умирает; и просит, чтоб над ним оставили крест. — И чтоб рассказали Мстиславу какому-нибудь певцу; чтобы этой песней возбудить жар любви к родине в душах потомков».

В финале трагедии возвращает нас к той мысли Лермонтова о преемственности героического начала в истории великого народа и о той большой и почетной роли, которая принадлежит певцам, в этой истории. Мстислав умрет, но его геройская победа над татарами, но его

воля к этой победе будет жить в песне, сложенной поэтом-борцом, и эта песня будет пробуждать героическую волю в поколениях до тех пор, пока не совершится исторически-справедливое дело — освобождение народа. Героизм народа, отстаивающего свое право на почетное бытие в истории, бессмертен: его не уничтожить никаким насильникам-завоевателям. Вечно возрождаясь в години грозных испытаний, героическое начало вечно обновляет дух народа и укрепляет его волю на победоносную борьбу.

Так было с русским народом в 1812 году. Лермонтову принадлежит ряд замечательных произведений, вызванных личностью Наполеона I. Но как бы ни пленялся поэт образом знаменитого полководца, это ни в малейшей степени не заслонило перед ним героизма русского народа, одержавшего освободительную победу над «могучим баловнем побед».

Лермонтов выступил певцом народного героизма, проявленного Россией в 1812 году.

В самом раннем из стихотворений, посвященных Наполеону, Лермонтов обращается к полководцу-завоевателю с укором:

«Зачем он так за славою гонялся?

Для чести счастье презирал?

С невинными народами сражался?

И скипетром стальным короны
разбивал?

Зачем шутил граждан спокойных
кровью,

Презрел и дружбой и любовью,

И пред творцом не трепетал?

«Ему, погибельно войною принужденный,

Почти весь свет кричал: ура!

При визге бурного ядра

Уже он был потов — но... воли

дерзновенный!..

Творец смелых неколебимый ум,

Ты побежден московскими стенами...

Бежал!.. и скрыл за дальними морями

Следы печальные твоих высоких дум.

Уже в этом отроческом стихотворении Лермонтов противопоставляет две борющиеся силы: на одной стороне — «и честолюбие, и кровь, и гул военный» завоевателя, эгоистически ищущего громкой славы, на другой стороне — великий народ, не подчинившийся этому завоевателю даже тогда, когда «ему, погибельно войною принужденный, почти весь свет кричал: ура!». В огне пылающей Москвы сгорела слава непобедимого будто бы завоевателя.

В 1832 году в двадцатилетнюю годовщину отечественной войны Лермонтов пишет «Два великана».

Здесь «трехнедельному удалцу» противопоставлен «старый русский великан», «русский витязь». Уже в одном этом противопоставлении заключена высокая мысль: мгновенному, с исторической точки зрения, удалству, историческому «наездничеству» противопоставляется длительная прочная доблесть: богатырство целого народа, ибо под «русским витязем» Лермонтов разумеет русский народ, о чем свидетельствуют многие страницы других его произведений.

В поэме «Сашка» Лермонтов в лирическом отступлении, исполненном нежной и горячей сыновней любви к родному городу — Москве, — повторяет образы-символы двух великанов:

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!

Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень
твой —
Заветное преданье поколений.

Небезынтересно отметить: когда Лермонтов писал, обращаясь к Кремлю: «Тщетно поражал тебя пришлец: ты вздрогнул, он упал», — поэт имел в виду исторический факт: варварскую попытку Наполеона, при отступлении из Москвы, взорвать Кремль. Под кремлевские стены, башни и древние соборы было подложено большое количество пороха, но взрыв не удался: Кремль именно лишь «вздрогнул», и частичные повреждения некоторых башен и других зданий были исправлены. Лермонтов подчеркивает: в то время, как город-герой лишь «вздрогнул», — «пришлец»-завоеватель «упал», нашел свою гибель.

Лермонтов полон благоговения перед городом-героем. «Москва не есть обыкновенный город, каких тысячи», — писал он в 1833 году, — «Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... Нет! У нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хра-

нит надпись, начертанную временем, — каждая надпись, для толпы непонятная, но богатая, обильная мыслями, чувством, вдохновением для ученого, патриота, поэта!.. Что сравнить с этим городом, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, стоит на высокой горе, как державец на челе грозного владыки?.. О великий русский народ, на нем должны совершаться уже совершенались многие жертвы, многие отечества. Давно ли, как багряный Феникс, он возродился из пепла своего праха?!»

Самосожжение Москвы в 1812 году — так всегда утверждал Лермонтов, — великим героическим подвигом, беспримерным в истории.

Народ, способный на такой героический подвиг, достоин имени богатыря, и именно именем Лермонтов называл русский народ, когда писал о России: «Она в своем прошлом и будущем. Сказывают, что Еруслан Лазаревич сидел в тюрьме двадцать лет и спал крепко, но на двадцать первом году проснулся от того, что сна и встал и пошел... и встретил тридцать семь королей, и семь тысяч богатырей и побил их и сел над ними воевать... Такова Россия» (V, 358).

Стихи и заметки, посвященные 1812 году, как ни замечательно они сами по себе, как ни богаты патриотическими мыслями и чувствами, представляются лишь предварительными набросками к поистине альбому рассказу о 1812 году — «Бородино». Этим стихотворением, появившимся двадцать пятую годовщину знаменитой битвы, Лермонтов впервые выступил как поэт.

О великом историческом событии Лермонтов поведал словами скупого, но хитростного солдатского рассказа, в небольшом рассказе он вложил исторически верную картину славной битвы, правдиво разработанный характер солдата-героя, и черты подлинного героя, проявленные русским народом в победной обороне своей родины.

Лермонтов с могучей простотою и силой изобразил жизненный облик русского солдата, воспитанного в доблестной и героической школе Суворова и Кутузова. Лермонтов создал первый в русской литературе реалистический образ русского солдата, и его не в бытовой зарисовке, не в описательном очерке, — Лермонтов создал образ русского солдата в ответственной обстановке исторического дела, когда его жизнь на его крови создается будущее его

дается историческое бытие его

етовский бородинский боец полон этой своей ответственности перед ней, он рвется в бой, ему тяжело

долго молча отступали.

Садно было, боя ждали,

Ворчали старики:

«Что ж мы? на зимние квартиры?

«Не смеют что ли командиры

«Свои изорвать мундиры

«О русские штыки?»

Лермонтов выбрал в рассказчики «Бородинского солдата-артиллериста, представителя рода оружия, которое имело огромное значение в Бородинском бою»:

«Набрал заряд я в пушку туго

«Одумал: угощу я друга!

«Постой-ка, брат, мусью:

«Что тут хитрить, пожалуй к бою;

«И ж мы пойдем ломить стеною,

«И ж постоем мы головою

«За родину свою!

«Сказчик «Бородиня» меньше всего знает, чтобы показать себя, свою роль в бою, повествование ведется не от «я», а от «мы», ведется как бы от всех участников Бородинской битвы, в которых ее великий труд и вместе же и слава. Устами солдата-артиллериста изображен бой, как общее и могучее дело, где личное «мое», «нашем», в общенародном.

Лермонтов обнаруживает здесь глубокое понимание коллективной психологии народа.

«Молвил он, свергнув очами:

«Ребята! не Москва-ль за нами?

«Умремте ж под Москвой,

«Как наши братья умирали!»

«И умереть мы обещали,

«И клятву верности сдержали

«Мы в Бородинский бой.

«Смертна эта клятва русского народа, данная от его имени его поэтом.

«Одино» не случайно стало любимой песней солдатской, красноармейской, и в ней песней.

«Взвешенный на Кавказ в действовавшую войну Лермонтов был невольным участником боевых операций против горцев. Он глубоко сочувствовал борьбе кавказцев за национальную независимость и воспел

эту героическую борьбу с чудесным провидением в психологию, в дух и поэзию народов Кавказа. Не подлежит сомнению, что личное участие Лермонтова в захватнической войне русского царизма было для него подлинной трагедией. Не брошенный в условия войны, сраженный, Лермонтов проявил поистине чудеса храбрости, столь высокую отвагу, мужество, презрение к смерти, что даже царские военачальники не могли их не отметить. После сражения при Валерике генерал Галафеев, командующий отрядом, доносил генерал-адъютанту Граббе (8 октября 1840 года): «Тенгинского пехотного полка Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отличными мужеством и хладнокровием»¹.

В деле под Валериком был убит декабрист Вл. Н. Лихарев. Другой декабрист Н. И. Лорер рассказывает об его смерти: «В последнем деле, где он был убит, он был в стрелках с Лермонтовым, тогда высланным из гвардии. Сражение приходило к концу, и оба приятеля шли об руку, споря о Канте и Гегеле, а часто, в жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля метка, и выстрел редко дает промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навывлет, и он упал навзничь. Ожесточенная толпа горцев изрубилла труп так скоро, что солдаты не успели на выручку останков товарища-солдата»².

Этот рассказ Лорера свидетельствует и об ожесточении сражения при Валерике, и об исключительном самообладании и спокойствии Лермонтова. Сам поэт скупо писал А. А. Лопухину: «Я не был нигде на месте, а шатался все время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. нас было всего 2 000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками... Вообрази себе, что в сражении, где была потеха, час после дела еще пахло кровью».

¹ П. А. Висковатов. «М. Ю. Лермонтов», М. 1891, стр. 349—350.

² Н. И. Лорер. Записки декабриста. М. 1931, стр. 255—256.

Участвуя в кавказской войне, Лермонтов крепко сблизился с солдатами, несшими на себе всю тяжесть 25-летней воинской повинности и непрерывной опасной войны. В осеннюю экспедицию 1840 года Лермонтов стоял во главе отдельной команды, объединенной необыкновенной преданностью своему командиру. Один из штабных офицеров, недоброжелательно относившихся к Лермонтову, с презрением отзывался об этой особой «лермонтовской» шайке охотников: «Лермонтов собрал какую-то шайку грязных головорезов. Они не признавали огнестрельного оружия, вели партизанскую войну и именовались громким именем Лермонтовского отряда»¹.

Штабной офицерик, барон Россильон не понимал боевого товарищества, спавшего Лермонтова с его отрядом. Лермонтов «умел привязать к себе людей, совершенно входя в их образ жизни. Он спал на голой земле, ел с ними из одного котла и разделял все трудности похода»². Боевое товарищество Лермонтова с бойцами его отряда получило высокую оценку в реляции непосредственного его начальства: «Ему (Лермонтову) была поручена копная команда из казаков-охотников, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встречала неприятеля и, выдерживая его натиски, весьма часто обращала в бегство сильные партии»³. За участие со своей командой охотников в осенней экспедиции 1840 года Лермонтов был вновь, вторично, представлен к награде — к золотой сабле с надписью «за храбрость». Но Николай I и тут остался верен своей ненависти к поэту, наследнику Пушкина: лишил Лермонтова и этой награды.

Непосредственный опыт войны, близкое боевое знакомство Лермонтова с русским солдатом обогатили поэта новым драгоценным знанием героизма русского народа, молчаливого в своей доблести, умеющего являть любовь к родине не в пышных словах, а в решительном деле.

В послании «Я к вам пишу, случайно, право», обычно называемом «Валерик», Лермонтов дал несравненное по своей силе описание сражения. Он показал величие простоты и скромности безвестных героев, несколькими скупыми штрихами раскрыл всю глубину их переживаний, их духовной жизни.

¹ П. А. Висковатов. «М. Ю. Лермонтов», стр. 343.

² Там же, стр. 342.

³ Там же, стр. 343.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд.
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, труп
Казалось выраженье лиц.
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... На пинел
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал...

На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли.

В зрелую пору Лермонтов вернулся к героическому образу матери, внешне представшему перед ним еще на заре поэзии.

Это его знаменитая «Казачья белая песня», о которой Белинский писал: «Это стихотворение есть художественная апофеоза матери, все, что святого, беззаветного в любви матери, весь трепет, вся нега, вся страсть, бесконечность кроткой нежности, безличность бескорыстной преданности, всю дышит любовь матери, — все воспроизведено поэтом во всей полноте. Где, откуда взял поэт эти простодушные слова, эту умиленную нежность и эти кроткие и задушевные звуки, женственность и прелесть выражения?»

Песня Лермонтова про мать, растянувшую сына-воина на смену воину-отцу, перешла в уста народа, — она поется на Волге, Урале, в Сибири, на Северном Кавказе всюду, где слышится русская речь, и всюду поется на один и тот же простодушный трогательный мотив, по преданию, созданный самим Лермонтовым.

Нельзя не видеть в этом усвоении народом стихотворений Лермонтова живое свидетельство того, что их автор по-настоящему великий поэт, выражающий мысль и чувства своего народа.

Истинный патриотизм неизменно предполагает сочувствие освободительной борьбе всех народов, любовь к своей родине, неизменно предполагает способность проникнуться справедливым интересом других народов. Таким патриотом был Лермонтов. Он развернул в своих произведениях широкую эволюцию борьбы кавказских народов за социальную и национальную свободу. Лермонтов с нескрываемым восхищением рисовал

те фигуры отважных борцов за волю
родных гор.

Этой борьбе человек должен отдать все-
себя, подчинив ей все свои чувства,
мания и стремления. Так под пером
Лермонтова встает цельный образ героя,
который знает «одной лишь думы власть».
В «Черкесской песне» в «Измаил-Бей»
идея:

Много дев у нас в горах;
Ночь и звезды в их очах;
С ними жить завидна доля.—
Но еще милее воля!

Не женися, молодец,

Слушайся меня:

На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

«Измаил-Бей» был впервые написан в
1843 году, а уже через четыре года
песня перешла в народ и осталась
в его бессмертной памяти. Глубокая
связью к народной борьбе за независи-
мость проникнуто одно из самых зрелищ-
ных произведений Лермонтова — «Беглец».

Герой бежит «в страхе с поля боя»,
«кровь черкесская текла», и жлет «во-
шная кара: друг, любимая девушка,
мать отвергают его, как труса».
Отступника от народной доблести
мировой поэзии найдется не много
примеров, равных по силе строкам
«Беглеца», где мать проклинает
сына-труса:

Молчи, молчи! гуля лукавый!
Ты умереть не мог со славой.
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты раб и трус — и мне не стыд!

Герой кончает с собой ударом кинжа-
ла, по народному преданию, и в смер-
ную минуту, изменник не может обрести себе
спасения:

В преданьях вольности остался
Позор и гибель беглеца.—

Подвиг героя не умирает в памяти
народа, так и отступничество от долга
и мести никогда не исчезнет из
сознания народа, казнящей отступника веч-
ным позором.

Воспламеняющую к родине, стремлением отдать
себя на борьбу за ее свободу испол-
няет другая замечательная поэма Лермон-
това — «Мцыри» (1840). Юноша-горец,
физически отторгнутый от родных
гор и воспитанный в монастыре,
чувствует себя из келий душных, как из тюрьмы:

Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе.

Этой цели юноша подчиняет все свои
желания и влечения. «Есть для человека
необходимость знать себя свободным»,—
сказал как-то Герцен. Мцыри находится
весь во власти этой необходимости.

Лермонтов подчинил образ Мцыри той
мысли, которую выразил в первоначаль-
ном эпитафее поэмы:

«Родина бывает только одна».

Но родина означает для Мцыри не про-
сто страну, где он родился,— родина озна-
чает для него независимый край, свобод-
ный народ, с гордым спокойствием отста-
ивающий свою независимость. Стремление
обрести родину означает и фактически, и
символически мятеж против тюрьмы и
выход на свободу. Мцыри совершает побег
для того, чтобы встать в ряды бойцов
за народную свободу: не спокойная доля, а
«чуждый мир тревог и битв» влечет его.

По всему содержанию, по чувствам и
мыслям «Мцыри» — единый, неупрежи-
мый, героический порыв к свободе и
борьбе. Лермонтов влил пламя мятежа в
самый ритм поэмы, он пережил расплав-
ленный металл неугасимой жажды воли в
тот поистине «железный стих», из кото-
рого выкована поэма.

«Мцыри» — это не только героическая
поэма о свободолюбивом горце, рвущемся
в бой за волю и честь родины, «Мцы-
ри» — это героическая автобиография од-
ного из самых свободных и могучих по-
этов в мире, к поэзии которого полностью
приложимы его же слова:

Твой стих, как божий дух, носился над
толпой

И, отзыв мыслей благородных,

Звучал как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Так звучит голос Лермонтова и в ныне
переживаемые великие дни великой осво-
бодительной отечественной войны.

Бывало, мерный звук твоих могучих
слов

Воспламенял бойца для битвы...

Это не только «бывало» в прошлом;
это есть в настоящем: великий героиче-
ский поэт Лермонтов силою «могучих
слов» своей поэзии воистину «воспламе-
няет» всех нас «для битвы» с теми, кто
покусился на нашу «вольность, честь и
мир», для «светлой и полной победы над
ними».

Встречи с Бернардом Шоу

Однажды Бернарда Шоу спросили, как он достиг своей почти баснословной популярности. Шоу ответил, улыбаясь:

— Тот, кого многие продажные перья пытались загрязнить, несомненно должен быть популярным.

Молодой Шоу начал свой творческий путь с того, что высказал своим современникам немало неприятных и горьких истин. Прототипы героев его «Неприятных пьес» попытались бороться с Шоу оружием клеветы.

Однако в броне своего сарказма Шоу был неуязвим. Пострадали те, кто нападал.

Тогда неукротимого английского драматурга сочли за благо признать... шутником. А кое-кто объявил великого «пуританина, ирландца, социалиста» мечтателем и фантастом, ибо он — подумать только! — еще в конце XIX века верил в то, ...что социалистическое общество неизбежно будет построено.

Но даже его противники, как, например, Г. К. Честертон, написавший о Б. Шоу целое исследование, — вынуждены признать, что шуткам «ирландца-пуританина» мог бы позавидовать и Вольтер. Тот же Честертон, объявлявший всю деятельность Шоу ошибочной и бесцельной, сознается, что он все же согласился бы скорее поднести к губам «канаву, отводящую грязную воду из лаборатории Шоу и его сидельщиков, чем ту флейту, на которой играют свои песни его противники».

Шоу популярен в своей стране и за ее пределами, ибо он большой художник — прогрессивный, независимый и свободолюбивый, ибо он великий сатирик нашего времени.

Когда десять лет тому назад — в июле 1931 года — стало известно, что Шоу

собирается посетить Советский Союз, мировая пресса оценила это посещение как литературную сенсацию, а как историческое событие.

В одном из своих частных писем Шоу писал:

«Я давно хотел, очень хотел познакомиться со Сталиным. Я питаю зависть только к одному английскому писателю — к Уэльсу. Я завидую Уэльсу, потому что он имел возможность говорить с Лениным. Пусть же все писатели завидуют в течение нескольких столетий и мне, потому что я имел возможность пожать руку Сталину!»

Шоу прибыл в Москву.

Я встречался с ним. Разговоры с Шоу я цитирую на основании своих — сделанных на месте или же в день встречи — заметок, которые я впоследствии перепроверил, сравнив с заметками товарища Чарского.

В беседе со мной Анатолий Васильевич сказал:

— Мы, советские писатели, разговаривали с Шоу по-английски и по-немецки. По-английски Шоу говорит настолько просто и оригинально, а по-немецки — оригинально и плохо, и с такой дьявольской быстротой излучает во множестве направлений свои режущие и колющие афоризмы, что нужно считать большим достижением, если мы сумели зафиксировать самую суть. Тот, кто дает вам больше этого, обманывает.

Шоу очень худой, очень высокий, очень подвижной. У него красивый, высокий голос. Он сопровождает свои жесты режкими жестами. На его бледном, обрामленном рыжей, с сильной

бородой, неизменно —

в Москве так тепло протянул ему руку, словно встретив старых знакомых, которых не видел. И — по странному стечению обстоятельств — он действительно встретил одного «знакомого»: он заговорил молодой студент-ирландец, живший в том же городе — Дублине, тоже в том же доме, где и Шоу. Шоу обрадовался своему земляку. Но узнал он с ним не о Дублине, а о Москве. Узнав, что студент-ирландец приехал в Москву только на короткое время — Шоу неодобрительно покачал головой.

— Если бы я был так молод, как вы, я поехал бы в Москву совсем и только от времени — каждый раз только на короткое время — наезжал бы в Дублин — учить других.

Через несколько дней Шоу встретился в беседе с группой советских писателей, интересовался нашим отношением к капиталистическому строительству, хотел познакомиться с принципами советской культуры и нашим отношением к читательской публике и к издательствам. Застесавшись, слушал наши разъяснения. Но писатель Огнев рассказал ему о наших взаимоотношениях с издательствами — он только рассмеялся и, поинтересовавшись деталями, записал что-то.

К сведению тех, которые думают, что всегда и всюду была, есть и будет эксплуатация. В капиталистическом мире люди сильно эксплуатируют друг друга, но же, в Советском Союзе, эксплуатация людей «эксплуатируют» издательства. Шоу очень интересовался проблемами национальных писателей, писателей из других народов союзных республик и национальными писателями, их заработками и не всего тем, кто и как занимается воспитанием.

Моя жизнь, когда я встретил как знающий писатель, была действительно трудной. Если бы я сказал, что год, я, может быть, преувеличил бы, но ложью, если скажу, что не изучал быстро, один за другим посетил в пять лет — и ни для одного из них не найден издателя. Я пытался устроить их во всех издательствах Англии, Америки и Австралии. Точно так же, как бедствия — несколькими десятками лет — некоторые мои пьесы обошли все театры (с некоторым успехом), романы обошли тогда почти все изда-

тельства, но без всякого успеха. Рекорд мой роман: «Профессия Кастеля Баброва». Этот роман, если память мне не изменяет, был отвергнут ровно шестидесятью издательствами. Правда, с тех пор он выдержал почти столько же изданий, сколько тогда отказов. Конечно, я рассказывал это не для того, чтобы похвалить свой роман, а только привожу свидетельство человеческого чутья издателей. Издатели знали, что немного устаревший роман Шоу — более выгодное дело, чем была для того времени слишком живая книга молодого Шоу. Таким образом, случалось так, что я провел почти всю свою жизнь в филиаловых заботах: когда я был нужен, я не знал, как достать необходимые для существования деньги, а впоследствии — не знал, что делать с потоком поступающих ко мне денег.

Узнав о том, что мы собираемся торжественно отметить в Доме Союзов — 26 июля 1931 года — день его семидесятилетия, Шоу сделал кислое лицо.

— Если меня пригласили на праздник по случаю дня рождения Шекспира, — сказал он, — я ответил, что не праздную даже свой собственный день рождения, зачем же мне праздновать день рождения Шекспира? Мой тогдашний аргумент действовал. Быть может, и на вас подействует этот же аргумент, в немного искаженном виде: я не праздную даже день рождения Шекспира, зачем же мне праздновать день рождения Бернарда Шоу?

Но на нас не подействовал этот аргумент. Шоу, как я узнал от него, впервые после двенадцатилетнего возраста отпраздновал свой день рождения. И отпраздновал в Советском Союзе. В речи, произнесенной им по этому случаю в Колонном зале Дома Союзов, он говорил не о собственном прошлом, а о будущем человечества.

В Москве находился профессор литературы одного из американских университетов.

Профессор Б., свободно говоривший по-русски, изучал здесь советскую литературу, так как собирался написать книгу, освещающую социальную роль этой литературы. С октября 1930 г. по июль 1931 года, в результате систематической работы, ему удалось собрать значительный материал.

Б. Шоу хорошо знал профессора Б., отец которого был другом детства англий-

своего драматурга. И профессор Б. счит своим долгом посетить Шоу, чтобы своим опытом помочь ему ознакомиться с советской жизнью и, главным образом, с советской литературой. Шоу принял американского профессора очень радушно и беседовал с ним в течение четырех часов. Не знаю, что дала эта беседа Шоу, но после того, как профессор Б. побывал у него, он решил отложить в сторону результаты своей десятимесячной работы и начать собирание материала сначала — под новым углом зрения.

— Поверьте мне, — сказал профессор Б. — за четыре часа, пока мы разговаривали о Советском Союзе, Шоу не сделал ни одного саркастического замечания. Что это значит — полностью может оценить только тот, кто хорошо знает этого великого шутника. Передо мной был совершенно новый Шоу. Это было для меня большим переживанием.

А я по особому стечению обстоятельств имел случай видеть великого шутника в такой момент, когда он не только был очень серьезен, но, до известной степени, даже смущен.

Шоу хотел посетить один из подмосковных домов отдыха. Я должен был заехать за ним. Аккуратно явился я в гостиницу «Метрополь», но Шоу не застал. Ждал его очень долго. Когда он, наконец, приехал домой, я узнал, что он был на приеме у товарища Сталина. Я заметил, что наш

гость как-то изменился. Я спросил о его переживаниях и впечатлениях от встречи с вождем социалистической страны.

Неизменно готовый к остроумию Шоу на этот раз долго медлил, и наконец, заговорил, сказал неторопливо, размышляя:

— Писатель, так же, как и каменщик или боксер, должен знать свои пределы и границы своих сил. Если он хочет сделать хорошую работу, он должен поставить перед собой такую задачу, разрешение которой требует всей его силы. Но если он хочет потерпеть фиаско, то пусть берет на себя разрешение такой задачи, которой он явно слаб.

Я не берусь выразить, какое впечатление произвел на меня Сталин. Удивительно, когда-нибудь — через несколько лет — я напишу об этом. Но, вероятно, всего, не напишу. Пусть писатели и журналисты сделают вывод из того, что я, в свое время, рого никто еще не обвинял в скромности, не почувствовал в себе достаточно сил для разрешения этой задачи.

Когда мы провожали Шоу, на прощанье кто-то задал ему вопрос:

— Надеемся, товарищ Шоу, вы останетесь в другом Советского Союза?

— До моей смерти — безусловно, — ответил Шоу, — но надеюсь, что и после.

*Перевели с венгерского
М. ЗЕЛЬДОВИЧ и А. ШИШКОВ*

Ант

гда
ном
и пр
вапис
на
ингенд
армы
сетью
ельме
и сош
да.

ертны
скреп
я, фан
них и
м. Фал
ники, т
телей,
овилис
творчес
олетни
аны
их и з
ров, за
и Мар
Эйни
е.

е фан
ровала
и, к
цкого
гство
в и у
инные
нач
чень п
атуры.
ажност
оказал
кше пр
и раб
ые п
логет
спос

Антифашистская немецкая литература

Когда восемь лет тому назад фашизм в своем и насилии поработил немецкий народ и пришел к власти, железный кулак фашистских извергов и людоедов обрушился на немецких рабочих, крестьян, интеллигенцию.

Гюрмы переполнились, страна покрылась сетью концентрационных лагерей, где мерзлые бандиты пытали, убивали десятки и сотни лучших сыновей немецкого народа.

Смертным приговорам не было числа. Оскверняя гнусные обычаи средневековья, фашистские палачи рубили головы ученых и крестьян «старонемецким» топором. Фашистские банды врываются в школы, научные институты, квартиры писателей, ученых, врачей. Их добычей становятся не только люди, но и плоды творческого труда. Рукописи писателей, золотые научные изыскания ученых, книги художников гибнут под сапогом врага и злобных животных. В пламени костров, зажженных на площадях, горели портреты Маркса и Ленина, Горького и Барбюсса, Эйнштейна и Дарвина, Лессинга и Гете.

Но фашистская клика публично демонстрировала свою ненависть к творческой мысли, к мировой культуре и культуре своего народа.

Угонство из Германии немецких художников и ученых, достойно представлявших лучшие мысли и чувства немецкого народа, началось буквально на следующий день после установления фашистской диктатуры. Бежали все — спасая жизнь, стремясь работать. Потому что под ударом оказались не только активные политические противники человеконенавистничества и рабства, но и просто честные люди, которые не захотели стать соучастниками злодеяний бандитов, не пожелали лгать и исподвываясь, унижая искусство и

науку, которым они служили. Ученые и художники бежали из страны, где водарились коричневая чума, а вслед им раздавались подлой памяти слова Гитлера: «Интеллигенция — это отбросы нации».

Те, кто не успел бежать, оказались в концентрационных лагерях. Многие, — в том числе один из самых блестящих публицистов Германии — Карл Осецкий и поэт Эрих Мюзам, — были там зверски замучены.

Фашистской Германии ненавистны деятели культуры немецкого народа. Кровавая клика нынешних правителей Германии выдвигает собственные «идеи» и собственные «идеологов».

Гангстерская философия Ганса Йоста, кликушество Розенберга, шакалий цинизм Геббельса легли в основу пресловутой новой германской культуры. Самое существование этой культуры столь же недоказуемо, как и ее новизна. Фашистские «идеологи» за все время своего бесславного существования, вновь и вновь демонстрируют свою полную умственную импотенцию, полную невозможность самостоятельно изобрести хотя бы даже реакционную теорию. Расистские бредни, ницшеанский волюнтаризм, отдельные положения, украденные у всевозможных реакционных философов и декадентских культур — философов эпохи империализма, — вот то заскучное одеяло, которым фашистские идеологи прикрывают свою мерзкую наготу. «Расовый инстинкт», «кровь и почва», «стоический пессимизм» — вот что призвано заменять в немецкой науке веру в человеческий разум, дух свободного исследования, подлинные основы и принципы науки.

То же мракобесие заглушило просвещение, искусство и литературу.

Немудрено, что тиражи книг падают в Германии из года в год, издательства за-

крываются, число газет и журналов становится все меньше и меньше.

Немудрено также, что официальный журнал «Die Literatur» должен был меланхолически признаться в конце прошлого года: «кредит, подобный тому, которым обладает наша классическая музыка, наша классическая литература, до сих пор недостижим для наших сегодняшних искусств и художников и менее всего для литературы».

Пока фашистская литература растекалась потоком солдафонских выкриков, декадентской порнографии, истерического шаманства, немецкая литература, находящаяся вне досягаемости фашистской клики — в СССР, Англии, Америке, Франции, Чехословакии и т. д., — каждый год давала новый урожай превосходных, реалистических книг, отражавших истинные мысли и чаяния немецкого народа, воплотивших ненависть к антинародной, подлой власти фашистских палачей, волю народа к борьбе, его твердую веру в лучшее будущее.

Судьба этих художников не была легкой.

Захват фашизмом Австрии и Чехословакии, порабощение Бельгии и Голландии, разгром Франции гитлеровскими полчищами стоил жизни многим писателям-эмигрантам. На захваченной фашизмом территории покочичили с собой талантливая писательница Ирмгард Кейп, тончайший мастер, один из корифеев австрийской литературы Эрнст Вейсс. Правительство Влши, — продавшее и предавшее свой собственный народ, — с лакейским сервилизмом было готово отдать и немецких писателей-антифашистов под топор Гитлера. Генрих Мани, Лион Фейхтвангер, Фридрих Вольф и другие были спасены вопреки желанию французских прихвостней Гитлера.

Нет нужды вспоминать о произведениях, которые советский читатель хорошо знает. Он помнит те книги гнева и ненависти, которые были написаны в 1934—1936 гг. писателями, большой частью узнавшими на собственном опыте, что такое фашистская юстиция, тюрьма, концлагерь. «Испытание» и «Твой неизвестный брат» Вилли Бределя, «Болотные солдаты» В. Лангоффа, «Заключенный № 880» К. Биллингера, «В третьей империи» Клауса Гирихса — все эти книги были переведены на русский язык, некоторые из них переиздавались неоднократно. Советский читатель с большим вниманием и интересом следил за работой Лиона Фейхтвангера. «Успех» и «Семья Опленгейм» — принадлежат к наиболее популярным в Советском Союзе

книгам западных авторов. Любовью и манием советского читателя пользуются книги Генриха Манна, Арнольда Целлера, других писателей-антифашистов, желающих за границей.

В книгах Фейхтвангера, Манна читатель любил и ценил не только мастерство слова, но и честные, прогрессивные идеи, гуманные традиции подлинной немецкой культуры. Из книг, написанных пределами III империи, читатель узнал правду о коричневой чуме, о фашистских людоедах — злейших врагах советского народа, всех народов мира.

Творчество писателей-эмигрантов оскучивало и в последние годы. Наиболее уверенно и плодотворно работала группа немецких писателей, живущих в Советском Союзе. Именно здесь, в Москве, созданы превосходные стихи Бехера, вошедшие в сборники «Искатель счастья» и «Вновь рожденный», и его роман «Падение». На материале недавнего прошлого Германии (действие романа происходит в 1900—1914 гг.) И. Бехер с огромной силой показывает, как в недрах Вильгельмовской империи вызрело стремление к военной агрессии, человеконенавистничество, грубый произвол, идейное рабство, циничное отношение к молодежи, т. е. все те элементы, которые окончательно оформились в мелком фашизме.

Книга Бехера показывает также, насколько антинародны эти корни будущего фашизма. В самом сердце страны, в самом сердце народа живет могучее стремление к счастью, к миру и свободе, — и стремление это не могли истребить палачи Вильгельмовской Германии. Как не могут истребить и палачи Германии гитлеровской. Рассказы Фридриха Вольфа, написанные в последнее время, говорят о лагерях петэновской Франции, о том, как французские прихвостни фашизма правятся с неугодными им представителями других народов, попавшими в плен после поражения республиканской Испании.

Фридрих Вольф рассказывает о жестоте, выдержке, дисциплине, братской солидарности и человечности, проявляемой заключенными перед лицом подлого и цемерного врага. Ряд новелл дал в последнее время Вилли Бредель, повесть «Солдаты Гитлера» закалчивает дор Пливье, давший в последнее время превосходную повесть «На задворках ра». Только что вышла книга Эрнста «Грюндеры» — роман о бисмарке в Пруссии, о «буре и натиске» капиталистического

о развития Германии, о вакханалии
иций, продажности прессы и юсти-
да
дотворно работали и немецкие лю-
—Эрих Вайнерт, Гедда Циннер, Гуго
ерт, Клара Блюм.

олько интенсивной и плодотворной
огр... быть работа писателя-антифашиста
в тех тяжелых условиях, какие сло-
писатель в Европе за последние годы, сви-
ельствует опыт Бертольда Брехта.

Бертольд Брехт — один из тех писате-
антифашистов, которым удалось
взнуть из оккупированных Гитлером
и Брехт не потерял времени даром, —
ей он увез рукопись — цикл пьес-
илюрий, озаглавленный «Германия —
иная сказка». Откуда идет название
— установить не трудно. Бертольд
с названием своего цикла заявляет,
и встал под знамя Генриха Гейне, ко-
почти сто лет тому назад ирониче-
парадом провед перед Европой совре-
ю ему Германия в поэме «Герма-
— земная сказка».

Традиция Гейне — прекрасная традиция
немецкого писателя. Гейне ненавидел
и беспощадной ненавистью револю-
ционного демократа прусскую военщину,
обесов от науки, вращание нового
ства в старое — буржуазного в фео-
дальное, — трусливых мещан, чьи чувства
если проникнуты немецким убоже-
м, то есть все то, что он навеки при-
тил к позорному столбу в своей «Гер-
и». Революционная сатира Гейне идет
всю эту косную массу, трещиной зме-
по массиву мажорской Германии, об-
ая, разоблачая его геологическое строе-
Она прорывается то здесь, то там, то
кая ударом весеннего прома каске
ского офицера, то расправой вольных
ских стрелков — орду прусского госу-
ственного герба. И лишь в последней
е она прорывается певучим пламе-
— гимном революционной, действенной
поэзии в деле переустройства об-
ства.

Немецкий фашизм ненавидит Гейне.
Потому что Гейне был беспощадным вра-
духовных отцов кровавой клики пра-
лей современной Германии. Потому
Гейне любил немецкий народ. Его лю-
была сурова и требовательна. Она
зрывно сочеталась с ненавистью ко
видам немецкого убожества. Она за-
яла художника с беспощадной ясно-
видеть все унижения немецкого на-
— «великого шута», который «готов
вывать все свои фокусы на потеху

барчуков», который позволяет «топтатья у
себя на брюхе сотням тысяч солдат». Одна-
ко в этом гневе против «великого шута»
не было презренья к своему народу, не
было национального нигилизма. «Но не-
ужели вам совсем не страшно, — говорил
Гейне, обращаясь к тогдашним властите-
лям Германии, — что когда-нибудь все эти
тяжести станут ему (т. е. немецкому наро-
ду. — Е. К.) невозможны и что он стяхнет
с себя ваших солдат и, разыгравшись, вам
самим придавит головы своим мизинцем
так, что мозг ваш брызнет до самих звезд?»

Да, корячково- и чернорубашечникам бы-
ло за что сжечь книги Гейне!

«Германия — страшная сказка» Бертоль-
да Брехта начинается с пролога:

Когда хвастливо возвестил нам тот,
Кто сам себя назвал посланцем божьим,
Что он к своей большой войне готов,
Что танки, самолеты, броненосцы
Стоят и ждут бесчисленной армадой
И что, рванувшись по его приказу,
Они покроют воду, небо, сушу, —
Решили мы взглянуть, какой народ,
какие люди,

С какими мыслями, надеждами, желаньем
Окликнутся на зов его кровавый,
И мы парад созвали.

Дальше следует тридцать пьес со сти-
хотворными эпиграфами, тридцать эпизо-
дов, рисующих тыл германской армии,
кадры фашизма и поработенный фашиз-
мом германский народ.

Пестрым зловещим строем проходят бес-
численные инвалиды первой империали-
стической войны, которых фашистское го-
сударство осудило на нищету и унижения.
За ними идут голодные женщины и дети,
чьи глаза мутны от страха вечных пресле-
дований.

Дальше:

Идут офицеры охраны
Его речами и ливом пьяны,
И хочет разбойничий сброд,
Чтоб стал скотиной запуганной
Оплеваанный, битый, поруганный,
Великий немецкий народ.

Парад разворачивается: вот трусли-
вые мещане, предающие всех и вся, лишь
бы сохранить свое мышиное благополучие:

Вся улица знает их лица
Им снится плохо — им снится
Другой конец.

Вот идут ценные псы фашизма — штур-
мовики с руками, запятыми народной
кровью. Концлагерные палачи и живоды-

ры, судьи, торгующие правом и справедливостью, ученые, примирившиеся с фашизмом, трусы и мракобесы, двенадцатилетние шики — воспитанники фашистской школы, доносящие на мать и отца, вдовы и сироты, которым в фашистском государстве дано одно право — лечь в могилу, мастера по лжи и оглулению масс — геббельсовские пропагандисты.

Вот фашистские палачи несут западный ящик:

В гробу — останки того,
Кто подлой своре не сдался,
Кто в битве народной сражался
За наше торжество.

Палачам не убить всех, кто подлой своре не сдался. Вот в немецком параде идут и они. Рабочий, заключенный в концлагерь, бросающий в лицо охраннику свою ненависть, свою веру в то, что с фашизмом будет покончено, крестьянин, ограбленный фашистской кликой — «злой, как сам сатана», народные борцы-антифашисты, работающие в подполье.

Парад Брехта кончается пламенным призывом бороться против фашизма и его войны.

Где бы ни находился писатель-антифашист, он найдет свое место в борьбе

против Гитлера. Ненависть лучшего немецкого народа найдет почву и отклик в сердцах народов Европы и Америки. Самый горячий и сочувственный отклик идет творчество писателя-антифашиста среди многомиллионного советского народа, который героически отстаивает честь и свободу родины против врага, коварно вторгнувшегося в пределы Советского Союза. И это естественно. «Целью всемирной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одиноки. В этой великой войне мы будем иметь новых союзников в лице народов Европы, Америки, в том числе и германского народа, пораженного гитлеровским фашизмом.

Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки, за их независимость, за демократические свободы» (И. Сталин).

Творчество современных писателей антифашистов — залог будущего расцвета культуры германского народа, который неизбежно сбросит позорное и кровавое иго фашизма.

Германский народ
не сможет
идется
мец
ым,
назав
Это
личч
14
ы. И
ия, п
ов ж
анско
о ср
упил
ступал

В ж
ота в
ова на
оряки
йнух
зывает
лот,
стар
активн
ять
анон
инна
т
тоил
шперд
Русс
аднт
е. Да
прле
вать,
спол
жней
дной
оря».
Русс
атил
да
Альба

КАК БЬЮТ «НЕПОБЕДИМЫХ»

(По военным журналам)

Германский фашизм создавал старательно в течение ряда лет миф о непобедимости немецкой армии. Этот миф разлетается в прах при первом столкновении немецких войск с действительно серьезным, исполненным желанья и решимости казаться сопротивлением, противником.

Это можно доказать довольно большим количеством фактов и примеров из войны 1914—1918 годов, а также нынешней войны. Известно, что даже маленькая Норвегия, насчитывающая менее трех миллионов жителей, нанесла ряд поражений германской армии. Норвежцы, самоотверженно сражавшиеся с фашистскими ордами, потопили немецкие корабли, заставили отступать немецкую пехоту и танки.

В журнале «Партийно-политическая работа в ВМФ» (№№ 11—12—1941) опубликована интересная статья «Как русские моряки били немцев в первую мировую войну». Приводимые в статье эпизоды показывают, как русский Военно-морской флот, несмотря на его малочисленность и старелость кораблей, проявлял большую активность и крейсер был немцев на море. Потопить немецких крейсеров, двенадцать миноносца (в том числе 4 эскадренные), тринадцать подводных лодок, девятнадцать торпедоносцев и корабль «Бинц» были потоплены русскими моряками в первую империалистическую войну.

Русский флот блестяще выполнил знаменитые операции в Балтийском море. Даже официальный немецкий историк Гирле вынужден был впоследствии признать, что «Русские с большим искусством расположили свои заграждения на наших важнейших операционных линиях из западной в восточную часть Балтийского моря».

Русский флот 26 августа 1914 года затопил крейсер «Магдебург», 1 июля 1915 года был разбит германский крейсер «Альбатрос».

Вот как бесславно погиб этот корабль «непобедимой» немецкой «армады».

«1 июля 1915 г. пять русских крейсеров и эсминец «Новик» вышли в море. В плане операции задача была сформулирована так:

«Пользуясь сосредоточением в Кишиневе германского флота перед императорским флотом, совершить внезапное нападение на Мемель и путем энергичной бомбардировки повлиять на общественное мнение в Германии, которое будет на это особенно чутко реагировать ввиду совпадения узкого пояса выше смотря с активным выступлением нашего флота».

В тумане «Рюрик» и «Новик», отделившись, а остальные крейсера продолжали свой путь к германским берегам.

В море русские корабли перехватили радио германских боевых судов и тогда командование крейсера «Аугсбург» назначило rendezvous с другим кораблем, указав точно время и место. Русские крейсера направились к месту встречи.

В 7 час. 35 мин. на горизонте появились крейсер «Аугсбург», крейсер-заградитель «Альбатрос» и 3 миноносца.

Заметив русских, «Аугсбург», пользуясь пасмурной погодой и преимуществом скорости хода, быстро исчез в тумане. Русские крейсера открыли огонь «Альбатросу», при котором оставшиеся миноносцы. После нескольких попаданий на «Альбатросе» вспыхнул большой пожар, одна мачта была сбита, крейсер получил ряд пробоин. Миноносцы, пытавшиеся закрыть крейсер дымовой завесой, были отогнаны артиллерийским огнем русских крейсеров. В 8 час. 45 мин. «Альбатрос» спустил флаг и через четверть часа объятый пламенем, выбросился на берег. На нем было 27 убитых и 55 раненых. Из русских кораблей был убит один человек.

Не менее интересен и показателен бои крейсера «Новик» с двумя германскими эсминцами:

«Утром 17 августа 1915 г. эсминец «Новик» вышел в море. Едва он успел выйти на линию дозора, как к нему полным ходом направились два неприятельских эсминца.

«Новик» первым открыл огонь. Неприятельские корабли стали отвечать. Стрельба «Новика» была превосходна. Третьим залпом головной немецкий эсминец «У-99» был достигнут, одна труба сбитая, на корабле возник пожар, облака дыма и пара окутали «У-99».

«Новик» вел огонь попеременно по обоим эсминцам. На неприятельских кораблях не прекращались пожары. В кормовой части одного из них появились большие пробоины.

Бой продолжался 17 минут. «Новик» маневрировал чрезвычайно искусно: командир все время держал неприятеля на одной дистанции, сохраняя одинаковую скорость хода. Результат боя был блестящий, если учесть, что неприятель был в 1½ раза сильнее (шесть орудий против четырех у «Новика»). «Новик» нанес огромные повреждения противнику: на его эсминцах был убит 21 и ранено 22 человека. Совершенно разбитый «У-99» вскоре затонул.

«Новик» же не имел ни повреждений, ни одного убитого и раненого. Только два матроса получили легкие царапины осколком снаряда».

Всем памятна Моонзундская операция, в которой русские моряки показали исключительный героизм. Немцы, решив захватить Рижский залив, выделили для проведения этой операции «10 новых линкоров, 9 легких крейсеров, больше 60 больших и малых миноносцев, 6 подводных лодок, около 160 тральщиков, 19 пароходов, много вспомогательных судов и десант в количестве около 25 тысяч человек с 40 орудиями, 220 пулеметами, 80 минометами. Кроме того, немцы использовали в этой операции 6 дирижаблей и 102 самолета.

Морские силы русского Балтийского флота, оборонявшие Рижский залив, состояли из 2 старых линкоров («Слава» и «Гражданин»), 1 крейсера (затем подошли еще два крейсера), 24 эсминцев, 20 сторожевых судов, 28 тральщиков (в том числе и катерных), 5 заградителей и 3 канонерских лодок. Морская авиация имела 36 самолетов. Батареи были такие: перельская четырехорудийная 12-дюймовая открытая, четырехорудийная 120-мм и четырехорудийная 130-мм на полуострове Сворбе. Две 152-мм батареи находились в районе бухты Тагелахт. Южный выход в Моонзунд защищали пять 10-дюймовых пушек и восемь (две батареи) 152-мм пушек».

Русские моряки, вступая в неравный бой с превосходящими силами противника, заявили: «...Ни одно из наших судов не уклонится от боя, ни один матрос не сойдет на берег побежденным».

И моряки сдержали свое слово, героически отразив атаки немецкого флота с большими для него потерями.

В том же номере журнала «Партия: политическая работа в ВМФ», в статье «Стратегия авантюра», член-корреспондент Академии наук СССР Л. Иванов, касаясь столкновений германского военно-морского флота с английским во вторую мировую войну, пишет:

«Зазнавшиеся правители Германии распространяют хвастливую легенду о «победимости» германских вооруженных сил. Эта выдумка нужна фашистам для устрашения малых и слабых государств для того, чтобы держать под сапогом купированные страны.

Даже поверхностный анализ боевых операций за время второй мировой войны показывает всю лживость этой хвастливой выдумки. В самом деле, германская армия одерживала победы там, где встречалась со слабым, неподготовленным, плохо вооруженным противником. Она подавляла его численным превосходством людского состава и технических средств борьбы: она нападала неожиданно, как разбойник из-за угла. Но там, где этих условий не было, фашистские заправилы получали крепкие удары. Боевые стычки германского военно-морского флота с английским до сих пор кончались печально для носивших фашистские заправилы.

«...Не будучи в состоянии воспрепятствовать осуществлению английской блокады, Германия смогла развернуть лишь подводную войну против торгового судоходства на коммуникациях своего противника. Операции немецких подводных лодок, как и в войну 1914—1918 гг., ведутся с полным нарушением общепринятых норм международного права. Торговые и пассажирские пароходы — как под неприятельским флагом, так и под флагами нейтральных стран — топятся без предупреждения».

Однако операции фашистского подводного флота бессильны сами по себе изменить неблагоприятную для Германии стратегическую обстановку на морях.

Еще меньшие стратегические результаты имели операции германских надводных корсаров — «карманных» линкоров и других кораблей на английских морских путях в Атлантике. Эти операции не мешали в сколько-нибудь серьезной степени английским коммуникациям со стороны американских континентов и приносили весьма незавидную «славу» германскому флоту. Так, линкор «Адмирал граф Шпее», который был достигнут близ Мыс Гевинде вест-индской эскадрой английских крейсеров, бесславно кончил свою жизнь в результате боя с более слабыми кораблями противника. Командир корабля «Адмирал граф Шпее» покончил жизнь самоубийством.

В апреле прошлого года фашисты усилили весь свой флот для обеспечения норвежской операции. Внезапное нападение на малую, слабо вооруженную и совершенно неподготовленную к войне страну дало возможность немцам овладеть важнейшими пунктами норвежского побережья. Однако норвежские

застигнутые врасплох, все же оказали сопротивление. «Блюхер», «Карлс» и «Кенигсберг» — были потоплены.

Имея возможности осуществить в Англию через море, фашисты английские города и ведут беспощадную подводную войну против англо-торгового судоходства. Однако подводники, ни подводная война, не подводная авиация, не подводная морская торговля англо-американскими странами и снабжением Великобритании.

Пример авантюризма предпринятый фашистской кликой попытке дополнить операции подводных и военно-воздушных сил в Атлантике операциями крупных надводных кораблей.

Германские линкоры «Шарнгорст» и «Зенау» под командованием вице-адмирала Лютенса в конце февраля и начала марта совершили поход в северную Атлантику в целях нарушения английских коммуникаций с США и Канадой. Этот поход не дал сколько-нибудь существенных результатов. Вместе с тем привел к весьма печальным последствиям. Английская эскадра адмирала Фишера, созданная специально для охраны коммуникаций в Атлантике от фашистских рейдеров, действовала весьма успешно в операции по обнаружению этих рейдеров. Приняла участие также гибралтарская эскадра английского флота под командованием вице-адмирала Соммервилля. В результате «Шарнгорст» и «Зенау» были уничтожены, а преследователи английских линкоров в доках Бреста и в убежище оказались. Однако, для ловушки. Германские линкоры, стоявшие в доках Бреста, подвергаются систематическим налетам английской бомбардировочной авиации и, по видимому, получили весьма серьезные повреждения.

Одна из наиболее плачевных результатов имела операция авантюра фашистского военно-морского командования. 22 мая оно направило в северную Атлантику новейший линкор «Земланд» (только что закончивший испытания) в сопровождении тяжелого крейсера «Принц Евгений». Выход германских кораблей одновременно обнаружил английская воздушная разведка, и они были потоплены у берегов Гренландии силами английской эскадры, в состав которой входили новейший линкор «Принц Евгений» и линейный крейсер «Худ». В результате морского боя на дальней Атлантике «Худ» взорвался вследствие попадания германского снаряда в его поперечную палубу. Однако последующие дни несли немцам горькое разочарование.

«Бисмарк» был торпедирован с самолета, базировавшегося на английский авианосец «Викториус», в результате чего скорость линкора уменьшилась. В дальнейшем «Бисмарк» был обнаружен самолетом канадской береговой авиации в тот момент, когда он пытался кружным путем в юго-восточном направлении, через центральную Атлантику, пройти к Бресту. Навстречу «Бисмарку» вышла гибралтарская эскадра английского флота. Германский линкор подвергся атакам английских самолетов-торпедоносцев, затем английских эсминцев «Косак» и «Маори». Утром 27 мая «Бисмарк» был потоплен.

Таким образом, фашистский флот потерял новейший боевой корабль. Потеря «Бисмарка» была крупнейшей потерей, так как «Бисмарк» был новым, только что построенным кораблем.

Фашистские гангстеры воздуха были «храбры» в борьбе против греческих, югославских плохо защищаемых объектов, но, когда дело доходило до схваток с английской авиацией, немецкие асы, перелетавшие Ла-Манш, часто находили там свою могилу.

Вот некоторые данные из журнала «Вестник воздушного флота» (№ 6, июнь, 1941 г.). Два немецко-фашистских воздушных флота обрушились на Англию. Тысячами перелетали немецкие самолеты Ла-Манш, но только десятками прорывались сквозь линии обороны. Потери немецкой авиации в воздушных боях были не меньше, а сплошь и рядом больше английских. Так, 15 августа 1940 года, по сообщению английского командования, в бою было сбито 144 германских самолета; английские потери были значительно меньше. 31 августа 1940 г. было сбито 63 немецких самолета, 15 сентября прошлого года — 125, 30 сентября — 127. Таковы потери фашистов в воздушной войне с Англией. Всего за год и десять месяцев войны фашисты потеряли 4500 самолетов.

В войне с Советским Союзом только за двадцать дней немецкие фашисты потеряли 2300 самолетов. Фашистские «храбрецы» уклоняются от боя с советскими соколами. Нетрудно судить о том, как дерутся фашистские воюки в воздухе, если нашим летчикам часто приходится отрубать хвосты вражеских самолетов, удирающих при первой встрече, и догонять немецко-фашистские машины, чтобы заставить их принять бой.

Как дым рассеивается выдумка фашистов о непобедимости их оружия. Под всеокружающими ударами Красной армии и Военно-Морского флота развалился здание фашистского гнета и насилия. Фашизм будет раздавлен!

П. Агеев, В. Кушелев

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА XIV ВЕКА

В XIII веке огромные полчища татар-монголов поработили Русь. Тяжко было для русского народа иноземное иго. «Оно не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»¹. При сборе дани никого не щадили:

«У кого денег нет, у того дитя возьмет; у кого земли нет, у того жену возьмет; у кого жены нет, того головою возьмет», — так рассказывают нам народная песня.

Дымилась дуги русских селений. От дыма воздух во ночам был мутен и горек на вкус. Наво багровело заревами пожарниц. Русь, разгерзанная и опозоренная, стонала в бесписьном гневе.

В тот момент когда нахлынули орды степных кочевников, русские князья враждовали между собой за старшинство. Завоеватели не встретили единого дружного отпора. Это помогло ханам надеть ярмо на шею русского народа. «Направлять русских князей друг на друга, поддерживать посольские между ними, уравнивать их силы и потому из них не давать усиливаться — все это было традиционной политикой татар»².

Позор русской земли был позором ее князей. Это ик встали на колени перед кавказ. Русский же народ никогда не смирялся перед завоевателями. Мирные труженики из родных селений, превращенных в пепелища, убегали в леса, возмывали новые города, новые села.

В XIV веке быстро стала возвышаться Москва, бывшая до нашествия поработителей небольшим поселком. Спасаясь от разбойничьих набегов татар, сюда стекались люди со всех окраин русской земли. Москва стала великим княжеством. Она стала центром национального объединения. Сбравшись вместе на обширной территории, русские вновь ощутили себя единым. Пришло, наконец, время, когда русский народ гневно крикнул завоевателям-кочевникам: «Вон, погань, с русской земли». Об этом времени — об одной из главных страниц истории нашего народа — талантливо повествует С. Бородин в своем романе «Дмитрий Донской»³.

Процесс объединения Руси был длительным. Великий поход Дмитрия — Ивана Калиты этот процесс к началу описываемых в романе событий почти был завершен. В романе все дано сложившимся — и обстановка, и характеристика героев. Сpecially возмечен каменный Кремль. Дружины Дмитрия были вооружены самым современным оружием. Народ рвался в бой, торжественно.

В художественной литературе введено такое широкое полотно об этой великой эпохе. Князья, бояре, духовенство, монахи, крестьяне, рабы, горожане, лесные разбойники — такова социальная многоликая Русь, изображенная Воронцовым.

Композиционно роман можно разделить на две неравные части. В первой — до события гонца с известием о походе татар на Москву — нет движущих события флигов. Автор дает здесь развернутый характер князя Дмитрия. Здесь же в основном очерчены крупнейшие его сподвижники — князь Боброк, боярин Бренко, преподобный отец Сергей. Здесь показан быт московского княжества и вскрыты настроения народных масс. Вся эта часть охватывающая шесть глав из пятидесяти композиционная.

С победой русских на реке Воже начинается напряженно развертываться основной конфликт — борьба русского народа с иноземными поработителями. Одновременно рядом с основным конфликтом в романе развиваются внутренние конфликты: Олег Рязанский — против князя Дмитрия; народ — против Олега. Основной конфликт завершается разгромом Мамаевых орд в Куликовском поле, побочные — уход рязанцев от своего князя к Дмитрию бегством Олега в Литву.

Нужно было очень хорошо прочувствовать материал, чтобы оживить его и передать с такой правдивостью. Читаешь, чувствуешь: идет ли речь о княжеском дворе или lese дремучем с непуганным зверьем, корчме или торге, шалаше лесных разбойников или келье преподобного Сергея, о стенах или о роскошных дворцах татарских ханов — всюду автор свободно владеет материалом. Говоря об «окованных узорными скобками и кружевным железом расписанных сундуках» княгини Евдокии, он знает, и какие наряды в этих сундуках припрятаны. Рисуя внешний облик Мамаи, он показывает его вплоть до раззолоченных туфель и пяток, натерты алой хной.

О Дмитрии Донском исписано много бумаги. В прошлом писали о нем, как о «святом», как о человеке, лишенном пороков и щедро наделенном добродетелями, как о суровом войне-полководце, носителе идеи национального объединения. Дмитрий в романе Бородина показан и как талантливый политический деятель, и как хозяин своих владений. Крестьянам в его владениях жилось лучше, чем крестьянам соседних княжеств. Рабам «хлеба давали вдосыта, плетями при нужде били не в немощи, а лишь вмоготу. Искусных в ремесле опекали особо. Старых приставляли к легкому труду».

В основе поступков Дмитрия лежит практический расчет умного хозяина: «Ежели раба морить — работу с него не выщешь. А работу взыскивают. Раба же скота и смерда ради того милуют».

¹ К. Маркс — Секретная дипломатия XIII века.

² То же.

³ С. Бородин. «Дмитрий Донской». «Литературная газета», 1941 г., №№ 1, 2, 3.

бебужники от других князей получа-
его княжестве землю и помощь.
— тот же хозяйственный расчет:
ий человек — новый даник. А земли
удей дани в казну не вносят. Тем и
ет Москва, что людьми расширяет.
овершенно естественно, что в данном
е к расчетам умного хозяина приме-
ется расчет умного политика — «со-
еля Русси». Однако этот же Дмитрий
л особые поселения для непокорных,
е соблюдался принцип «бить не до
ди». Боясь, чтобы каменщики, окру-
ие его Кремль неприступными баш-
не разболтали тайны укреплений,
иказал зарубить всех строителей.

Дмитрий, кроме всего, изображен как
нный патриот. Ненависть к инозем-
поработителям, страстное желание
чить с более чем вековым унижени-
дной земли — народные черты в его
тере. Дмитрий чувствовал свою кро-
виль с народом и, нев пример Оле-
ганскому, не отгораживался от не-
мыслях и чувствах народа Дмитрий
ал свои мысли и чувства (встречи с
ком Иваном, с обезображенной в ор-
нькой). В народе он черпал веру в
гу своего дела, и эта вера окрыля-
ю, вселяла в него уверенность в
е.

ная противоположность Дмитрию —
Рязанский. Кичась своей образован-
о и «высоким» положением, Олег лю-
цеваться так, чтобы роскошь одежды
фросалась в глаза. Он считал, что
о надлежит проходить меж людьми
. В тереме у него — ковры и драго-
ти, привезенные из орды, подарки
Алахмира. Олег — тип политическо-
толюбца. Он никак не может при-
ся с тем, что московский князь
е его. Он хочет «собрать Русь» во-
язани.

а московское воинство разбило ка-
ную экспедицию татар на реке Во-
говали все русские, в том числе и
и; один Олег был мрачен.

в от гонца о походе Мамаю на Мос-
 приказал не сообщать об этом
лю и спокойно стал ожидать собы-
днако события обернулись против
атары двинулись на Рязань. Город
били, сожгли. Жителей, оставшихся
их и не успевших скрыться в лесах,
в плен. Сам Олег едва успел
ся на территории Московского кня-

Но для Олега этот урок оказался
сточным. Возвзглянув на пепелище
терем, князь вернулся к прежним
. Заверяя Дмитрия о дружбе с ним,
гал в орду искать союза с Мамаем.
юбец, ставший врагом народа, па-
к низко, что вполне примиряется с
преданного пса иноземных врагов
земли. Великий князь Рязанский
ом Мамаю.

зесно намечен в романе образ пре-
рого Сергея. Это — хитрый монах,
менно опирающийся и на народ и
зя. Отказавшись от сана «митропо-
ея Русси», он остался некоронован-
авую церкви: претенденты на сан

митрополита добивались его благослове-
ния. Репутация «святого» не мешала Сер-
гию жестоко эксплуатировать крестьян,
осевших на «монастырской» земле, и пре-
давать властям людей, которых он счи-
тал опасными (Кирилл). К сожалению, ин-
тересный образ Сергея не раскрыт до
конца. Ясно, почему Дмитрий против та-
тар, Олег — за татар. А почему отец Сер-
гий — не только сторонник Дмитрия, но и
один из его вдохновителей — не ясно. Что
здесь: национальное чувство или корыст-
ное побуждение? Не ясно так же, почему
жаден был этот монах, почему он стара-
тельно обогащал монастырскую казну.
Ведь сам он, как показывает автор, не
пользовался благами, которые дает богат-
ство.

Из других сторонников Московского
князя крепко запоминается боярин Тют-
чев, посол от Дмитрия к Мамаю; ярко
выделено в этом образе чувство национа-
льной гордости.

Расстрига Кирилл занимает в романе
едва ли не больше места, чем князь Дми-
трий. Незаслуженная честь! Судьба Ки-
рилла сплетена из разных случайностей,
нужных автору и совсем необязательных
в романе. Кирилл выполняет для автора
две основные нагрузки: служит сюжетным
мостиком между отдельными героями и
событиями и должен представлять в ром-
не точку зрения «народа».

Кирилл — монах, расстрига, раб, камен-
щик, бродяга, зодчий Олега Рязанского,
лесной разбойник. Как обобщение, как
представитель и выразитель взглядов
трудовых масс той эпохи, он явно не на
месте. Он не имеет в народе никаких
корней.

Правдивее и ярче раскрывается тема
народных масс в других образах людей,
которые всей своей жизнью связаны с
трудом на родной земле. Таков пастух
Иван, дряхлый старец, на глазах которого
прошла вся длительная история позорно-
го татарского ига. Встретясь с Дмитрием,
он сказал:

«Тягостен хомут нам. Обида и неволя и
земле гнут. Возьми посох мой, еже копий
не достанет».

И к началу битвы на Куликовом поле
этот старец пришел со своим посохом:
другого оружия он уже не в силах был
держать.

Такова Санька. «Ей татары анолой все
тело изожгли, один глаз остался. От
всей редкостной красоты лишь голос уце-
лел».

И голос стал оружием Саньки, ее ме-
стью. Она пела «смелые песни о татарах».

Тема народа звучит в устах певцов —
распространителей побывальщин, которые
задолго до битвы с татарами пелись на-
родом.

«— Разумеешь? Надо петь так, чтобы от
татаровой пух летел».

Эта тема стала бы полновочувственнее, если
бы автор вместо Кирилла шире показал
таких истинных представителей бесправ-
ных масс народа.

Бородиным всестороною обрисован Мамай и окружающая его знать, а войско дано безликой массой. Это закономерно. Врагами русского народа были не татары, а их правители. Татарские массы были лишь слепым и послушным орудием в руках ханов и мурз — ордынских князей.

«Широко раскинувшись по степи, кочуя, не топчя, а выедаая пастбища, шли на Москву стада. Блеяние овец и коз, ржание табунов и мычание стад окружали несокрушимую конницу Золотой орды. Воины шли за скотом, как мирные пастухи. Оружие, доспехи следовали позади в медлительном шествии скрипучих телег. Передовые отряды ушли на многие версты вперед, и гонцы «оттуда не приносили никаких известий о русах».

Бел войско Бегич — сильный, суровый воин. Он не знал поражений.

Шли, не соблюдая осторожности, не на войну, а «проучить» московского князя Дмитрия и задно пограбить русские города. Знать ехала, как на увеселительную прогулку, — с музыкантами и рабынями. Эта знать считала русский народ рабами и презрительно говорила:

— Мы общаемся с ними (то-есть, с русскими. — *И. Б.*) не языком, а плеткой.

Ордынские князья, мурзы, говорили: — «Они всегда бегут от нас. Не надо тратить стрел. Показали бы им плеть, и они ушли бы»...

Таково было высокомерие зазнавшихся поработителей.

С волнующей выразительностью передана автором битва на реке Воже. Основное внимание Бородина сосредоточено на людях, на психологическом столкновении двух борющихся сил. Автор убедительно раскрывает моральное преимущество русских, давшее им победу. Иначе и быть не могло: русские бились за правое дело.

«Бегич с удивлением увидел строгий строй русов, блеск оружия, их спокойную неподвижность. Кастрик с воплем вырвался вперед и понесся на Дмитрия, увлекая за собой конницу, мурз, головные отряды и старье, боевые сотни. Пыль взвилась. Задние не хотели отставать и тоже, вопя, ринулись вслед первым.

Русы продолжали неподвижно ждать.

Бегич с размаху ударил лошадей камчой и завертелся на месте.

Русы стояли, ждали, не бежали, не кричали. Этого не бывало.

Конница великой орды привыкла сминать сопротивление, опрокидывать, топтать, преследовать и на плечах врага врываться в покоренные области. Эти же не бежали — ни вперед, ни назад. Это была стена, а конница — не таран, чтобы бить в стену.

Главные части сдерживали лошадей. Задние спешились, наваливаясь на передних. Перешли на мелкую рысь. Пошли исподволь, вглядываясь, чего ждут русы.

Татарские первые стрелы взвились в небо. Солнечный свет померк от летящих стрел. Но первый порыв прошел. Кони жутились на месте, плохо продвигаясь

вперед: горячая страсть налета переласлась.

Тогда Дмитрий блеснул мечом.

Тяжелым топотом, давая мягкую землю русские хлынули вперед с холмов навстречу врагу. Застоявшиеся кони рванулись, затеявшие плечи разогнулись, древко «воинский клич покрыл татарские головы».

Разгром ордынских войск привел Мамай в ярость. Наперекор всем и здравому смыслу он собрал войско для нового похода на Москву. Но орды, еще не оправившиеся от страха, взбунтовались в походе. И Мамай, которому обязательно нужна была победа, повернул их на беззащитную Рязань. Разграбил ее, сжег, вернувшись в орду, стал ханом.

Мамай ничтожен и бездарен. Это видели не только близкие к нему люди (Бегич, князь Таш-бек), видели и рабы. Но убожество — только одна черта его характера. Другая — болезненная мания величия. В походе он и его ближайший советник Берноба развивали свои планы на будущее: «...срыть начисто города. Церкви разжечь. Иконы пожечь. Русские песни запретить, пусть поют по-татарски. Монахи научить Корану. Русов угнать в степь, женщин отдать татарам — пусть татары рождают. Пусть забывают свой язык. Татары поставят торговать товарами русов. Татары Русь станут Ордой, а когда станет Ордой двинуть ее дальше. Задавить весь мир. Мамай станет превыше Чингиза».

Таков Мамай в своих грезах.

Как похожи на эти мамаевские мечты планы современного варвара — Гитлера!

Дмитрий Донской выполнил историческую задачу освобождения.

И народ встречал и провожал его в торжественными криками. Дмитрию не было надобности уговаривать русский народ. Народ сам шел к нему навстречу. Это хорошо показано в романе. В сказании «Задонщина» говорится об этом времени:

«В Москве кони ржут, звенит слава по всей земле русской, в Коломне трубы трубят, в Серпухове бубны бьют, на берегу Дона знамена стоят, в Новгороде вечевой колокол созывает». Этот всеобщий подъем народа, его воодушевление и уверенность в победе хорошо прочувствованы и переданы Бородиным. Князья сомневались, и Дмитрий сомневался, а русский народ не сомневался — он знал свои силы, верил в свою победу над подлыми завоевателями.

Картина Куликовской битвы — одно из лучших мест романа.

Мамай похвальнося:

«— Ведомо ли моему слуге Мите Московскому, что силы со мной двенадцать орд и три царства, а князей со мной тридцать три, кроме христианских? А силы моей семьсот три тысячи. А после того как ты силу считали, пришли ко мне еще великие орды, тем я числа не знаю». Огромное кочевое море медленно ползло вверх по Дону.

Русских под знаменами князя Дмитрия собралось около двухсот тысяч.

У татар со времени Чингиз-хана была неизменная тактика: сокрушительная атака, обход войск противника и сохранение лучших сил для завершения боя. Когда войско противника уставало, силы, стоявшие в запасе, стремительно пускались в ход, и бой молниеносно выигрывался.

Дмитрий решил побить врага его же тактикой. Не дожидаясь наступления татар, русское войско перешло Дон. Расположив полки так, чтобы татары не смогли обойти их с флангов, Дмитрий поставил засаду отборную конницу под командой князя Боброка — Волынского. Все было приготовлено к встрече врага. Теперь исход боя должны были решить не полководцы, а народ, войско. Сняв с себя княжескую мантию, Дмитрий в одежде простого солдата смешался с войском.

Живо, с нарастающей динамичностью передав поединок Пересвета и Челубея, автор нарисовал картину битвы, которую нельзя читать без волнения.

Сражение было длительным. Благодаря подавляющему численному превосходству татарам удавалось иногда теснить русских; но русские бились за родину, за освобождение из-под ненавистного ига, — вновь и вновь отбрасывали они татар назад.

Наконец, Мамай пустил в ход свой последний резерв — свежие отборные силы. Русские дрогнули. Казалось, победа — на стороне татар. И тогда Боброк, «...неторопливо введ[я] ногу в стремя, кивнул в сторону битвы головой, сел, неторопливо одел зеленые рукавицы, рванул узду и уже на ходу крикнул:
— Пора!

Застоявшиеся кони, заждавшиеся войны единым рывком перемахнули Смолку и, обдирая ветками кожу, вырвались в поле». Разгром был полный. Мамай первым ускакал с поля битвы.

Так наши предки защищали свою родную землю. Это было 8 сентября 1380 года.

Я уже отмечал, что народные массы даны в романе как основная сила в борьбе русских с татарским игом. Но кроме национальных интересов у народных масс были ведь и другие — классовые. Эта существеннейшая сторона почти не затронута автором. В романе очень большое место уделяется «туту Сергию и лишь несколько в нескольких словах упомянуто о том, что крестьяне не раз восставали против монастыря.

Автор недостаточно ухватил слова товарища Сталина о том, что при феодальном строе «эксплоатация почти такая же жестокая, как при рабстве, — она только несколько смягчена. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемы-

ми составляет основную черту феодального строя»¹.

Язык романа сочный, образный, хорошо передает колорит времени. Разговорная речь богата индивидуальными оттенками. Иногда встречается неоправданное искажение слов: «склизкий» вместо «скользкий», «эна», вместо «вон»; «эна» есть и в авторском тексте, что уже совсем непростительно.

Встречаются и не украшающие язык «красивости»: «Большой, тяжелый Дмитрий мгновенно, как взмах крыла, поднялся».

Несмотря на ряд недостатков, «Дмитрий Донской» — несомненно выдающееся произведение советской литературы. Книга написанная о прошлом, она одновременно — книга сегодняшнего дня.

Товарищ Сталин в статье об иностранном нашествии на Украину в 1918 год писал: «Империалисты Австрии и Германии несут на своих штыках новое позорное иго, которое ничуть не лучше старого татарского»².

С тех пор прошло более двадцати лет. Иго, которое несет поработенным народам фашизм, в тысячу раз тяжелее и позорнее ига татарского. В дни Великой отечественной войны, навязанной нам фашистами, роман Бородина очень актуален. Читайте, сравнивайте и невольной думаете: если тогда... то что же теперь когда русский народ стал свободен, когда он во всю ширь расправил свои богатырские плечи, когда он не один, а в главе братьев — могучей семьи народов объединенных общими целями, трудом, победами, семьей, для которой нет ничем выше и любимее всеобъемлющего понятия — родина? Что же теперь сделает о могущественный советский народ с ордами второго Мамай-Гитлера, осмелившегося послыгнуть на священные рубежи нашей миролюбивой страны!

Книга Бородина относится к тем, которые воспитывают в нас мужество и вселяют уверенность в победе советского народа над любыми ордами.

Роману предшествует хороший эпиграф взятый из «Слова о полку Игореве»:

«Братие и дружино! Луце жь бы потят быти, неже полонену быти. А всядем братие, на свои брзые кони, да позрим синего Дону».

Да, русские всегда предпочитали лучше «потяту быти, неже полонену быти» а советские люди не хотят и «потяту быти»: они хотят побеждать — и побеждают.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое, стр. 556.

² См. газ. «Правда» от 17 июня 1938 г.

Советская художественная литература, литература социалистического гуманизма, советского патриотизма, всегда уделяла большое внимание теме борьбы русского народа с германскими захватчиками и разгрому их русской армией.

Этой теме посвящены поэма Симонова «Ледовое побоище», сценарий Павленко «Александр Невский», пьеса Финка и Гуса «Ключи Берлина», повесть Толстого «Хлеб», повесть В. Катаева «Я — сын трудового народа», поэма Колычева «Щорс», рассказы из сборника «Всадники» Яновского частично разработана эта тема в повести Н. Островского «Как закалялась сталь», роман Вс. Иванова «Пархоменко». Все эти произведения, относящиеся к самым разнообразным литературным жанрам, объединены одним священным чувством, одной мыслью — пламенной ненавистью к захватчикам. В этих рассказах, пьесах, романах дано величественное изображение героического отпора, который оказывал наш народ врагу. Настоящая статья охватывает произведения нашей советской художественной литературы, посвященные немецкой оккупации 1918 года.

Советская литература о немецкой оккупации 1918 года имеет прежде всего огромную познавательную ценность. В ней показаны «вожди» и рядовые участники похода на Восток, рассказаны планы и заветные чаяния, с какими шли на Украину и Донбасс предшественники нынешнего гитлеровского разбойничьего налета, кому история уже давно воздала по заслугам так же, как вскоре воздаст она своре взбесившихся фашистских собак.

В повести «Хлеб» Толстого есть сцена, рисующая двух столпов — «идеологов» германской экспансии на Восток в 1918 году: генералов Людендорфа и Гофмана. После того как немецкие дивизии, войдя в соприкосновение с рабочими отрядами, только что сформированными Лениным и Сталиным, откатились от Петрограда, генерал Людендорф вызвал для беседы о дальнейшем ходе действий генерала Гофмана. Беседа обнаружила некоторые расхождения во взглядах двух генералов. Гофман предлагал «привести в две недели Россию в порядок, сформировать для России приличное правительство и получить для немецкой армии спокойную сырьевую базу». Людендорф, собственно, также ничего не имел против превращения России в немецкую колонию. Но, умудренный опытом империалистической войны, он указал своему подчиненному, как «неблагоразумно во всех отношениях предпринимать что-либо на такой территории, как Великороссия». Людендорф считал целесообразным оставить Россию в покое до тех пор, покада на Западе, по его словам, «мы не решим игру». Причем он развил столь наглые захватнические планы, что если бы генерал Гофман имел право удивляться, удивление застыло бы на его лице на всю жизнь. Но Гофман был генерал кайзеровской выправки, он

ни одним словом, ни одним жестом не выразил своих чувств. А удивляться было чему, ибо Людендорф заявил претензии не только на Украину и Крым, которые «надо занять прочно и навсегда», но и на Месопотамию, Персию, Индию.

Захватнические планы Людендорфа отражали настроения правящих, прежде всего военных кругов кайзеровской Германии, той Германии, уничтожающий портрет которой нарисовал Генрих Манн в романе «Верноподданный», оwoжделениях которой свидетельствуют откровенные речи лейтенанта фон-Вирхова, одного из персонажей повести В. Катаева. Фон-Вирхов говорит на обеде у фельдфебеля Траченко: «Здесь, в этой далекой украинской деревне, за этим грубым крестьянским столом я пью за Индию... Англия задумала нас на Западе. Но путь на Восток идет не только через Стамбул — Багдад. Он также идет через Киев, Екатеринослав, Севастополь. Оттуда германские корабли идут на Батум, Трапезунд. Я вижу Месопотамию. Аравийский ветер дует в лицо германских солдат. Индия! Мы вырвем у Англии сердце». Ober-лейтенант Вирхов любил приставлять к своей фамилии заветное «фон», он еще в юности научился «воздушным движением» укрывать глаз стеклышком моногля, он привык объясняться с денщиком шелканьем пальцев. Разве все это недостаточное доказательство его принадлежности к высшей немецкой офицерской кaste, родившей наглые грабительские планы Людендорфа?

Генералу Гофману Людендорф так определил задачу похода на Восток: «Занятие Украины нашими войсками имеет ближайшую цель — снабжение нас хлебом и сырьем, но занятие Украины нельзя рассматривать, как эпизод». И лейтенант фон-Вирхов, «мечтая об Индии», очень усердно занимался прозаическим делом: собирал с украинских деревень контрибуцию — тысячи пудов пшеницы, сала, овса и сена. И в том, с какой силой советская литература нарисовала картину этого бесстыдного грабежа и отвратительные образы немецких захватчиков, казалось великое патриотическое чувство — лейтмотив произведений о немецкой оккупации 1918 года. Посмотрим на рядовых исполнителей захватнических планов кайзеровской Германии. Вот идут в деревню двое немецких солдат во главе с унтер-офицером. («Я — сын трудового народа»). В кармане последнего — приказ ober-лейтенанта фон-Вирхова населению о доставке немецкой армии «тысячи двухсот пудов жита или пшеницы, двухсот пудов свиного сала, трех тысяч семисот пятидесяти пудов сена и восьмисот десяти пудов овса». Унтер-офицер идет по украинской земле солидно, как завоеватель; при встрече с жителями он «шевелит задранными вверх усами тарахтаньего цвета, надувает пышные щеки и буркает низким басом, как из желудка; мо-оэн». Он уверен в своем праве грабить и убивать. Когда прошли сроки, назначенные д-

доставки продуктов, немецкий унтер-шюб со своими солдатами в украинском селе. Найдя председателя сельского совета, он набрасывается на него, как тюремщик на арестанта: «В упор выкатил глаза, светлые как пули, двинул усами и гаркнул так, что со стола свалилась ложка». Несмотря на то, что в хате было полно народу, унтер пытался арестовать председателя и даже взял винтовку на руку. Не могла успокоить старательного служаку и ночь, проведенная в погребу. Катаев не показал в повести, как докладывал о происшедшем немецкий унтер начальству, но очевидно, этот доклад был причиной дикой расправы немецкого обер-лейтенанта с председателем сельского совета.

Законченный тип немецкого захватчика-грабителя дал Осип Колычев в лице лейтенанта фон-Бельца (поэма «Щорс»). В фон-Бельце соединились типичные для фашистских налетчиков садизм мучителя мирного населения с наглостью завоевателя.

Допрашивая попавшего в плен щорсовского разведчика Грицко, пытаясь получить от него сведения о партизанском отряде, лейтенант от угроз переходит к уговорам и наоборот.

Но ничто не повлияло на разведчика. Он не дрогнул перед врагом. Не подействовало и обещание лейтенанта дать «сто тысяч марок», которые, дескать, вручит ему лично Гинденбург. Разведчик держал себя мужественно, как это подобает советскому человеку.

Лейтенант фон-Бельц на украинской земле расстреливает советских людей, попавших к нему в плен с оружием в руках. Ему доставляет наслаждение издеваться над еврейским оркестром, который по его приказанию целый день без перерыва играет в графском замке. По приказанию лейтенанта выволакивают из хаты «бабу за пеньковую косу» и тащат в суд на расправу. Лупчуют шомполами, вешают «мальчиков иудейской веры» на виселицах. И до тех пор, пока в раздвинутом замке не поцеловала грабителя щорсовская пуля «путиловской отливки», он неутомимо делал свое дьявольское дело.

В изощреннейших попытках и садизме лейтенант фон-Бельц уступает первенство капитану вюртембергского полка из рассказа Яновского «Письмо в вечность». Герр капитан «красноречиво» говорит поднятому со дна озера члену подпольного комитета большевиков — почтальону (тот отживался там с камышиной ворту, дожидаясь часа назначенного восстания), «о чудесном лете и тихих звездах одной в мире родины, о его — почтальона — жизни среди этих прекрасных пустынь на берегу милой речки Пола». Капитан декламирует «о далеких роскошных странах, куда сможет поехать почтальон, жить там и развезжать на деньги гетманского правительства, нужно только сказать, где закопано оружие, когда назначено восстание и адреса руководителей его». Но когда бесстрашный большевик не только не называет никаких адресов, а даже «забывает», как его во-

дут, герр капитан преобразается. По приказанию пленника бросили на плечи ему на плечи и на ноги сели немцы, но потерял сознания. Чтобы выиграть время, почтальон берет его, якобы, показав место, где спрятано оружие. Целый день немцы водили его по селу. И когда, конечно, ничего не нашли, изобретательный немецкий капитан придумывает и вывешивают к поперечной балке в ови его припекали свечкой, к нему приводила мать, которую грозили расстрелять на глазах, если он никого не выдаст. Он пытался человекоподобный садист в лице немецкого капитана сломить и дрогнувшую волю большевика.

Омерзительный образ немецкого шпиона, которого за эгоизм и подлость презирают даже работники своей же разведки, нарисован в романе «Пархоменко» Вс. Иванова. Эрнст Штрауб, сын немецкого полица, родившийся на юге России, в молодости был завербован в агенты тайной немецкой полиции, ее поручения он выполнял всю свою жизнь. Штрауб не брезгал получать одновременно деньги французской и с польской разведки. Он носился с мыслью организовать специальную школу для диверсантов, которые можно было бы засылать противнику в тыл. В деятельности немецкого разведчика в 1918 году Вс. Иванов изобразил наиболее омерзительные способы ведения войны, которые широко применяет нынешняя гитлеровская Германия.

Повесть Толстого «Хлеб» дает яркую правдивую характеристику немецкой армии, рисует ее такой, какой она вошла в историю в сражении с вооруженными силами Украины и Донбассе. В воспоминаниях генерала Гофмана немецкий поход 1918 года на Восток представил блестящим триумфальным шествием, проявлением «старинного прусского духа сволочного дуста». Факты гражданской войны, изображенные в «Хлебе», говорят другим. Они развивают легенду о непобедимости германской армии, сочиненную генералом Гофманом и другими немецкими «мемуаристами». Под Ворожкой отряд Гришина, в котором комиссаром был Ворошилов, попал в окружение. С одной стороны в тыл заходили немецкие драгуны численностью не менее эскадрона спереди — наступала пехота. Вдохновленные Ворошиловым, бойцы сначала отбили драгун, а потом с двумя пулеметами пошли грудью навстречу немецким пехотным цепям. «Ворошилов велел Боку развернуть красное знамя и нести вперед, рядом с собой. Он подобрал винтовки и шел, почти бежал, не нагибаясь по свистящим пулям. Бойцы стали забегать вперед него. Отряд, разгорячась бегом шел на немцев, оглашая степь бешеной руганью. Многие падали, роняя вперед себя винтовку. Немцы не ждали такого натиска — огонь их становился восторопливым, все нервнее... «Ура!» — закричал Ворошилов, проталкиваясь вперед. «Ура!» — закричал Боку, размахивая знаменем. «Ура!» «Ура!» — подхватили Про-

хватили, оба Кривоноса. Солох. Немцы не приняв штыкового боя — воднялись, отстреливаясь, пятились, бежали.

Не обнаружили немцы «старинного прусского духа» и при взятии Харькова. Они уже успели захватить железнодорожный мост, а последний состав, с которым отправлялся начальник штаба 5-й армии Руднев, только вынулся от вокзала, набирая скорость. «Руднев с паровозной площадки начал бить по людям в касках, в зелено-серых мундирах из пулемета. Фигуры в зелено-серых мундирах, не сгибаясь, бежали с насыпи. Поезд надал ходу. По вагонам резнула очередь. Поезд, гремя на стрелках, заутюваясь дымом, сверкая вспышками выстрелов из окон, с крыш, где лежали бойцы, тяжелым ураганом промчался мимо попятывшихся немцев, с грохотом перешел мост и скрылся за поворотом». Особую «быстрогу ног» обнаружили немцы при столкновении с харьковским коммунистическим отрядом — с тремястами отборных бойцов, попавших во вражеское окружение. Хотя положение отряда казалось безвыходным, приказ командира — «Под пулями не ложиться, добрайся до штыкового боя, хлопцы» — был бы выполнен, если бы только враг этот бой принял. Но он предпочел очистить поле битвы.

Не устоял «хваленый прусский дух» и под ударами щорсовских хлопцев-крестьян, на спинах которых не закли кровавые немецкие рубцы. Глава «Конопля» из поэмы Кольчова «Щорс» ярко изображает, как «на украинской земле, в этой самой конопле, колошматили на славу иностранную державу». Часто «колошматили» отборные немецкие части, например 107 ландверный полк, шедший сомкнутым строем, готовый ко всяким неожиданностям. Но когда из конопли застрочили щорсовские «пожарники» (так Щорс называл своих пулеметчиков), немцы ничего не смогли придумать лучшего, как забраться отсиживаться в коноплю — «только касок острия маячат». Воспользовавшись растерянностью врага, Щорс приказал выкатить на шпях пушку. Ее выстрелами были сбиты немецкие одноглавые орлы.

О том, как быстро у немцев насильников «храбрость», проявлявшаяся в расправах над мирным безоружным населением, сменялась панической растерянностью при встрече с организованным отпором народных масс, рассказывает и повесть Катаева «Я — сын трудового народа». Обер-лейтенант фон-Вирхов не поскупился затратить десять гаубичных снарядов, чтобы срывать с лица земли хозяйства Котко и Иваненко, ушедших в партизанский отряд. Но когда открыла стрельбу по немцам партизанская артиллерия, обер-лейтенант даже не пробовал сопротивляться — немецкий отряд отступил в панике, еле успели выехать из села комендантские экипажи.

II

Советская художественная литература, изображая грабительский поход немецких захватчиков в 1918 году, создала яркий образ народа-патриота, целью жизни ко-

торого было и есть — защищать свою священную землю, свое, завоеванное Октябрьской революцией, право строить новую светлую жизнь. Со страниц повести Толстого «Хлеб» и романа Вс. Иванова «Пархоменко» перед читателем выступает славная армия ворошиловских бойцов — шахтеров Донбасса, бедняков — казаков и инопородных, оказавших не только отчаянное сопротивление значительно превосходящему врагу, но и нередко переходивших в контратаки, от которых панически бежали немецкие солдаты.

Вот несколько примеров из повести «Хлеб». Когда врагу удалось неожиданным броском занять станцию Сватово, Ворошилову было приказано отбить станцию. «Исполняя приказ, Ворошилов выбил немцев с ветряных мельниц на буграх из села, сбил их батареи, и, так как конницы у него не было, бойцы долго гнались пехи за вскачь уходящими пушками». И так бывало всегда. При отходе 5-й армии к Луганску немцы догнали ее при переправе через Донец... «Они не смогли сломить сопротивления передовых цепей. Ворошилов в порядке передовых частей на левый берег Дона и позади себя взорвал мост». Особенного напряжения достигли бои 1 мая 1918 года, когда сейчас же после митинга под Каменской Ворошилов повел бойцов в атаку. «Из залитых кровью окопов поднимались командиры отделений, комиссары, вылезли оглушенные, засыпанные землей бойцы и, разевая криком черные рты, разлепляя запыленные землей, налитые ненавистью глаза, спотыкаясь, бежали навстречу гадам — мать их помани — как вилы в сноп втыкали четырехгранные штыки в узкоплечего, задущенного воротником офицеришку, в набитое украинским салом пузо багрового унтер-офицера, уже без всякой немецкой самоуверенности крутящего револьвер, в тощую грудь — бог его прости — немецкого рядового в очках, со вздернутым приличным носом, посланного кровавой буржуазией искать себе могилу в донских степях. И раз, и другой ходили немцы в атаку, но не выдерживали штыковой контратаки, поворачивали и бежали, и уже немало их валялось на поляни или стонали в воронках от снарядов».

«Против иезомного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительно-отечественную войну — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине», — писал тов. Сталин в статье «Украинский узел». Масштабы этой войны ярко передает катаевская повесть «Я — сын трудового народа». Когда Семен Котко вместе с родными покинул станицу, то оказалось, что они не одни должны были «уйти от злыдней». В лесочке, куда они заявили к полудню, их окружило по крайней мере человек сорок белых селян. Через несколько же дней здесь, в лесочке, организовался большой повстанческий отряд, хорошо вооруженный, с собственным штабом, походной кухней, пулеметной командой, конницей и пушкой. Правда, пушка была без передка, без снарядного ящика и даже вначале вообще без снарядов. Но Семен Котко, командо-

вавший ею, уже учил молодых партизан обращаться с оптических приборами, и его уроки не пропали даром. Скоро от повстанческого отряда стали отступать в панике немецкие солдаты. А отряд, все пополняясь свежими силами, превратился в бригаду, потом в дивизию и вступил под знамена РККА.

В романе Н. Островского «Как закалялась сталь» многие страницы посвящены изображению немецкого владычества над Шепетовкой. В них показано, как в партизанское движение неумолимой логикой развития событий должны были втянуться и втянулись все передовые люди, все советские патриоты. Старый машинист Политовский, кочегар Артем Корчагин и помощник машиниста Брузжак под угрозой расстрела были посажены комендантом станции, немецким лейтенантом, на паровоз: они должны были везти эшелон солдат против своих родных братьев — украинских партизан. И хотя у всех у них остались в Шепетовке в качестве заложников семьи, они понимали одно: «Нельзя нам везти. Там бой идет, повстанцы пути повзрывают. А мы этих собак привезем, так они их порешат в два счета». И беспартийные рабочие не привезли немецких собак. Убив часового, они остановили паровоз в пути, а сами скрылись в деревне.

Ненависть советского народа к немецким захватчикам, героизм борьбы украинских партизан нашли яркое изображение в поэме Кольчичева «Щорс». Разведчик Грица, захваченный с оружием в руках, отвечает лейтенанту фон-Бельду:

На кайзера батрачить
Не будет наш мужик!
Тикайте!
А иначе
Возьмем вас за кадык!

Под командованием Щорса партизаны проникают в раздвинувшийся замок, окруженный немецкими войсками, расстреливают фон-Бельда и его подручных.

В рассказе Яновского «Письмо в вечность» трагическая гибель бесстрашного большевика-почтальона изображена на фоне разгорающегося победоносного народного восстания. Трагедия звучит, как «оптимистическая трагедия». «Стойте, — сказал почтальон своим истязателям-немам: — Разве вы не видите идущих по мою душу?» И в далекой темноте родилось множество огней. Они были похожи на пламя свечей... Огни возыхались, рит-

мически поднимались и опускались, они шли с трех сторон, и не было слышно ни шума, ни слов. Немцы начали стрелять огни приближались, высоко плывя над землей... Села над Полем зазвонили все колокола, и их стало слышно на много верст, села над Полем зажгли высочайшие костры, и их стало видно на много верст, из темноты выбежали на немцев повстанцы и пробивались к оружию, над ними плыли в темноте свечи, в тихой воздухе бесновались звуки, далекие пожары, восстание, штурм и энтузиазм восстание...»

Среди советских патриотов, отдавшие все свои силы борьбе с немецкими захватчиками в 1918 году, мы находим людей самых разных биографий. Путиловский рабочий Иван Гора сражается вместе с казачкой Агриппиной Чебрей («Хлеб»); литейщик Бокун, поднимавший руками, когда неудобно было поддать ераном, сорокопудовые отливки, идет в атаку на немецкого бок о бок с бедняком — казаком Прохватовым («Хлеб»); Семен Котк в партизанском отряде встречается с своим старым знакомым — бывшим воле неопределяющимся Самсоновым, который стал командиром батареи («Я — сын трудового народа»). Принимают посильное участие в этой борьбе и отважные советские юноши. В ответ на приказ немецкого коменданта сдать оружие Сережа Брузжак сурово прятает в выкопанную яму три новенькие винтовки, добытые им при раздате большевиками оружия населению, его товарищ Павка Корчагин «разоружает немецкого лейтенанта, похитив со стола его комнаты револьвер («Как закалялась сталь»). Коренными чертами характер великой миллионной семьи советских патриотов являются те черты, которые определил великий Сталин, как основные: храбрость, отвага, незнание страха, борьба, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины.

Грабительским планам коварного врага поработить народы Советского Союза товарищ Сталин противопоставил всепородную отечественную войну, целью которой «является не только ликвидации опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, страдающим под игом германского фашизма: В дни этой великой отечественной войны советского народа живы героические традиции партизанского движения 1918 года. Приумножаются подвиги бесстрашных советских патриотов, увековичив славу нашу любимую родину-мать.

В. Красильников

ПЕВЕЦ ПАТРИОТИЗМА И ГЕРОЙСТВА

Имя Джамбула широко известно и любимо. Его песни знают наизусть повсюду. Простые, мудрой красоты слова его стихов глубоко западают в душу, вызывают горячий отклик. И это прежде всего потому, что его песни — правдивый, чисто-

сердечный отзвук народных чувств, душ переживаний.

С гордым и неоспоримым правом народного певца Джамбул мог сказать о себе:

Джамбул — это имя простое мое,
Народ — настоящее имя мое.

Родина, честь, свобода, любовь к советской земле, к господствующему в нашей стране разумному и справедливому порядку; вдохновенный труд рабочего, колхозника, ученого, художника; благородная сталинская дружба народов Советского Союза; героизм Красной Армии; непоколебимая верность двухсотмиллионного народа своему великому вождю — все, что так дорого советским людям, что составляет смысл их жизни, неизменно находит в песнях Джамбула свое поэтическое воплощение.

Неумолчна его домбра. Его голос — как «ветер, веющий в степях», как «гром, грохочущий в горах». И всякий раз, когда происходят великие события в народной жизни, слышится и голос Джамбула, его страстное слово советского патриота.

Песни Джамбула — это поэтическая летопись сталинских пятилеток, исторических годов героического труда и великих побед. Народ-созидатель, народ-творец возвел города, построил фабрики и заводы с самой передовой техникой, высоко поднял науку и искусство, обработал поля тракторами и комбайнами, прорыл каналы, сделал плодородными пустыни. Землю свою, обильно политую кровью отцов и дедов, защищавших ее от вторжения иноземцев. — родную землю свою народ-творец обратил в цветущий сад, оградил стальной броней.

Ала-тау, Алтай, Кавказ,
Перевалы, снега, песок —
Опоясанный сталью рельс,
Необъятный лесной Восток;
Запад мой — Украина-сад,
Белый яблоневый цветок;
Север мой, где в пловучих льдах
Ветер грозных морей жесток;
А российских полей простор —
От Китая до Крымских гор,
И Уральский крутой хребет —
Позвоночник моей земли;
Вон Арал — голубой платок.
И, как солнце, для всех видна
Золотая моя страна.

Прекрасна родина наша. Песни Джамбула как бы напоены чистым воздухом ее полей, гор, лесов, степей. А на фоне этой чудесной природы выступают советские люди — могучий, свободолюбивый, благородный народ.

Это Сталин, солнце земли,
Наших новых людей взрастил!
Он для родины их взрастил:
Для озер с голубой волной,
Для лесов, встающих стеной.

Родина и народ нерасторжимы. Советские люди и родина составляют единое целое — единую жизнь.

«Родина — это народа душа, — говорит Джамбул. — Душу от тела кто оторвет?»

Советские народы едины. Джамбул воплощает это единство в конкретном образе: по зову Сталина на смертный бой с врагом ринутся все советские республи-

ки, «и руки высунутся из одного рукава, и слова вырвутся из одной гортани»:

Встанут Сталина сыновья,
В камень втопчут врага в боях,
И по ветру развеют прах.

Девяностопятилетний старец Джамбул — сверстник целого века по времени; а по укладам, которые он застал, — свидетель тысячелетия. В обездоленных и ранее одичалых степях своих он видел рабство неприкрытое, разбойничье, невольничьи рынки с закованными в цепи рабами; он видел девушек, влекомых на аркане; сожженные пепелища родных очагов. Он испытал национальное угнетение, прикрытое законами крепостников; насилия баев, феодалов и всяческих других эксплуататоров. Было в глубокой древности время, когда по степям Казахстана перекатывались орды Чингиса и Тамерлана. Разрушение, смерть несли они народам. Кровавый их след не забывает народная память:

Вспомни старое, старик...
Был Чингис. Был джиг его гик!
Вместо песни — пение пик,
Мясо детей на них, как шашлык.

Далекую и страшную эту старину Джамбул вспоминает, чтобы сказать: в наше время есть враг народов Советского Союза и всего передового человечества, — чудовищнее всех извергов, убийц и палачей прошлых веков. Это — германский фашизм. Все зло веков — кровожадность, мракобесие, изуверство — вобрал в себя людоед Гитлер, чтобы обрушить на светлый день нашей родины.

Талантливые, трудолюбивые, героические народы СССР, величием и благородством которых восхващается весь мир, фашизм хочет обратить в рабов. Он хочет выжечь наши земли, испакостить, загадить воздух, которым мы дышим, обесчестить жен наших, сестер, дочерей, уничтожить детей.

Тлетворнее чумы, гнуснее саранчи фашистская орда. Огненной стрелой летит песня Джамбула. Кипит в песне народный гнев и священная ненависть к вероломному, лютому врагу.

Обрушим скалы на него,
Чтобы попятился, дрожа.
Потоком хлынет вражья кровь:
Враг крови жаждет — будет сыт.
Своею кровью будет сыт.
Пусть захлебнется он в крови.
Врага, как жабу, раздави
Железом танковых копыт...
Врагам у нас пощады нет,
И в песне пуля говорит.
Швырни обратно голову —
Пусть вражий дом дотла сгорит.

В первую же неделю войны песня Джамбула «Пуля врагу» разнеслась по всей стране. Ее подхватили миллионы бойцов на фронте и в тылу. В ней выражены

чувства и мысли советских патриотов, их готовность принять смертный бой, их непреклонная воля к победе.

Коварен враг, вооруженный до зубов. Но советскому народу неведом страх.

«Мою страну врагу не застраховать», — говорит Джамбул.

Народ умеет землю защищать,
Народ умеет бить врага и жить
И родиной великой дорожить.

Самые проникновенные, исполненные глубокой любви слова обращает Джамбул

к великому вождю — отцу народа — Сталину, к героической Красной Армии.

Нападали полчища
из-за всех морей
В прах ты их разбил —
Не собрать костей.

Гитлер напал на народ богатейшей, и вражеские полчища постигла грозная судьба.

Песни Джамбула — песни справедливой войны, прекрасные песни патристизма, народной чести и героизма.

Корабельников

О ГЕРОИЗМЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ¹

Я свое место в строю найду,
Буду с песней дружить.
Не умирать я в бой иду,
А побеждать и жить.

Эти строки Алексея Суркова даны эпиграфом к одному из произведений, помещенных в вышедшем недавно сборнике «В снегах Финляндии». С полным правом они могли бы быть отнесены и к книге в целом: война с белофиннами была войной за безопасность наших границ, за счастье, за свободу, за жизнь советских людей. Борьбой за жизнь, за существование, за свободу всего человечества в еще большей степени являются невиданные в истории бои, которые сейчас ведет наша славная Красная Армия с кровавыми фашистскими каннибалами.

Среди жалких шалафов, которые потянулись к крупному хищнику в надежде получить клочок ушка не убитого еще медведя, нашла себе место и финская военщина, забывшая, очевидно, уроки недавнего прошлого и ничему не научившаяся. В дни отечественной войны исключительный интерес приобретают простые, но искренние заметки, очерки, рассказы, воспоминания о штурмовых днях, когда прорвал железобетонный восток линии Маннергейма, Красная Армия поставила врага на колени и заставила его просить мира и пощады.

«Эта война еще не нашла своего летописца. И вообще у нас слишком мало написано о замечательных, исключительно героических подвигах наших частей и отдельных людей в период финской кампании», — говорил М. И. Калинин на собрании, посвященном двадцать третьей годовщине Октябрьской революции. Мы не имеем пока больших художественных полотен, рисующих тип советского патриота, его героизм в советско-финской войне. Подавляющее большинство произведений на эту тему — это очерки и воспоминания участников войны, фронтовые дневники и

литературная обработка материалов красноармейских газет. Столь большой интерес имеет в основном и читаемый материал.

Составлен он из разнообразного материала. Рядом с рассказами писателей Н. Тихонова, Б. Лавренко, С. Васьневца, М. Аргутинской помещены газетные и журнальные очерки, выступления писателей — участников боев в военных корреспондентов — В. Стеллецкого, Б. Лихарева, В. Ильенкова, П. Гурьянова, А. Исаева, М. Чумандрина, Л. Соболева и других. В сборнике напечатаны также письма младшего командира Н. Митрофанова, во время отбывавшего механиком на заводе ЦАГИ. Повесть Митрофанова является главным всему сборнику, — первое его произведение.

Ознакомившись с содержанием напечатанных в сборнике материалов, читатель обнаруживает в нем единство мысли и чувств, единство замысла. Захватил этот — в воспитании, в воспитании патристичности, смелости, патристичности.

Любая книга о Красной Армии и о войнах, в которых она участвует, о ее бесстрашных боях и мужественных командирах может быть лишь чертой к героизму. Духом мужества и патристичности проникнута каждая страница рассуждающей книги, посвященной героическим событиям войны 1939—1940 г. В этой войне с большой силой проявились замечательные качества советского народа. Разумный героизм, подлинный патристизм и высшей цели — достижению победы — не исключительное, а будничное качество боевой жизни нашей армии. Это тот героизм, о котором говорит в сборнике Владимир Давиденко: «Храбрость, видеть путь бездоговорно к победе, а значит и к окончательной цели. Если вы храбры, вы все сделаете, вы учитываете, и опомнитесь, вы не сдадите. Попробуйте перебежать Тибетскую стену, пройдя кругом. Вот вы и разгадали, а вы идите ловко, чтобы видеть все, как надо — перейдете».

Бесстрашие воинов Красной Армии не четается с точным расчетом, с планом военного дела. Только такой расчет может принести победу. Только такой расчет героизму нужно учить.

¹ «В снегах Финляндии». Рассказы, очерки, воспоминания участников. Москва, 1941 г. Гослитиздат. Стр. 330. Цена 3 р. 50 коп. Тираж 25 000.

Рассказы о героизме Красной Армии, собранные в книге, имеют именно с этой точки зрения большую познавательную и воспитательную ценность. Здесь нет фальшивой красоты, сглаживания, лакировки суровой действительности. Это правдивая и суровая книга. В ней большие, умные, смелые люди живут, борются, побеждают. Немало и умирает. Умирают, ибо без жертв не может быть победы. Но каждая смерть — подвиг, совершенный во имя жизни. Враг коварен, жесток, умело использует природу и технику. Много воли, энергии, сил, знания, умения нужно было приложить для того, чтобы завоевать победу. И она была завоевана героизмом советских патриотов.

Вся книга в целом — это яркий рассказ о том, как героическая Красная Армия штурмовала белофинские твердыни в исключительно тяжелых условиях жестокой зимы, пробираясь сквозь непроходимые финские леса и незамерзающие болота, засыпая противотанковые рвы, выворачивая танками гранитные надолбы, растаскивая завалы и разрывая проволочные заграждения в несколько десятков рядов под кинжальным огнем сотен дотов.

«Пушки неистовствовали... Ливни пуль проносились по низинам, шатались и падали деревья, широким дымным веером горели предместья города, а по вечерам по горизонту стояли языки пламени, и гул канонады не прекращался... Войцы, устремившиеся вперед, иногда останавливались, падали в снег, зарывались в него или припадали за валуны... И когда подымался командир и кричал: «За Родину! За Сталина! Вперед!» — его крик не могли слышать все, так как командир охрип, и слышали его только ближайшие, но у всех был на губах этот крик, и все понимали сердцем, что закричал командир, и бросались на врага с новым ожесточением». (Н. Тихонов. «Рассказ о капелмейстере».)

Любовь к родине, к народу, к Сталину была той движущей силой, которая превращала вчера еще незаметных и скромных советских людей в героев. Лейтенант Денисенко с пятью бойцами во время атаки попадают в окружение. Шесть человек с ограниченным запасом патронов против нескольких десятков автоматов. Но бойцы, помня о родине, продолжают бой. «Винтовки превратились в пулеметы, а яма в снегу стала смертоносной ДОТ». Когда была выпущена последняя пуля и финны снова бросились в атаку, в ход пошли гранаты... «Последняя граната полетела, и, с ее взрывом, Денисенко увидел, как несколько человек бросились назад. За ними отпрыгнули остальные. Мокрой от пота и снега рукой Денисенко пожал руку соседа. Он взял винтовку. — Ничего, — сказал он, — подумаешь — гранаты! У нас были еще штucky. Мы не могли пропасть». (В. Агапов. «Пятьбарантский дневник»). «Мы не могли пропасть», — так могли сказать командиры и бойцы Красной Армии — лейтенант Денисенко, танкист Дудко, капитан Угрюмов, генерал-майор Копшуба, — замечательные советские люди, для которых жизнь — это борьба за Родину, за коммунизм.

Они были уверены, что не пропадут потому, что боевая дружба, взаимная мощь, товарищество — железный красноармейской этики.

Эта боевая дружба, товарищество по-настоящему проходят через весь сборник. Скупными словами, но с глубоким и креним волнением рассказывает об этом Н. Митрофанов.

«Мы хорошо знали друг друга, мы много потеряли товарищей, и теперь, в решающими боями, стойко защищая друг друга. Мы помогали друг другу, и выручали друг друга из беды, мы ставляли небольшой, но железный кулак. Ежедневно в опасности, ежедневно перед лицом смерти. Все это заставляло нас слиться в одну монолитную семью. Мы знали, кто из нас завтра будет выручать друга из беды. Но мы любим друг друга. Это любовь огрубелых в войне мужиков. Это внимание и забота о каждом человеке в отдельности. Только тогда боец любовь, когда он почувствует, что он узнает и воочию убедится, что он заботятся, что его берегут от всевозможных случайностей войны. Тогда он берет эту любовь и будет дорожить ею».

Движимый этим чувством боевого товарищества, мужественной любви военный лыжник Арон Копштейн, поэт и студент Московского литературного института подставляет себя под пули, чтобы выкачать раненого бойца. Под свинцовым дождем выбегает из своего танка Дудко, чтобы помочь соседу, попавшему в трудное положение.

Теме боевой дружбы посвящен рассказ В. Лавренева «Друзья» и очерк А. Исаха «Два капитана», написанные в разной манере, на разном материале, но проникнутые одинаково теплым чувством.

Десятки героев проходят перед читателем. Все они — простые советские люди, когда страна вручила им в руки оружие и послала па защиту границ, они стали героями. Они — летчики, танкисты, водники, связисты, пехотяцы. Они совершают разные подвиги, но все эти подвиги — проявление патриотизма советских людей. Это — то общее, что объединяет их...

Проблема героического характера занимает особое место в сборнике. Далеко не во всех произведениях сборника проблема эта разрешена. Герои очерков и рассказов книги часто очень похожи друг на друга. Тем более интересными становятся те произведения, в которых на фоне общего особенно ярко раскрывается индивидуальное.

Удался Маршаку и Твардовскому очерке, еще ранее напечатанном в «Зимени» (№№ 6—7, 1940 г.), индивидуальный портрет генерал-майора Копшуба, сочетавший в себе неповторимые черты частной биографии с типическими качествами советского патриота. Бесстрашие известное всему Советскому Союзу танкиста, поведение на линии огня, его боевая находчивость и сметка, его отношение к бойцам и подчиненным командирам — итог результат его прошлого: деятельный революционер-большевик. В. Н. Копшуба вырастает в собирательный, олицетворяющий образ советского полководца.